

Додонов И.Ю., Смирнов В.В.

12+

Ватутин против Манштейна: битва
полководцев

Книга первая. До столкновения

**Игорь Юрьевич Додонов
Владимир Владимирович Смирнов
Ватутин против Манштейна.
Дуэль полководцев. Книга
первая. До столкновения**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66350986

SelfPub; 2021

Аннотация

Эти два полководца противостояли друг другу в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны – лучший стратег Третьего рейха Эрих фон Манштейн и один из ведущих советских военачальников Николай Федорович Ватутин. Их дуэли всегда носили острый и драматический характер, ибо состязались в них равные по степени военной одарённости полководцы с весьма схожими взглядами на методы и способы ведения операций. Новая совместная книга устькаменогорских авторов И.Ю. Додорова и В.В. Смирнова, являясь первой в серии, рассказывает о биографиях советского и немецкого полководцев до начала Великой Отечественной войны. Рассмотрение этапов жизни Н.Ф. Ватутина и Э. Манштена ведётся на фоне исторических событий той бурной эпохи, что, безусловно, позволит лучше понять условия, в которых эти два человека сформировались

как военачальники. Итак, «Ватутин против Манштейна. Дуэль полководцев. Книга первая. До столкновения».

Содержание

**Игорь Додонов,
Владимир Смирнов
Ватутин против
Манштейна. Дуэль
полководцев. Книга
первая. До столкновения**

...Судьба войны столкнёт Ватутина и Манштейна на полях сражений под Псковом и Сталинградом, на Курской дуге и в Левобережной Украине, на Днепре и в Правобережной Украине. На главных стратегических направлениях борьбы будут действовать молодой советский генерал, заместитель начальника Генерального Штаба Советской Армии, и заместитель начальника генштаба германской армии,.. начавший службу в геншта-

бе

за 22 года до того, как её начал Ватутин.

М.Г. Брагин

«Ватутин. Путь генерала. 1901 – 1944».

ОТ АВТОРОВ

Слова советского писателя М.Г. Брагина, взятые эпиграфом к данной работе, очень точно отмечают то обстоятельство, что Николаю Фёдоровичу Ватутину, одному из лучших советских военачальников периода Великой Отечественной войны, и Эриху фон Манштейну, носящему ныне чуть ли не официальный титул лучшего стратега Третьего рейха, пришлось противостоять друг другу на решающих участках битвы, которую вела наша страна с фашистской Германией.

Кроме того, любопытные совпадения есть в послужных списках двух военачальников. Как будто та самая судьба, которая столкнёт их на поле боя, первоначально присматривалась к этим людям, определяя их «весовые категории» и степень остроты грядущего противоборства.

Надо заметить, что, по мнению авторов книги, которую читатель сейчас держит в руках, Николай Фёдорович Ватутин действовал весьма успешно в большинстве полководческих дуэлей с Манштейном. М.Г. Брагиным верно обозначены этапы противостояния, в которых Н.Ф. Ватутин брал верх над Манштейном: Ленинградское направление в июле 1941 года, Сталинград, наступательные операции на Среднем Дону («Малый Сатурн») и в междуречье Дона и Северского Донца (Миллерово-Ворошиловградская операция) в конце 1942 – начале 1943 года, Курская дуга, освобождение Левобережной Украины, форсирование Днепра и освобождение Киева и, наконец, успешное проведение Житомирско-Бер-

дичевской и Корсунь-Шевченковской наступательных операций в конце 1943 – начале 1944 года (последняя во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта под командованием И.С. Конева), которые явились важными этапами в освобождении от гитлеровских захватчиков Правобережной Украины. И недаром в штабе Манштейна Н.Ф. Ватутина прозвали Гроссмейстером [12; 1], [82; 1].

Конечно, были у Н.Ф. Ватутина неудачи и промахи. Собственно проигранной Манштейну явилась только одна операция – операция «Скачок» в феврале 1943 года. Во многом именно вследствие этой неудачи войск Юго-Западного фронта, которым командовал Н.Ф. Ватутин, его соседу справа, Воронежскому фронту, пришлось вновь сдать немцам Харьков и Белгород и отступить.

Безусловно, можно найти какие-то недочёты и промахи в действиях генерала и в последующих операциях. Во всяком случае, некоторые современные российские исследователи старательно эти недочёты и промахи Н.Ф. Ватутина выискивают. Но тут хотелось бы заметить следующее. Во-первых, как говорится в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»: *«Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны»*. Т.е. судить со стороны да ещё по прошествии множества лет всегда легче, чем принимать решения и действовать, находясь непосредственно в эпицентре событий. Словом, легко быть умным задним умом. Во-вторых, множество тех промахов, которые приписывают Н.Ф. Ватутину сейчас

и даже приписывали тогда, в годы Великой Отечественной войны, при ближайшем рассмотрении либо промахами не являются, либо являются следствием объективных причин, к которым, в частности, зачастую надо относить и действия противника (причём, противника очень сильного, каковым были и немцы вообще, и конкретно визави Н.Ф. Ватутина Манштейн). В-третьих, всё-таки в подавляющем большинстве столкновений с Манштейном генерал Н.Ф. Ватутин вышел победителем.

Учитывая последнее обстоятельство, тенденция к безудержной (и, на наш взгляд, даже иногда абсолютно некорректной критике) советского военачальника при одновременном признании чуть ли не гениальности Манштейна, как лучшего стратега Третьего рейха (у ряда авторов), выглядит более чем странно.

Скажем, в трудах довольно известных (и, отметим, вполне заслуженно известных) современных российских исследователей можно прочесть такие вот пассажи в адрес Николая Фёдоровича:

«Честно говоря, есть ощущение, что сам командующий фронтом (речь идёт о Н.Ф. Ватутине – И.Д., В.С.) отдавал этот приказ без всякого напряжения, во всяком случае, умственного (выделено нами – И.Д., В.С.). Совершенно непонятно, как можно одновременно прочно занимать оборону, окапывая и маскируя танки, и готовиться к переходу в контрнаступление. Причём, окапываться нужно было но-

чью с тем, чтобы перейти в наступление утром. **Бред какой-то** (выделено нами – И.Д., В.С.)» [5; 271 – 272].

«Командующий же Воронежского фронта (т.е. Н.Ф. Ватутин – И.Д., В.С), пренебрегая страшными уроками обеих предшествующих Харьковских операций 1942 и 1943 годов, готовился наступать, поэтому к созданию оборонительных рубежей отнёсся формально... Именно формальным отношением Ватутина к вопросу обороны объясняется и плохая организация столь шумно разрекламированной им артиллерийской подготовки, когда огонь вёлся не по целям, а по площадям (выделено нами – И.Д., В.С.) [45; 170 – 171].

Оба процитированных автора упрекают генерала Н.Ф. Ватутина немного-немало в непрофессионализме. И мозги-то он «не включал», отдавая приказы, и уроки прежних операций не учитывал, и оборону готовил формально и плохо, и даже артподготовку не мог толком провести. Вот какой, оказывается, Н.Ф. Ватутин был недоучка. А если мы учтём, что оба процитированных отрывка касаются роли Н.Ф. Ватутина в Курской битве, одной из решающих битв Великой Отечественной, то, как говорится, увы и ах для Ватутина. Прочтёт такое современный молодой человек, который в советской школе не учился, книг советской эпохи не читал и фильмов не смотрел, и вынесет он о Николае Фёдоровиче вполне определённое и однозначное представление.

Хотелось бы всё-таки напомнить коллегам-историкам об

объективности, историзме и ответственности. Уважаемые коллеги, от вашего слова многое зависит. Не надо забывать про это. Поливать грязью советскую страну, армию, советский народ, советских военачальников, право, много кому есть (резунам, бешановым, солонинным, верёвкиным нынче несть числа). Если уж и вы, настоящие исследователи, опускаетесь в своей критике до огульности, то остаётся только руки развести («О времена, о нравы!»).

Ну, а коли взглянуть на дело объективно и непредвзято, то можно задаться вопросом: если раньше (в советскую эпоху) Н.Ф. Ватутина хвалили, то, очевидно, какие-то основания к этому были. И не за красивые же глаза получал он звания, награды и должности. При Сталине такое не практиковалось (уж, во всяком случае, во время войны – точно). Очевидно, получал Н.Ф. Ватутин всё это за конкретные дела и заслуги. Тогда к чему это огульное и пренебрежительное охаивание? Почему в нашей стране, если уж возносят, то в заоблачные высоты (и поют дифирамбы и «Славься, славься...)? Но если у вознесённого таким образом человека (а зачастую к подобному «вознесению» человек и руки-то не приложил; скажем, тот же Николай Фёдорович Ватутин при жизни был очень скромн, а поскольку погиб во время войны, то и мемуаров не оставил, в которых задним числом мог как-то повосславлять себя, любимого) нашли какие-то ошибки, то с небес его свергают сразу в грязь и топчут в неё, и поливают ей столь же основательно, как раньше возносили ввысь.

Почему не знаем мы золотой середины? Говоря другими, более научными, словами, почему не умеем мы объективно подходить к оценке деятельности того или иного исторического лица? От излишней это нашей эмоциональности, что ли?

Ну, вот, собственно, отталкиваясь от данных вопросов и определили мы задачи, которые будут решаться в нашей работе.

Книга не будет апологией Н.Ф. Ватутина или его панегириком. Она не будет и его биографией. Биографических книг об этом прославленном советском военачальнике написано достаточно. Уж тем более работа не явится биографией Манштейна и критическим разбором его деятельности. Само собой разумеется, что ни восхвалять немецкого фельдмаршала, ни защищать его авторы не собираются по вполне понятным каждому нашему нормальному гражданину соображениям (о ненормальных, в моральном, а не психическом аспекте, говорить, естественно, не берёмся).

И всё же понемногу от всего этого (не исключая и объективной оценки высоких профессиональных качеств Манштейна) в книге будет.

Её главным героем (если уместно применение такого термина, когда речь идёт о научно-популярном, а не художественном произведении) является советский генерал Николай Фёдорович Ватутин. Именно безудержная критика в его адрес, раздающаяся в последнее время, побудила нас взять-

ся за эту работу. Не будем скрывать, что желание защитить Н.Ф. Ватутина огромно. Но в освещении его деятельности постараемся быть, как и положено историкам, максимально добросовестными и объективными. Не уходя от рассказа об ошибках полководца, его неудачах, всё же не будем забывать его успехов и побед. Как говорится, факты вещь упрямая. Они-то и позволят нам сделать вывод – кем же был Н.Ф. Ватутин: действительно одним из лучших советских военачальников, каковым называли его в советскую эпоху, или весьма посредственным, а то и попросту бездарным военным на высоких командных должностях, как рисуют его некоторые авторы «демократической» поры?

В конце концов, факты будут изложены (добросовестно и объективно), а читатель может сделать и свои выводы, если не устроят его наши.

Однако вполне закономерен вопрос: ну, а Манштейн-то тут при чём? Зачем было выносить его имя в заглавие книги?

Собственно, немного выше, в начальных строках авторского вступления, об этом уже говорилось: Н.Ф. Ватутин столкнулся именно с Манштейном в крупнейших и решающих битвах Великой Отечественной. И именно в этих битвах были одержаны им те победы, за которые его раньше хвалили, и допущены те ошибки, за которые его теперь ругают. Словом, Манштейн явился своеобразным оселком для полководческих способностей Н.Ф. Ватутина, его профессиональных умений и навыков.

Приступая к работе над книгой, мы задавались вопросом, каким образом изложить материал. Самым очевидным и простым вариантом казалось рассмотрение конкретно тех операций, в которых Н.Ф. Ватутин и Манштейн «дуэлировали» друг с другом. Выбор данного способа подачи материала заставил бы написать ряд глав или даже очерков, посвящённых тем или иным операциям. В таком случае «за бортом» остались бы многие факты из жизни советского и германского военачальников. И в этом не было бы ничего страшного, если бы писалась сугубо профессиональная вещь, посвящённая разбору военно-исторических проблем. Но в том-то и дело, что жанр научно-популярной литературы требует более широкого подхода к рассматриваемым вопросам. Во-первых, потому, что массового читателя будут интересовать и биографические подробности, и исторические условия, в которых проходило профессиональное становление военачальников, и протекала их деятельность (как до момента встречи на поле боя, так и во время последней). Во-вторых, по той причине, что факты биографии и исторические условия могут кое-что прояснить и в вопросах, относящихся непосредственно к моменту противостояния двух полководцев.

Посему нам пришлось всё-таки остановиться на хронологическом изложении фактов жизни Н.Ф. Ватутина и Э. фон Манштейна. Однако при этом уделено значительное внимание и рассмотрению некоторых проблем, связанных с теми

глобальными историческими событиями, участниками которых явились советский и немецкий военачальники.

Можно сказать, что книга носит как биографический, так и хроно-тематический характер. О результатах такого подхода судить читателю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВАТУТИН. ПУТЬ ОТ КРЕСЬЯНИНА ДО ГЕНЕРАЛА

ГЛАВА I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Жизненный путь Николая Фёдоровича Ватутина является очень яркой иллюстрацией того, каким благом для русского и других народов бывшей Российской империи явилась Великая Октябрьская Социалистическая революция, какие она открыла основной массе представителей этих народов перспективы, какие дала возможности, сколько талантливых людей из простых трудящихся получили благодаря ей путёвку в жизнь, настоящую жизнь, полную больших дел, свершений и надежд. Только за эту новую светлую жизнь пришлось побороться и пострадать. Но уж таков закон: «В борьбе об-

ретёшь ты право своё...»

Николай Фёдорович Ватутин родился 16 декабря 1901 года в селе Чепухино Валуйского уезда, входившего тогда в Воронежскую губернию (ныне это село Ватутино Белгородской области).

У Фёдора Григорьевич, отца будущего полководца, и Веры Ефимовны, его матери, было ещё четыре сына и четыре дочери. Это большая семья долгое время входила составной частью в ещё большее семейство Григория Дмитриевича Ватутина, насчитывавшее около тридцати человек и включавшее семьи братьев и сестёр Фёдора Григорьевича. Подобные большие семьи, состоявшие из двух, а то и трёх поколений родственников, были в то время в русских деревнях довольно частым явлением¹.

Дед Николая Григорий Дмитриевич был человеком строгим, немногословным, но уважаемым в селе. Внешняя замкнутость и суровость сочетались в нём со справедливостью и отзывчивостью. Не было такого случая, чтобы он не помог человеку, попавшему в беду.

В своё время дед Григорий отслужил долгих восемнадцать лет в русской армии, в кавалерии. Принимал участие в русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов. Словом, был бывалым солдатом. И кто знает, не рассказы ли деда, к кото-

---

¹ Из такой же вот большой семьи, проживавшей в одном из сёл Пензинской губернии (затем области), вышел и прадед одного из авторов данной книги – Артём Додонов.

рому Николай Фёдорович всегда относился с огромным уважением и любовью, заронили в его сердце тягу к военному делу.

Большая семья Ватутиных не бедствовала, но и жила небогато, была по существовавшей тогда градации середняцкой. Однако чтобы удержаться в положении середняков, поддерживать весьма скромный достаток, Ватутиным приходилось очень много и тяжело трудиться. Работали все, включая и малых внучат. Так что, каков он, крестьянский труд, Николай Фёдорович узнал с самых ранних лет.

Нелёгкой была доля крестьян во всей дореволюционной России. И Ватутины в этом смысле не составляли какого-то исключения. Лучшие земли после освобождения от крепостного права в Чепухино, так же как и повсеместно, остались за помещиками. Крестьянские наделы располагались чересполосно, ежегодно перемерялись и переделались, чтобы соблюсти справедливость и всем членам общины предоставить столь немногочисленные плодородные участки. в основном же почва крестьянских наделов была худородной («неудобь» называли её крестьяне) – камень, мел, пески. Белгородчина вообще не отличается плодородием земель. В такой земле застревали сохи (плуг в крестьянских хозяйствах был редкостью). Тянувшие сохи лошади надрывались, рвалась сбруя, выбивались из сил работавшие на пахоте люди. И, кроме того, располагались крестьянские наделы довольно далеко от села – в 10 – 12 километрах. Очевидно, по всем этим при-

чинам урочища, где находились поля Ватутиных и их односельчан, носили столь характерные названия: Мелки, Гнилуши, Дальние [8; 4].

Прокормить с подобных наделов большое семейство Ватутиных было очень трудно. Поэтому Григорий Дмитриевич арендовал за высокую плату участки более плодородной помещичьей земли.

В Чепухино была начальная школа, так называемое земское одноклассное училище с четырёхлетним сроком обучения. Обучение в нём было бесплатным. Учителем в школе работал замечательный педагог Николай Иванович Попов. Настоящий подвижник, каких среди сельских учителей было в России в то время немало, он вкладывал душу в своё дело, был для своих учеников не только учителем, но и воспитателем. Именно он разглядел в Коле Ватутине большие задатки, сочетавшиеся у мальчика с жадной жаждой знаний, настойчивостью и упорством.

Сельскую школу Николай закончил первым учеником. Но дальнейшее образование, которое надо было продолжать в Валуйках, в двухклассном земском училище, было платным, а эту плату отец Николая, выделившийся к тому времени из общей семьи, обеспечить не мог. Как не хотелось Фёдорову Григорьевичу, чтобы сын продолжал учёбу, но позволить этого семья себе не могла.

На помощь пришли сельский учитель и дед Григорий. Их скромные сбережения ушли на оплату обучения Коли Вату-

тина в земском училище в Валуяхах.

Им не пришлось краснеть за ученика и внука. Коля и это обучение закончил с отличием.

Николаю Ивановичу Попову удалось выхлопотать для своего тёзки стипендию у земства для обучения в коммерческом училище города Уразово, поступив в которое, Николай Ватутин продолжил своё образование.

Но, несмотря на успехи в учёбе и явные способности, закончить училище Николаю не удалось – через четыре года выплату стипендии прекратили. Видимо, судьбе не угодно было, чтобы Н.Ф. Ватутин пошёл по коммерческой линии.

Вернувшись в родное село, Николай работал в отцовском хозяйстве, обучал своих младших братьев и сестёр, упорно занимался самообразованием.

Как человеку грамотному, ему удалось устроиться писарем в волостное правление. Какое-то продвижение по службе в правлении – это, пожалуй, вся карьера, на которую мог тогда рассчитывать способный крестьянский парень Николай Ватутин.

Но грянула Октябрьская революция, круто изменившая судьбу Николая Фёдоровича, как и жизнь миллионов людей в России.

В Чепухино была установлена Советская власть. Крестьяне получили возможность поделить между собой плодородные помещичьи земли. Николай Ватутин, как самый грамотный в селе и, несмотря на свою молодость, уважаемый одно-

сельчанами человек, был выдвинут ими для обмера участков. казалось, сбылась вековая мечта крестьян – свободно жить и работать на хорошей, плодородной земле, иметь достаточные земельные наделы.

Однако в стране началась гражданская война. А в Чепухино пришли оккупировавшие близлежащую Украину немцы. После ухода последних здесь появились войска националистических украинских правительств (сначала гетманского, а затем петлюровской директории). Затем их вышибли отсюда войска белогвардейцев Деникина. И всё это время Валуйский уезд был одним из районов действий банд батьки Махно.

Вдоволь за два с лишним года насмотрелся молодой Николай Ватутин на бесчинства и насилие, творимые под разными флагами (кайзеровским, жёлто-блайкитным, российским триколором, чёрным анархическим). Поэтому когда в Чепухино была восстановлена Советская власть, вопроса о выборе пути у него не возникало – весной 1920 года восемнадцатилетний Н.Ф. Ватутин вступает в ряды Красной Армии, навсегда связав с ней свою судьбу.

ГЛАВА II

КОМАНДИР КРАСНОЙ АРМИИ. ЭТАПЫ СЛУЖБЫ (1921 – 1939 ГОДЫ)

Первоначально Н.Ф. Ватутин был зачислен красноармейцем в 3-й запасный полк, а затем переведён в 11-й запасный батальон, базировавшийся в Луганске.

С первых шагов в армии красноармеец Ватутин зарекомендовал себя как дисциплинированный, трудолюбивый, а главное – смелый в бою солдат. Принять боевое крещение ему пришлось очень скоро – уже весной 1920 года он участвовал в боях с махновскими бандами в районе Луганска и Старобельска.

Когда в апреле 1920 года началась война Советской России с панской Польшей, Николай Ватутин подал один за другим три рапорта об отправке его на польский фронт. Но во всех трёх случаях ему было отказано. Вместо фронта осенью 1920 года молодого красноармейца отправили учиться в Полтавскую пехотную школу.

Впрочем, и здесь Н.Ф. Ватутину, как и его товарищам, приходилось не только учиться – красные курсанты принимали активное участие в борьбе с махновскими бандами. Так что теория обучения самым непосредственным образом сочеталась с практикой.

Во время обучения в Полтавской пехотной школе, в 1921 году, Н.Ф. Ватутин вступил в ряды РКП(б).

В этом же году начался сильный голод в Поволжье, на Украине и в ряде соседствующих с ней районов. Причиной его стала мощнейшая засуха, которая, наложившись на разорение, царившее в стране после нескольких лет мировой

войны, гражданской войны и интервенции, привела к страшной катастрофе.

Не обошёл голод и белгородчину, родное село Н.Ф. Ватутина Чепухино. От голода скончался младший брат Николая, двенадцатилетний Егор, отец Фёдор Григорьевич, вернувшийся с гражданской войны, и дед, Григорий Дмитриевич [8; 19].

Курсанты Полтавской пехотной школы, сами сидевшие на весьма скудном пайке, иногда не ели по несколько дней, потому что отдавали весь свой паёк голодающим людям, отсылали по домам родным. Так же поступал и Николай Фёдорович, но это, увы, не уберегло от голодной смерти его родных.

Учившиеся вместе с Н.Ф. Ватутиным курсанты вспоминали впоследствии, что поначалу он был незаметен, так как отличался необычайной скромностью. Но Николай очень скоро, так же как и во время службы в действующей армии, обратил на себя внимание своими делами: смелый в бою, исключительно дисциплинированный, любознательный, трудолюбивый, он показывал отличные результаты в учёбе и боевой подготовке, любил огневое дело и строевые занятия [8; 14]. Поэтому вполне закономерно, что после отлично законченного первого курса обучения Николай Ватутин был назначен сначала командиром отделения курсантов, а затем и помощником командира взвода [8; 14]. Так начался его командирский путь.

Частым гостем в Полтавской пехотной школе был Миха-

ил Васильевич Фрунзе, возглавлявший на тот момент вооружённые силы Украины и Крыма. И именно этот прославленный красный военачальник, старый большевик вручил 1 октября 1922 года на историческом поле Полтавской битвы Н.Ф. Ватутину удостоверение командира Красной Армии. По свидетельству генерала К.В. Крайнюкова, бывшего членом Военного совета 1-го Украинского фронта, которым в годы войны командовал Н.Ф. Ватутин, Николай Фёдорович спустя много лет с гордостью вспоминал об этом обстоятельстве своей жизни, а книга избранных произведений М.В. Фрунзе была его настольной книгой, с которой он не расстался даже на фронте [43; 3].

Окончивший с отличием Полтавскую пехотную школу Н.Ф. Ватутин был назначен командиром взвода 67-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии Украинского военного округа [8; 21, 27].

Перед тем, как явиться к месту прохождения службы, в город Чугуев, новоиспечённый краском, получив отпуск, приехал в родное село. Уезжал он из него с молодой женой, давно приглянувшейся ему Таней Ивановой, ставшей ему верной спутницей на всю жизнь.

Взвод, который получил под свою команду краском Н.Ф. Ватутин, целиком состоял из новобранцев. Но отдававший всего себя делу службы, бывший солдатам не только строгим, взыскательным командиром, но и воспитателем, и старшим товарищем, Николай Фёдорович сделал из своего взво-

да образцовое подразделение, крепко спаянное, верившее в своего молодого командира и любившее его.

Успех Н.Ф. Ватутина на должности командира взвода были замечены командованием. Не ускользнули от внимания командиров и явные способности Николая Фёдоровича в военном деле. Поэтому уже в январе 1924 года, через год с небольшим после того, как Н.Ф. Ватутин прибыл на службу в полк, его направляют на учёбу в Киевскую высшую объединённую военную школу командного состава [8; 31], [50; 109].

Киевская высшая объединённая военная школа имела годичный срок обучения и предназначалась для совершенствования командиров, получивших, подобно Ватутину, среднее военное образование, а также для командиров, имевших опыт гражданской войны, требующий систематизации [8; 32].

Успешно закончив, Киевскую военную школу, Н.Ф. Ватутин вернулся в свой 67-й стрелковый полк, где вскоре был назначен помощником командира роты полковой школы, а затем и командиром одной из рот полка.

Сам Н.Ф. Ватутин считал период командования ротой одним из важнейших в своём становлении как командира. Много лет спустя, организуя общевойсковой бой соединений и объединений, он вспоминал, что именно в роте он впервые понял элементы общевойскового боя. По его мнению, командиры, не прошедшие школу службы в низовых подраз-

делениях, прибыв на поле боя, обращаются скорее к карте, к полевой книжке, чем к солдату, к местности, к оценке противника, которого они видят перед собой [8; 37]. И надо заметить, что сам Н.Ф. Ватутин, имея богатейший опыт работы в штабах различных уровней, в том числе и в Генштабе, командуя армейской группой и фронтами, никогда не был кабинетным командующим, часто выезжая в войска и на передний край, предпочитая, по возможности, лично наюлюдовать и подготовку вверенных ему войсковых контингентов к операциям, и боевую обстановку на том или ином участке фронта. Забегая вперёд, процитируем отрывок из воспоминаний бойца взвода охраны генерала Н.Ф. Ватутина Мусы Гайсина, который очень ярко характеризует стиль командной работы Николая Фёдоровича. М. Гайсин проходил службу во взводе охраны с октября 1943 года по конец января 1944 года. К этому периоду и относятся его воспоминания:

«...Штаб фронта размещался в просторной сельской хате в селе Требухово Броварского района. Этот дом сохранился до нашего времени. Но в нём Ватутин разве что ночевал. А по утрам выезжал на “виллисе” – вездеходе в полевое управление, которое находилось в Ново-Петровцах. И мы, адъютант майор Семиков, водитель джипа Кабанов и два автоматчика – ефрейтор Сидоренко и я, находились рядом с Ватутиным, считай, всё время... А как блестяще Николай Фёдорович умел ориентироваться на местности! Однажды мы – Ватутин, водитель Кабанов, адъютант майор

Семиков, охранники ефрейтор Сидоренко и я – заблудились на “виллисе”, кружили по незнакомым дорогам и никак не могли попасть в пункт следования. Ватутин взял карту, внимательно посмотрел, ткнул пальцем в какую-то дорогу, велел повернуть туда-то, и вскоре мы были на месте.

Одно время командующий повадился ходить в атаку. Мы приезжали на передовую. Ватутин доставал из-под сиденья ППШ и, вскинув его, быстрым шагом шёл за наступающими солдатами и офицерами. Мы все шли, естественно, за ним. Над головой шипели снаряды, бывало жутковато. Но Ватутин не кланялся им» [57; 7 – 8].

Однако вернёмся в середину 20-х годов.

Приняв под командование роту, Н.Ф. Ватутин скоро вывел её на первое место в полку по всем показателям боевой и политической подготовки. В его аттестации этого периода сказано: «Сила воли развита в высшей степени. Энергичный. Авторитетный. Служит примером для комсостава полка. Здоров. Вынослив. В обстановке разбирается хорошо. Оценивает правильно. Твёрдо знает своё дело. К себе и подчинённым требователен. Хороший стрелок. Методист стрелкового дела. Любит военную службу» [8; 40], [31; 6].

Прослужив шесть лет в рядах РККА, занимая командирские должности, окончив два военных учебных заведения, Н.Ф. Ватутин обрёл право на поступление в военную академию. Однако поступление в академию – дело серьёзное, требующее значительной дополнительной подготовки. И Нико-

лай Фёдорович некоторое свободное время, остающееся от службы, практически полностью посвятил занятиям. Его супруга, Татьяна Романовна, позже вспоминала о той поре: *«Как много он тогда работал! Самостоятельно пришлось осваивать химию и физику. Ни никаких репетиторов не признавал, всегда занимался сам»* [31; 6 – 7].

Воля Н.Ф. Ватутина, проявившиеся ещё в детстве настойчивость и тяга к знаниям, любовь к военному делу дали свой положительный результат – в 1926 году он выдерживает строгие и сложные экзамены в Военную академию им. Фрунзе и становится её слушателем.

Здесь Николай Фёдорович остался верен себе. «Работает, как вол», – говорят о таких людях. И это действительно так. Учебный (рабочий) день молодого краском-«академика» Н.Ф. Ватутина начинался в 7.00 утра и заканчивался в 2 – 3 часа ночи. Засиживаясь в Академии допоздна, Николай Фёдорович, возвратившись домой, и здесь продолжал свои «штудии». Он не ограничивался программой (обширной и сложной), а старался самостоятельно осваивать многие вопросы военного искусства. Именно поэтому вступил в военно-научное общество, разрабатывал теоретические проблемы [8; 41].

Академия им. Фрунзе, которая на тот момент, по существу, выполняла роль Академии Генштаба (она и была-то организована на базе старой, ещё императорской, Академии Генерального штаба), очень основательно готовила сво-

их слушателей, воспитывая из них командиров высшего звена и штабных работников. Именно в Академии Н.Ф. Ватутин полюбил штабную работу, в которой и впоследствии, уже командуя войсковыми объединениями, он выказывал не менее умения, знаний и навыков, чем любой из его начальников штаба.

Надо сказать, что, полностью отдаваясь учёбе, Н.Ф. Ватутин не отрывался от жизни. В его партийной характеристике по окончании Академии записано: «*В партийной, политической жизни активен*» [8; 49]. В самом деле, он был членом партийного бюро третьего курса академии, вёл активную работу среди беспартийных, боролся «*с правым уклоном и примиренчеством*», деятельно способствовал «*ликвидации троцкистского болота и выкорчёвыванию остатков троцкизма*» [8; 47]. Процитированные в последнем предложении слова – это слова самого Н.Ф. Ватутина. Так он писал в 1929 году в своей статье «Из опыта партийной работы третьего основного курса», размещённой в журнале «Рупор» [8; 47].

Не менее ярко как коммуниста-ленинца, твёрдо отстаивающего курс партии, характеризует Н.Ф. Ватутина то обстоятельство, что, уже находясь вскоре после окончания Академии в войсках, получив из дома известия от родных о том, что в Чепухино дело организации колхоза идёт очень трудно, он взял отпуск и активно содействовал колхозному строительству в родном селе. Уважавшие Николая Фёдоровича

с его юных лет сельчане, пошли за ним, молодым красным командиром, поверили ему. [8; 46 – 47].

Но Н.Ф. Ватутин не был «сухим солдафоном» и «зашоренным партийцем». С юности отдавая много сил самообразованию, будучи человеком больших знаний и широкого кругозора, он старался своё пребывание в Москве, этом центре культурной жизни страны, использовать с максимальной пользой. Как вспоминала Татьяна Романовна Ватутина, несмотря на очень напряжённый график учёбы, они с Николаем Фёдоровичем пересмотрели спектакли почти всех московских театров, побывали в большинстве московских музеев и даже выезжали на экскурсии в Ленинград [8; 41].

Закончив в мае 1929 года с отличием Военную академию им. Фрунзе, Н.Ф. Ватутин получает назначение в штаб 7-й стрелковой дивизии, располагавшейся в Чернигове, на должность помощника начальника 1-й части штаба. На этой должности он зарекомендовал себя с наилучшей стороны, показав не только отменную теоретическую подготовку, способность к штабной работе, но и великолепные организаторские способности [8; 50], [31; 7], [82; 1]. Поэтому его вскоре переводят в штаб Северо-Кавказского военного округа на должность помощника начальника одного из основных отделов штаба [8; 50 – 51], [31; 7]. Это было не только повышение по должности. Работа в штабе более высокого уровня давала Н.Ф. Ватутину возможность профессионально совершенствоваться. Ведь в штабе округа сосредоточивался опыт

многих соединений, и Н.Ф. Ватутин теперь мог оценивать свою работу в штабе дивизии как бы сверху. А кроме того, окружной штаб предоставлял значительно более широкое поле для применения на практике теоретических знаний, полученных в военной академии. И Николай Фёдорович в полной мере использовал открывающиеся возможности для профессионального роста. Изучая на уровне округа действия различных родов войск, он всегда стремился искать и внедрять что-то новое, распространять лучший опыт в частях и соединениях. Поэтому не приходится удивляться таким вот приказам, периодически отдаваемым по штабу Северо-Кавказского военного округа:

«Помощнику начальника отдела штаба товарищу Ватутину за добросовестное и вдумчивое инспектирование войск и за ряд ценных предложений объявляется благодарность» [8; 51].

«...Проведённые под руководством Ватутина опытные учения дали богатый материал по организации управления войсками» [8; 51].

После полуторагодичной службы в штабе Северо-Кавказского военного округа, в конце 1931 года, Н.Ф. Ватутина назначают начальником штаба 28-й горнострелковой дивизии того же округа [8; 51], [31; 7].

Для него эта работа стала важнейшим этапом профессионального роста – впервые он оказался на самостоятельной должности такого уровня. Совершенствуя навыки команди-

ра-штабиста, получая много нового ценного опыта, который давала служба в горных районах, он в то же время всегда оставался на уровне военной науки своего времени, сочетая работу с учёбой. Причём, речь идёт не только о самообразовании. Уже в ноябре 1933 года Н.Ф. Ватутин вновь становится слушателем военной Академии им. Фрунзе, на сей раз – курсов усовершенствования комсостава при оперативном факультете этой Академии. Желание Н.Ф. Ватутина повысить свой образовательный и профессиональный уровень абсолютно совпадало с требованиями времени и потребностями Красной Армии. Дело в том, что бурное развитие боевой техники приводило и к появлению нового типа соединений (моторизованных и механизированных), и к разработке новых принципов ведения операций, которые основывались именно на использовании этих мобильных соединений, и, как следствие указанных обстоятельств, к возникновению новых требований к искусству вождения войск. И не случайно однокурсниками Н.Ф. Ватутина окажутся перспективные молодые командиры, которые в будущем станут прославленными советскими полководцами, – И.Ф. Конев, Ф.И. Толбухин, А.И. Антонов и ряд других [8; 54].

Понятно, что выделиться на таком фоне было совсем не простым делом. Но, как всегда сдержанный, скромный, абсолютно неброский внешне, Н.Ф. Ватутин обратил на себя внимание и преподавателей, и возглавлявшего в тот период Академию им. Фрунзе Б.М. Шапошникова. Они, дав отлич-

ную оценку успехам Н.Ф. Ватутина, особо отметили, что он *«по всем вопросам имеет своё самостоятельное суждение»* [8; 54].

Обучение на курсах было очень интенсивным, но по срокам довольно кратким. Окончив с отличием курсы, Николай Фёдорович возвращается в свою 28-ю горнострелковую дивизию, где ещё около трёх лет служит в должности начальника штаба.

В 1936 году на базе оперативного факультета Военной академии им. Фрунзе создаётся Академия Генерального штаба. *«Создание этого высшего военно-учебного заведения было велением времени, – пишет С.М. Штеменко, знаменитый советский генштабист, сам окончивший эту Академию. – Красная Армия, во всех отношениях вполне современная, не имела ещё в необходимом количестве кадров с высокой оперативно-стратегической подготовкой. Вплоть до 1936 года командный состав оперативного звена готовился на одногодичном факультете Академии имени М.В. Фрунзе (курсы при котором как раз и окончил Н.Ф. Ватутин – И.Д., В.С.). До поры до времени это было хорошо. Но во второй половине тридцатых годов жизнь настоятельно потребовала наладить более массовую и глубокую подготовку руководящих кадров. К тому же надо было развивать теорию оперативного искусства, чем Академия имени М.В. Фрунзе из-за своего профиля в должных размерах заниматься не могла»* [86; 5 – 6].

Любопытно, что, написавший в своих воспоминаниях данные строки, обосновывающие необходимость создания Академии Генштаба РККА, Сергей Матвеевич Штеменко первоначально идти учиться в эту самую Академию как раз не хотел, желая остаться на практической работе в войсках (к тому времени он уже окончил Академию моторизации и механизации РККА). Но командование рассудило иначе, направив его туда в приказном порядке [86; 4 – 5].

Примерно то же самое произошло и с Николаем Фёдоровичем Ватутиным. Только двумя годами ранее. В 1936 году его направили учиться во вновь открытую Академию Генштаба. При всей своей любви к учёбе Николай Фёдорович на сей раз возражал, не желая оставлять работу непосредственно в войсках. Однако приказы в армии не обсуждаются, а выполняются, и Н.Ф. Ватутин становится слушателем Академии Генштаба.

В Академии был собран весь цвет тогдашних теоретиков военного дела. Преподавателями в ней работали В.А. Медиков, Д.М. Карбышев, Н.Н. Шварц, А.И. Готовцев, Г.С. Иссерсон, А.В. Кирпичников, Н.А. Левицкий, Н.И. Трубецкой, Е.А. Шиловский, Ф.П. Шафалович, П.П. Ионов и ряд других [86; 6].

Большим практическим опытом, немалым теоретическим багажом обладали в основной своей массе и слушатели новой Академии.

В общем, это высшее военное учебное заведение весьма

успешно выполняло поставленные перед ним задачи, систематизируя то новое, что появилось в военном деле, занимаясь разработкой теоретических вопросов оперативного искусства, готовя командные кадры РККА в соответствии с требованиями времени.

Н.Ф. Ватутин остался верен себе – скромный и трудолюбивый слушатель, он успешно закончил первый курс Академии, был переведён на второй. Но закончить Академию Генштаба ему так и не пришлось². Уехав летом 1937 года в отпуск с семьёй на курорт, Николай Фёдорович был отозван из отпуска телеграммой в Москву. Кстати, это был последний год, когда Н.Ф. Ватутин использовал (хоть и частично) свой отпуск. С тех пор в его личном деле постоянно фигурировала запись: «*Очередным отпуском не пользовался*» [8; 56 – 57].

Явившись в Наркомат обороны, Н.Ф. Ватутин получил направление к новому месту службы – он назначался заместителем начальника штаба Киевского военного округа. А уже в конце 1938 года он становится и начальником штаба этого округа³ [8; 55 – 57], [31; 7], [50; 109], [82; 1].

---

² В целом ряде современных работ можно прочесть, что в 1937 году Н.Ф. Ватутин окончил Академию Генштаба [31; 7], [50; 109], [82; 1]. Это ошибочное утверждение.

³ К моменту вступления Н.Ф. Ватутина в должность начальника штаба округа Киевский военный округ был преобразован в Киевский Особый военный округ (КОВО) (приказ НКО СССР № 0152 и постановление Главного военного совета от 26 июля 1938 года) [20; 8].

Киевский Особый военный округ, как пограничный, был одним из важнейших для обороны страны. Отсюда ясно, какая ответственность лежала на командовании округа, в том числе и на начальнике его штаба. Войска КОВО должны были быть готовы в любой момент встать на защиту СССР. Поэтому к их боеготовности предъявлялись особые требования. И Н.Ф. Ватутин много сил приложил к повышению этой боеготовности. Он сам готовил учения, вникал во все детали подготовки и жизни войск. В войсках округа знали, что если учения будет проводить Н.Ф. Ватутин, то условия будут максимально приближены к боевым, на учениях надо будет ждать всяческих новшеств, от командиров и штабов соединений потребуют оригинальных, нестандартных решений. Сам Н.Ф. Ватутин уже тогда показал себя сторонником решительных, смелых, глубоких и внезапных ударов. Данная тенденция в решении боевых задач будет сохранена им и впоследствии, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Стремление навязать противнику свою волю или противодействовать его активным действиям своими активными действиями – эти принципы проходят красной нитью через всю его деятельность как начальника штабов различных уровней и как командующего различными войсковыми объединениями (армейскими (оперативными) группами, фронтами). И недаром Николая Фёдоровича во время Великой Отечественной войны в войсках называли уважительно «Генерал Молния».

Будучи начальником штаба КОВО, Н.Ф. Ватутин, естественно, уделял особое внимание работе штабов соединений и частей округа. Начштаба округа неоднократно поднимал штабы различных уровней по тревоге, выводил их в поле, лично проверял готовность штабных работников к действиям в полевых условиях, в быстроменяющейся обстановке [8; 57].

В то же время Николай Фёдорович не терпел и тени бюрократизма как в своём штабе, так и в подчинённых штабах. Так называемый «бумажный стиль руководства» был ему абсолютно чужд. Бумагами и должностью он от сослуживцев не отгораживался. Любой вопрос, с которым к нему обращались штабы войск, получал быстрое и чёткое решение. Требуя максимальной отдачи от подчинённых, Н.Ф. Ватутин и сам работал много, вдумчиво и эффективно. При этом он всегда сохранял спокойствие и корректность в отношениях с людьми, не позволял себе грубости и хамства. Корректное и уважительное отношение к людям, которые ниже его по должности и званию, Николай Фёдорович сохранит и впоследствии. Это была одна из характерных черт деятельности Н.Ф. Ватутина как военачальника.

В аттестации Н.Ф. Ватутина тех лет записано:

«Всесторонне развит, с большим кругозором, прекрасно работал по руководству отделами штаба (КОВО – И.Д., В.С.), проявил большую оперативность и способность руководить войсковыми соединениями.

«..В период освобождения единокровных братьев-украинцев Западной Украины из-под ига польских панов, капиталистов как начальник штаба округа показал способность, выносливость и умение руководить крупной операцией (выделено нами – И.Д., В.С.)» [8; 57 – 58], [43; 4].

ГЛАВА III

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД. НАЧАЛЬНИК ШТАБА УКРАИНСКОГО ФРОНТА

Действительно, во время освободительного похода Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину Н.Ф. Ватутину впервые пришлось руководить крупной войсковой операцией в реальных боевых условиях⁴. И как может судить читатель по строкам процитированной выше аттестации, справился Николай Фёдорович с этой задачей вполне успешно.

На данных событиях хотелось бы остановиться подробнее.

---

⁴ Современные авторы «демократической» ориентации при описании действий Красной Армии в сентябре – октябре 1939 года на территории Западных Украины и Белоруссии употребляют словосочетание «освободительный поход» в кавычках, давая тем самым понять, что никаким освободительным он не был, что это была агрессия Сталина против суверенной Польши. Абсолютно не принимая такую трактовку, мы в этой и других наших работах используем указанное словосочетание без кавычек, ибо полагаем, что действия РККА в сентябре – октябре 1939 года действительно носили освободительный характер.

1 сентября 1939 года нацистская Германия напала на Польшу. Это событие явилось началом Второй мировой войны. Но *«война начиналась не сразу»*. К ней привела та политика попустительства Гитлеру, которую с 1933 года – момента прихода нацистов в Германии к власти, проводили ведущие Западные державы – Великобритания, Франция и США. Именно эта политика позволила Третьему рейху, отбросив версальские ограничения, усилившись в военном отношении, приступить к реализации своих агрессивных устремлений. Именно эта политика привела к провалу всех попыток Советского Союза создать систему коллективной безопасности в Европе. При этом Западными демократиями руководила отнюдь не любовь к миру. Весь их пацифизм объяснялся желанием направить германскую агрессию на восток – против страны Советов. Поэтому английские, французские и американские лидеры сквозь пальцы смотрели на военное усиление Германии, на нарушения ею положений Версальского договора, на первые территориальные захваты нацистов, поэтому так бессовестно предавали своих союзников, обрекая их либо на немецкую оккупацию, либо на вхождение в сферу влияния Германии.

Этапы реализации Гитлером своих агрессивных намерений хорошо известны: в марте 1936 года вермахт вступил в Рейнскую демилитаризованную зону; летом 1936 года Германия совместно с Италией вмешалась в гражданскую войну в Испании на стороне Франко, послав туда свои воинские

контингенты; в марте 1938 года Германией была аншлюсирована Австрия; в конце сентября Рейх отторг от Чехословакии, преданной в Мюнхене своими союзниками Англией и Францией, Судетскую область; в марте 1939 года немецкие войска оккупировали всю остальную Чехословакию; в марте же 1939 года Рейх занял Мемельскую (Клайпедскую) область Литвы.

Следующей жертвой германской агрессии стала Польша.

Сейчас в российской исторической литературе существует точка зрения, что агрессия Гитлера против Польши стала возможна благодаря Советскому Союзу, который, заключив с Германией 23 августа 1939 года пакт о ненападении (так называемый пакт Молотова – Риббентропа), развязал агрессору руки. Мол, не будь этого пакта, перед Гитлером маячила перспектива войны на два фронта, а на это он бы не пошёл. Отстаивают эту точку зрения авторы «демократического» направления, для которых Советский Союз – это империя зла, а всё советское – автоматически плохое. Естественно, что первооткрывателями подобной «истины» они не являются. По своему обыкновению, доморощенные «демократические» искатели «исторической правды» позаимствовали «истину» на столь любимом ими Западе. (Эта их патологическая любовь общеизвестна.) В западной же историографии точка зрения, согласно которой советско-германский пакт о ненападении способствовал началу Второй мировой войны, является господствующей. Оно и понятно –

Запад, чтобы выглядеть «белым и пушистым», перекладывает всё с больной головы на здоровую.

Тематика данной книги не позволяет здесь досконально и аргументировано разобрать вопрос о виновности или невиновности СССР в развязывании Второй мировой войны. Работ по этой проблеме сейчас издано много. Интересующихся отсылаем, в частности, и к нашей работе «"Чёрная мифология". К вопросу о фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн» (Усть-Каменогорск, 2011 год).

Сейчас же ограничимся утверждением, что советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года, конечно, в какой-то мере развязал Гитлеру руки на востоке, избавив от теоретической опасности воевать на два фронта (т.е. одновременно с Советской Россией и Англией и Францией)⁵, действительно создал для него «более комфортные условия» ведения Польской кампании, но он не был не только условием, без выполнения которого Гитлер не начал бы войну про-

---

⁵ Словосочетание «теоретическая опасность» считаем в данном случае вполне уместным. Ибо никакой реальной опасности войны на два фронта для Гитлера не было. Из-за позиции Англии, Франции и в не меньшей степени Польши англо-франко-советские переговоры апреля – августа 1939 года явно были безрезультатны. Не было подписано ни политического соглашения, ни, тем более, военной конвенции. Это за четыре-то с лишним месяца! Полагать в таких условиях, что Советский Союз, очертя голову, кинется воевать за Польшу, и испугаться из-за подобного предположения начать войну – было бы верхом политической близорукости и политической же робости (если не сказать – трусости). Гитлер не был ни политически близорук, ни политически труслив.

тив Польши, но даже и непосредственным детонатором этой войны.

Решение о нападении на Польшу было принято уже в апреле 1939 года. Так, 3 апреля Верховное командование вермахта (ОКВ) издаёт директиву, которая положила начало приготовлениям к войне с Польшей. В ней, в частности, приводились такие слова Гитлера: *«Приготовления нужно осуществить таким образом, чтобы операция могла быть произведена в любое время, начиная с 1 сентября»* [28; 48], [84; 40].

Т.е., фактически, даже и дата вторжения была определена. После появления этой директивы ОКВ маховик подготовки к войне с поляками начал набирать обороты и уже никогда не останавливался до самого начала кампании.

Ну, а о том, как в действительности Гитлер боялся войны на два фронта, говорят следующие его слова (произнесённые 23 мая 1939 года на закрытом совещании с генералитетом вермахта; зафиксированы протоколом, который вёлся личным адъютантом фюрера и имел единственный экземпляр):

«Дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без пролития крови... Если судьба ведёт нас к столкновению с Западом, бесценным является обладание большими территориями на Востоке. В военное время мы не сможем более рассчитывать на рекордные урожаи... Не может быть вопроса о том, чтобы упустить Польшу, и нам остаётся один выход: атаковать её при первой возможности... Не совсем

ясно, приведёт ли германо-польский конфликт к войне с Западом, когда мы будем сражаться против Англии и Франции. Если же будет создан союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии, я буду вынужден нанести по Англии и Франции несколько уничтожающих ударов...» [28; 49], [84; 47 – 48].

Вот он, Гитлер. Образно говоря, как на ладони в этой речи: война с Польшей – вещь решённая, столкновения с западными демократиями из-за этого Гитлер не боится, и даже тройственный союз Англии, Франции и СССР его не пугает, т.е. он готов к войне на два фронта.

Ну, и ещё один небольшой, но очень характерный штрих (как говорится, «дьявол кроется в мелочах»). Генерал Гальдер, начальник Генерального штаба Сухопутных сил вермахта (ОКХ), 17 августа 1939 года упомянул в своём дневнике о готовности «150 комплектов польского обмундирования и вооружения» для Верхней Силезии [23; 49]. Речь шла об операции «Гиммлер» – имитации захвата поляками радиостанции в приграничном немецком городе Гляйвиц, должной послужить *casus belli* – поводом для нападения на Польшу. 17 августа, когда между СССР и Рейхом не было подписано даже торговое соглашение, в Москве продолжались переговоры англо-французской военной миссии с советскими военными (17 августа эти переговоры были приостановлены, но не прекращены официально), и заключение политического соглашения между Советским Союзом и Германией было не

более чем весьма туманной перспективой, у немцев к войне с Польшей готово всё, вплоть до деталей предстоящей провокации. Неужто это всё делалось в расчёте на возможное подписание советско-германского пакта? Нет, конечно.

В условиях внешнеполитической и **военной** неопределённости, в которой находился Советский Союз в августе 1939 года, когда все его попытки создать систему коллективной безопасности в Европе закончились неудачей по вине Англии и Франции (первой – в большей степени), заключение пакта о ненападении с Третьим рейхом было мерой вынужденной. Кто-то из современных исследователей трактует его даже как внешнеполитический успех Сталина. Что ж? Учитывая и объективно рассматривая последующие события (с сентября 1939 года по 22 июня 1941 года), можно принять эту точку зрения с полным основанием⁶. Абсолютно несомненно, что, подписав пакт с Германией, Советский Союз на какое-то время обезопасил себя от вторжения с Запада и получил возможность остаться в стороне от начавшейся войны. И это время было использовано СССР весьма эффективно.

Одним из моментов этой эффективности явилось то обстоятельство, что, обретя определённую свободу действий в Восточной Европе, СССР вернул себе ряд территорий, утра-

---

⁶ По данному вопросу подробнее см., в частности, книгу И.Ю. Додонова и В.В. Смирнова «"Чёрная мифология". К вопросу о фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн» (Усть-Каменогорск, 2011 г.).

ченных Советской Россией в результате гражданской войны и иностранной военной интервенции в конце 10-х – начале 20-х годов XX столетия. Речь идёт о Западных Украине и Белоруссии, захваченных Польшей, Бессарабии, захваченной Румынией, и трёх Прибалтийских республиках (Латвии, Литве и Эстонии), которые были потеряны в результате оккупации этих территорий германскими войсками на завершающем этапе участия России в Первой мировой войне, а затем получили независимость из рук Антанты.

Здесь мы не будем вдаваться в дискуссии о праве Советской России на возвращение указанных территорий. Скажем кратко: было возвращено своё. Так что, с позиций морали и исторической справедливости – всё нормально (как бы не старались вывернуть суть событий наизнанку на современном Западе, и как бы усиленно не помогали Западу в этом доморощенные «правдолюбцы»). А кроме того, присоединения Западных Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, Латвии, Литвы и Эстонии требовали военно-стратегические интересы СССР. Собственно, выбор здесь был небогат: либо эти территории входят в состав нашей страны, либо оккупируются Германией или остаются под контролем её сателлитов, весьма недружественно к нам настроенных. Советское руководство, как всякое нормальное руководство всякого нормального государства, предпочло первый вариант для укрепления безопасности страны⁷.

---

⁷ Достаточно сказать, что после присоединения указанных областей к СССР

* * *

Красная Армия вступила на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины в 5 часов утра 17 сентября 1939 года.

Этому вступлению предшествовала официальная процедура вручения ноты советского правительства польскому послу В. Гжибовскому, состоявшаяся в 3.15 утра 17 сентября. В ноте говорилось, что *«Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили своё действие договоры, заключённые между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи до сего нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам»*, а также к беззащитному положению украинского и белорусского населения. *«Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины»*

исходная точка для немецкого удара по нашей стране переносилась на сотни километров западнее (а то, что немцы этот удар нанесут, никто в советском руководстве не сомневался). И с началом войны германским войскам эти сотни километров надо было ещё пройти.

и Западной Белоруссии» [28; 139], [56; 297 – 298], [81; 118 – 119].

Конечно, текст этой ноты носил и пропагандистский характер. Все изложенные в ней аргументы будут потом фигурировать в заявлениях советского правительства, призванных обосновать действия СССР как перед лицом международной общественности, других государств, так и перед своим собственным населением. Однако «липой», фальшивкой, излагающей надуманные факты, нота не была. Всё в ней изложенное, и впрямь, имело место. Польское государство, фактически, перестало существовать под ударами немецких войск. Правительство, если и сидело ещё на польской территории – в Кутах или Залещиках, у самой румынской границы⁸, то уже свыше десяти дней, покинув Варшаву и почти ежедневно меняя место своего пребывания, реально никем и ничем не управляло. Любопытно и весьма показательным, что польский посол В. Гжибовский при вручении ему ноты отказывался её принять (вопреки всем дипломатическим нормам) и при этом не мог даже назвать, где в данный момент находится его правительство. Отсутствие реальной государственной власти в стране и есть первый признак развала государства. Польская армия, также около десяти дней лишённая централизованного командования (с момента бегства

---

⁸ Впрочем, в этом есть все основания сомневаться. Возможно, польское правительство перебралось в Румынию уже 16-го числа (см. по этому вопросу работу Ю.И. Мухина «Кто на самом деле развязал Вторую мировую войну?» (М., 2010 г., стр. 160).

маршала Рыдз-Смиглы из Варшавы в ночь с 6 на 7 сентября), к 17 сентября была практически разгромлена вермахтом. Те её силы, которые не сидели в немецких «котлах», разрозненно пробивались к румынской границе, представляя собой отдельные соединения, части, подразделения, а то и просто сборные группы, действующие на свой страх и риск. Германские войска находились в 100 – 150 километрах от советской границы, т.е. прошли почти всю Польшу насквозь.

Была ли подобная ситуация на западных рубежах Советского Союза чревата для него всякими неблагоприятными неожиданностями политического и военного плана? Да, конечно. Разве не нуждалось братское белорусское и украинское население, которое, по сути, стало для разбитых и деморализованных польских войск, не подчинявшихся уже никакой верховной военной и гражданской власти, козлом отпущения, в защите? Безусловно, нуждалось. А разве лучше было отдать это население под власть немецких оккупантов? Очень сомневаемся.

Так что, советская нота ничуть, ни в малой степени не лгала.

Разумеется, ввод войск РККА в восточные районы Польши не был импровизацией. Как говорится, такие серьёзные дела с бухты-барахты не делаются.

Советский Союз не собирался безучастно взирать на развитие событий в соседнем государстве. Уже в секретном протоколе к пакту о ненападении восточные районы Поль-

ши были названы сферой советских интересов [28; 59 – 60], [59; 111], [60; 48 – 49], [73; 16 – 17]. Это было политическое обеспечение ввода советских войск на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины.

Что же касается военной стороны вопроса, то и тут советская подготовка была весьма основательной. Уже с 20 часов 2 сентября в связи с началом германо-польской войны на советско-польской границе был введён режим усиленной охраны. В дополнение к этому начальник пограничных войск Белорусского пограничного округа своим указанием № 1720 привёл все подчинённые ему погранотряды в боевую походную готовность. 3 сентября нарком обороны просил ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердить задержку увольнения красноармейцев и младших командиров на один месяц в войсках Ленинградского (ЛВО), Московского (МВО), Калининского (КалВО), Белорусского Особого (БОВО), Киевского Особого (КОВО) и Харьковского (ХВО) военных округов (всего 310 632 человека) и призыв на учебные сборы приписного состава частей ПВО в ЛВО, КалВО, БОВО и КОВО (всего 26 014 человек). Получив согласие правительства, нарком обороны 4 сентября 1939 года отдал соответствующий приказ [56; 283].

6 сентября около 23 – 24 часов в семи военных округах (ЛВО, БОВО, КОВО, КалВО, МВО, ХВО, ОрВО (Орловский военный округ)) была получена директива наркома обороны о проведении в этих округах Больших учебных сбо-

ров (БУС). В РККА термином «БУС» обозначалась скрытая мобилизация [56; 283].

БУС начались с утра 7 сентября. Всего в них приняли участие управления 22 стрелковых, 5 кавалерийских и 3 танковых корпусов, 98 стрелковых и 14 кавалерийских дивизий, 28 танковых, 3 моторизованные стрелково-пулемётные и 1 воздушно-десантная бригада. Было призвано 2 610 136 резервистов, которые Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 сентября 1939 года и приказом народного комиссара обороны № 177 от 23 сентября 1939 года были объявлены мобилизованными «до особого распоряжения» [56; 284 – 286].

Из указанного количества призванных резервистов на БОВО и КОВО, войска которых и должны были действовать в восточных районах Польши, пришлось 1 036 438 человек (380 067 и 656 371 человек соответственно), т.е. около 40%.

Что же касается войсковых соединений, принявших участие в БУС, т.е. отмобилизованных, то здесь на БОВО и КОВО приходится:

корпусов – 18 (9 и 9 соответственно) из 30, т.е. 60%;
дивизий – 54 (24 и 30) из 112, т.е. свыше 48%;
бригад – 18 (9 и 11) из 32, т.е. свыше 56% [56; 285].

Надо также учесть, что в СССР с 5 сентября 1939 года для Дальнего Востока и с 15 сентября для всех остальных

округов начался призыв на действительную военную службу. Кроме того, 1 сентября был принят новый Закон о всеобщей воинской обязанности, согласно которому на 1 год был продлён срок службы 190 тысяч призывников 1937 года. В результате всех этих мероприятий списочная численность Красной Армии возросла в сентябре практически в 2,8 раза по сравнению с началом 1939 года (на 21 февраля – 1 910 477 человек, на 20 сентября – 5 289 400 человек) [56; 286].

Конечно, подобное увеличение численности армии объясняется не только подготовкой к походу в восточные районы Польши. Советское руководство совершенно обоснованно считало, что германо-польская война может послужить прологом к новой мировой войне, вступление в которую Советского Союза очень и очень вероятно. В таких условиях укрепление обороноспособности страны было настоятельной потребностью.

События в Польше развивались стремительно. Уже 8 сентября германские войска подошли к Варшаве. Стало совершенно очевидно, что поляки не просто проигрывают войну, а терпят сокрушительное поражение. Это вынудило советское политическое руководство и военное командование ускорить подготовку к вступлению в восточные регионы Польши.

Уже 9 сентября нарком обороны маршал К.В. Ворошилов и начальник Генштаба ПКА командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников подписали приказы № 16 633 Военному совету

БОВО и № 16 634 Военному совету КОВО, согласно которым следовало к исходу 11 сентября 1939 года скрытно сосредоточить войска «и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника» [56; 287].

11 сентября на базе БОВО было развёрнуто управление Белорусского фронта (командующий фронтом – командарм 2-го ранга М.П. Ковалёв, начальник штаба фронта – комкор М.А. Пуркаев). В этот же день на базе КОВО развёртывалось управление Украинского фронта (командующий фронтом – командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко, начальник штаба фронта – комдив Н.Ф. Ватутин) [56; 286].

К 17 сентября в состав Белорусского фронта входили (севера на юг): 3-я, 11-я, 10-я армии, конно-механизированная группа (КМГ), 4-я армия и 23-й отдельный стрелковый корпус. Общая численность войск фронта составляла 378 610 человек. Группировка фронта включала 5 стрелковых, 2 кавалерийских и 1 танковый корпус. В войсках насчитывалось 3 167 орудий и миномётов, 2 406 танков [36; 246], [56; 286, 299 – 300].

В состав Украинского фронта к 17 сентября входили не армии, а так называемые армейские группы (АГ), которые были преобразованы в армии уже в ходе освободительного похода. С севера на юг: Северная АГ (с 28 сентября стала 5-й армией), Волочинская АГ (с 28 сентября – 6-я армия), Кавалерийская АГ (с 24 сентября – 12-я армия; с 28 сентября

разделена на 12-ю армию и Кавалерийскую АГ) [36; 246], [56; 287].

Исключительно для удобства восприятия в дальнейшем объединения Киевского фронта будем обозначать именно как армии с соответствующими номерами, употребляя данное обозначение при изложении событий, предшествующих реальному переименованию армейских групп в армии.

Общая численность войск Украинского фронта к моменту начала освободительного похода составляла 238 978 человек. Объединения фронта включали 4 стрелковых, 3 кавалерийских и 1 танковый корпуса. Фронт располагал 1 792 орудиями и миномётами, 2 330 танками [56; 299 – 300].

Общие силы советской группировки, предназначенной для действий в Польше, составляли 8 стрелковых, 5 кавалерийских, 2 танковых корпусов, 21 стрелковую, 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых, 2 моторизованные бригады, Днепровскую военную флотилию (оперативно была подчинена командованию БФ), 617 588 человек⁹, 4 959 орудий и миномётов, 4 736 танков. Действия наземных сил советских

---

⁹ Есть и другие данные о численности группировки Белорусского и Украинского фронтов на начало освободительного похода. Так, по данным авторского коллектива генерала Г.Ф. Кривошеева, приведённым в книге «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование» (М., 2001 г.), Украинский фронт насчитывал на 17 сентября 1939 года 265 714 человек, Белорусский – 200 802 человека. Общая численность, таким образом, 466 516 человек [70; 187]. Авторы ссылаются на следующие архивные данные: ЦГА-СА (так до июня 1992 года назывался РГВА), ф. 37977, оп. 1, д. 187, л. 85 – 128; д. 193, л. 146; д. 215, л. 72, 82; д. 217, л. 26 [70; 187].

фронтов поддерживала мощная авиационная группировка, насчитывавшая 3 298 самолётов различных типов [56; 298].

Несколько слов о силах польской армии в восточных районах страны. Никаких крупных войсковых контингентов непосредственно на советско-польской границе у поляков не было. Причина этого вполне ясна – основная масса польских войск была задействована в боевых действиях с немцами. Разумеется, граница охранялась войсками пограничной стражи (так называемой КОП – Корпус охраны пограничной). Общая их численность на советско-польской границе составляла около 12 тысяч человек (25 батальонов и 7 эскадронов) [56; 298 – 299]. В ряде городов были гарнизоны.

Малочисленность и слабость польских войск в приграничных районах на востоке страны была хорошо известна советской разведке. Так, разведка 4-й армии докладывала армейскому командованию:

«...Погранполоса до р. Щара полевыми войсками не занята, а батальоны КОП по своей боевой выучке и боеспособности слабы...Серьёзного сопротивления со стороны польской армии до р. Щара ожидать от поляков мало вероятно»¹⁰ [56; 299].

Однако разведчики Белорусского фронта не зря писали только о территории до реки Щара. Дело в том, что при движении на запад количество польских войск должно было значительно увеличиться хотя бы в силу того, что многие их ча-

---

¹⁰ Орфография и стилистика документа сохранены

сти и соединения отступали под ударами вермахта именно в восточные районы страны. В данной связи весьма характерно, что в плену Красной Армии оказалось больше польских военнослужащих, чем в плену у немцев (454 700 человек против 420 000 человек) [56; 404].

К вечеру 16 сентября войска Белорусского и Украинского фронтов были развёрнуты в исходных районах для наступления.

Перед войсками Белорусского фронта ставились следующие задачи. 3-я армия наносит удар на Свиняны, овладев которыми, движется на Вильно. 11-я армия наступает на Лида, Ошмяны, после взятия которых выделяет часть сил для движения на Вильно. Конно-механизированная группа овладевает Новоградом, Слонимом и продолжает наступление в направлении Волковыска. 4-й армии следовало действовать в направлении на Барановичи, обеспечивая левый фланг конно-механизированной группы, а затем развивать наступление на Кобрин. 10-я армия должна была двигаться во втором эшелоне Белорусского фронта, за конно-механизированной группой, продвигаясь на фронт Новоград, Городище, а затем – на Дворец [56; 287 – 288; 313].

Директива, полученная войсками Украинского фронта, предусматривала, что 5-я армия будет наступать на Ровно, Луцк и к исходу второго дня наступления овладеет Луцком. 6-я армия нацеливалась на Тарнополь, Львов и к исходу 18 сентября занимала Буск, Перемышляны, то есть вплотную

подходила к Львову. 12-й армии предстояло двигаться на Чертков и на второй день операции овладеть Станиславом [56; 288 – 289], [86; 9].

Глубина действий войск Белорусского и Украинского фронтов устанавливалась по линии латвийской, литовской и германской границ, далее по рекам Писса, Нарев, Висла и Сан (т.е. по границе сферы советского влияния, определённой секретным протоколом к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года), по венгерской и румынской границам [28; 59 – 60], [56; 288 – 289], [81; 82].

Советские войска получили приказ не применять оружие против польских военнослужащих, если последние не будут оказывать сопротивления [86; 9]. Но, как отмечает С.М. Штеменко, непосредственный участник событий, *«готовились, однако, к худшему»* [86; 9], т.е. на лёгкую увеселительную прогулку никто не рассчитывал. Хотя о слабости польских войск в восточных районах страны командованию РККА было известно, но возможности ожесточённого сопротивления с их стороны никто не исключал. Поэтому предписывалось не *«ввязываться во фронтальные бои на укрепленных позициях противника, а, оставляя заслоны с фронта, обходить фланги и заходить в тыл, продолжая выполнять поставленную задачу»* [56; 288].

Для обеспечения высоких темпов продвижения советских войск командование обоих фронтов создало ещё до начала

операции в составе каждой из наступающих армий подвижные группы и отряды из танковых и кавалерийских частей и соединений. Так, в 3-й армии БФ в подвижную группу входили 24-я кавалерийская дивизия и 22-я танковая бригада. Подвижный отряд 6-й армии УФ включал 2-й кавкорпус и 24-ю танковую бригаду. А 12-я армия УФ представляла собой, по сути, фронтовую подвижную группу, так как имела в своём составе 2 кавалерийских корпуса (4-й и 5-й), 1 танковый корпус (25-й) и 2 отдельные танковые бригады (23-ю и 26-ю) [36; 248], [56; 299].

Итак, в 5.00 17 сентября 1939 года советские войска пересекли польскую границу. Переход границы практически на всех направлениях прошёл спокойно – части КОП в большинстве своём, не оказывая сопротивления, отходили в западном направлении. Хотя где-то они попытались преградить дорогу советским войскам. Так, например, было в районах Подволочиска, Гусятина и Залуче, где действовала 6-я армия Украинского фронта, или на участке наступления 3-й армии Белорусского фронта. Однако сопротивление польских пограничников было быстро сломлено [56; 300, 303]. Проходившие на границе бои не были упорными и ожесточёнными. Скажем, подвижные части 3-й армии, продвинувшиеся к вечеру 17 сентября на польскую территорию до населённых пунктов Глубокое и Дуниловичи, чем выполнили задачу дня, понесли следующие потери: 3 человека убитыми при боестолкновениях с бойцами КОП, 12 утонувших при

переправах через реки и 24 раненых. При этом со стороны польских пограничников потери составили 21 человек убитыми и 102 пленными [56; 303]. Т.е. можно сделать вывод, что наши части несли безвозвратные потери в большей степени от плохой организации переправ через водные преграды, чем от действий польских войск.

Последние же на участках наступления обоих советских фронтов часто находились в дезорганизованном состоянии, не оказывая подходящим частям РККА совсем никакого сопротивления. И причиной этой дезорганизации было поведение наших военных. Позже начальник штаба польского Главного командования генерал Стахевич запишет, отразив тем самым общую существовавшую в те дни тенденцию: *«Польские войска дезориентированы поведением большевиков, потому что они в основном избегают открывать огонь»* [65; 1]. Но уже 17 сентября около 14.00 в штабе Главного командования Войска Польского была получена телеграмма от командира гарнизона в Луцке (полоса наступления 5-й армии Украинского фронта) генерала бригады Скуратовича, в которой говорилось: *«Сегодня в 6 часов границу перешли советские колонны – одна бронетанковая под Корцем, другая бронетанковая под Острогом, третья кавалерии с артиллерией под Дедеркалами. Большевики идут с открытыми люками танков, улыбаются и машут шлемами. Около 10 часов первая колонна достигла Гощи. Спрашиваю, как мы должны поступить* (выделено нами

– И.Д., В.С)?» [56; 301].

Советские войска исполняли полученный приказ – по польским войскам первыми огня не открывать. Наши солдаты и командиры относились к польским военнослужащим с демонстративной доброжелательностью, угощали папиросами, говорили, что пришли на помощь против немцев [56; 301]. Что в таких условиях говорить о рядовых польских солдатах, если даже польские генералы на местах, как мы видели, не знали, что им делать.

На местах ждали распоряжений главнокомандующего – маршала Рыдз-Смиглы. Последний, находясь на самой румынской границе, в Кутах¹¹, очевидно, тоже не мог определиться, как реагировать на русское вторжение с такой «манерой поведения» вторгшихся, ибо только в 23.40 17 сентября в войска по радио был передан его приказ следующего содержания: *«Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гар-*

---

¹¹ Любопытная ирония названия населённого пункта. В славянских языках слово «кут» означает «угол» (в русском это слово из употребления вышло, но сохранились его производные – «закут», «закуток», фамилия Кутепов). Маршал Рыдз-Смиглы «защищал» Польшу, сидя в «медвежьем углу» у самой румынской границы.

низонов в Румынию или Венгрию» [56; 301 – 302]. Продолжать сопротивление было приказано лишь частям КОП, отступавшим от Збруча к Днестру, и частям, прикрывавшим «*румынское предместье*» [56; 302].

После отдачи этого приказа Рыдз-Смиглы «героически» пересёк румынскую границу, а польские войска на русском фронте стали действовать так же, как на германском, где лишённые центрального командования уже 6 – 7 сентября они поступали на свой страх и риск в каждом конкретном случае.

Преимущественно польские регулярные части добровольно складывали оружие перед войсками Красной Армии. Порой они сами просили наших командиров взять их в плен. Подобный курьёз случился, например, на стражнице Михайловка (участок наступления войск Белорусского фронта). Находившийся там польский батальон сопротивления советским войскам не оказал и **трижды** обращался к командованию проходивших мимо частей РККА с просьбой взять его в плен [65; 1]. Случай не стал чем-то исключительным и повторился затем неоднократно.

Какие-то польские части и соединения, выполняя приказ Рыдз-Смиглы, пытались продвинуться к румынской, венгерской и литовской границам (последнее, кстати, приказом польского главкома не предусматривалось, но уж больно далеко польским войскам, находившимся на северо-востоке страны, было до Румынии и Венгрии). При встрече с нашими войсками они, как правило, предпочитали сдаться.

Однако триумфальным шествием без единого выстрела освободительный поход Красной Армии всё же не стал. Были и бои, иногда чрезвычайно ожесточённые. Причём, наиболее упорно сопротивлялись отряды польской жандармерии, пограничников и добровольцев из мирного населения.

В полосе Белорусского фронта около суток защищались отдельные польские отряды в Вильно (с вечера 18 до вечера 19 сентября). Штурмовавшие город подвижные отряды 3-й и 11-й армий фронта понесли, впрочем, незначительные потери (около 20 человек убитыми и около 30 ранеными). Характерно, что регулярные польские части преимущественно ушли из города (около 10 тысяч человек польских военнослужащих сдались в районе Вильно в плен советским войскам), а палили на улицах города в основном жандармы и отряды, составленные из студенческой молодёжи [56; 305 – 308].

Наступавшая от Лиды на Гродно моторизованная группа 16-го стрелкового корпуса 11-й армии под командованием комбрига Розанова 20 сентября столкнулась у населённого пункта Скидель с польским карательным отрядом численностью около 200 человек, подавлявшим антипольское выступление местного белорусского населения. Группа Розанова атаковала карателей и разбила их, потеряв при этом 1 бойца раненым, 1 бронемашину подбитой и 1 танк повреждённым [56; 308 – 309].

Затем, с 21 сентября, группа Розанова стала участницей

боёв за Гродно, которые с 20 сентября вели части и соединения конно-механизированной группы Белорусского фронта. Первыми к городу вышли танки 27-й танковой бригады 15-го танкового корпуса. Заняв к вечеру 20 сентября южную окраину города, танкисты попытались по мосту через Неман прорваться в центр города. Нескольким машинам это удалось, но, не имея поддержки пехоты, танкисты вынуждены были отступить [56; 310 – 311].

Вечером 20 сентября в бои за Гродно с советской стороны включился 119-й стрелковый полк 5-го стрелкового корпуса КМГ, а 21 сентября – 101-й стрелковый полк этого же корпуса, 20-я мотобригада 15-го танкового корпуса КМГ и подвижная группа Розанова. Бои закончились в ночь на 22 сентября, когда польский гарнизон, состоявший не только из регулярных частей, но и из отрядов полиции, жандармерии и ополченцев, покинул город [56; 313].

Бои за Гродно стоили частям РККА 57 убитых, 159 раненых, 19 подбитых танков и 4 бронемашин. Поляки потеряли убитыми 644 человека, 1 543 военнослужащих были взяты в плен [56; 313].

Вечером 22 сентября 1939 года передовой отряд 6-го кавалерийского корпуса КМГ вступил в Белосток. Здесь столкновений с польскими войсками не было, так как город уже с 15 сентября был занят немцами [52; 267]. Вот как описывает вступление в город командир передового отряда Исса Плиев (в будущем – дважды Герой Советского Союза, гене-

рал армии):

«Когда наши казаки прибыли в город, тысячи горожан высыпали на безлюдные доселе улицы и устроили красноармейцам восторженную оvation. Немецкое командование наблюдало эту картину с нескрываемым раздражением: контраст со встречей вермахта был разительный. Немецкие части спешили покинуть Белосток» [65; 1].

Здесь надо отметить, что занятие Белостока частями 6-го кавкорпуса и отход из него немцев происходили не вдруг. Поскольку советские части и соединения повсеместно стали входить в соприкосновение с немецкими, то 21 сентября в Москве был подписан советско-германский протокол, устанавливавший демаркационную линию между войсками РККА и вермахта [28; 151 – 153], [56; 330 – 332]. Эта демаркационная линия в целом соответствовала границе сфер влияния в Польше, установленной секретным протоколом к пакту Молотова – Риббентропа. Белосток оказывался в советской зоне. Поэтому немцам и пришлось уходить оттуда. Причём, процедура отвода немецких частей из Белостока 21 сентября была согласована на переговорах в Волковыске между командованием XXI армейского корпуса немцев, части которого находились в Белостоке, и командованием нашего 6-го кавалерийского корпуса [56; 267, 336].

Войска 4-й армии Белорусского фронта наступали на фронте Снов, Жиличи с задачей достигнуть этой линии уже 17 сентября. В 22 часа 29-я танковая бригада заняла Бара-

новичи. Первым в город вошёл танковый батальон под командованием И.Д. Черняховского, будущего командарма и комфронта во время Великой Отечественной. В районе Барановичей в плен было взято до 5 тысяч польских солдат. Уже 18 сентября 29-я и 32-я тбр 4-й армии вышли на реку Щара, ту самую, с рубежа которой ожидалось возрастание сопротивления польских войск. Однако более-менее серьёзные боестолкновения с поляками произошли только 21 сентября, а до этого войска армии 19 сентября заняли Пружаны (29-я тбр), 20 сентября – Кобрин (32-я тбр). На следующий день 32-я тбр вела бой с отрядом поляков численностью до 300 человек за обладание Городцом. Поляки были разбиты, Городец взят, танковая бригада потеряла при этом 6 человек убитыми, 2 ранеными и 3 танка. Один из танков, производя разведку в сторону населенного пункта Антонополь, вступил в бой с польским отрядом. У машины была разбита гусеница. На предложение поляков сдаться экипаж (Мухин, Ефимов, Лаговской) ответил отказом и вёл огонь по противнику до последней возможности. Поляки обложили танк хвостом, облили бензином и подожгли. Героический экипаж погиб [56; 313 – 315].

Оставшаяся в Пружанах до 22 сентября 29-я танковая бригада (командир – комбриг С.М. Кривошеин), выслав разведку в сторону Бреста, уже 20 сентября установила контакт с немцами у Видомиля. Именно эта бригада чуть позже займёт Брест, и именно она, якобы, будет участвовать в совмест-

ном с немцами параде в этом городе. Более подробно на вопросе так называемого взаимодействия РККА и вермахта в Польше мы остановимся несколько ниже.

23-й отдельный стрелковый корпус Белорусского фронта, развёрнутый в Полесье, получил приказ перейти границу только в 16.25 18 сентября. Уже 19 сентября части корпуса вели бой с польскими частями КОП в районе Кожан Городка. Продолжая наступление, корпус в течение вечера 20 сентября, последующей ночи и утра 21 сентября вёл неинтенсивный бой за овладение Пинском. Общие потери корпуса за 18 – 21 сентября составили 7 человек убитыми и 9 ранеными. 22 сентября корпус, уже будучи включён в состав 4-й армии (21 сентября), продвинулся и занял Ясново [56; 315 – 316].

В целом, в период с 22 по 29 сентября войска Белорусского фронта выходили на демаркационную линию, определённую советско-германским протоколом от 21 сентября. Каких-то серьёзных боестолкновений с польскими войсками части и соединения фронта не имели. На данном этапе было, пожалуй, куда важней и сложней контактировать и взаимодействовать¹² с войсками вермахта, чем сражаться с отдельными разрозненными отрядами поляков. Так, оперативная сводка Генштаба РККА за 27 сентября все боевые действия с польскими войсками, произошедшие к исходу дня 27 сентября на участках обоих советских фронтов, характеризует

---

¹² Слово «взаимодействовать», если честно, очень подмывает взять в кавычки. Уж очень своеобразным и «огнеопасным» было это взаимодействие.

весьма лаконично как продолжающиеся «*операции по очищению Западной Белоруссии и Западной Украины от остатков польских войск...*» [81; 128]. Собственно, 28-го числа с капитуляцией остатков остатков польских войск, располагавшихся в августовской пуще, боевые действия Белорусского фронта прекратились [56; 348 – 349], [65; 1 – 2]. Исключением стал крайний южный участок фронта, по сути, даже тылы фронта на южном участке, где войска 4-й армии вели бои с частью польской оперативной группы «Полесье». Бои эти длились до 30 сентября включительно. Однако главная роль в нанесении поражения ОГ «Полесье» принадлежит Украинскому фронту см. ниже).

К 29 сентября войска Белорусского фронта находились на линии Щучин – Стависки – Ломжа – Замбрув – Цехановец – Косув – Ляцки – Сокулув-Подляцки – Седльце – Лукув – Вохынь. За 12 суток похода фронт потерял 316 человек убитыми и умершими, 3 человека пропали без вести, 642 были ранены [56; 340], [65; 2].

Войска Украинского фронта также 17 сентября перешли польскую границу и стали продвигаться вглубь страны. Общая тенденция в полосе наступления фронта была та же, что и у его северного соседа – Белорусского фронта – польские регулярные части в большинстве своём сопротивлялись Красной Армии не оказывали и либо старались уйти к румынской и венгерской границам, либо сдавались в плен. Однако надо отметить, что всё-таки войскам УФ пришлось повоевать

с поляками в большей степени, чем войскам БФ. И, кроме того, в полосе фронта чаще имели место инциденты с войсками вермахта.

Наступавшая на северном фланге Украинского фронта 5-я армия, сломив в ряде приграничных боёв слабое сопротивление польских пограничников, продвигалась на запад походным порядком, практически не имея столкновений с противником. Уже около 18.00 17 сентября передовой отряд 45-й стрелковой дивизии 15-го стрелкового корпуса занял Ровно, разоружив в городе ряд польских частей, сдавшихся без боя.

18 сентября также без сопротивления со стороны поляков войска 5-й армии овладели Дубно (36-я тбр 8-го ск армии), где в плен было взято 6 тысяч польских военнослужащих, Рогачувом (36-я тбр; в плен взято 200 польских солдат и офицеров), Луцком (36-я тбр и разведбат 45-й сд), в районе которого были разоружены и пленены 9 тысяч поляков [56; 318].

С 19 сентября сопротивление польских войск на фронте 5-й армии усилилось. 60-я стрелковая дивизия 15-го стрелкового корпуса завязала бои за овладение Сарненским укреплённым районом. В ходе боёв 19 – 20 сентября советские войска прорвали УР на фронте Тыinne – Князь – Село и 21 сентября вступили в Сарны. Польские части отступили в Полесье [56; 317].

87-я стрелковая дивизия этого же корпуса 19 сентября в

районе Костополя вступила в бой с противником силой до двух пехотных полков с артиллерией. В ходе боя польский отряд был разбит и 1,5 тысяч его солдат попали в советский плен. Трофеями наших войск стали 25 орудий. 21 – 22 сентября части этой же дивизии на рубеже Навуз, Боровичи вели бои с укрепившимися польскими частями. Поляки были разбиты и отступили. Советской стороне бои под Навузом и Боровичами стоили 99 убитых и 137 раненых. Поляки убитыми и ранеными потеряли 260 человек, 120 польских военнослужащих попали в плен [56; 317].

В ночь с 19 на 20 сентября 36-я танковая бригада 8-го стрелкового корпуса завязала бой за Владимир-Волинский, который закончился 20 сентября капитуляцией польского гарнизона города [56; 318].

В течение 19 – 21 сентября ряд городов и населённых пунктов были заняты войсками 5-й армии без боя, в частности – Ковель (занят 21 сентября частями 45-й сд 15-го ск), Торчин (занят 19 сентября 36-й тбр 8-го ск), Верба и ряд других [56; 316 – 319].

К исходу 22 сентября войска 5-й армии вышли на рубеж Ковель – Рожице – Владимир-Волинский – Иваничи [56; 319].

По схожему сценарию развивались события и на фронте действующей южнее 6-й армии, в задачу которой входило овладение Тарнополем, Езерной, Козовым с последующим движением на Лбвов. После довольно быстрого слома со-

противления польской погранстражи силы армии около 8.00 свернулись в походные колонны и двинулись на запад. Сопротивление со стороны польских войск 17 – 18 сентября они практически не встречали, не считая незначительных боестолкновений с отдельными польскими частями и разрозненными группами. Так, в ходе перестрелок в Тарнополе, занятом советскими войсками, в общем, без боя, 5-я кавалерийская дивизия потеряла 3 человека убитыми и 37 ранеными. Эти потери дивизия понесла при очистке города от групп польских жандармов и офицеров, которые вели стрельбу по нашим бойцам с чердаков, крыш, из-за угла. В целом же, гарнизон Тарнополя капитулировал без сопротивления [56; 319 – 320].

Войска 6-й армии уже утром 17 сентября овладели Доброводами, к утру 18 сентября под их контролем был Тарнополь, в этот же день – Сасув (после незначительного сопротивления в городе и его окрестностях бойцам 14-й кавдивизии сдались свыше 13 тысяч польских военнослужащих), 19 сентября – Злочув, 20 сентября – Ярычев, Барщевеце, Шляхецкая. последний населённый пункт находился всего в 8 километрах от Львова. Однако сводный мотоотряд 2-го кавкорпуса и 24-й танковой бригады, в составе которого насчитывалось 35 танков, подошёл непосредственно к Львову уже 19-го числа.

Здесь мотоотряд был встречен огнём польской артиллерии, но всё-таки ворвался на восточные окраины города, а

его передовые танки дошли даже до центра Львова. Из центра Львова советские войска отступили по приказу командования, оставив за собой контроль за восточной частью города. Приказ этот был отдан по причине того, что командование польского гарнизона Львова выразило готовность капитулировать. Капитуляция гарнизона была желательна не только во избежание кровопролития, но и вследствие нахождения под Львовом немецких войск, которые в период с 12 по 18 сентября охватили город с севера, запада и юга. Это был весьма осложняющий дело фактор.

В конечном итоге, после определённых перипетий польский гарнизон сложил оружие 22 сентября перед нашими войсками, которые заняли Львов. Не будет преувеличением сказать, что присутствие немцев в районе Львова доставило советским войскам больше хлопот, чем его польские защитники.

На южном фланге Украинского фронта наступала 12-я армия. Так же, как и другие армии фронта, она перешла в наступление в 5.00 утра 17 сентября. Наибольшее сопротивление на границе встретил 4-й кавалерийский корпус армии, который вёл бой с частями КОП в приграничной полосе в течение двух часов. Остальные соединения армии двигались значительно быстрее. Уже 18 сентября была занята Коломыя, 19 сентября – Станиславов и Галич. В ходе овладения Галичем части 25-го танкового корпуса сломали сопротивление частей 26-й и 28-й дивизий поляков и взяли в плен 20

тысяч человек. При занятии Калуша 13-й стрелковый корпус пленил 11 тысяч польских военнослужащих. Затем корпус был подчинён командующему пограничными войсками НКВД Киевского военного округа, и к 21 сентября основные его силы развернулись вдоль границы с Румынией и Венгрией, выполняя приказ Военного совета Украинского фронта о немедленном закрытии границ. Действующие севернее войска 12-й армии, продвигаясь на линию Николаев – Стрый, около 17.00 20 сентября вошли в соприкосновение с немецкими войсками и были остановлены. По условиям подписанного 21 сентября в Москве советско-германского протокола, Стрый был 22 сентября передан немцами войскам РККА [56; 324 – 325].

Основная масса войск Украинского фронта возобновила своё продвижение, в соответствии с достигнутым с немцами соглашением, 23 сентября.

При этом войскам 5-й армии фронта пришлось вести 24 сентября двухчасовой бой за город Грубешув (8-й ск), а 25-го – за город Холм (36-я тбр). В результате последнего боя в советском плену оказались около 8 тысяч польских военнослужащих. Дальнейшее продвижение армии сколько-нибудь серьёзного сопротивления со стороны польских войск не встречало. К 29 сентября войска 5-й армии стояли по линии Влодава – Пугачув – Пяски (под Люблином) – Ольшанка – Кщонов – Тарновка – Закржев [56; 340 – 342].

На территории, по которой должны были пройти на за-

пад соединения 6-й армии УФ в период с 21 по 24 сентября немецкие войска (VII и VIII армейские корпуса 14-й германской армии) вели напряжённые бои с группой польских войск под командованием генерала Домб-Бернацкого. Поэтому 6-я армия возобновила своё продвижение только 25 сентября. Крупных группировок польских войск войска армии в районах своего продвижения не встречали. Не столкнулись они и с каким-либо серьёзным сопротивлением со стороны поляков. 2-й кавалерийский корпус армии вместе с 24-й танковой бригадой уже 25 сентября занял Жолкев, 26 сентября – Раву-Русскую, Немиров и Магеров. К 28 сентября войска 2-го кавкорпуса достигли Томашува и Замосця (здесь 14-я кд 2-го кк была передана в состав 5-й армии УФ) и реки Сан в районах населённых пунктов Буковина, Добча, Дзиков, а 24-я тбр вошла в Ценашув. Части 99-й стрелковой дивизии 17-го стрелкового корпуса в 9 часов 29 сентября вступили в Перемышль и начали его приём у германского командования. В целом, войска 6-й армии к 29 сентября вышли на среднее течение реки Сан от Билгорая до Перемышля [56; 342 – 343].

23 сентября возобновили продвижение и войска 12-й армии Украинского фронта. 24 сентября они заняли Дорогобыч и Борислав, приняв их у немецких войск. 4-й кавкорпус армии, пройдя через Дорогобыч, 26 сентября достиг района Сутковице, Висковице, Лановице, Вережница. Здесь на следующий день 34-я кавдивизия, 26-я танковая бригада и 18-

й танковый полк 32-й кавдивизии корпуса были атакованы польской кавалерийской группой под командованием генерала Андерса. Это было одно из самых крупных боестолкновений с польскими войсками за период освободительного похода. В ходе трёхчасового боя 27 сентября все атаки поляков были отбиты, и они отступили, потеряв 300 человек убитыми и 200 пленными. На следующий день наши кавалеристы довершили разгром группы Андерса. Сам генерал скрылся (в плен к советским войскам он попал только 30 сентября). С вечера 28 сентября 4-й кавкорпус приступил к охране границы от Перемышля до Мшанец [56; 342 – 344].

Действовавший южнее 5-й кавалерийский корпус 12-й армии с 24 сентября наряду с продвижением на запад начал прочёсывание предгорий Карпат. В 17 часов 26 сентября 16-я кавалерийская дивизия корпуса заняла Турку, а её 9-й кавполк прибыл на станцию Бескид, занятую 23 сентября венгерскими войсками, перешедшими польскую границу¹³. Попытка контакта с венграми вызвала с их стороны обстрел из ручного оружия. Церемониться с венгерскими захватчиками командир 9-го кавполка не стал и дал приказ ответить

---

¹³ Хотелось бы обратить на данный факт внимание «демократических» авторов. Венгрия не объявляла ни о каком освободительном походе, не вручала польскому послу никаких нот. Она просто под шумок «оттяпывала» кусок польской территории. Сомневаться в том, что «оттяпала» бы и кусок побольше, не появившись в данном районе советские войска, не приходится. Однако никаких «стенаний» «демократических» авторов по поводу агрессии Венгрии против Польши в сентябре 1939 года нам слышать не приходилось.

на обстрел со стороны венгров артиллерийским огнём. После такого ответа те быстро ретировались к государственной границе. Ситуацию на венгерской границе окончательно удалось нормализовать только после переговоров. 28 сентября 5-й кавалерийский корпус 12-й армии занимал позиции по верховьям реки Сан и на границе с Венгрией [56; 343 – 344].

Таким образом, войска Украинского фронта к исходу 29 сентября находились на линии Пугачув – Пяски – Пиотркув – Кржемень – Билгорай – Перемышль – верховья реки Сан [56; 343 – 344].

Войскам Украинского фронта пришлось вести самые ожесточённые бои с польскими войсками за весь период освободительного похода. Причём, бои эти начались в тот момент, когда силы фронта практически вышли на указанные выше рубежи. Дальше уже стояли немцы, и освободительный поход можно было считать окончанным

Но события развернулись в тылах Украинского фронта. Вполне, казалось бы, естественно, что в тылу ушедших вперед частей и соединений Красной Армии оставались отдельные небольшие группы польских военных. И, собственно, последние больших проблем не могли создать. Постепенно территорию от них очистили бы. Но дело в том, что в Полесье у поляков располагались вовсе не разрозненные части и остатки разбитых немцами соединений. Хоть и наспех, но польскому командованию удалось сколотить там оперативную группу, которая имела в своём составе около 18 тысяч

человек. Это были пограничники, жандармы, солдаты мелких гарнизонов, моряки Пинской флотилии. Состав, конечно, был довольно пёстрым, но войсковые контингенты находились под единым командованием. Оперативная группа получила название «Полесье». Во главе её встал генерал Кле-эберг.

Первое боестолкновение с войсками оперативной группы «Полесье» произошло вечером 27 сентября – на подступах к Влодаве был обстрелян 28-й отдельный сапёрный батальон 52-й стрелковой дивизии¹⁴, части которой в этот день заняли Шацк. Потеряв несколько красноармейцев ранеными, батальон отступил к Шацку [56; 344].

Утром 28 сентября в дефиле озёр Люцимер и Круглое войска ОГ «Полесье» атаковали 411-й танковый батальон. Батальон оказался под сильным артиллерийским огнём, потерял 7 человек и, не имея возможности развернуться для боя, начал отход. В этот же день 58-й стрелковый полк 52-й стрелковой дивизии в районе озера Пулемёцкое попал под удар крупных сил противника, имевших на вооружении большое количество станковых и ручных пулемётов. В бою был ранен командир дивизии. Узнав об этом, призванные по мобилизации солдаты стали разбегаться. Дело могло кончиться для советской стороны совсем плохо, если бы коман-

---

¹⁴ Первоначально 52-я стрелковая дивизия входила в состав в состав 23-го отдельного стрелкового корпуса Белорусского фронта, но к моменту описываемых событий она была передана в состав 15-го стрелкового корпуса 5-й армии Украинского фронта.

дир полка с сотней солдат-кадровиков при поддержке артиллеристов не остановил наступление поляков [56; 344 – 345].

Ситуация усугублялась тем, что штабные колонны 52-й сд находились на марше и устойчивой связи с частями дивизии не имели. В итоге, части вели бои с поляками на свой страх и риск.

Все эти события повели к тому, что войскам ОГ «Полесье» в ночь с 28 на 29 сентября удалось отбить у наших частей Шацк. Правда, в эту же ночь 112-й полк дивизии окружил в районе Мельников до полутора батальонов поляков и к утру заставил их сдаться. Но общее положение 52-й стрелковой дивизии на тот момент было весьма тяжёлым. Во многих частях и подразделениях, не имевших связи с вышестоящими командирами и командованием дивизии, царила неразбериха и даже паника. Части и подразделения, находясь в лесисто-болотистой местности, зачастую не имели связи и друг с другом, а потому действовали обособленно, ничего не зная о действиях и судьбе своих соседей.

Относительный порядок в подчинённых войсках командованию дивизии удалось навести только к 9 часам утра 29 сентября. Однако попытка 411-го танкового батальона отбить у поляков Шацк закончилась неудачей – батальон попал под сильный огонь польской противотанковой артиллерии, потерял 7 танков, 2 трактора, 3 противотанковых орудия. Погиб командир батальона капитан Насенюк [56; 344 – 345].

В результате боёв 28 – утра 29 сентября 52-я сд потеряла 81 человека убитыми, 184 ранеными (среди которых был и командир дивизии полковник И. Руссиянов). Правда, поляки в столкновении с дивизией потеряли значительно больше – только на полях боёв ими было оставлено 524 трупа, а 1 100 польских военнослужащих было взято в плен. Трофеями войск дивизии стали 500 винтовок, 34 пулемёта, 60 тысяч патронов, 4 вагона снарядов и 23 ящика взрывчатки. Но острая ситуация, в которой оказалась дивизия, ясно показала, что она не была готова к такому ожесточённому сопротивлению поляков, привыкнув к относительно спокойному продвижению. Выявилась и нестойкость значительного количества солдат, и огрехи командования.

Бои в районе Шацка продолжались до вечера 30 сентября. В 16.30 поляки отступили, переправившись через Западный Буг [56; 345].

Для оказания помощи 52-й сд командир 15-го ск выслал вечером 30 сентября 253-й стрелковый полк и подвижный отряд 45-й сд. Однако эта группа сама ранним утром 10 октября вступила в бой с польской группировкой в районе Вытычино, Старый Майдан. Бой с этой частью опергруппы «Полесье» продолжался практически до вечера 1 октября. Об ожесточённости боя говорит тот факт, что дело доходило до штыковых атак и рукопашных схваток. Комкор-15, видя, что отправившийся на помощь 52-й сд отряд сам ведёт ожесточённый бой, выслал помощь уже этому отряду – 16-й стрел-

ковый полк 87-й стрелковой дивизии. Последний по дороге в районе Сухава, Колаче, Козаки пленил крупную группу польских военнослужащих (500 человек, среди которых было 150 офицеров). Данная группа сопротивления не оказала (то ли от неожиданности появления 16-го сп, то ли от того, что отступала уже изрядно потрепанная 253-м сп). После 18.00 1 октября 16-й сп установил связь с 253-м сп. Правда, к тому моменту поляки перед фронтом 253-го сп были уже разгромлены. Потери наших войск в указанном бою составили 31 человека убитыми, 101 ранеными, выведен из строя один плавающий танк Т-37. Потери противника: убито – 380 человек, попало в плен около 1 тысячи человек (это не считая тех 500, которые сдались 16-му сп). Трофеями советских войск стало 400 винтовок, 8 пулемётов и 4 орудия [56; 345 – 348].

Южнее, в районах Кржеменя и Билгорая бои с войсками оперативной группы «Полесье» вели соединения 6-й армии Украинского фронта.

Вечером 30 сентября под Кржеменем противником были обстреляны и атакованы части 140-й стрелковой дивизии (на тот момент дивизия входила в состав 5-й армии, но уже в ходе боёв с ОГ «Полесье» её передали в 6-ю армию). Поляки здесь были разбиты в течение ночи на 1 октября. Советские части потеряли 3 человека убитыми и 5 ранеными [56; 349 – 350].

С 1 по 5 октября 140-я стрелковая дивизия и 14-я кав-

лерийская дивизия 2-го кавалерийского корпуса 6-й армии в лесах под Билгораем разгромили кавгруппу полковника Зеленецкого. В плен к нашим войскам попали 12 408 польских солдат и офицеров [56; 349 – 350].

Необходимо заметить, что 29 – 30 сентября в районе Рудня, Радче, Яблона бои с отдельными отрядами оперативной группы «Полесье» вели части 143-й стрелковой дивизии 4-й армии Белорусского фронта. Советские потери в этих боях составили 36 человек убитыми, 41 ранеными, 9 пленными, 3 танка, 3 автомашины, 4 пулемёта и 1 орудие. Поляки же оставили в местах боёв 20 трупов, 189 польских военнослужащих были пленены. Трофеи 143-й сд были более чем скромны – 14 винтовок, 4 лошади и 1 полевая кухня [56; 348 – 349], [85; 4]. Подобный неблагоприятный для советской стороны баланс потерь и трофеев объясняется тем, что в ходе боёв вечера 29 сентября и дня 30 сентября поляки в полосе действия войск 143-й сд 4-й армии БФ использовали преимущественно партизанскую тактику неожиданных налётов на советские части и неожиданных обстрелов их, уклоняясь от прямых лобовых столкновений. Так, боевые действия с силами ОГ «Полесье» 143-я сд начала с того, что вечером 29 сентября под Яблонью попал в засаду и был обстрелян чуть не в упор пулемётным и артиллерийским огнём разведбатальон дивизии, а на следующий день точно в таком же положении на опушке леса южнее Копин оказался 2-й батальон 487-го стрелкового полка дивизии [56; 348

– 349]. Безусловно, подобные факты явились не только свидетельством воинского мастерства польских военных, но и показателем неудовлетворительной организации дозорной и разведывательной службы в 143-й стрелковой дивизии, что, конечно же, в свою очередь, было следствием определённой расслабленности после двенадцати дней относительно спокойного продвижения по территории Западной Белоруссии. В ночь на 1 октября силы ОГ «Полесье», действовавшие на участке 143-й сд 4-й армии Белорусского фронта, отошли в юго-западном направлении, в полосу 5-й армии Украинского фронта.

В целом, против войск Белорусского фронта действовала незначительная часть опергруппы «Полесье», да и та, в конечном итоге, отступила южнее, в полосу Украинского фронта. Последнему пришлось нести основную тяжесть борьбы с этой, оказавшейся наиболее дееспособной, группой Войска Польского на Востоке страны.

5 октября бои с оперативной группой «Полесье» были завершены [66; 6].

* * *

28 сентября 1939 года в Москве между СССР и Германией был подписан договор о дружбе и границе. В нём по инициативе советского правительства оговаривалось прохождение западной границы СССР примерно по так называемой «ли-

нии Керзона», предлагавшейся странами Антанты как граница между Советской Россией и Польшей ещё в 1919 году [28; 80 – 81], [62; 176 – 178], [70; 185], [81; 129 – 132]. «Линия Керзона» учитывала этническую картину региона. Её принятие в качестве границы обеспечивало вхождение в состав Польской Республики областей с преимущественно польским населением. К БССР и УССР отходили территории, населённые белорусами и украинцами. Советско-польская война 1920 – 1921 годов, в которой РСФСР потерпела поражение, сдвинуло советско-польскую границу на восток. Теперь, в 1939 году, западная граница СССР снова прошла с учётом этнического принципа.

Однако секретный протокол к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года и подписанный в соответствии с ним 21 сентября в Москве протокол о демаркационной линии между войсками РККА и вермахта в Польше устанавливали вхождение в советскую зону влияния территорий западнее принятой и закреплённой в договоре от 28 сентября госграницы СССР. И в ходе освободительного похода войска Белорусского и Украинского фронтов вышли на эти территории. Теперь требовался отвод войск назад, на восток, к новой демаркационной линии, которая должна была стать государственной границей между СССР и Третьим рейхом. К немцам отходили Люблинское и часть Варшавского воеводства. Взамен Москва получала в сферу своего влияния Литву, которая, как мы знаем, в 1940 году вошла в со-

став СССР [28; 84 – 85], [62; 178], [81; 131 – 132].

Новая советско-германская договорённость была доведена до советских войск, действовавших в Польше, в 8.00 29 сентября – штабы Белорусского и Украинского фронтов получили приказы об остановке подчиненных войск на достигнутых рубежах не позднее 18.00 этого же дня [56; 358].

2 октября в Москве был подписан протокол о новой демаркационной линии между РККА и вермахтом на территории Польши [28; 164 – 165], [56; 359 – 361]. Отвод советских войск на эту линию проходил с 5 по 12 октября [56; 368 – 369].

В результате освободительного похода Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину в Советский Союз вошли территории общей площадью в 196 тысяч квадратных километров, с населением около 13 миллионов человек. Западная граница СССР была отодвинута на 250 – 300 километров к западу [36; 249], [64; 7 – 8], [70; 185].

Освободительный поход не явился для РККА увеселительной прогулкой. Конечно, боевые действия, которые пришлось вести нашим войскам с поляками, были значительно менее масштабны и ожесточённы, чем те, которые вёл с Войском Польским вермахт. Но, тем не менее, бои имели место. Как заметил один из современных авторов, *«история присоединения Западной Беларуси¹⁵ в сентябре 1939 года»* не была

---

¹⁵ Автор посвятил свою статью боевым действиям авиации Белорусского фронта. Поэтому в цитируемом отрывке не идёт речь о Западной Украине. Однако,

«чем-то вроде крупномасштабных военных манёвров, закончившихся победой и цветами. На самом деле Красной Армии пришлось участвовать в военных действиях с применением танков и авиации» [85; 1]. И потери, которые понесла Красная Армия, были довольно ощутимы (если учитывать масштаб, характер и сроки боевых действий). РККА потеряла:

Людей:

безвозвратно – 1 475 человек,

из них

убитыми и умершими от ран – 1 173 человека;

пропавшими без вести – 302 человека;

ранеными – 2 002 человека;

заболевшими – 302 человека.

Техники – 65 единиц,

из них

орудий и миномётов – 6;

танков – 17;

самолётов – 6;

автомашин – 36 [56; 404], [70; 187].

Потери польской стороны при этом были всё-таки значительно больше (убитыми – 3 500 человек, ранеными – 20 000 человек, 900 орудий и миномётов, 300 самолётов) [46;

как известно, Украинскому фронту пришлось повоевать с поляками даже больше Белорусского.

42], [56; 404]. Эти цифры, безусловно, говорят о более высоком боевом мастерстве советских войск. Но в то же время явились данные цифры и следствием их численного и технического превосходства над воинскими контингентами польской армии, располагавшимися на востоке Польши.

Длившаяся чуть более двух недель кампания вскрыла и определённые недостатки в организации советских войск, их тактической подготовке, работе службы тыла. Например, выяснилось, что танковые корпуса, которые рассматривались как главный инструмент мобильной войны, являются громоздкими и трудноуправляемыми (танковый корпус состоял из трёх бригад – двух танковых (точнее, легкотанковых) и одной мотострелковой; имел на вооружении 560 танков). Поэтому в ноябре 1939 года танковые корпуса расформировали [3; 217], [17; 367], [28; 546 – 547], [48; 373]. На наш взгляд, здесь надо говорить не столько о громоздкости танкового корпуса, сколько о неумении управлять им, т.е. недостаточности подготовки наших командных кадров в этом вопросе. Все эти недостатки в гораздо более острой форме проявятся в Финскую кампанию РККА. Более того, они не будут полностью ликвидированы и к началу Великой Отечественной. Окончательно изживали их уже ценой большой крови в большой войне.

* * *

Особо хотелось бы затронуть вопрос взаимодействия Красной Армии и вермахта на территории Польши в сентябре – октябре 1939 года. Это взаимодействие в определённой степени имело место. Однако далеко не в такой, чтобы говорить о том, что СССР и Германия вместе воевали против Польши, т.е. были союзниками. Тем не менее, современные «демократические» историки заявляют о союзнических отношениях СССР и Германии, о настоящем боевом взаимодействии двух армий в ходе войны против Польши. Так, авторы исследования «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 – 1941», называя Советский Союз и Третий рейх «новоиспечёнными союзниками» [22; 102], делают следующие утверждения:

«17 сентября начался третий и последний этап военной кампании против Польши, продолжавшийся до 5 октября и завершившийся ликвидацией её самостоятельного государственного существования и подавлением последних очагов сопротивления польских войск. Отличительной чертой данного этапа стало непосредственное участие в этой кампании и советских войск, практическое взаимодействие между ними и вермахтом, основанное на германо-советских договорённостях, достигнутых в августе 1939 года (выделено нами – И.Д., В.С.)» [22; 93].

«Общим было их (СССР и Германии – И.Д., В.С.) стремление к реализации августовских договорённостей, нацеленных на агрессию в отношении польского государства и раз-

дела его территории» [22; 94].

«Весьма тесным и разносторонним было и сотрудничество между вермахтом, силы которого вели боевые действия против польской армии, и советскими войсками, которые в 5 часов утра 17 сентября перешли границу и стали почти беспрепятственно продвигаться на запад, делая по 50 – 70 километров в день (выделено нами – И.Д., В.С.)» [22; 98].

То есть авторы исследования «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 – 1941» считают, что:

1) Действия вермахта и Красной Армии в Польше представляли, по сути, одну кампанию, которая напрямую вытекала из августовских договорённостей и была направлена на ликвидацию польской государственности.

2) Взаимодействие между РККА и вермахтом началось чуть ли не с первых минут перехода Красной Армией польской границы.

Таким образом, Москва и Берлин в сентябре 1939 года в Польше были полноценными союзниками, выступали против польских войск единым фронтом.

В данной работе нет возможности приводить развёрнутую аргументацию, доказывающую, что августовские договорённости между СССР и Германией не означали автоматической ликвидации польской государственности, что они не говорят не только о стремлении СССР к этому, но даже о стремлении к этому Третьего рейха (интересующихся вопро-

сом более подробно вновь отсылаем к нашей работе «"Чёрная мифология". К вопросу о фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн»). Приведём лишь один пункт из секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между Советским Союзом и Германией от 23 августа 1939 года:

«2. В случае территориального политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства, и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития (выделено нами – И.Д., В.С.).

Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия» [28; 60], [59; 111], [60; 48 – 49], [73; 17], [81; 82].

Итак, из этого пункта секретного дополнительного протокола ясно видно, что Польша, как государство, вполне могла и сохраниться. Во всяком случае, об этом недвусмысленно говорит второй абзац пункта. И войой поляки лучше, не постигни их военная катастрофа, не будь успехи вермахта в кампании столь головокружительны и стремительны, впол-

не возможно некое «усечённое» Польское государство могло остаться на политической карте Европы.

Излишне говорить, что понятия «зона влияния», «сфера интересов» в применении к тому или иному государству во все не означают ввода войск этого государства на территории сферы интересов, их захват, оккупацию, аннексию.

Второй пункт секретного дополнительного протокола к советско-германскому пакту о ненападении является единственным в августовских договорённостях (сам договор плюс секретный протокол к нему), который вообще что-то говорит о Польше. Так что, авторы «Восточной Европы...» попросту лгут, что они (эти договорённости) предопределили боевое взаимодействие РККА и вермахта. Ими не было предопределено не только это взаимодействие, но даже ввод сил РККА в Западную Белоруссию и Западную Украину. Пересечь польскую границу советские войска вынудила та катастрофа, которая постигла польскую армию. К 17 сентября 1939 года немцы не просто вступили в советскую зону влияния, определённую протоколом к пакту о ненападении, но на ряде участков стояли всего в 100 километрах от границы СССР. Подобное развитие событий было абсолютно не в интересах нашей страны.

Весьма показательными в данном отношении являются следующие факты. Во-первых, германское правительство дважды (3 и 9 сентября) проводило зондаж относительно военных намерений советской стороны в Польше (т.е. даже 9-

го числа у немцев не было никакой уверенности, что РККА вообще вступит на польскую территорию) [56; 278, 287]. Во-вторых, офицер связи Главного командования Сухопутных сил (ОКХ) при главной квартире фюрера Николаус фон Форман приводит информацию об экстренном совещании в ставке Гитлера с участием высших политических и военных деятелей ранним утром 17 сентября, когда в Берлине было получено известие о скором переходе РККА польской границы. На этом совещании рассматривались возможные варианты действий германских войск в возникшей ситуации, и начало боевых действий против Красной Армии было признано нецелесообразным [64; 6]. Вывод из данного факта вполне очевиден: Германия не только не считала СССР союзником, не только не оговаривала с ним какое-то военное взаимодействие в Польше, но даже не имела каких-то предварительных планов, что вообще делать в том случае, если СССР всё-таки введёт свои войска на территории, являющиеся его сферой интересов. Кстати, многочисленные осложнения, которые возникали между РККА и вермахтом при встрече в Польше (о чём подробнее немного ниже) подтверждают подобный вывод.

Спустя какое-то время после вступления сил РККА на польскую территорию некое взаимодействие с вермахтом действительно имело место. Оно явилось следствием того, что войска Красной Армии и вермахта вошли в соприкосновение. Ну, а поскольку они не воевали друг с другом, то

чтобы урегулировать отношения между ними какое-то взаимодействие наладить было надо. И оно свелось преимущественно к согласованию графиков выхода на демаркационные линии, определённые пактом Молотова – Риббентропа и Договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года. Было подписано два соответствующих протокола в Москве (21 сентября и 2 октября). Выше о них упоминалось. Определяемое ими взаимодействие двух армий на польской территории никак нельзя назвать боевым. Вряд ли таковым является оговариваемая пунктом 4. протокола от 21 сентября охрана вермахтом населённых пунктов и важных объектов (мостов, складов, электростанций и т.п.) до подхода частей РККА в районы, отходящие к советской стороне, и аналогичная охрана войсками РККА населённых пунктов и важных объектов до подхода частей вермахта в районы, отходящие германской стороне, оговариваемая пунктом 4. протокола от 2 октября [28; 151 – 153, 164 – 165], [56; 330 – 332, 359 – 361].

Единственным пунктом, в котором можно усмотреть соглашение о боевом взаимодействии сторон, является пункт 5. протокола от 21 сентября, в котором говорится дословно следующее:

«П.5. При обращении германских представителей к Командованию Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей, или банд, стоящих на пути движения мелких частей германских войск (выделено на-

ми – И.Д., В.С.), *Командование Красной Армии (начальники колонн), в случае необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на пути движения»* [28; 152], [56; 331].

О чём, собственно, речь? Немецкие подразделения, осуществляющие до подхода войск РККА в населённые пункты их охрану и охрану важных объектов, согласно пункту 4. протокола, после подхода частей РККА отходят к своим войскам. На территории, по которой эти мелким частям немцев пришлось бы двигаться, находилось множество разрозненных групп польской армии, которые вполне могли нападать на небольшие группы немецких военных. Вот в таком-то случае наши военные и должны были помочь немцам преодолеть препятствия, лежащие *«на пути движения»* [28; 152], [56; 331]. Что ж? Вполне, так сказать, по-джентельменски: они для нас охраняют, чтобы brave польские жолнеры, болтавшиеся по лесам, не навзрывали мирные народохозяйственные объекты и не поубивали мирных украинских и белорусских жителей (таких случаев, кстати, было хоть отбавляй), а мы их, в случае надобности, «провожаем» потом «до дома». Спору нет – это боевое взаимодействие. Только ведь чёрным по белому в протоколе записано о мелких немецких частях. Согласитесь, трудно в такой ситуации говорить о каких-то крупномасштабных совместных боевых операциях. Кроме того, неплохо бы ещё задаться вопросом: а часто ли подобным образом взаимодействовали РККА и вермахт?

Оказывается, зафиксировано всего два случая.

Вот первый из них. 26 сентября 1939 года в полосе действия Белорусского фронта в районе Чижева немецкий арьергардный отряд был обстрелян поляками и, потеряв 1 человека убитым и 4 ранеными, вернулся в Цехановец, в расположение советских частей, оказавших немцам медицинскую помощь [56; 337]. Тут обращает на себя внимание то обстоятельство, что содействие немцам со стороны РККА выразилось лишь в принятии к себе немецкого арьергардного отряда и оказании раненым медпомощи. Наши военные не бросились догонять и громить поляков. Да, видимо, в этом и не было необходимости, так как поляки ретировались сами.

Второй случай произошёл в ночь с 27 на 28 сентября примерно в том же районе (северо-восточнее Костельныя, что недалеко от Чижева). Польский кавалерийский отряд напал на отходящие германские части. Понеся потери, немцы обратились за поддержкой к советским частям, и разведбатальон 13-й стрелковой дивизии прикрыл отход немцев на запад. Масштаб этого нападения поляков на немцев не стоит преувеличивать: численность польского отряда была всего 50 человек [56; 337]. Приходится полагать, что подвергшиеся его нападению германские части были совсем невелики численно (наверное, никак не больше роты суммарно). С этим «летучим» отрядом вскоре совершенно самостоятельно (без немцев) покончил ещё один советский разведбатальон в районе села Модерка [56; 337]. Опять обратим внима-

ние: советская поддержка немцев весьма пассивна (прикрыли немецкий отход на запад), нет никакого стремления вместе с немцами взять да и прихлопнуть польский отряд. Такое впечатление, что наши военные вполне сознательно избегают совместных с германскими войсками боевых действий.

Весьма показательным и то обстоятельство, что в протоколе от 2 октября 1939 года, который регламентировал порядок установления новой демаркационной линии между советскими и германскими войсками, подобный пункт в «зеркальном отражении» отсутствовал. Т.е. пункт 4. в «зеркальном отражении» был – советские войска охраняют населённые пункты и важные объекты до подхода частей вермахта, как это делали немцы, согласно протоколу от 21 сентября. А вот о помощи отходящим после осуществления подобной охраны нашим мелким частям со стороны войск вермахта, в случае если на эти наши мелкие части нападут польские формирования и банды, – ни слова. Не сомневаемся, что соответствующий пункт не включили в протокол от 20 октября не по забывчивости сторон. Просто советские военные сознательно избегали какого-то боевого взаимодействия с немцами. Также можно быть уверенным, что в протоколе от 21 сентября подобный пункт оказался по настоянию немцев. И, как сами понимаете, отказаться от его принятия советская сторона не могла – в конце-то концов, он был абсолютно логичен и справедлив (учитывая положения пункта 4.).

Вести какие-то серьёзные разговоры о «совместном пара-

де» в Бресте 22 сентября 1939 года и подавать это как пример взаимодействия Красной Армии и германских войск возможным не представляется. Прежде всего, потому, что совместный парад – это не совместные боевые действия, а всего лишь совместное торжественное прохождение войск. А во-вторых, и **совместного** парада никакого не было. Вот как это выглядело на самом деле (по воспоминаниям С.М. Кривошеина, тогда комбрига и командира 29-й танковой бригады, которая и занимала Брест, из которого уходил XIX моторизованный корпус вермахта, под командованием Г. Гудериана):

«В 16 часов части вашего (т.е. Гудериана – И.Д., В.С.) корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, мои части (т.е. 29-я тбр С.М. Кривошеина – И.Д., В.С.), также в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знамёнами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши» [56; 337], [69; 183].

Гудериан согласился на предложенную советским комбригом процедуру (хотя первоначально настаивал на полноценном совместном параде), но, как вспоминал С.М. Кривошеин, *«оговорив, однако, что он вместе со мной будет стоять на трибуне и приветствовать проходящие части» [56; 337 – 338].*

Можно, конечно, заподозрить С.М. Кривошеина, что в послевоенных воспоминаниях он несколько подретуширо-

вал события, чтобы факт совместного парада с будущим смертельным врагом не вызывал у читателей некоторого, мягко говоря, недоумения. Но вот что пишет по поводу событий в Бресте 22 сентября 1939 года Гудериан в своих мемуарах (так сказать, «поверим» Кривошеина Гудерианом):

«В день передачи Бреста русским в город прибыл комбриг Кривошеин, танкист, владеющий французским языком; поэтому я смог легко с ним объясниться. Все вопросы, оставшиеся неразрешёнными в положениях министерства иностранных дел, были удовлетворительно для обеих сторон разрешены непосредственно с русскими. Мы смогли забрать всё, кроме захваченных у поляков запасов, которые оставались русским, поскольку их невозможно было эвакуировать за столь короткое время. Наше пребывание в Бресте закончилось прощальным парадом и церемонией с обменом флагами в присутствии комбрига Кривошеина (выделено и подчёркнуто нами – И.Д., В.С.» [25; 113].

Как видим, парад был, но он не был совместным. В нём участвовали только немецкие войска. От советских войск на нём присутствовал только комбриг С.М. Кривошеин, о чём недвусмысленно говорит Гудериан. Никакого противоречия с тем, что пишет С. М. Кривошеин, в воспоминаниях Гудериана нет. О событиях 22 сентября в Бресте немецкий генерал повествует весьма кратко. Советский генерал описал их несколько подробнее. Процедура, про которую рассказывает С.М. Кривошеин (с отсалютованием друг другу знамёна-

ми при встрече советских и немецких войсковых колонн на улицах Бреста), могла иметь место как до парада немецких войск, так и после него.

Кстати, если мы взглянем на получившую широкую известность, перекочёвывающую из издания в издание фотографию этого парада, то увидим стоящих на трибуне Гудериана и С.М. Кривошеина. Но вот что любопытно: не видно больше ни одного советского военного, вокруг одни немцы. То есть, никакой советской делегации на параде, фактически, нет. Во всяком случае, если она и была, то предпочла стоять в стороне и не лезть в кадр. Данный факт, как и нежелание нашего комбрига проводить полноценный совместный парад, очень ярко характеризуют отношение советских военных ко всему этому действу, представлявшему собой, по сути, всего лишь торжественный вывод германских войск из города.

Предложения германской стороны о проведении крупных совместных боевых операций против польских войск советским командованием были отклонены. Таковых предложений **было два**. В обоих случаях действовать против поляков согласованно с немцами должны были войска Украинского фронта.

20 сентября 1939 года германская сторона на высшем уровне (через своего военного атташе в Москве) предлагала совместный штурм Львова, под которым на тот момент находились и части Красной Армии, и соединения вермахта,

подошедшие туда раньше, но не смогшие взять город. Советское военное и политическое руководство настояло, однако, на отводе немецких войск, и город, как мы помним, брался исключительно нашими войсками.

С 21 по 24 сентября части VII и VIII армейских корпусов 14-й германской армии вели напряжённые бои с группировкой польских войск под командованием генерала Домб-Бернацкого в районе города Томашув. Поляки атаковали от города Грубешув на Томашув и первоначально даже несколько потеснили немцев. Но, в конечном итоге, германские войска отбили все атаки поляков и, контратаковав, оттеснили их к востоку, в районы, через которые должны были пройти к демаркационной линии, определённой московским протоколом от 21 сентября, войска 6-й армии Украинского фронта. 23 сентября к командованию 6-й армии явились немецкие делегаты и предложили поучаствовать в разгроме польской группировки, которая оказалась как раз перед фронтом нашего объединения. Но командарм-6 комкор Ф.И. Голиков не имел полномочий для решения подобных вопросов, ибо московский протокол не предусматривал проведения совместных с немцами масштабных боевых действий. Он перенаправил её немецкую просьбу в штаб Укрфронта. Командующий фронтом командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко, в свою очередь, переадресовал предложение германских военных в Генштаб. И поскольку ни 23, ни 24 сентября войска 6-й армии и шагу вперёд не ступили, то легко до-

гадаться, как в Генеральном штабе отнеслись к немецкому предложению – оно было оставлено без внимания. Армия комкора Ф.И. Голикова возобновила своё продвижение к линии демаркации только 25 сентября и уже не встречала на пути своего следования каких-то крупных польских сил. Их разгромили и рассеяли немцы и, сделав это, сами отступили на запад, к намеченной демаркационной линии.

Любопытно, что связанные с этими событиями документы штаба Украинского фронта некоторые историки «демократического» толка используют для «доказательства» участия советских войск в разгроме группы генерала Домб-Бернацкого. Т.е. они попросту занимаются прямой фальсификацией фактов. Так, авторы уже упоминавшейся нами работы «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 – 1941» сначала пытаются создать у читателя впечатление о благожелательном отношении командующего Украинским фронтом С.К. Тимошенко к просьбе немецких военных об участии советских войск в разгроме группы Домб-Бернацкого. Для этого используется его резолюция на докладе о визите германских представителей с предложением поучаствовать в разгроме польских сил в районе Грубешув, Томашув. *«На документе, – пишут авторы «Восточной Европы...», – резолюция Тимошенко: “Глубокое измышление. Подобное для разговоров в большом штабе, но не для меня”* [22; 102].

«Видимо, – продолжают они, – в “большом штабе” идея

германского командования о совместной операции против поляков нашла благожелательный отклик» [22; 102].

Т.е. сомнения С.К. Тимошенко в значительности польской группировки (слова «*глубокое измышление*») авторы «Восточной Европы...» пытаются представить как глубокое размышление комфронта о полезности совместной с немцами операции, что, мол, являлось своеобразной рекомендацией идеи подобной операции для Генштаба. При этом господ историков не смущает то обстоятельство, что слова «*измышление*» и «*размышление*» в русском языке вовсе не синонимы, хотя и однокоренные и различаются только приставкой. А чтобы у читателя не возникло сомнений в подобной трактовке резолюции С.К. Тимошенко господ историки тут же, без всякой красной строки, приводят и ещё один документ штаба Украинского фронта. Автором его был не кто иной, как начальник штаба фронта Николай Федорович Ватутин. 24 сентября он информировал командира 60-й стрелковой дивизии:

«Части 8-го стрелкового корпуса на восточном берегу р. Буг у Грубешув и Крылув утром 24 форсировали р. Буг и захватили Грубешув. Группа продолжает наступление к установленной с немцами демаркационной линии по р. Висле, уничтожая и пленяя по пути польские части» [22; 102 – 103].

Речь в документе идёт, собственно, о движении к линии демаркации с немцами. Комдив-60 информируется штабом

фронта, как обстоит положение дел у его соседа – 8-го стрелкового корпуса. Ни о какой совместной операции в документе и близко не упоминается, ясно указывается, что наши войска движутся к демаркационной линии, куда уже отошли немцы. То, что по пути ими пленяются или, в случае сопротивления, уничтожаются какие-то мелкие группы польских войск, – вполне естественно. Это было повсеместное явление в полосах движения обоих советских фронтов – Украинского и Белорусского. Но авторам «Восточной Европы...» важно показать обратное, т.е., что советские войска помогают немецким уничтожать войска польские. И начинают горе-историки нагромождение номеров советских соединений (для правдоподобия своей лжи):

«Против грубешовской группировки поляков были брошены также советский 2-й конный корпус с 24-й танковой бригадой, которой было приказано “занять район Туринка, Добросин, Жулкев, имея передовые отряды на ст. Линник, Магерув, Вишинка, Велька... При обнаружении значительных сил противника перед фронтом 8-го с[трелкового] к[орпуса] атаковать и пленить их. Не допустить также попыток противника прорваться из указанных районов на Львов, Каменка”» [22; 102 – 103].

И не смущает авторов то обстоятельство, что 8-й стрелковый корпус и 60-я стрелковая дивизия, входившая первоначально в 15-й стрелковый корпус, а затем действовавшая самостоятельно, – это вовсе не 6-я армия, помощи кото-

рой добивались под Томашувом немцы, а её северный сосед – 5-я армия. Что наступали соединения последней по территории, с которой основные силы группы Домб-Бернацкого ушли ещё 21 сентября на юг, к Томашуву. Что польскую группировку немцы оттеснили не обратно на север, а на восток, а потому и добивались помощи не 5-й, а 6-й армии Укрфронта. Что 24-я танковая бригада и 2-й кавкорпус, действительно входившие в 6-ю армию, выполняли со своим северным соседом – 8-м стрелковым корпусом 5-й армии разные задачи, а потому нельзя цитировать приказ штаба Укрфронта, выпуская участки его текста таким образом, чтобы у читателя сложилось впечатление, что эти соединения решают одну задачу. А то, что эта задача – разгром группы Домб-Бернацкого, читателю должно быть ясно из всего предыдущего изложения авторов «Восточной Европы...».

Если боевое взаимодействие частей РККА и вермахта в Польше практически не имело места и в большей степени является мифом, созданным «демократическими» мифотворцами (каким образом создавался этот миф, чуть выше было показано; подобные способы трудно назвать приемлемыми в науке, другое дело – в агитации и пропаганде), то боевые столкновения наших и германских войск в Польше были вполне реальны. Так, уже 17 сентября части XXI армейского корпуса немцев подверглись восточнее Белостока бомбардировке советской авиацией и понесли потери. В свою очередь, вечером 18 сентября у местечка Вишневец (85 километров

от Минска) немецкая бронетехника обстреляла расположение 6-й советской стрелковой дивизии, погибло 4 красноармейца [65; 1]. 19 сентября под Львовом немцами был обстрелян мотоотряд 24-й танковой бригады 6-й армии. Наши бойцы были вынуждены открыть ответный огонь. В ходе боестолкновения немцы потеряли 3 человека убитыми, 9 ранеными и 3 противотанковых орудия. С нашей стороны потери составили 3 человека убитыми, 4 ранеными, 2 бронемашин и 1 танк оказались подбиты. Только после боя немцы прислали своих представителей, и конфликт был урегулирован [28; 147], [56; 321]. 23 сентября у Видомля немцами были обстреляны части 8-й стрелковой дивизии 4-й армии Белорусского фронта – 2 красноармейца были убиты, 2 ранены. Наши бойцы открыли ответный огонь, в результате которого был разбит 1 немецкий танк, и погиб его экипаж, после чего немцы поспешили урегулировать конфликт. 30 сентября около местечка Вохынь 3 немецкие бронемашин открыли огонь по сапёрному батальону 143-й сд 4-й армии Белфронта. Наши войска вновь были вынуждены отвечать огнём, и вновь только после ответного огня немцы выслали своих парламентёров. В этот же день в 42 километрах юго-восточнее Люблина немецкий самолёт обстрелял расположение 1-го батальона 146-го стрелкового полка и 179-го гаубичного артполка 44-й стрелковой дивизии 15-го стрелкового корпуса 5-й армии Украинского фронта. Были ранены 8 советских военнослужащих [56; 338 – 341].

И если действия советской авиации 17 сентября были явной ошибкой, то действия наземных немецких войск, с заведомой периодичностью обстреливавших наши части, очень похожи на преднамеренные. Конечно, вступать в серьёзные боевые действия с большевиками немцы тогда не собирались, но насолить им были, судя по всему, готовы. Правда, в большинстве случаев им это выходило боком.

В таких условиях не приходится удивляться, что войска Красной Армии получали от своего командования директивы при встрече с немецкими войсками *«действовать решительно и продвигаться быстро»*, ни в коем случае *«не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией»* [65; 1]. Вот какой приказ отдал своим частям в ночь с 27 на 28 сентября командир 23-го стрелкового корпуса Белорусского фронта: *«Высланные представители должны в корректной форме потребовать от представителей немецкой армии освободить 29.9 города Седлец, Луков и предупредить, что Красная Армия эти пункты 29.9 займёт, если даже они не будут полностью освобождены частями немецкой армии. Конфликтов с немецкой армией избегать, но требовать увода немецких войск настойчиво и с полным достоинством, как подобает представителям Великой Непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии»* [56; 339]. Ещё более показательным является приказ командующего 4-й армией Белорусского фронта комдива В.И. Чуйкова, отданный им подчинённым соединениям 1 октября 1939 года: *«...При*

передовых отрядах иметь по одному командиру штаба и политотдела для ведения переговоров с немецкими войсками. При ведении переговоров от немецких войск требовать: до 5.10 линию Соколов, Седлец, Луков, Вогынь не переходить. Причину нашей задержки на этом рубеже объяснять: 1. Наших войск много перешло на западный берег р. Буг. 2. Мосты через р. Буг очень плохие, разбитые германской авиацией и разрушены поляками, что задерживает отход наших частей. О всех переговорах срочно доносить в штаб. Без разрешения Военного совета с линии Соколов, Седлец, Луков, Вогынь не уходить. В случае угрозы немцев приводить части в боевой порядок и доносить мне. Командиру 29-й тбр произвести разведку путей от Бреста до линии передовых отрядов и быть в полной боевой готовности для поддержки стрелковых и кавалерийских частей» [56; 340]. Т.е. пока в Москве на высшем уровне обсуждается новая демаркационная линия между РККА и вермахтом в Польше, командарм-4 морально вполне готов к серьёзным боестолкновениям с немецкими войсками на том рубеже, где остановились его соединения. Упрекать В.И. Чуйкова в какой-то агрессивности или непонимании момента вряд ли возможно, ведь это именно части 4-й армии Белорусского фронта в течение недели, предшествующей появлению приказа командарма, дважды вступали в бой с немцами (23 и 30 сентября, см. выше).

Все изложенные факты – ярчайшая иллюстрация уров-

ня советско-германского «союзнического взаимодействия» в Польше в сентябре 1939 года. Как говорится, имеючи такого «союзника», и врага не надо.

Но историкам «демократического» направления очень хочется доказать, что взаимодействие было всё-таки самым настоящим союзническим. И вот уже фантастическими подробностями обрастает передвижение советских и немецких войск к демаркационной линии, определённой Договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года и советско-германским протоколом от 2 октября 1939 года (раз уж не удалось доказать, что согласовано воевали вместе, то двигались уж точно согласованно, как союзники). Так, С.З. Случ в большом очерке «Советско-германские отношения в сентябре – декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну» пишет:

«Вопрос о передислокации войск из Польши на Запад тревожил германское командование уже в начале Польской кампании. Тем более актуальным он стал после её завершения. Для ускорения переброски высвободившихся дивизий германское командование обратилось к командованию РККА с просьбой о пропуске частей вермахта в Германию через советскую территорию. Такое разрешение было им дано с утра 6 октября 1939 года. В течение двух недель, вплоть до 20 октября, немецкие войска сокращённым путём направлялись в Германию, чтобы как можно скорее отправиться на Запад, где пока ещё продолжалась “странная война”.

При подобном уровне взаимодействия и взаимопонимания (выделено нами – И.Д., В.С.) считались как бы совершенно естественными такие мелкие “любезности” с советской стороны, как забота о немецких военнослужащих, взятых в плен полчками. Согласно распоряжению Ворошилова, их следовало немедленно освобождать и брать на учёт вплоть до распоряжения об их передаче представителям вермахта. Имеющиеся документы свидетельствуют, что этот приказ неукоснительно и без всяких проволочек выполнялся войсками» [75; 8 – 9].

Абзац о немецких военнопленных процитирован нами по причине того, что начальные его слова по смыслу относятся к предыдущему абзацу, рассказывающему о перемещении немецких войск по советской территории. В этих словах содержится оценка подобного перемещения: вот, мол, какой был уровень взаимодействия! Читатель сам может убедиться, что палку, таким образом, мы не перегибаем, когда упрекаем «демократических» историков в «розыгрыше карты» взаимных перемещений советских и германских войск в Польше в октябре 1939 года для доказательства утверждений о союзническом взаимодействии СССР и Германии. Однако всё же не можем удержаться и от того, чтобы не сказать несколько слов о немецких военнопленных. С.З. Случ, по сути, упрекает советскую сторону в том, что она передавала освобождённых из польского плена немецких военнослужащих германской стороне. Вообще, подобный упрёк из

ряда вон! Хотелось бы узнать, а что, по мнению С.З. Случа, наши военные должны были делать с немцами, которых они освободили из польского плена? Расстреливать на месте? Или уничтожать каким-либо иным способом? Напомним, что так с пленными германскими солдатами и офицерами советские военные не поступали даже в годы Великой Отечественной войны (за исключением тех случаев, когда к ним в руки попадали каратели). Или отправлять в сибирские лагеря лес валить? Весь вопрос в том, на каком основании советская сторона должна была так поступать? Ведь с Германией СССР в тот момент не воевал. Более того, 23 августа он подписал с ней Договор о ненападении, который представлял собой, в сущности, договор о дружественном нейтралитете. С другой стороны, разве передача освобождённых из польского плена немецких военнослужащих – это свидетельство союзнических отношений? Это лишь свидетельство мирных отношений между странами, не более того. Но пассаж с военнопленными очень характерен. Он ярко показывает уровень аргументации, используемой как С.З. Случем, так и другими «демократическими» исследователями для доказательства своих утверждений о союзническом взаимодействии между Советским Союзом и Третьим рейхом.

Из того же разряда и утверждение о движении немецких войск по советской территории в октябре 1939 года с целью более быстрого перемещения их на Запад. По поводу данного утверждения С.З. Случа известный современный рос-

сийский военный историк М.И. Мельтюхов иронично замечает: *«Интересно, где же это находились германские войска, что им было быстрее попасть в Германию через советскую территорию? Уж не в Индии ли? Любой знающий географию Восточной Европы скажет, что там такое физически невозможно»* [56; 369].

Для нас вопрос тем более интересен, что события, которым С.З. Случ даёт подобную трактовку, происходили в полосе Украинского фронта, т.е. фронта, начальником штаба которого был Н.Ф. Ватутин, и именно документы штаба Укрфронта с полной убедительностью показывают несостоятельность версии С.З. Случа.

Однако этот исследователь, формулируя своё утверждение, также сослался на архивный документ – распоряжение народного комиссара обороны командующему войсками Украинского фронта от 6 октября 1939 года (РГВА, ф. 35084, оп. 1, д. 21, л. 410 – 413) [75; 8, 30]. Правда, процитирован этот документ им не был, ни полностью, ни хотя бы частично.

Вообще же, документов по данному вопросу в архиве имеется несколько. Вот и рассмотрим их.

Действительно, уже в 23.10 5 октября начальник Генштаба Шапошников и военком Генштаба Гусев направили командующему войсками Украинского фронта распоряжение: *«Ввиду просьбы германского главного командования нарком обороны приказал разрешить с утра 6 октября продви-*

жение германских частей по шоссе и железной дороге через Сенява в северо-восточном направлении через госграницу на германскую территорию и по шоссе Ярослав, Олешница, Цешанов также не германскую территорию. Через местных делегатов урегулировать все вопросы, связанные с эти с эти передвижением, соблюсти... и соблюсти, чтобы не было перекрещивания колонн с нашими войсками. Получение и исполнение подтвердить» (РГВА, ф. 35084, оп. 1, д. 7, л. 31) [56; 370, 454].

Очевидно, распоряжение народного комиссара обороны, на которое ссылается С.З. Случ, было в письменном виде оформлено позже распоряжения начальника Генштаба, и к моменту, когда Б.М. Шапошников телеграфировал С.К. Тимошенко своё распоряжение, было отдано лишь в устной форме. Во всяком случае, штаб Укрфронта начал отдачу своих приказов по соответствующему вопросу, отталкиваясь именно от распоряжения начальника Генерального штаба РККА.

Уже в 1.30 6 октября начальник штаба Украинского фронта комдив Н.Ф. Ватутин приказал командующим 5-й и 6-й армий:

«Ввиду просьбы германского командования нарком обороны приказал разрешить с утра 6 октября продвижение германским войскам через Сенява по шоссе в северо-восточном направлении на Тарноград и по шоссе Ярослав, Олешницы [Олешница], Цешанув на германскую территорию. Ко-

мандарму-6 через своих делегатов урегулировать все вопросы, связанные с этим передвижением, чтобы не получилось перекрещивания колонн. Поставить германскому командованию условие к исходу 8.10 не продвигаться далее рубежа Цешанув, Юзефов, Шебрешин. Командарму-5 отход 140-й СД спланировать так, чтобы к исходу 8.10 она отошла на линию границы на участке Любича, Любачув» (РГВА, ф. 35084, оп. 1, д. 7, л. 42 – 42 об.) [56; 370, 454].

Вскоре после отдачи Н.В. Ватутиным процитированного выше приказа состоялся его разговор по прямому проводу с неназванным представителем командования 6-й армии (скорее всего, с командующим армией комкором Ф.И. Голиковым):

«Прошу доложить комбригу (так в тексте документа – И.Д., В.С.) Ватутину, правильно ли я понял передачу приказа наркома полковником Даниловым, что завтра германские войска будут проходить по расположению 96-й и 97-й дивизий из Синява (так в документе – И.Д., В.С.) на Тарноград, из Ярослава на Олежище [Олешица]. Докладываю: такое движение их нам не выгодно. Прошу разрешить им завтра, 6.10, двигаться только из Синява на Тарноград и после того, [как] 96-я СД будет отведена на государственную границу Олежище [Олешица], Молодъча, 7.10 дать им двигаться из Ярослава на Олежище [Олешица]. Тогда 96-я СД будет отведена в свой район Краковец. Прошу доложить лично тов. Ватутину и мне сообщить результат.

– У аппарата комдив Ватутин.

– Тов. комдив, прошу прочитать то, что передал на ленте, и дать мне указание. Жду.

– Приказ наркома Вы поняли правильно. Нарком обороны разрешил пропустить немцев б.10. Если вы сможете договориться с немцами о движении их из Ярослава только 7.10, то против этого возражений нет. Если же немцы будут настаивать на движении б.10, то на это необходимо пойти. принять меры к тому, чтобы не было перекрещивания колонн, и освободить районы, выяснит места остановок немцев и не допускать перемешивания их с нашими частями. Всё.

– Тов. комдив, я вас понял и выполню точно всё.

– Примите меры, чтобы немедленно передать распоряжение войскам. Проконтролируйте выполнение и установите более тесную связь с представителями немецкого командования. Всё.

– От нас будут командированы 2 штабных командира для урегулирования с немцами. Поедут полковник Гусев и майор Шишов. Всё.

– Хорошо. До свидания» (РГВА, ф. 35084, оп. 1, д. 7, л. 96 – 97) [56; 370 – 371].

И последний документ. В 9.00 9 октября оперативный дежурный Генштаба РККА майор Гунеев запрашивал штаб Украинского фронта:

«Сообщите, проходили ли немецкие войска 8.10 по нашей

территории с направлением от Ярослав на северо-восток. Жду оперсводку у аппарата» (РГВА, ф. 35084, оп. 1, д. 7, л. 43) [56; 371].

Таким образом, имеющиеся документы не подтверждают версию С.З. Случа. Конечно же, если и говорить о какой-то советской территории, по которой в октябре 1939 года проходили германские войска (а говорить о ней надо очень аккуратно, вглядываясь в карту), то речь пойдёт, безусловно, о вновь присоединённых землях Западной Украины, а никак не о территориях, находящихся за старой границей. Далее. В документах ясно говорится о движении немецких войск в **северо-восточном направлении**. Возникает естественный вопрос к г-ну С.З. Случу: как можно попасть на Западный фронт, двигаясь по территории Польши **на северо-восток**? Уж на Западный ли фронт немецкие войска направлялись? С совершенной очевидностью из процитированных документов следует, что советское командование было готово пропустить германские части в направлении р. Западный Буг уже 6 октября, то есть сразу же вслед за отходящими на юго-восток и восток соединениями Красной Армии. Недаром и в директиве Генштаба командованию Украинского фронта, и в приказе Н.Ф. Ватутина командующим 5-й и 6-й армиями, и в телеграфном разговоре командарма-6 со штабом Укрфронта речь идёт об избегании перекрещивания движущихся колонн немецких и советских войск. Германское командование своей просьбой нарушало процедуру и

график движения войск двух армий, установленные московским протоколом от 2 октября. Потому-то и потребовалось особое согласование советской стороны на то прохождение частей вермахта, о котором идёт речь в процитированных документах. Но вполне определённо надо заявить, что большая часть территории, по которой должны были немцы, закреплялась за Германией в соответствии с договором от 28 сентября 1939 года. Вся проблема заключалась только в том, что немцы появлялись там раньше согласованного графика. Единственной советской территорией являлся выступающий на запад район между рекой Сан и Цешанув [56; 371]. Чтобы не обходить этот, вдающийся на запад «клюв», командование германских войск и обратилось к командованию РК-КА с просьбой разрешить «срезать» путь по участку советской территории¹⁶. Судя по запросу майора Гунеева, продвижение вермахта в этом районе было отложено до 8 октября. Однако проходили ли там германские войска вообще, доподлинно не известно – вышеприведённые документы не дают ответа на этот вопрос.

И главное – никакого отношения к переброске германских войск на Западный фронт это их передвижение всё-таки не имело. Немцы просто выходили на демаркационную линию с советскими войсками. Переброска же войск вермах-

---

¹⁶ Кстати сказать, послевоенное начертание советско-польской границы этого «клюва» не имело (так же, как и Белостокского выступа). Советское правительство передало эти территории дружественной Польше.

та на Запад началась задолго до 6 октября: в ограниченном масштабе – ещё с 10 сентября, полным ходом – с 20 сентября [56; 372], [59; 115]. К 16 октября туда уже прибыло 3 штаба армейских корпусов, 11 пехотных, 2 горно-пехотные и 1 моторизованная дивизии, штабы 4-й и 10-й армий (29 сентября и 5 октября соответственно), штаб группы армий «Север» (5 октября) [56; 372].

* * *

Итак, во время Польской кампании Красной Армии Николай Фёдорович Ватутин зарекомендовал себя с наилучшей стороны. 14 ноября 1939 года приказом народного комиссара обороны Украинский и Белорусский фронты были вновь преобразованы в военные округа – Киевский и Белорусский Особые соответственно [70; 186]. Н.Ф. Ватутин продолжал службу на своём прежнем посту – начальника штаба округа. С 4 ноября 1939 года он носит звание комкора [12; 12].

30 ноября 1939 года началась советско-финская война. Длилась она сравнительно недолго – до 12 марта 1940 года (105 дней). Окончилась победой Советского Союза, но была для него довольно тяжёлой. Красная Армия понесла большие потери: безвозвратные (убитые, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации, умершие в госпиталях, пропавшие без вести) составили 95 348 человек, санитарные (раненные, контуженные, обмороженные, заболевшие) – 232 169

человек [70; 195 – 197]¹⁷. Объяснялось это и зимним временем, и условиями местности, весьма благоприятной для обороны и сложной для наступления (а войска РККА наступали), и великолепной подготовкой финских войск, в частности хорошим оборудованием оборонительных рубежей (линия Маннергейма), и мужеством финских солдат, и довольно умелым командованием с финской стороны. Но в том, что Финская кампания стоила нам довольно большой крови, повинны и недостатки в самой РККА – в её боевой выучке, организации и командовании. *«Надо прямо сказать, – пишет С.М. Штеменко, – что в то время наши войска оказались малоприспособленными вести войну в условиях Финского театра. Леса и озёра, бездорожье и снега были для них серьёзным препятствием»* [86; 12].

В апреле 1940 года в Кремле состоялось расширенное заседание Главного военного совета, посвящённое подведению итогов зимней кампании Красной Армии. Выявленные в ходе войны с Финляндией крупные недостатки в боевой подготовке РККА стали предметом серьёзнейшего обсуждения. В работе совета приняли участие руководители партии и правительства, руководящие работники Наркомата обороны и Генштаба, командующие войсками, члены Военных советов и начальники штабов военных округов и армий, командиры

---

¹⁷ Имеются и другие данные о безвозвратных потерях РККА в Финскую кампанию: 84 994 человека, 100 915 человек, 126 875 человек [69; 251], [70; 197, 200 – 201]. Для сравнения: безвозвратные потери финской армии составили 21 396 человек [69; 251– 252].

корпусов и дивизий, побывавших на фронте, руководители высших военно-учебных заведений.

На совещании был выработан ряд важных решений, направленных на усиление обороноспособности и боеготовности Красной Армии. Особое внимание обращалось на подготовку войск к действиям в сложных условиях, на штабную подготовку командиров частей и соединений, работников штабов. Увеличивалось число учений. Была намечена реорганизация всех видов вооружённых сил и родов войск, перевооружение армии, насыщение её боевой техникой и вооружением новых образцов. Довести до конца весь комплекс намеченных мероприятий до начала Великой Отечественной войны не удалось.

Привело тяжёлое течение войны с Финляндией, выявленные в ходе неё серьёзные недостатки в РККА и к кадровым перестановкам в руководящих органах армии – Народном комиссариате обороны и Генеральном штабе. В мае 1940 года маршал К.Е. Ворошилов был снят с поста народного комиссара обороны (с назначением главой Комитета обороны при Совнаркоме СССР). Наркомом обороны стал С.К. Тимошенко, получивший вместе с этим постом и звание Маршала Советского Союза. Безусловно, главной причиной, по которой политическое руководство страны остановило свой выбор на кандидатуре С.К. Тимошенко, было успешно осуществлённое им командование войсками Северо-Западного фронта, прорвавшими линию Маннергейма и, фактически,

поставившими точку в советско-финской войне. При этом комфронта была проделана огромная работа – от разработки оперативного плана до решения вопросов снабжения войск нормальным зимним обмундированием. В итоге, созданный 7 января 1940 года фронт уже 11 февраля перешёл в наступление и прорвал оборону противника.

В назначении С.К. Тимошенко на пост наркома обороны сыграло роль и то, что в период освободительного похода в Западную Украину войска Украинского фронта, которыми он командовал, весьма успешно справились с поставленными перед ними задачами.

Не приходится сомневаться, что данное назначение С.К. Тимошенко сыграло роль и в переводе на работу в Москву Николая Фёдоровича Ватутина. 26 июля 1940 года он был назначен начальником Оперативного управления Генерального штаба РККА [12; 5]. Однако не следует усматривать в этом факте пустое протезирование и простую расстановку С.К. Тимошенко «своих» людей на важные посты в высших органах управления армией. Конечно, маршал С.К. Тимошенко за время совместной службы в Киевском Особом военном округе, включая и период освободительного похода, хорошо узнал своего начальника штаба. И, прежде всего, он смог по достоинству оценить и его профессиональные, и его человеческие качества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он содействовал переводу Н.Ф. Ватутина на работу в Генштаб. Но надо заметить, что задолго до маршала С. К.

Тимошенко (в 1932 году) Высшая аттестационная комиссия при Реввоенсовете занесла в протокол такой вывод относительно Н.Ф. Ватутина: *«Считать целесообразным использовать Ватутина Н.Ф. в Генеральном Штабе РККА»* [8; 58]. В общем, назначение Николая Фёдоровича на такую высокую и ответственную должность было им заслужено, вполне отвечало уровню его профессиональной подготовки (и теоретической, и практической) и, что немаловажно для работы, соответствовало профессиональным предпочтениям самого Н.Ф. Ватутина, ведь, как вспоминают знавшие его, учившиеся или служившие с ним люди, оперативная работа была подлинной страстью Николая Фёдоровича, его стихией.

ГЛАВА IV

РАБОТА В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ РККА. СОВЕТСКОЕ ВОЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ (ИЮЛЬ 1940 – ИЮНЬ 1941 гг.)

С первых шагов своей работы в Генштабе генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин (это звание ему было присвоено 4 июня 1940 года, т.е. незадолго до перевода в Москву [12; 12]) принял активное участие в работе над «Соображениями об основах стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза» – такой заголовок носили советские военные планы 1940 – 1941 годов. Тот план, в работу над ко-

торым «с ходу» включился Н.Ф. Ватутин, разрабатывался в период, когда во главе Генштаба стоял Маршал Советского Союза (с 7 мая 1940 года; до этого – командарм 1-го ранга) Борис Михайлович Шапошников. Вот как вспоминает о совместной с Н.Ф. Ватутиным работе над «доведением» «Сообщений...» Александр Михайлович Василевский, будущий начальник Генштаба, а тогда – работник его Оперативного управления:

«В мае 1940 года действовавший при Совнаркоме СССР Комитет обороны возглавил К.Е. Ворошилов, а наркомом обороны стал Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. ... Меня примерно тогда же назначили первым заместителем начальника Оперативного управления Генштаба, присвоив мне звание комдив. С середины апреля 1940 года я включился в ответственную работу Генерального штаба – работу над планом по отражению возможной агрессии. Справедливость требует отметить, что главное к тому времени было уже выполнено. В течение всех последних лет подготовкой плана непосредственно руководил Б.М. Шапошников, и Генштаб к тому времени завершал его разработку для представления на утверждение в ЦК партии. ... Над проектом доклада мы работали вместе с Н.Ф. Ватутиным и Г.К. Маландиным (Г.К. Маландин – заместитель Н.Ф. Ватутина в штабе КОВО, а затем в Оперативном управлении Генштаба – И.Д., В.С.).

Генерал-лейтенант Николай Фёдорович Ватутин, один

из видных полководцев Великой Отечественной войны, уже в то время был хорошо известен руководящему составу РККА,.. имел прекрасную теоретическую подготовку.

[...]

Работали мы очень дружно и напряжённо. Оперплан занимал в те месяцы все наши мысли.

[...]

Этот проект и план стратегического развёртывания войск Красной Армии докладывались непосредственно И.В. Сталину в сентябре 1940 года в присутствии некоторых членов Политбюро ЦК партии. От Наркомата обороны план представляли нарком С.К. Тимошенко, начальник Генерального штаба К.А. Мерецков и его первый заместитель Н.Ф. Ватутин¹⁸» [11; 100 – 101].

Таким образом, Николай Фёдорович принял участие в разработке уже первого плана стратегического развёртывания РККА на случай войны с Германией из целой серии таковых, появившихся на свет в 1940 – 1941 годах.

Эти первые «Соображения...» датированы 19 августа 1940 года. Как раз в августе на пост начальника Генштаба вместо Бориса Михайловича Шапошникова, ставшего заместителем наркома обороны, был назначен Кирилл Афанасьевич Мерецков. Именно он и представлял «Соображе-

---

¹⁸ Здесь у А.М. Василевского неточность. Первым заместителем начальника Генштаба Н.Ф. Ватутин стал в феврале 1941 года, уже при Г.К. Жукове. При К.А. Мерецкове он продолжал занимать пост начальника Оперативного управления Генштаба [12; 5].

ния...» государственному и партийному руководству в сентябре 1940 года. Однако, поскольку разработка их велась под руководством Б.М. Шапошникова, и в основу их было положено именно его видение грядущей войны с Германией, то есть все основания называть их планом Шапошникова.

Как начальник Оперативного управления Генерального штаба, а затем первый заместитель начальника Генерального штаба, Н.Ф. Ватутин самым активным образом участвовал и в разработке последующих планов стратегического развёртывания РККА на случай войны с Германией – «Соображений...» от 18 сентября 1940 года (плана Мерецкова), «Уточнённого плана...» от 11 марта 1941 года (плана Жукова) и, надо полагать, «Соображений...» от 15 мая 1941 года, ставших наиболее «знаменитыми»¹⁹.

Однако оперативные планы не были единственной задачей, над решением которой приходилось трудиться Генштабу. *«Генеральный штаб выполнял громаднейшую оперативную, организационную и мобилизационную работу, являясь основным аппаратом наркома обороны»*, – лаконично замечает в своих мемуарах возглавивший Генштаб в январе 1941

---

¹⁹ «Много работало накануне войны с оперативными и мобилизационными планами, – пишет Г.К. Жуков в книге воспоминаний, – оперативное управление (а до февраля 1941 года его возглавлял Н.Ф. Ватутин – И.Д., В.С.) – генералы Г.К. Маландин, А.М. Василевский, А.Ф. Анисов и другие. До моего прихода в Генштаб общее руководство разработкой планов осуществляли Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников, затем генерал армии К.А. Мерецков и генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин» [29; 212].

года Г.К. Жуков [29; 212].

Служивший вместе с Н.Ф. Ватутиным в годы войны генерал К.В. Крайнюков дополняет: *«В последние предвоенные месяцы работникам высших штабов, в первую очередь Генерального штаба, нередко приходилось трудиться с колоссальной нагрузкой. Напряжение нарастало с каждым днём. В приграничных военных округах развернулись огромные по своим масштабам работы по оборудованию театров военных действий, созданию сети аэродромов, возведению оборонительных сооружений и т.д. Весной 1941 года в армию было призвано из запаса около 800 тысяч военнообученных на учебные сборы, из внутренних округов в приграничные началось выдвижение нескольких армий.*

В общем в Генеральном штабе и суток для работы не хватало» [43; 4].

В самом деле, оперативное планирование, дело само по себе масштабное, требующее обобщения большого количества информации и решения множества сопутствующих задач, не было единственным видом планирования, которым занимался Генштаб. Можно образно сказать, что это была лишь «верхушка айсберга».

А вот основой этого «айсберга» являлись мобилизационные планы.

Мобплан – это план перевода вооружённых сил в состояние, обеспечивающее выполнение задач, определённых планом стратегического развёртывания, а экономики страны –

на рельсы военного времени. Он включает мероприятия по мобилизации: подаче и приёму призывного контингента, автотракторной техники и лошадей из народного хозяйства, развёртыванию военных училищ и переводу их на ускоренный срок обучения, переходу предприятий народного хозяйства на производство военной продукции и т.п. Без мобилизационного плана невозможно обеспечить полную боевую готовность войск. Самые умные и глубоко продуманные оперативно-стратегические планы могут оказаться бесплодными, если не будут подкреплены людскими и материально-техническими ресурсами.

Планы мобилизации зависят от мобилизационных возможностей страны, которые, меняясь, в свою очередь, оказывают влияние на планы стратегического развёртывания вооружённых сил.

К началу Второй мировой войны Красная Армия руководствовалась мобилизационным планом на 1938 – 1939 годы, так называемым МП-22, утверждённым Комитетом обороны 29 ноября 1937 года.

Мобилизационные возможности СССР в МП-22 определялись, исходя из достигнутого во второй пятилетке, и ходом выполнения третьего пятилетнего плана (1938 – 1942 годы). Согласно ему, численность РККА мирного времени к 1 января 1939 года доводилась до 1 665 790 человек, а в случае войны должна была достичь 6 503 500 бойцов. В ходе мобилизации предусматривалось развернуть 170 стрелковых и 29

кавалерийских дивизий, 31 танковую бригаду, 155 авиабригад, а также 100 артиллерийских полков, из которых 57 были корпусными, а остальные – Резерва Главного Командования (РГК). На вооружении планировалось иметь 15 613 танков, 12 518 орудий и 305 780 автомобилей. Кроме того, предусматривалось формирование ещё 30 стрелковых дивизий, 4 артполков РГК и 80 авиабригад второй очереди [48; 371].

По этому плану была проведена частичная мобилизация 7 округов в сентябре 1939 года. На его основе были развёрнуты войска действующей армии и во время войны с Финляндией. Но большие изменения в составе и дислокации войск округов, а также реорганизация военных комиссариатов, причиной которых были присоединение к СССР новых территорий (Западные Украина и Белоруссия) и принятие 1 сентября 1939 года «Закона о всеобщей воинской обязанности», требовали немедленного пересмотра мобилизационного плана. Насколько эта работа сложной и объёмной говорит тот факт, что, несмотря на то, что она интенсивно велась, ни к маю 1940 года (моменту смены наркома обороны), ни даже к августу этого года (моменту смены начальника Генштаба) нового мобплана у Красной Армии не было. Тут надо учесть, что к августу 1940 года в состав СССР вошли ещё и Прибалтийские республики, Бессарабия и Северная Буковина. Всё это требовало пересмотра уже проведённых работ по новому мобилизационному плану, что, естественно, затягивало работу над ним.

Тем не менее, то, что было сделано, позволило новому руководству Наркомата обороны и Генштаба уже в сентябре 1940 года подготовить для рассмотрения политическим руководством страны новый мобилизационный план. Он был увязан с «Соображениями об основах стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на Западе и Востоке» от 18 сентября 1940 года (планом Мерецкого). Утверждён этот мобплан был с указанными «Соображениями...», после внесения в последние изменений, касающихся распределения войск по направлениям, 14 октября 1940 года и получил наименование МП-40.

Согласно МП-40, после мобилизации численность Красной Армии должна была достичь 8 678 135 человек. К концу первого года войны армия должна была иметь 80 стрелковых и 10 механизированных корпусов, а всего 292 различные дивизии сухопутных войск [48; 374 – 375].

Но утверждение мобплана не остановило работу над ним. Нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба К.А. Мерецков уже в октябре 1940 года предоставили в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР предложения о создании новых частей и соединений (в том числе 1 мехкорпуса, 20 пулемётно-артиллерийских бригад, 20 отдельных танковых бригад непосредственной поддержки пехоты) [48; 375].

Новый вариант МП-40 был предоставлен на рассмотрение руководству страны 23 января 1941 года. Согласно этому варианту, численность РККА по штатам военного време-

ни предполагалось увеличить до 10 058 791 человека, число стрелковых дивизий довести до 209 (увеличение на 42 по сравнению с утверждённым в октябре 1940 года вариантом), мехкорпусов – до 9 (увеличение на 1 мк), авиадивизий – до 79 (рост на 24 ад) [48; 376]. Количество боевой техники тоже соответственно увеличивалось.

Но данный вариант плана не получил официального утверждения. Видимо, главная причина этого заключалась в том, что уже с августа 1940 года, по решению Главного военного совета РККА, в Генштабе параллельно с работой над МП-40 велась разработка мобилизационного плана на 1941 год. Срок его готовности был намечен на 1 мая 1941 года [48; 376].

Новый глава Генштаба генерал армии Г.К. Жуков, назначенный на этот пост в январе 1941 года, но фактически приступивший к выполнению своих обязанностей только 1 февраля, уже 12 февраля представил советскому руководству новую схему мобилизационного развёртывания Красной Армии на 1941 год. Согласно ей, численность личного состава РККА после мобилизации, по сравнению с предыдущим планом, увеличивалась незначительно (с 8 678 135 до 8 682 827 человек), зато общее количество дивизий превысило 300, а количество мехкорпусов стало равно 30. Войска должны были иметь 61 223 орудия, 45 576 миномётов, 36 879 танков, 10 679 броневых автомобилей, 32 628 самолётов (из них 22 171 боевых), 90 847 тракторов, 595 021 автомобилей, 49

940 бензо-масло-и водозаправщиков, 6 487 бензоприцепов, 65 955 мотоциклов, 1 136 948 лошадей (из них: верховых – 288 732 артиллерийских – 274 921, обозных – 573 295) [38; 8], [48; 379 – 380].

Представленная Г.К. Жуковым была утверждена Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР в этот же день, т.е. 12 февраля 1941 года.

Однако хочется особо отметить, что утверждена была именно схема, общие контуры МП-41. Сам же план к тому моменту находился ещё в стадии разработки.

«Хотя в основу принятого в феврале 1941 года мобилизационного плана МП-41 и был положен принцип реальности, – отмечают современные российские исследователи К.А. Калашников и В.И. Феськов, – но времени для его качественной отработки в войсках оказалось явно недостаточно» [38; 8].

К началу Великой Отечественной войны МП-41 окончательно разработан не был.

Ещё одной основой, на которой базировалось оперативно-стратегическое планирование, были планы прикрытия государственной границы. По сути, последние представляли собой часть планов стратегического развёртывания Вооружённых Сил СССР. Именно в них определялось, какими средствами враг будет сдерживаться на границе, пока основные силы Красной Армии будут осуществлять от мобилизованные, сосредоточение и развёртывание для первой операции. Но в реальности положения по прикрытию госграницы

цы составными частями в планы стратегического развёртывания не входили.

Поскольку прикрытие мобилизации, сосредоточения и развёртывания РККА возлагалось на армии первого оперативного эшелона приграничных округов, постольку командованию каждого из этих округов было поручено самостоятельно и по-своему решать данную задачу. Подобная постановка вопроса привела к тому, что к маю 1940 года, т.е. к моменту смены руководства Наркомата обороны, в Генеральном штабе фактически не знали, что представляют из себя окружные планы прикрытия госграницы. *«Генштаб не имеет данных о состоянии прикрытия границ. Решения Военных советов округов, армий и фронта по этому вопросу Генштабу неизвестны»*, – констатировал майский Акт приёма и сдачи Народного комиссариата обороны [48; 407].

Со сменой руководства НКО данное положение стало меняться – Генштаб подключился к разработке окружных планов прикрытия. После ознакомления с ними, учитывая произведённые Советским Союзом приращения территории, с февраля 1941 года Генштаб стал принимать меры по корректировке окружных планов прикрытия. В мае 1941 года генеральным штабом был разработан план обороны государственной границы. Тогда же в войска ушли директивы по составлению (корректировке) окружных планов для приведения их в соответствие с разработками Генштаба [28; 344], [48; 408]. Сроки, которые давались округам для этого, ока-

зались нереальными – директивы предусматривали окончание работ в округах к 20 – 30 мая [28; 344], [48; 408 – 409]. В действительности окружные планы прикрытия поступили в Генштаб только к 20 июня. Естественно, что к началу войны никакого утверждения общего плана прикрытия госграницы не получилось [38; 8]. Кроме того, качество разработки окружных планов оставляло желать лучшего: они слабо отражали действительную ситуацию и размещение своих войск и войск противника, были громоздкими, сроки занятия оборонительных рубежей частями и соединениями в них указывались непроверенные (т.е. фактически не соответствующие реальным возможностям частей и соединений) [38; 8], [53; 121].

Причиной задержки и низкого качества окружного планирования были не только значительные передислокации войск, но и, как отмечают К.А. Калашников и В.И. Феськов, *«чрезмерная централизация и резкое ограничение круга допущенных к разработке планов лиц, когда вышестоящие штабы определяли задачи войскам на 2 – 3 ступени ниже, испытывая недоверие к нижестоящим штабам»* [38; 8]. Соглашаясь с российскими исследователями в том, что жёсткая централизация планирования мероприятий по прикрытию госграницы имела место, хотелось бы отметить, что причиной её было не простое недоверие к нижестоящим штабам, а стремление обеспечить сохранение режима секретности в отношении проводимых работ. Подобное стрем-

ление вполне логично и объяснимо.

К началу войны готовыми оказались только армейские планы по прикрытию участков государственной границы. Вот их-то и пытались привести в действие 22 июня 1941 года [38; 8].

В общем, несмотря на все усилия Генерального штаба, на большую работу по созданию централизованного плана прикрытия госграницы, ликвидировать пробелы, имевшиеся в этом вопросе, к началу войны не удалось.

Г.К. Жуков в своих мемуарах вполне самокритично отмечает, что в работе Генштаба в последние предвоенные месяцы имелись недостатки [29; 212]. Конечно, основной причиной этого был тот, поистине громадный, объём работы, которую приходилось выполнять его работникам. Как говорится, до всего просто руки не доходили или доходили далеко не в должной степени. Ведь помимо оперативного и мобилизационного планирования Генштабу приходилось уделять большое внимание оборонному строительству (о его масштабах говорит тот факт, что с начала 1940 года было начато возведение линии укреплённых районов по новой западной границе страны; а ведь строились не только УРы, но и военные аэродромы, полевые укрепления, фронтовые командные пункты), вопросам вооружения армии новыми образцами оружия и боевой техники, руководить масштабной передислокацией войсковых соединений по территории страны, которая шла с осени 1939 года.

Становившаяся всё более явной угрозой нападения со стороны Германии заставляла советское правительство и командование РККА увеличивать количество войск в западных областях страны. 13 мая началось выдвижение на запад 4 армий из внутренних военных округов: 22-й армии с Урала (в район Великих Лук), 21-й армии из Приволжского военного округа (в район Гомеля), 19-й армии из Северо-Кавказского военного округа (на Украину, в район Белой Церкви), 16-й армии из Забайкалья (на Украину, в район Шепетовки). Кроме того, из Харьковского военного округа на рубеж Западной Двины выдвигался 25-й стрелковый корпус [11; 114], [29; 222]. В мае – начале июня 1941 года на учебные сборы было призвано из запаса около 800 тысяч человек, все они были направлены на пополнение войск пограничных военных округов и их укрепленных районов.

Естественно, что подобные перемещения столь крупных войсковых масс проводилось по плану, разработанному в Генштабе, и находились под его постоянным контролем.

От Генерального штаба непосредственное руководство указанной передислокацией войск осуществлялось первым заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным. Поэтому нет ничего удивительного, что последний документ советского военного планирования предвоенных месяцев – «Справка о развёртывании Вооружённых Сил СССР на случай войны на Западе» от 13 июня 1941 года, был составлен именно им. В «Справке...» показан наряд

сил, который предназначался для развёртывания в западных районах страны на случай войны с Германией. Сразу подчёркнём, что по состоянию на 13 июня 1941 года этот наряд был не фактическим, а плановым. Более того, в определённой части он остался таковым и к 22 июня 1941 года.

Какие же цифры приводит Н.Ф. Ватугин в «Справке...»? Документ очень любопытный, поэтому рассмотрим его подробнее:

«СПРАВКА О РАЗВЁРТЫВАНИИ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ СССР НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ НА ЗАПАДЕ.»

б/н

13 июня 1941г.

1. Сухопутные войска.

Всего в СССР имеется 303 дивизии: сд – 198, тд – 61, мд – 13, кд – 13, кап – 94, ап РГК – 74, ВДК – 5, пртбр – 10²⁰.

---

²⁰ Употребляемые в документе сокращения означают: сд – стрелковая дивизия, тд – танковая дивизия, мд – моторизованная дивизия, кд – кавалерийская дивизия, кап – корпусной артиллерийский полк, ап РГК – артиллерийский полк Резерва Главного Командования, ВДК – воздушно-десантный корпус, пртбр – противотанковая артиллерийская бригада, осбр – отдельная стрелковая бригада, ск – стрелковый корпус, КОВО – Киевский Особый военный округ, ОДВО – Одесский военный округ, ПриВО – Приволжский военный округ, ХВО – Харьковский военный округ, ОрВО – Орловский военный округ, УрВО – Уральский военный округ, ЗабВО – Забайкальский военный округ, СКВО – Северо-Кавказский военный округ, АрхВО – Архангелский военный округ, ЛенВО – Ленинградский военный округ, СибВО – Сибирский военный округ, ЗакВО – Закавказский военный округ, САВО – Среднеазиатский военный округ, ДВФ – Дальневосточный фронт, мк – механизированный корпус, мсбр – мотострелковая бригада, иап –

Для развёртывания на западных границах.

В составе фронтов (без соединений, находящихся в Крыму) – 186 дивизий, из них: сд – 120, тд – 40, мд – 20, кд – 6, ап РКК – 53, ВДК – 5, пртбр – 10.

Северный фронт – 22 дивизии, из них: сд – 16, тд – 4, мд – 2 и осбр – 1.

Северо-Западный фронт – 23 дивизии, из них: сд – 17, тд – 4, мд – 2 и осбр – 1.

Западный фронт – 44 дивизии, из них: сд – 24, тд – 12, мд – 6, кд – 2.

Юго-Западный фронт – 97 дивизий, из них: сд – 63, тд – 20, мд – 10, кд – 4 (без соединений, находящихся в Крыму).

В состав Юго-Западного фронта включаются:

– КОВО – 58 дивизий, из них: сд – 32, тд – 16, мд – 8, кд – 2;

– ОДВО (без соединений, находящихся в Крыму) – 19 дивизий, из них: сд – 11, тд – 4, мд – 2, кд – 2;

– ПриВО – сд – 7;

– ХВО – сд – 7;

– ОрВО – сд – 6.

Армии Резерва Главного Командования.

22А (УрВО) – за Западным фронтом. Всего 9 дивизий, из них: сд – 6, тд – 2, мд – 1. В состав 22А включаются все шесть сд УрВО и 21-й мк МВО.

истребительный авиационный полк, ббп – ближе-бомбардировочный полк, шап – штурмовой авиационный полк, дбп – дальне-бомбардировочный полк, тбап – тяжёлый бомбардировочный авиационный полк.

16А (ЗабВО) – за Юго-Западным фронтом. Всего 12 дивизий, из них: сд – 8, тд – 3, мд – 1. В состав армии включаются:

– 6 дивизий из ЗабВО, тд – 3, мд – 1, сд – 2;

– 1 сд из ОрВО (217-я сд);

– 5 дивизий из МВО (41-й СК – 118, 235, 144-я сд; 20-й СК – 160, 137-я сд).

19А (СКВО) – за Юго-Западным фронтом. Всего 11 дивизий, из них: сд – 8, тд – 2, мд – 1. В состав армии включаются:

– пять сд из СКВО;

– сд – 3, тд – 2 и мд – 1 их ХВО.

Всего на западной границе 218 дивизий, из них: сд – 142, тд – 47, мд – 23, кд – 6, ВДК – 5, пртбр – 10.

Центральные армии Резерва Главного Командования.

28А (из АрхВО) – северо-западнее Москвы. всего 8 дивизий, из них: сд – 5, тд – 2, мд – 1. В состав армии включаются:

– три сд из МВО (69-й СК – 73, 229, 233-я сд);

– 7-й МК из МВО (14-я и 18-я тд, 1-я мд);

– одна сд из ЛенВО (177-я сд);

– одна сд из АрхВо (111-я сд);

24А (управление из СибВО) – юго-западнее Москвы. Всего 11 дивизий, из них: сд – 8, тд – 2, мд – 1. В состав армии включаются:

– все шесть сд из СибВО;

– две сд из МВО (62-й СК – 110, 172-я сд);

– 23-й МК из ОрВО (48, 51-я тд, 220-я мд).

Всего в двух центральных армиях РГК 19 дивизий, из них:
сд – 13, тд – 4, мд – 2.

Всего на Западе с центральными армиями РГК 237 дивизий, из них: сд – 155, тд – 51, мд – 25, кд – 6, ВДК – 5, пртбр – 10, ап РГК – 55, осбр – 2.

На остальных (второстепенных) участках госграницы (т.е. не на западной границе СССР – И.Д., В.С.).

Всего 66 дивизий, из них: сд – 43, тд – 10, мд – 6, кд – 7 и осбр – 1, мсбр – 1.

[...] (далее в документе описывается распределение сил во внутренних военных округах – И.Д., В.С.).

При таком распределении сил необходимо дополнительно запланировать перевозки по железной дороге:

из СибВО в район Сухиничи, Брянск – сд – 6, управление СК – 2, ап РГК – 2, армейских управление – 1;

из МВО в район КОВО – сд – 5, управлений СК – 2;

из ОрВО в КОВО – сд – 7, управлений СК – 2 и армейских управлений – 1;

из ХВО в КОВО – сд – 7, управлений СК – 2, армейских управлений – 1;

из ХВО в район Белая Церковь – один МК, тд – 2, мд – 1;

из ОдВО в КОВО – сд – 4, управлений СК – 1;

из АрхВО в район Ржев – сд – 1, армейских управлений – 1.

Всего 33 дивизии, из них: сд – 30, тд – 2, мд – 1, управлений СК – 9, армейских управлений – 4, что составит около

1 300 эшелонов плюс тылы и части управления около 400 эшелонов, а всего 1 700 эшелонов. Для перевозки потребуются около 13 дней из расчёта 130 эшелонов в сутки. Боевые части могут быть перевезены за 10 дней.

II. Военно-воздушные силы

Всего боеспособных авиаполков 218, из них: иап – 97, ббп – 75, шап – 11, дбп – 29, тбап – 6.

Эти силы распределяются следующим образом.

Главные силы в составе 159 авиаполков иметь на Западе.

Из них:

Северный фронт – 18;

Северо-Западный фронт – 13;

Западный фронт – 21;

Юго-Западный фронт – 85;

в Резерве Главного Командования – 29.

Остальные 59 авиаполков иметь на других участках, из них: АрхВО – 2, ЗакВО – 13, САВО – 5, ДВФ – 26, ЗабВО – 7, для прикрытия Москвы – 6.

III. Распределение сил по армиям на Западном и Юго-Западном фронтах.

Западный фронт:

3А – 8 дивизий, из них: сд – 5, тд – 2, мд – 1;

10А – сд – 5;

13А – 11 дивизий, из них: сд – 6, тд – 2, мд – 1, кд – 2;

4А – 12 дивизий, из них: сд – 6, тд – 4, мд – 2;

резерв фронта – 8 дивизий, из них: сд – 2, тд – 4, мд – 2.

Юго-Западный фронт:

5А – 15 дивизий, из них: сд – 9, тд – 4, мд – 2;

20А – сд – 7;

6А – 16 дивизий, из них: сд – 10, тд – 4, мд – 2;

26А – 15 дивизий, из них: сд – 9, тд – 4, мд – 2;

21А – 13 дивизий, из них: сд – 8, тд – 2, мд – 1, кд – 2;

12А – сд – 4;

18А – 8 дивизий, из них: сд – 5, тд – 2, мд – 1;

9А – 12 дивизий, из них: сд – 7, тд – 2, мд – 1, кд – 2;

резерв фронта – 7 дивизий, из них: сд – 4, тд – 2, мд – 1.

При благоприятной обстановке на Запад может быть дополнительно выделено 17 дивизий (сд – 7, тд – 7, мд – 3); СКВО – 5 дивизий (сд – 2, тд – 2, мд – 1); ЗакВО – 5 дивизий (сд – 2, тд – 2, мд – 1); САВО – 5 дивизий (сд – 2, тд – 2, мд – 1); ЛенВО – 2 дивизий (сд – 1; мд – 1). На перевозку этих дивизий нужно 600 эшелонов.

Заместитель начальника

Генерального штаба

Н. Ватутин».

[71; 472 – 475], [80; 1 – 4].

Этот документ требует некоторых комментариев.

Прежде всего, читатель может воочию оценить всю сложность и масштабность процесса перемещения крупных войсковых масс, который проходил в последние предвоенные месяцы и недели.

Далее. Хорошо видно, что сосредоточение сил в западных

районах СССР к 13 июня 1941 года ещё не закончено. Н.Ф. Ватугин указывает на необходимость переброски 33 дивизий, для перевозки которых с тылами и частями усиления нужно 1 700 эшелонов и 13 дней.

Наконец, неплохо бы взглянуть, насколько план стал фактом к 22 июня. Так вот, цифры здесь следующие (все они относятся к войскам западных приграничных округов, т.е. так называемому Первому стратегическому эшелону, в котором, согласно «Справке...» Н.Ф. Ватутина, должно быть сосредоточено 186 дивизий):

ЛенВО – 22,5 эквивалентных дивизии²¹;

ПриБОВО – 27,5 эквивалентных дивизии;

ЗапОВО – 45 эквивалентных дивизий;

КОВО и ОдВО – 75 эквивалентных дивизий;

Всего в западных приграничных округах – 170 дивизий [48; 411, 706 – 707].

Северным фронтом должен был во время войны стать Ленинградский военный округ, Северо-Западным – Прибалтийский Особый военный округ, Западным – Западный Особый военный округ, Юго-Западным – Киевский Особый и

---

²¹ Термин «эквивалентные дивизии» (также употребляется термин «расчётные дивизии») – условный. В военной практике он не применяется. Его используют для пересчёта в дивизии различных отдельных бригад. Скажем, стрелковая бригада РККА считается половиной дивизии, а воздушно-десантная – третью (т.о. воздушно-десантный корпус, состоявший из трёх бригад, равен одной стрелковой дивизии).

Одесский военные округа.

Прекрасно видно, что наряд сил в ЛенВО, ПрибОВО и ЗапОВО был, собственно, уже собран (был даже некоторый переизбыток). Где сил явно не хватало, так это в КОВО и ОдВО. К фактически имевшимся в данных округах 75 дивизиям необходимо было добавить 20 – 22 дивизии. И Н.Ф. Ватугин указывает в документе, откуда эти силы будут переброшены в КОВО: из МВО – 5 стрелковых дивизий, из ОрВО – 7 стрелковых дивизий, из ХВО – 7 стрелковых дивизий [80; 3].

К началу войны в составе ЮЗФ не было 20, 21 и 18-й армий – они не только не успели подойти в назначенные приграничные районы, т.е. занять место в первом оперативном эшелоне КОВО (а затем – ЮЗФ), но и вообще выйти на территории, нахождение на которых позволило бы уже 22 июня включить их в состав Юго-Западного фронта (его второго оперативного эшелона или хотя бы фронтового резерва) – 18-я армия ещё только начинала формирование в Харьковском военном округе, а 20-я и 21-я армии не достигли рубежа Днепра. 13-я армия находилась на территории Западного Особого военного округа, но, отнюдь, не на границе, между 10-й и 4-й армиями, где ей, согласно «Справке...» Н.Ф. Ватутина, надлежало быть, а за сотни километров от границы, в районе Могилёва, где ещё продолжала формирование.

Примечателен тот факт, что средняя оперативная плот-

ность²² войск Красной Армии в приграничных округах (с учётом вторых оперативных эшелонов и окружных резервов) составляла около 20 километров на одну дивизию (3 470 километров – протяжённость западной границы; на 22 июня 1941 года на границе – около 170 дивизий). Это примерно в 5 раз больше, чем положено при наступлении. Фактически войска Красной Армии были вытянуты вдоль границы в тонкую нитку. Это ясный показатель того, что Советский Союз не только не собирался нападать на Германию летом 1941 года (как сейчас утверждают Резун и его последователи – резунисты), но и не смог сформировать достаточной для обороны группировки²³.

Последняя констатация будет совершенно не лишней при беглом рассмотрении оперативно-стратегических планов предвоенного периода, в работе над которыми непосредственно участвовал Николай Фёдорович Ватутин, сначала как начальник Оперативного управления Генерального штаба, а затем – как первый заместитель начальника Генерального штаба.

* * *

---

²² Оперативная плотность – средняя плотность группировки войск на определённом операционном направлении. Выражается числом километров фронта, приходящихся на одну дивизию.

²³ Подробнее по данному вопросу см. Додонов И.Ю., Смирнов В.В. «"Чёрная мифология". К вопросу о фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн» (стр. 436 – 440).

Выше мы уже упомянули, что оперативно-стратегических планов было четыре. Вот они:

1) «Соображения об основах стратегического развёртывания Вооружённых Сил СССР на Западе и Востоке на 1940 и 1941 годы» от 19 августа 1940 года. План разрабатывался под руководством начальника Генштаба командарма 1-го ранга, а затем – Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова. Поэтому будем условно именовать его планом Шапошникова.

2) «Соображения об основах стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на Западе и Востоке в 1940 – 1941 гг.» от 18 сентября 1940 года. План разрабатывался под руководством начальника Генштаба генерала армии К.А. Мерецкова. Поэтому будем условно именовать его планом Мерецкова.

3) «Уточнённый план стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на Западе и Востоке» от 11 марта 1941 года. План разрабатывался под руководством начальника Генерального штаба генерала армии Г.К. Жукова. Поэтому будем условно именовать его планом Жукова.

4) «Соображения по плану стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками» от мая 1941 года²⁴.

---

²⁴ Майские «Соображения...» в исторической литературе датируются 15 мая. Но надо иметь в виду, что данная датировка условна, ибо на документе число не

Сразу оговоримся, что столь частая смена оперативно-стратегических планов РККА не была вызвана их эволюцией от оборонительных к агрессивным. На агрессивности всего советского военного планирования настаивает Резун и его сторонники. Правда, первый не ссылается при этом на какой-то конкретный из известных документов этого планирования, предпочитая говорить о некоем выдуманном им самим плане «Гроза». Вторые, учитывая данный недочёт своего «учителя», пытаются (впрочем, весьма неумело) сослаться на «Соображения...» от 15 мая 1941 года.

На эволюции военного планирования РККА 1940 – 1941 годов от оборонительных планов к планам нападению на Германию настаивает и известный российский военный историк М.И. Мельтюхов со своими сторонниками. Правда, нападение это они считают превентивным, т.е. упреждающим нападение Германии, в чём радикально расходятся с резунистами, которые считают, что СССР готовился к «чи-

---

проставлено, указан только месяц (май) и год (1941). В своей датировке документа историки исходят из следующих соображений. Во-первых, он адресован Сталину как Председателю Совета Народных Комиссаров СССР. А эту должность Сталин занял только 6 мая 1941 года. Во-вторых, в «Соображениях...» имеется ссылка на разведданные от 15 мая 1941 года. Следовательно, работа над «Соображениями...» велась в промежутке от 6 до 15 мая, причём, не факт, что 15-го она была закончена. Даже более того: скорее всего, она 15-го не была закончена, и документ был завершён позже. Но поскольку 15 мая – это единственная вероятная дата, которая может быть конкретно названа как дата появления «Соображений...», то историки остановились на ней. Мы, со своей стороны, не будем отклоняться от принятой датировки, не забывая, однако, об её условности.

стой воды» агрессии против «бедненького» Третьего рейха, и превентивный удар нанёс как раз Гитлер. М.И. Мельтюхов полагает, что планом нападения на Германию стал уже «Уточнённый план...» от 11 марта 1941 года. И уж тем более таковыми являлись майские «Соображения...».

Оставляя в стороне (пока) «Соображения...» от 15 мая 1941 года, о которых, действительно, нужно вести отдельный разговор, в отношении трёх других планов стратегического развёртывания РККА надо однозначно заявить, что они не были планами нападения на Германию (ни превентивного, ни, тем более, агрессивного). Достаточно прочесть эти документы, чтобы в этом убедиться.

В «Соображениях...» от 19 августа 1940 года читаем:

«Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развёрнутыми к северу от Полесья.

На Юге – активной обороной должны быть прикрыты Западная Украина и Бессарабия и скована возможно большая часть германской армии.

Основной задачей наших войск является – нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировке противника в районе Ивангород, Люблин, Грубешов, Томашев» [28; 271 – 272], [33; 37 – 38], [34; 317 – 318].

Прекрасно видно, что «Соображения...» в варианте авгу-

ста 1940 года предполагают начало боевых действий Красной Армии только в ответ на германское нападение.

Раздел I «Наши вероятные противники» «Соображений...» от 18 сентября 1940 года начинается словами:

«Сложившаяся политическая ситуация в Европе создаёт вероятность вооружённого столкновения на наших западных границах.

Это вооружённое столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ» [79; 1].

В разделе III «Вероятные оперативные планы противников» говорится:

«На Западе:

...Германия, вероятнее всего, развернёт свои главные силы к северу от устья р. Сан с тем, чтобы из Восточной Пруссии через Литовскую ССР нанести и развить главный удар в направлениях на Ригу, на Ковно и далее на Двинск – Полоцк, или на Ковно – Вильно и далее на Минск.

Одновременно необходимо ожидать вспомогательных концентрических ударов со стороны Ломжи и Бреста, с последующим развитием их в направлении Барановичи, Минск.

[...]

Вполне вероятен также, одновременно с главным ударом немцев из восточной Пруссии, их удар с фронта Холм, Грубешов, Томашев, Ярослав на Дубно, Броды с целью выхода

в тыл нашей Львовской группировки и овладения Западной Украиной.

Если Финляндия выступит на стороне Германии, то не исключена поддержка её армии германскими дивизиями для атаки Ленинграда с северо-запада.

На Юге – возможно ожидать одновременного с германской армией перехода в наступление из районов северной Румынии в общем направлении на Жмеринку румынской армии, поддержанной германскими дивизиями.

[...]

Не исключена возможность, что немцы захвата Украины сосредоточат свои главные силы на юге, в районе Седлец, Люблин, для нанесения главного удара в общем направлении на Киев.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии, как указывалось выше.

[...]

Основным, наиболее политически выгодным для Германии, а, следовательно, и наиболее вероятным является 1-ый вариант её действий, т.е. с развёртыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан» [79; 2 – 3].

Не менее, а даже более показательны начальные формулировки (раздел I «Наши вероятные противники») «Уточнённого плана...» от 11 марта 1941 года:

«Сложившаяся политическая обстановка в Европе за-

ставляет обратить исключительное внимание на оборону наших западных границ.

Возможное вооружённое столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность атаки и со стороны Японии наших дальневосточных границ.

Вооружённое нападение Германии на СССР может вовлечь в военный конфликт с нами Финляндию, Румынию, Венгрию и других союзников Германии» [14; 1 – 2].

Вероятные планы противника так же, как и в «Соображениях...» от 18 сентября 1940 года, изложены в разделе III документа:

«...На Западе.

Германия вероятнее всего развернёт свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии, с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

При выступлении Финляндии на стороне Германии не исключена поддержка её армии германскими дивизиями (8 – 10) для атаки Ленинграда с северо-запада.

На юге возможно ожидать одновременного с германской армией перехода в наступление в общем направлении на Жмеринку румынской армии, поддержанной германскими

дивизиями.

[...]

Не исключена возможность, что немцы сосредоточат свои главные силы в Восточной Пруссии и на варшавском направлении, с том, чтобы через Литовскую ССР нанести и развернуть главный удар в направлении на Ригу или на Ковно, Двинск.

Одновременно необходимо ожидать вспомогательных концентрических ударов со стороны Ломжа и Брест с последующим развитием их в направлении Барановичи, Минск» [14; 3].

Приведённые обширные отрывки из трёх планов стратегического развёртывания РККА очень ярко показывают, какой войне готовился СССР – войне, в которой ему придётся отражать нападение Германии и её союзников.

Не удивительно, что Резун и его сторонники помалкивают и о «Соображениях...» от 19 августа 1940 года, и о «Соображениях...» от 18 сентября 1940 года, и об «Уточнённом плане...» от 11 марта 1941 года, предпочитая вольно фантазировать на тему мифического плана «Гроза», коснись они этих планов, сразу станет очевидна вся лживость и надуманность их построений.

Может удивлять позиция М.И. Мельтюхова и его последователей, которые пытаются «Уточнённый план...» от 11 марта 1941 года представить как результат эволюции взглядов советского политического и военного руководства от идеи

обороны к идее превентивного удара по Германии. Забегая вперёд, кратко скажем (подробнее об этом мы поговорим чуть ниже), что к такому выводу М.И. Мельтюхова подвиг не сам текст плана, как это не удивительно звучит.

Процитированные участки текстов трёх советских военных планов 1940 – 1941 годов указывают не только на то, что СССР ждал нападения и не собирался сам нападать первым, но и на главную причину, по которой одни планы заменялись другими. Планы действительно эволюционировали, но не из-за стремления политического руководства СССР и командования РККА нанести удар по Германскому рейху первыми (агрессивный ли, превентивный ли – в данном контексте не важно), а из-за того, что менялись представления о главном театре грядущей войны. Безусловно, сверх указанного изменялись и оценки сил противника и, как следствие, количество советских войск, которые должны быть отряжены для борьбы с этим противником. Но главная причина, повторяем, именно первая из названных.

«Соображения...» Б.М. Шапошникова предполагали, что основные события в ходе войны с Германией развернутся к северу от Полесья. Именно там немцы нанесут свой наиболее мощный удар, а Красная Армия развернёт главное наступление с целью разгрома немецких группировок в районе Варшавы и Восточной Пруссии. На Юге планом предусматривалась активная оборона Западной Украины и Бессарабии.

Как вспоминает в своих мемуарах А.М. Василевский, в

сентябре 1940 года бывший в составе группы работников Наркомата обороны и Генерального штаба, представлявшей этот оперативно-стратегический план политическому руководству страны²⁵, «при его рассмотрении И.В. Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, высказал свою точку зрения. По его мнению, Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на Юго-Западном направлении» [11; 106].

Данная мысль Сталина и положила начало той эволюции планирования, которая привела к появлению сначала «Соображений...» К.А. Мерецкова, а затем «Уточнённого плана...» Г.К. Жукова.

План, предложенный К.А. Мерецковым, однако, оказался дуалистичным. Он предполагал, как уже мог убедиться

---

²⁵ Александр Михайлович указывает, что непосредственный доклад Сталину и члена Политбюро ЦК ВКП(б) делали С.К. Тимошенко, К.А. Мерецков и Н.Ф. Ватутин. Сам же А.М. Василевский вместе с генералом А.Ф. Анисовым во время доклада находился в комнате секретариата Сталина. Поэтому приводимые А.М. Василевским слова Сталина стали известны ему из рассказа К.А. Мерецкова [11; 101 – 102, 106].

читатель, что немцы могут действовать по двум вариантам. Согласно первому из них, главные их силы будут развёрнуты к северу от устья реки Сан. Согласно второму, – основные силы германской армии будут сосредоточены южнее Польши с целью захвата Украины [79; 2]. Предполагая первый вариант действий вермахта, К. А. Мерецков фактически воспроизводил наработки Б.М. Шапошникова, тем более, что этот первый вариант считался им основным и более вероятным [79; 3]. Соответственно два варианта действий (назовём их условно «южный» и «северный») предполагались для Красной Армии. Вот что говорится в разделе V «Основы нашего стратегического развёртывания на Западе» «Сображений...» от 18 сентября 1940 года:

«Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развёрнуты или к югу от Брест-Литовска с тем, чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить её важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска, с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

Окончательное решение на развёртывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны, в условиях же мирного времени считаю

необходимым иметь разработанными оба варианта» [28; 272 – 273], [34; 318 – 319], [53; 104 – 106], [79; 4].

Последний из процитированных абзацев документа ещё раз ясно указывают на то, что Советский Союз готовился не к нападению, а к обороне (каким образом будет осуществляться эта оборона – другой вопрос; о нём мы поговорим немного ниже). В самом деле, если выбор варианта действий РККА зависит от «*политической обстановки*» (читай – варианта агрессивных действий Германии), то РККА делает свой ход второй, а не первой, т.е. отвечает на нападение, а не нападает сама.

Но, тем не менее, «южный» вариант считался более предпочтительным и основным. Почему? Авторы «Соображений...» поясняют:

«Удар наших сил в направлении Краков, Братислав, отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительное значение.

Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо ещё подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши.

При развёртывании Вооружённых Сил СССР по этому – основному варианту, предлагается следующая группировка...» [79; 5].

Итак, «резоны» «южного» варианта действий РККА ясны – третий рейх отрезается от своих балканских союзников (Румынии, Венгрии, Болгарии), и тогда последние, мо-

жет быть, даже не вступят в войну или быстро из неё выйдут; наступать Красной Армии гораздо удобнее по пока плохо оборудованной в оборонном отношении местности южнее устья реки Сан.

«Северный» вариант развёртывания РККА считался гораздо менее предпочтительным и вынужденным – в «Соображениях...» так и пишется: «...*при неизбежности* (выделено нами – И.Д., В.С.) *развёртывания наших Вооружённых Сил по этому варианту...*» [79; 8], т.е. лучше бы данного варианта избежать.

Причины такого отношения вполне чётко сформулированы в документе:

«Второй вариант – развёртывание к северу от Брест-Литовска.

Основами этого варианта должно быть:

1. Прочное прикрытие направлений на Минск и Псков в период сосредоточения войск.

2. Нанесение решительного поражения главным силам германской армии, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии, и захват последней.

[...]

При решении этой задачи необходимо учитывать:

1. Сильное сопротивление, с вводом значительных сил, которое во всех случаях, безусловно, будет оказано Германией в борьбе за Восточную Пруссию.

2. Сложные природные условия Восточной Пруссии, край-

не затрудняющие ведение наступательных операций.

3. Исключительную подготовленность этого театра для обороны и особенно в инженерном и дорожном отношениях.

Как вывод – возникают опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы и не даст нужного и быстрого эффекта, что в свою очередь сделает неизбежным и ускорит вступление Балканских стран в войну против нас» [79; 7 – 8].

Словом, ожидаемый от «северного» варианта эффект диаметрально противоположен эффекту, ожидаемому от «южного» варианта.

В случае действий по «южному» варианту «Соображений...» К.А. Мерецкова основная роль отводилась наступательным действиям Юго-Западного фронта. Действия Западного и Северо-Западного фронтов носили вспомогательный характер (4-я армия Западного фронта взаимодействовала в наступлении с войсками Юго-Западного фронта, нанося удар на Люблин; остальные силы Западного и Северо-Западного фронтов наносили сковывающие удары по немцам в Северной Польше и Восточной Пруссии) [79; 4 – 7].

По «северному» варианту развёртывания и действий РК-КА, наоборот, основная роль отводилась наступательным действиям Западного и Северо-Западного фронтов, главной целью которых было овладение Восточной Пруссией. При этом войска Юго-Западного фронта, надёжно прикрывая За-

падную Украину и Бессарабию, должны были нанести поражение ивангородско-люблинской группировке немцев [79; 7 – 9].

5 октября 1940 года у И.В. Сталина состоялось совещание, на котором присутствовали К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, В.М. Молотов и К.А. Мерецков. На совещании обсуждался оперативно-стратегический план, представленный К.А. Мерецковым. В ходе обсуждения Генеральному штабу было поручено доработать план с учётом развёртывания ещё более сильной группировки в составе Юго-Западного фронта, что и было выполнено. В доработанном виде «Соображения...» К.А. Мерецкова были утверждены 14 октября 1940 года. «Южный» вариант плана стал однозначно основным. Тем не менее, работу над «северным» вариантом решено было также продолжать. Доведение обоих вариантов плана на местах планировалось закончить к 1 мая 1941 года [1; 13], [32; 52], [34; 320]. Однако, как верно замечает российский военный историк А.В. Исаев, *«интерес к мучительному “прогрызанию” укреплений в Восточной Пруссии явно пошёл на убыль»* [34; 320].

Дальнейшим этапом в эволюции советского военного планирования, заключающейся в смещении центра тяжести развёртывания войск Красной Армии на юг, стал «Уточнённый план...» от 11 марта 1941 года. Пожалуй, можно сказать, что план Г.К. Жукова окончательно закреплял приоритет театра военных действий к югу от Полесья. Но всё-таки будет невер-

ным утверждать, как это делает М.И. Мельтюхов, а также и мы в своей совместной с В.В. Смирновым работе²⁶, что оперативно-стратегический план от 11 марта 1941 года **окончательно закрепил отказ** от «северного» варианта [28; 623], [53; 112].

В самом деле, выше читатель уже мог убедиться по процитированным отрывкам из «Уточнённого плана...», что хотя авторы этого документа и считали, что *«Германия вероятнее всего развернёт свои главные силы»* на Южном театре военных действий (ТВД) (от Седлец до Венгрии) для того, чтобы захватить Украину, важную для СССР в экономическом (промышленном и сельскохозяйственном) отношении, но «северного» варианта развёртывания главных сил вермахта (в Восточной Пруссии и на варшавском направлении) они тоже не исключали [14; 3]. Да, конечно, раздел V «Основы нашего стратегического развёртывания на Западе» содержит слова, на которые в своём утверждении от окончательном отказе в «Уточнённом плане...» от «северного» варианта развёртывания РККА ссылается М.И. Мельтюхов:

«Развёртывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьёзные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям» [14; 5], [53; 112].

---

²⁶ Имеется в виду книга «"Чёрная мифология"...», уже неоднократно упоминавшаяся на страницах данной работы.

Но, во-первых, подобная констатация в «Уточнённом плане...» мало отличается от таковой же в «Соображениях...» К.А. Мерецкова (некоторое отличие в формулировке при абсолютном сохранении смысла).

А, во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что план Г.К. Жукова всё-таки говорит о возможности главного удара немцев на Севере. А раз так, то субъективные предпочтения командования РККА и советского политического руководства – как говорится. «дело десятое». На действия немцев надо отвечать по «северному» варианту развёртывания сил РККА, хоть он для нас и менее предпочтителен.

И если уж говорить об окончательном отказе от «северного» варианта, то он наблюдается в чистом виде только в «Соображениях...» от 15 мая 1941 года. В них указывается, что *«вероятнее всего главные силы немецкой армии... будут развёрнуты к югу от линии Брест – Демблин для нанесения удара в направлении – Ковель, Ровно, Киев»*, т.е. для захвата Украины [28; 283], [71; 465]. Удары на Северном ТВД (*«... из Восточной Пруссии на Вильно и Ригу, а также... со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск и Барановичи...»* [28; 283], [71; 465]) мыслятся исключительно как вспомогательные. Ни о какой возможности главного удара немцев на Севере в майских «Соображениях...» речи уже не идёт. Т.е. Южный ТВД однозначно считается главным, и «южный» вариант развёртывания Красной Армии, следовательно, стано-

вится единственным.

Читатель по процитированным участкам текстов трёх указанных советских военных планов наверняка уже заметил, что говорят они о наступлении Красной Армии. Удивлять это не должно. Наступление советских войск во всех этих разработках – это ответ на агрессию. Другими словами, будущая война с Германским рейхом должна была стать оборонительной по сути (ибо СССР подвергается нападению), но наступательной по способу её ведения. Лозунг предвоенных лет *«Бить врага на его территории!»* не был чисто пропагандистским. Из него исходило и советское военное планирование. Оборона (да и то активная) предусматривалась на границе в период сосредоточения советских войск для первой операции, т.е. для нанесения мощного удара по агрессору. Также она использовалась на флангах основного ТВД в период проведения наступления главной ударной группировки Красной Армии. Данная схема во всех трёх рассмотренных нами планах была схожа (варьировалось только понимание главного и второстепенного ТВД и, в соответствии с этим, главные и второстепенные группировки РККА). Вот как, например, формулируются основы развёртывания наших войск по первому, «южному», варианту в «Соображениях...» от 18 сентября 1940 года:

«Первый вариант – развёртывание к югу от Брест-Литовска.

Основами этого развёртывания должны быть:

1. активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск.

2. Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р. Тилица и верхнее течение р. Одер.

3. Активными действиями Север-Западного и Западного фронтов сковать большую часть сил немцев к северу от Брест-Литовска и в Восточной Пруссии, прочно прикрывая при этом Минское и Псковское направления» [79; 4].

Итак, никакая стратегическая оборона советским командованием не планировалась. Никто не собирался, понарыв окопов и понастроив укрепрайонов аж до самой Москвы, сидеть в них в случае нападения Германии на СССР и только тем и заниматься, что отражать вражеские атаки. Стремление Резуна и его сторонников доказать, что отсутствие подготовки к такому способу ведения оборонительной войны означает, что СССР готовился к агрессии, выглядит смешным, наивным, глупым, по-иезуитски хитрым – каким угодно, только не серьёзным и не состоятельным с научной точки зрения. Да, Советский Союз собирался в ответ на агрессию наступать, отбив удар противника, но он не собирался первым начинать войну (тем более – агрессивную войну). И «Соображения...» от 19 августа 1940 года, и «Соображе-

ния...» от 18 сентября 1940 года, и «Уточнённый план...» от 11 марта 1941 года об этом убедительно свидетельствуют. И если их читать да ещё делать это внимательно и непредвзято, то относиться серьёзно к построениям Резуна и «иже с ним» просто нельзя. Скажем так, серьёзно относиться к его экзерсисам могут только несерьёзные люди. Концепция Резуна вообще не из научной области, она из области политической пропаганды.

А вот гипотеза М.И. Мельтюхова о подготовке СССР в 1941 году к превентивной войне уже вполне научна, ибо имеет под собой определённые основания. Правда, признать достаточными основания, на которых М.И. Мельтюхов уже «Уточнённый план...» от 11 марта 1941 года пытается объявить планом превентивного удара по Третьему рейху, явно нельзя. Но на чём всё-таки базируется исследователь в этой своей попытке? Ведь текст плана, казалось бы, ни о чём подобном и близко не говорит. Дадим слово самому историку. Так, в одной из своих работ он отмечает:

«Насколько можно судить по доступным документам, впервые точная дата возможного удара по Германии появилась в оперативном плане от 11 марта 1941 года...» [54; 66].

По мнению М.И. Мельтюхова, этой датой является 12 июня 1941 года [54; 66].

В другой своей работе исследователь ещё более категоричен:

«Версия о том, что “ в основу документа («Уточнённого плана...» – И.Д., В.С.) была положена оборонительная стратегия”, не имеет никакого основания. Дело в том, что в нём было чётко указано: **“Наступление начать 12.6”** (выделено автором – И.Д., В.С.). Точный срок начала наступления, как известно, определяется стороной, которая планирует располагать инициативой начала боевых действий» [53; 114].

Итак, дело, оказывается, в дате (12 июня; заметим, без указания года). Неужели она действительно фигурирует в «Уточнённом плане...»? И да, и нет. Поясним.

Дело в том, что в опубликованном варианте мартовского плана этой даты нет. Но, по утверждению генерала армии М.А. Гареева, дата эта есть в тексте плана, хранящемся в архиве. Однако, как говорит М.А. Гареев, фраза **«Наступление начать 12.6»** вписана Н.Ф. Ватутиным карандашом в основной текст плана (в раздел, посвящённый задачам Юго-Западного фронта), собственноручно выполненный чернилами А.М. Василевским [48; 543].

Именно на свидетельство М.А. Гареева ссылается в своих работах М.И. Мельтюхов [53; 114, 154 – 155], [54; 66, 84]. Сомневаться в этом свидетельстве не приходится, ибо им М.А. Гареев, в сущности, «играет» против себя. Генерал является последовательным противником любой из версий начала Великой Отечественной войны, отличающейся от «классической», т.е. официальной советской. И уж если он

сказал, что подобные слова в текст плана вписаны, то так оно и есть.

М. Солонин, также, очевидно, лично познакомившийся в архиве с оригиналом плана Г.К. Жукова, уточняет, что фраза о наступлении 12.6 вписана *«на оборотной стороне 27-й страницы»* (выделено нами – И.Д., В.С.) *тонким карандашом, аккуратным “бисерным” почерком (предположительно рукой... Н.Ф. Ватутина)...*» [76; 73 – 74].

Вряд ли можно согласиться с М.И. Мельтюховым, что наличие в тексте «Уточнённого плана...» данной карандашной вставки поставило *«на твёрдую почву фактов»* вопрос об определении даты советского превентивного нападения на Германию [54; 66]. Не только определение данной даты на фактическую почву не поставлено, но и сам вопрос: а планировалось ли подобное нападение?

В самом деле, насколько текст мартовского плана известен, данная фраза о наступлении противоречит его характеру, т.к. в основе плана лежала идея ответного удара, если угодно, стратегия активной обороны (в этом читатель уже сам мог убедиться по процитированным выше участкам текста этого документа).

Строго говоря, абсолютно не ясно, как на основе карандашной вставки в текст плана (да ещё выпадающей из его контекста) можно строить какие-то теории? Да ещё такие глобальные, как теория о наличии советских планов превентивного удара по Германскому рейху.

К тому же вспомним, что и года-то эта хронологическая вставка не содержит – просто число и месяц. И 12 июня 1941 года Советский Союз никакого удара по Германии в реальной жизни не нанёс.

С учётом вышесказанного ватутинскую карандашную вставку можно рассматривать как след неких размышлений генштабиста. Почему бы и нет?

Вот, пожалуйста, одна из версий подобных размышлений. Приводит её М. Солонин:

«Внимательный анализ документа не даёт оснований предположить, что фраза “наступление начать 12 июня” относится к 12 июня 1941 года. логика рассуждений здесь очень простая – большая часть механизированных (танковых) соединений, упомянутых в мартовском (1941 года) плане, просто не существовала в реальности.

[...]

В целом, развёрнутая в феврале 1941-го программа создания гигантских бронетанковых сил, предусматривающая формирование 30 мехкорпусов по тысяче танков в каждом и вооружение этой чудовищной бронетанковой орды “танками новых типов” (КВ и Т-34), не могла быть завершена ранее конца 1942 года (если не позже). Ни один разумный человек – а Сталин, без сомнения, был человеком чрезвычайно осторожным – не стал бы затевать такой “грандиозный капитальный ремонт” за несколько месяцев до начала Большой Войны. Можно предположить, что в марте 1941-го этот

момент был отнесён им к концу лета (“12 июня”) (именно так в тексте: «к концу лета» – И.Д., В.С.) 1942-го или даже 1943 года...» [76; 75].

Чем не версия? Тут даже превентивный удар по Германии присутствует. И на ударе этом, как и у М.И. Мельтюхова, настаивает, конечно же, Сталин (а уж Ватутин потом штабными разработками только конкретизирует дату удара [53; 114]. Да только год этого удара вообще не 1941-й! А может, и не 1942-й!

А вот ещё одна версия размышлений Н.Ф. Ватутина, которая начисто отрицает и построения М.И. Мельтюхова, и версию М. Солонины:

«Скорее всего, эта дата послужила разработчикам мобплана МП-41 точкой обратного отсчёта для определения сроков календарного плана осуществления основных его мероприятий, – пишут российские историки Л.Н. Лопуховский и Б.К. Кавалерчик. – Ватутин употребил слова “Наступление начать 12.6”, чтобы подчеркнуть, что к этому сроку должны быть практически завершены все мероприятия по приведению войск в боевую готовность, включая их сосредоточение и отмобилизацию. Поэтому срок готовности МП-41, как всегда, первоначально назначили с запасом – на 1 мая» [48; 545].

Таким образом, полагают эти исследователи, никакое нападение на Германию (ни превентивное, ни агрессивное) мартовским оперативным планом не предусматривалось [48;

Со своей стороны заметим, что данная версия объяснений фразы «*Наступление начать 12.6*» выглядит очень и очень убедительно.

О чём всё это говорит? Да о том, что, встав на «твёрдую почву» карандашной вставки в основной текст плана, мы целиком и полностью вступаем в область гипотез. И гадать, что хотел сказать Н.Ф. Ватугин фразой о наступлении, которое нужно начать 12 июня (неизвестно какого года), можно сколько угодно²⁷.

И ещё. Если «Уточнённый план...» от 11 марта 1941 года на самом деле является планом превентивного удара по Третьему рейху, то не совсем ясно появление майских «Соображений...». Если уж этот план содержал, как полагает М.И. Мельтюхов, квинтэссенцию «*”общепринятых взглядов” советского руководства на начало войны*», то почему же он, по выражению того же М.И. Мельтюхова, «*не был итоговым*», почему «*процесс разработки советского оперативного плана продолжался*» [53; 114]? Зачем понадобилось «плодить» планы, вместо того, чтобы доводить до ума уже имеющийся и проводить по нему подготовку к войне?

Мы плавно подошли к «Соображениям...» от 15 мая 1941 года. Этот документ, действительно, позволяет говорить, что

---

²⁷ С более подробным рассмотрением и критикой взглядов М.И. Мельтюхова на «Уточнённый план...» от 11 марта 1941 года читатель может познакомиться в нашей книге «*”Чёрная мифология”...*» (стр. 373 – 385).

в нём содержится идея превентивного удара по германской армии, расположившейся у советских границ и готовящейся к нападению. Именно поэтому майские «Соображения...» стоят особняком в советском военном планировании предвоенного периода²⁸.

Что представляют из себя майские «Соображения...»?

Сейчас они известны только в черновом варианте докладной записки, направленной Сталину С.К. Тимошенко и Г.К. Жуковым, т.е. наркомом обороны и начальником Генштаба РККА. По утверждениям Д. Волкогонова и В. Карпова, документ изначально находился в личном деле Г.К. Жукова, хранящемся в Министерстве обороны [84; 183].

«Соображения...» написаны рукой А.М. Василевского, на тот момент – заместителя начальника Оперативного управления Генерального штаба. В тексте имеется редакторская правка рукой Н.Ф. Ватутина (напомним, тогда он был первым заместителем начальника Генштаба). Хотя в конце обозначены фамилии С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова, их подписей нет. В тексте есть ссылки на прилагаемые карты, но карты отсутствуют [9; 314, 341], [71; 464 – 472].

Можно предположить с большой долей вероятности, что

---

²⁸ Правда, М.И. Мельтюхов чем-то исключительным их не считает, как уже мог убедиться читатель. По мнению этого российского исследователя, они являются лишь этапом планирования превентивного удара по Германии. Единственная их особенность, считает он, в том, что в них *«впервые открыто и чётко сформулирована мысль»* о превентивном ударе. В предыдущих планах эта мысль присутствовала *«в скрытой форме»* [53; 114].

чистой с картами, подписанный наркомом обороны и начальником Генштаба, был предоставлен Сталину и впоследствии затерялся в архивах или был уничтожен. Впрочем, заместитель начальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР в 1991 году генерал-полковник А. Клеймёнов утверждал, что данный документ не был подписан и никогда не обсуждался [84; 183]. Наверное, у генерала были основания так заявлять. С ним согласен современный российский историк О.В. Вишлёв. Более того, этот исследователь полагает, что *«документ (т.е. «Соображения...» от 15 мая 1941 года – И.Д., В.С.) никогда не выходил из стен Генштаба. Он так и остался черновым рабочим документом»* [18; 15], [19; 36]. Своё мнение О.В. Вишлёв основывает на том, что нет ни прямых, ни косвенных документальных подтверждений не только того, что план был утверждён и подписан Сталиным, но и того, что он вообще направлялся ему на рассмотрение. Нет также свидетельств подписания его С.К. Тимошенко и Г.К. Жуковым. С полной уверенностью можно утверждать, что его, с учётом своих правок, одобрил Н.Ф. Ватутин (хотя подпись его на документе также отсутствует) [18; 15], [19; 36]. Наконец, как считает О.В. Вишлёв, *«заслуживает внимания... и тот факт, что этот документ долгое время (до 1948 года) хранился в личном сейфе Василевского – не в бумагах Сталина, Тимошенко, Жукова либо... Н.Ф. Ватутина, где ему, казалось бы, надлежало находиться, если бы он был утверждён или хотя бы рассмотрен, и именно из сейфа*

Василевского перекочевал в архив» [18; 15], [19; 36].

Нельзя не отметить, что документов, которые противоречили бы мнению А. Клеймёнова и О.В. Вишлёва действительно пока не известно. Но вот свидетельство, ему противоречащее, есть. Можно считать, что это два свидетельства, хотя принадлежат они одному и тому же лицу. Причина подобной «двойственности» в том, что детали дела, изложенные этим лицом дважды, довольно сильно отличаются в первом и втором случае. Речь идёт о свидетельствах Георгия Константиновича Жукова, в осведомлённости которого в рассматриваемом вопросе вряд ли приходится сомневаться. Маршал два раза рассказывал о майских «Соображениях...» советским историкам: в 1965 году В.А. Анфилову, в 1966 году Н.А. Светлишину.

В.А. Анфилову Г.К. Жуков поведал следующее:

«Идея превентивного нападения на Германию появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий, в которой он говорил о возможности действовать наступательным образом. Это выступление в обстановке, когда враг сосредоточивал силы у наших границ, убедило нас в необходимости разработать директиву, предусматривающую предупредительный удар. Конкретная задача была поставлена А.М. Василевскому. 15 мая он доложил проект директивы наркому и мне. Однако мы этот документ не подписали, решили предварительно доложить его Сталину. Но он прямо-таки закипел, услы-

шив о предупредительном ударе по немецким войскам. “Вы что, с ума сошли, немцев хотите спровоцировать?” – раздражённо бросил Сталин. Мы сослались на складывающуюся у границ СССР обстановку, на идеи, содержащиеся в его выступлении 5 мая... “Так я сказал это, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а о непобедимости немецкой армии, о чём трубят газеты всего мира”, – прорычал Сталин. Так была похоронена идея о предупредительном ударе...» [48; 533 – 534]. По словам Жукова, «... разговор закончился угрозой Сталина» [48; 533 – 534], [53; 91 – 92].

А вот вариант истории, рассказанный Н.А. Светлишину: «...Свою докладную я передал Сталину через его личного секретаря Поскрёбышева. Мне до сих пор не известны ни дальнейшая судьба этой записки, ни принятое по ней решение Сталина. А преподанный по этому поводу мне урок запомнился навсегда. На следующий день Н.А. Поскрёбышев, встретивший меня в приёмной Сталина, сообщил его реакцию на мою записку. Он сказал, что Сталин был разгневан моей докладной и поручил ему передать мне, чтобы я впредь таких записок для “прокурора” больше не писал, что председатель Совнаркома больше осведомлён о перспективах наших взаимоотношений с Германией, чем начальник Генштаба, что Советский Союз имеет ещё достаточно времени для подготовки решительной схватки с фашизмом. А реализация моих предложений была бы только на руку врагам Со-

ветской власти» [48; 534], [53; 92].

Оставляя в стороне странное расхождение в деталях этих двух рассказов Г.К. Жукова об одном и том же (хотя между двумя беседами с историками был всего лишь примерно год (как говорится, плюс-минус)), явные штампы времён хрущёвской «оттепели», присутствующие в обоих повествованиях, можно, пожалуй, сказать, что в том или ином виде «Соображения...» от 15 мая 1941 года Сталину всё же докладывались. Скорее всего, они были представлены ему в виде некоего тезисного доклада. Сталин доклад «зарезал». Идея превентивного удара по Германии его одобрения не получила. Посему А. Клеймёнов и В.О. Вишлёв правы – сами «Соображения...», представлявшие собой довольно объёмный документ, стен Генштаба могли не покидать, их не обсуждали на правительственном уровне, коллегиально (Сталин отверг их с ходу единолично), их не подписывали ни нарком обороны, ни начальник Генштаба (о чём, кстати, Г.К. Жуков прямо говорил В.А. Анфилову), и, вполне возможно, они даже не имели чистового варианта.

Майские «Соображения...», как было отмечено, – довольно объёмный документ – 15 листов, с четырьмя приложениями. Три приложения содержали в общей сложности семь карт. Одно приложение («Схема соотношения сил») карт не имело [71; 464 – 472], [77; 199].

Приведём выдержки из данных «Соображений...», которые позволили бы читателю увидеть, что этот оперативный

план действительно диссонировал со всеми предыдущим советским военным планированием:

«I. [...]

Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развёрнутыми тылами, она имеет возможность предупредить (подчёркнуто в тексте документа – И.Д., В.С.) нас в развёртывании и нанести внезапный удар.

*Чтобы **предотвратить это** (выделено нами – И.Д., В.С.), считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить (подчёркнуто в тексте документа – И.Д., В.С.) противника в развёртывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развёртывания и не успеет ещё организовать фронт и взаимодействие войск.*

[...]

IV. ...Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику, как с воздуха, так и на земле:

1. Провести скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса;

2. Под видом выхода в лагерь произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии Резерва Главного командования;

3. Скрыто сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдалённых округов и теперь же начать развёртывать авиационный тыл;

4. Постепенно под видом учебных сборов и тыловых учреждений развернуть тыл и госпитальную базу» [28; 284, 286], [71; 465 – 466, 469 – 470].

Вот, собственно, те участки текста «Соображений по плану стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками» от 15 мая 1941 года, которые позволяют видеть в этом документе план превентивного удара по германским войскам, сосредоточившимся у советской границы. В остальном план был вполне стандартен. Речь шла в нём о силах и группировке войск противника, его предполагаемых действиях, группировке советских войск, их предполагаемых действиях, задачах сухопутных войск РККА, авиации, военно-морского флота, мероприятиях по созданию группировки резервных армий, мероприятиях по тыловому обеспечению войск. Как уже упоминалось выше, именно эти «Соображения...» надо считать завершившими эволюцию советского военного планирования, заключавшуюся в смещении основного района сосредоточения советских войск с севера на юг. В них «северный» вариант уже не рассматривается, Южный ТВД од-

нозначно считается главным театром военных действий грядущей войны, т.к. именно там будет сосредоточена главная масса войск противника и, как следствие, основная масса войск Красной Армии, там развернутся основные сражения.

Сейчас среди историков господствующей является трактовка «Соображений...» от 15 мая 1941 года как плана превентивной войны против Германского рейха, появление которого было вызвано сосредоточением немецких войск на советских границах с явно угрожающими намерениями.

Справедливости ради надо заметить, что есть и другие трактовки этого документа.

О нюансах взгляда М.И. Мельтюхова на майские «Соображения...» уже говорилось: исследователь считает их планом превентивной войны, но в их появлении не видит ничего экстраординарного. По его мнению, «Соображения...» лишь уточняли и развивали предыдущие советские военные планы 1940 – 1941 годов, которые все были планами превентивного удара по Германии [53; 114].

Другой российский историк Второй мировой и Великой Отечественной войн А.В. Исаев, напротив, полагает, что «Соображения...» от 15 мая 1941 года не были планом превентивной войны. По его мнению, в них вообще не идёт речь о нападении на Германию первыми. Всё, о чём они говорят – это проведение ещё в мирное время мероприятий по ускорению от мобилизации, сосредоточения и развёртывания РККА с тем, чтобы после начала войны сократить её началь-

ный период для Красной Армии до минимума. Тем самым РККА могла получить преимущество над вермахтом, который после объявления Германией войны СССР ещё не закончит развёртывания и не наладит взаимодействие своих войск, т.е. начальный период войны для вермахта будет большим, чем для советских войск [32; 91]. *«Назвать это планом превентивного удара, – заявляет А.В. Исаев, – может только совершенно безграмотный человек. В “Соображениях...” нет предложения напасть первыми, т.е. совершить политический акт агрессии»* [32; 91].

Что ж? Если оценивать майский план в комплексе, то можно смело сказать, что точка зрения А.В. Исаева очень здравая. Она, в частности, вполне согласуется со взглядами на начальный период войны, господствовавшими тогда в среде высшего командования РККА, согласно которым вступлению основных сил армий воюющих сторон в противоборство будет предшествовать период (начальный период войны), в ходе которого боевые действия будут вестись примерно в районе государственной границы так называемыми армиями прикрытия. Задачей этих армий с обеих сторон будет обеспечение отмотилизования, сосредоточения и развёртывания основных сил. Другими словами, они должны обеспечить прикрытие проведения данных мероприятий. Потому-то указанные армии и получили название «армии прикрытия». По такой схеме начиналась Первая мировая война, причём, на обоих фронтах – Западном и Восточном. Совет-

ское командование ошибочно полагало в 1941 году, что новая война с Германией будет иметь аналогичное начало.

Но даже если А.В. Исаев всё-таки ошибается, и «Соображения...» от 15 мая 1941 года предлагали превентивный удар по Германии, то что из этого? К чему эти *«ритуальные пляски»* [34; 319] и прямо-таки истерики наших записных «демократов» вокруг данных «Соображений...»?

Прежде всего, совершенно ясно, что майские «Соображения...» – это не пресловутый резуновский план «Гроза», т.е. не план агрессивной войны против Германии. Потому-то Резун вообще предпочитает о нём предусмотрительно помалкивать. Чего, кстати, не скажешь об его менее далёких последователях, пытающихся с медвежьей грацией поставить знак равенства между мифической «Грозой» и реальными «Соображениями...» от 15 мая 1941 года.

Удар, который советские войска должны были нанести по вермахту, был превентивным. И совершенно прав М.И. Мельтюхов, отметивший: *«...Если не закрывать на неё (реальность 1941 года – И.Д., В.С.) глаза, то возникает вполне резонный вопрос, почему Советский Союз не должен был готовить нападение на Германию? Что, Германия была большим другом советского народа? Или Гитлер и Сталин были близнецы-братья? Ведь в тот момент именно Германия являлась наиболее серьёзной угрозой не только для внешнеполитических интересов Советского Союза, но и для самого существования Советского государства и населявших его*

народов. Поэтому советское руководство не только имело полное право, но и обязано было предпринять все доступные для него меры, которые позволили бы максимально эффективно нанести поражение своему противнику (выделено автором – И.Д., В.С.)» [54; 71 – 72].

Даже западные исследователи, те из них, которые являются здравомыслящими и честными людьми, признают в той исторической ситуации за Советским Союзом право на нанесение упреждающего удара. Так, немецкий историк М. Мессершмидт пишет:

*«...Если бы Сталин нанёс удар перед 21 июня 1941 года, он начал бы превентивную войну в подлинном смысле понятия “*praevenire*” – предотвращать» [84; 183].*

Однако мы знаем, что советское политическое руководство отклонило предложение военных о нанесении превентивного удара по вермахту. Никакой «предотвращающей» войны СССР не начал, а майские «Соображения...» так и остались просто разработкой генштабистов. Последние, кстати, по роду своей деятельности даже обязаны рассматривать любой возможный сценарий войны с вероятным противником. Упрекать их в какой-то кровожадности и агрессивности никоим образом нельзя. Они просто делают свою работу. *«Военные, как известно, лишь готовят предложения, – замечает О.В. Вишлёв, – а решение о том, начинать войну или нет, когда её начинать и какого плана придерживаться, принимают политики, прежде всего глава государ-*

ства» [19; 36].

И ещё одного вопроса, напрямую связанного с советским военным планированием предвоенного периода, хотелось бы коснуться. От сторонников Резуна можно услышать примерно такой аргумент: Советский Союз сосредоточил в приграничной полосе огромное количество боевой техники – танков и самолётов. Количество как первых, так и вторых в несколько раз превышало их количество в войсках Германии и её союзников, находящихся на границе с СССР. Это, якобы, явное указание на тот факт, что СССР готовился напасть на Третий рейх. Ведь для наступления нужны большие силы, чем для обороны, т.к. потери наступающих соотносятся с потерями обороняющихся примерно 3 к 1.

Что на это хочется сказать? Для начала то, что стремление к наступлению в случае начала войны ещё не говорит о стремлении к совершению агрессии. Наступать можно и в ходе оборонительной войны. Именно так Красная Армия и намеревалась воевать: отбив нападение агрессора, перейти в наступление, перенести войну на его территорию. Словом, война оборонительная, но ведётся наступательными методами. Об этом мы уже говорили выше. Читатель и сам мог в этом убедиться, прочитав процитированные участки текстов «Соображений...» от 19 августа 1940 года, «Соображений...» от 18 сентября 1940 года и «Уточнённого плана...» от 11 марта 1941 года.

Далее. А.В. Исаев очень точно и ёмко отметил одну осо-

бенность дискуссий, ведущихся по вопросу советского военного планирования последних предвоенных месяцев. *«Защивание на 1941г. приводит к тому, что люди иной раз не желают видеть событий и документов ни до, ни после 1941г.»*, – пишет исследователь [34; 319].

Что верно – то верно. Перед войной советское командование исходило не из тех цифр потенциала врага на границе, которые были в действительности, и которыми мы располагаем теперь.

Предвоенные советские оперативно-стратегические разработки содержат как общую количественную оценку военного потенциала вероятных противников, так и оценку той части этого потенциала, которая будет направлена против СССР.

В таблице № 1 приведены фигурировавшие в оперативно-стратегических планах советских военных 1940 – 1941 годов цифры оценки сил Германии и её

**НА ДАННОЙ СТРАНИЦЕ БУДЕТ РАСПОЛАГАТЬСЯ
ТАБЛИЦА № 1**

союзников, предназначенных для войны с Советским Союзом. Данные цифры сопоставляются с реальными (на 22 июня 1941 года).

Как видно из таблицы, все предвоенные планы советского командования исходили из значительно завышенных цифр

оценки сил Германии и её союзников. Танковый потенциал переоценивался примерно в 2,5 раза, а авиационный – в 3 раза. Что касается количества дивизий, которые будут наносить удар по СССР, то оно завышалось примерно в 1,3 – 1,4 раза. Казалось бы, немного. Но если вести речь не об относительных цифрах, а об абсолютных, то «в 1,3 – 1,4 раза» – это от 46 до 78 дивизий, и такой просчёт – дело серьёзное.

Но если командование Красной Армии, а вслед за ним и политическое руководство страны, исходили из подобных цифр оценки сил германского блока, которые будут брошены против СССР, то те силы, которые советская сторона собрала у своих границ, могут свидетельствовать только об одном – подготовке к отражению агрессии, но никак не о стремлении совершить агрессию.

В самом деле, выглядят ли агрессивными следующие цифры:

Эквивалентные дивизии – 170.

Танки, танкетки, САУ – около 13 800.

Самолёты – около 10 300.

Орудия и миномёты – около 52 500 [28; 429].

Именно такими силами располагал так называемый Первый стратегический эшелон РККА, т.е. те войска, которые находились в приграничных военных округах²⁹.

---

²⁹ В литературе есть определённые расхождения в количественной оценке сил Первого стратегического эшелона. Нами приводятся те цифры, которые мы счи-

Иметь против 10 – 11-тысячной танковой армады немцев и их сателлитов около 14 тысяч своих танков в приграничных округах – разве это много? Избыточно ли противостоять 12 – 15 тысячам самолётов противника 10 тысячами своих боевых машин? Конечно, нет. Если же мы учтём то обстоятельство, сто Красная армия не собиралась отсиживаться в окопах, а намеревалась вести оборонительную войну наступательными методами, то подобное количество боевой техники и подавно нельзя считать избыточным и свидетельствующим об агрессивности намерений советской стороны.

Как мы видим из цифр, отражённых в оперативно-стратегических разработках наших военных 1940 – 1941 годов, командование РККА полагало, что оно достигло перевеса над немцами в танках, но уступало им в авиационном отношении.

Были подобные просчёты в оценке потенциала германского блока столь уж безобидны? Нет. Казалось бы, переоценить противника лучше, чем его недооценить. Переоценка может повести лишь к более тщательной подготовке к будущей схватке. Так-то оно так. Однако здесь есть и обратная сторона медали: сопоставление чрезвычайно завышенных расчётов сил противника (как общих, так и предназначенных для войны с СССР) с реальными данными о находящихся у советских границ германских и союзных им войсках

таем наиболее обоснованными и которых сами придерживаемся. Подробнее об этом см. Додонов И.Ю., Смирнов В.В. «Чёрная мифология»...» (стр. 411 – 429).

создавало иллюзию, что процесс их сосредоточения для нанесения удара ещё далеко не окончен. А потому, вероятно, и скорого начала войны ждать не приходится. Так, из данных Разведывательного управления Генштаба РККА на 1 июня 1941 года следовало, что немцы должны перебросить к границам Советского Союза ещё не менее 58 дивизий, а это – минимум два месяца. Кроме того, завышенная оценка общих сил вермахта дала Разведупру основание сделать вывод, что на ту же дату, т.е. на 1 июня 1941 года, против СССР сосредоточено всего 41,6% германских дивизий, а против Англии – 42,6%. Тогда как на самом деле у наших границ тогда уже стояло 62% дивизий немецкой армии (не считая соединений союзников) [55; 342 – 343].

Как говорится, из песни слова не выкинешь. такая ошибка нашей военной разведки, а за ней и высшего командования РККА имела очень серьёзные последствия для страны и армии. Но как раз она-то является ещё одним убедительным доказательством того, что всё военное планирование советской стороны носило по своей сути именно оборонительный характер. Можно сказать, что во всех своих вариантах оно было привязано к первым шагам Германии, т.е. агрессора. **Возможным** исключением из этого ряда явились только «Соображения...» от 15 мая 1941 года, которые так и остались проектом в начальной его стадии, ибо Сталин не дал им никакого хода.

Ни один из документов советского военного пла-

нирования предвоенного периода не говорит об его агрессивной направленности. Данное утверждение относится ко всем составляющим этого планирования: планам стратегического развёртывания, мобилизационным планам и планам прикрытия государственной границы. Майские «Соображения...» – это, максимум, план превентивного удара, но никак не агрессивной войны.

* * *

Николай Фёдорович Ватутин перед началом Великой Отечественной войны проработал в Генштабе относительно недолго – менее 11 месяцев. Причём, за это время ему пришлось занимать одну за другой две ответственных должности: с конца июля 1940 года по февраль 1941 года – начальника Оперативного управления Генштаба и с 13 февраля 1941 года – первого заместителя начальника Генштаба. Конечно, не только Н.Ф. Ватутин перемещался в то время с должности на должность. Менялись, как мы помним, и сами начальники Генерального штаба, и начальники управлений, и их заместители. Подобную кадровую чехарду, безусловно, нельзя считать положительным явлением. Как отмечает в своих воспоминаниях С.М. Штеменко, *«такая поспешность в подборе и перемещении столь ответственных лиц едва ли была полезна»* [86; 13]. Однако, несмотря на эту поспешность и всё-таки недолгий срок пребывания на

обеих должностях генерал Н.Ф. Ватутин сумел себя зарекомендовать с самой лучшей стороны. Добросовестность, трудолюбие, чувство ответственности и высокий профессионализм позволяли Николаю Фёдоровичу в короткий срок хорошо осваивать новые участки работы, преодолевать возникающие при этом трудности. Вспоминавший о кадровой чехарде в Генштабе кануна Великой Отечественной войны С.М. Штеменко в то же время говорит о том, что *«личное мнение Н.Ф. Ватутина высоко котировалось в Генштабе... Мы хорошо знали Николая Фёдоровича и не без оснований считали его одарённым в военном отношении, своеобразным оператором-романтиком. Он всегда был полон энергии и желания трудиться в поте лица»* [86; 94].

Сергей Матвеевич Штеменко, знавший Н.Ф. Ватутина ещё по службе в штабе Украинского фронта в период освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию в сентябре 1939 года, затем работавший под его началом в Оперативном управлении Генерального штаба, сам был высокопрофессиональным штабным работником, возглавившим Оперативное управление Генштаба в годы Великой Отечественной войны (в мае 1943 года). Он мог по достоинству оценить не только человеческие качества Николая Фёдоровича, но и высокий уровень его профессиональной подготовки.

Ещё один подчинённый Н.Ф. Ватутина, работавший в Оперативном управлении Генштаба, также во время войны

возглавивший сначала это управление, а затем и весь Генеральный штаб, прославленный советский полководец Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский характеризует Н.Ф. Ватутина как человека с безупречным отношением к выполнению воинского долга, твёрдым характером, решительного в действиях. По его словам, генерал Н.Ф. Ватутин, *«пройдя в течение 20-летней службы в Красной Армии ряд командных и штабных должностей, ...приобрёл солидный боевой опыт,.. имел прекрасную теоретическую подготовку»*. «Военное дело» было для Николая Фёдоровича *«его призванием»* [11; 100].

Георгий Константинович Жуков, с января 1941 года ставший начальником Генерального штаба, сменив на этом посту Кирилла Афанасьевича Мерецкова, в своих воспоминаниях отозвался о работе Н.Ф. Ватутина в Генштабе накануне войны самым положительным образом (именно при Г.К. Жукове Н.Ф. Ватутин назначается на пост первого заместителя начальника Генштаба):

«Первым заместителем начальника Генерального штаба был хорошо известный стране генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин, отличавшийся исключительным трудолюбием и широтой оперативно-стратегического мышления» [29; 211].

Профессиональные качества Николая Фёдоровича за менее чем 11 месяцев его работы в Генеральном штабе оценил и Сталин. Вот какой эпизод описан в мемуарах маршала Г.К.

Жукова (он имел место в первый день войны, т.е. 22 июня 1941 года):

«Примерно в 13 часов мне позвонил И.В. Сталин и сказал: – Наши командующие фронтами не имеют достаточно опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлём Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущёвым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

– А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И.В. Сталин ответил:

– Оставьте за себя Ватутина» [29; 242].

Подобное доверие руководителя страны говорит о многом. Да ещё такого руководителя как Сталин, который очень хорошо умел разглядеть профессиональные и деловые качества человека и эффективно их использовать.

В феврале 1941 года за заслуги в деле строительства Вооружённых Сил и укрепления обороноспособности страны Н.Ф. Ватугин был награждён орденом Ленина. Вручая ему эту награду, советское правительство оценило в том числе пусть и недолгий, но весьма плодотворный, наполненный

большой и сложной работой период службы Николая Фёдоровича в Генеральном штабе Красной Армии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАНШТЕЙН. «ФОН» – ПОТОМОК «ФОНОВ»

ГЛАВА V

ПОТОМСТВЕННЫЙ ВОЕННЫЙ. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

В отличие от своего будущего визави Эрих фон Манштейн был знатного происхождения. И родные, и приёмные его родители принадлежали к прусским аристократическим семьям. Более того, мужские представители обеих этих семей входили в число прусской военной элиты. Так что Эрих фон Манштейн был потомственным военным, что, собственно, для прусского аристократа и не удивительно.

Родился Эрих 24 ноября 1887 года в семье генерала артиллерии Эдуарда фон Левински. Семья была многодетной – Эрих, получивший при крещении имя Фридрих, был в ней десятым ребёнком [26; 66], [39; 296].

Послужной список военных аристократов фон Левински был весьма солиден. Прадед Эриха участвовал в войнах про-

тив Наполеона (в кампаниях 1806 и 1813 – 1815 годов). Двое Левински, в том числе и отец Эриха, проходили службу в прусском Генеральном штабе, завершив свою карьеру командирами корпусов. Четверо старших братьев младшего Левински также были офицерами.

В приёмной семье Эрих оказался при живых родителях. Дело тут было вот в чём. Его мать, Хелен фон Левински, урождённую фон Шперлинг, связывала трогательная дружба с родной сестрой, Хедвиг фон Манштейн. Хедвиг не могла иметь детей. Потому сёстры решили, что в случае, если десятый ребёнок в семье Левински окажется мальчиком, он будет передан на усыновление в семью фон Манштейнов³⁰.

Сразу же после крестин Эриха передали приёмным родителям. Полное имя фельдмаршала Манштейна звучит так: Эрих Фридрих фон Левински фон Манштейн.

Род Манштейнов отличался глубокой древностью. Предки генерала Георга фон Манштейна, ставшего приёмным отцом Эриха, потрудились для Пруссии на военном поприще не менее, а даже более мужчин из семьи фон Левински. И хотя генерал не обладал обширными земельными владениями, тем не менее, он был богатым человеком благодаря тем «дотациям», которые его семья получила от государства за безупречную военную службу, в частности во время

---

³⁰ Любопытный факт, говорящий о знатности происхождения Эриха фон манштейна: его тётка, третья сестра фон Шперлинг, была замужем за фон Гинденбургом, тем самым, который станет фельдмаршалом и президентом Веймарской республики [39; 296].

франко-прусской войны 1870 – 1871 годов. К этим «дотациям» прибавились и «дотации», полученные семейством фон Шперлинг за подобные же заслуги [39; 296].

Понятно, что и гены, и вся атмосфера тех семей, с которыми был связан юный Манштейн, не могли не подвигнуть его к мысли именно о военной карьере.

После пяти лет учёбы в Страсбургском лицее тринадцатилетний Эрех поступает в кадетский корпус в Берлине. Знатность происхождения позволила ему одновременно нести службу в пажемском корпусе при дворе кайзера Вильгельма II. Эта же знатность обусловила зачисление его в возрасте двенадцати лет (т.е. ещё даже до поступления в кадетский корпус) в престижный 3-й гвардейский пехотный полк, в котором проходили службу представители виднейших аристократических семейств Пруссии. В частности, в этом полку служили Гинденбург, его сын Оскар фон Гинденбург, Шлейхер, Хаммерштейн-Экворд, Браухич и ряд других лиц, ставших затем генералами и даже фельдмаршалами, занимавших значительные командные должности в армии и посты в государственном аппарате [39; 296].

Однако не надо думать, что знатность происхождения Эреха фон Манштейна, как и многих его однокашников по кадетскому корпусу, обеспечивала им тепличные условия обучения и быта в этом военном учебном заведении. Подобного за прусскими военными школами и училищами никогда не водилось. Как раз наоборот. Сам Манштейн впослед-

ствии о годах кадетства вспоминал следующее:

«Я был физически слабым ребёнком. Однако благоразумное воспитание (а в кадетском корпусе оно вдобавок было весьма суровым) сделало меня достаточно крепким, чтобы при вступлении в армию быть признанным, по крайней мере, “условно годным”. В то же время честолюбие не позволяло мне прятаться от физической нагрузки за спинами моих товарищей, что сделало меня достаточно выносливым.

[...]

Жёсткая муштра со стороны командиров рот и старших по комнатам, наверное, была не очень приятна, но отнюдь не вредила нашей подготовке. В любом случае здесь мы получали куда лучшее и более современное физическое воспитание, чем в гражданских школах. Ну, а точки зрения науки наше образование соответствовало уровню реальной гимназии» [26; 66 – 67].

Воспитание кадетского корпуса Манштейн в своих мемуарах называл спартанским [52; 65].

ГЛАВА VI

ПУТЬ ГЕРМАНСКОГО ОФИЦЕРА. ЭТАПЫ СЛУЖБЫ (1906 – 1939 ГОДЫ)

В марте 1906 года Эрих закончил кадетский корпус и начал службу в чине прапорщика в 3-м гвардейском пехотном

полку в Берлине. В январе 1907 года ему было присвоено звание лейтенанта (с зачётом стажа с июня 1905 года). Манштейн был адъютантом командира одного из батальонов этого престижного полка. Одновременно он выполнял обязанности гимнастического инструктора полка, а в качестве «общественной нагрузки» входил в офицерский полковой суд.

Командование скоро обратило внимание на талантливого молодого офицера, который демонстрировал не только большую склонность к военной службе, но ещё и решимость, и сильный волевой характер. Все эти черты как нельзя больше подходили для того, чтобы делать успешную военную карьеру. И, тем не менее, Манштейн был направлен на учёбу в Академию Генерального штаба только после семи лет полковой службы, т.е. в 1913 году. К этому моменту он всё ещё продолжал оставаться в звании лейтенанта [26; 67], [30; 4], [39; 299], [50; 353].

Но завершить курс обучения в Академии Манштейну не удалось – в июле 1914 года, незадолго до начала Первой мировой войны, он был направлен в действующую армию и получил назначение во 2-й гвардейский резервный полк, где занял должность адъютанта полка.

Первоначально 2-й гвардейский резервный полк действовал на Западном фронте, в Бельгии. Однако уже в августе 1914 года он оказался в числе тех германских частей и соединений, которые экстренно перебросили на помощь 8-й германской армии в Восточную Пруссию. После разгрома 2-й

русской армии генерала Самсонова и остановки наступления 1-й русской армии генерала Ренненкамппа, когда напряжённость в Восточной Пруссии спала, полк Манштейна был переведён в Южную Польшу. Здесь в одном из боёв в ноябре 1914 года Манштейн получил тяжёлое ранение. Вот как рассказывает он в своих мемуарах об обстоятельствах этого события:

«1-я гвардейская резервная дивизия, в которую входил наш полк, действовавшая в составе корпуса фельдмаршала Войрша, после отхода от берегов Вислы заняла оборону у границы Верхней Силезии. Мы ожидали наступления нападающих на нас, обладающих подавляющим превосходством сил противника³¹. Перед фронтом только нашего полка были обнаружены части двух кавказских корпусов.

В этой обстановке вечером 16 ноября 1914 года неожиданно поступило известие о победе Макензена под Кутно. Одновременно были перехвачены русские радиogramмы, согласно которым противник, по-видимому, вследствие нанесённого удара намеревается начать отход и на нашем фронте. По приказу командира дивизии в каждом полку был со-

---

³¹ Пожалуй, это первый участок текста воспоминаний Манштейна «Утерянные победы», где он заговорил о подавляющем превосходстве русских, в боях с которыми ему пришлось участвовать. В дальнейшем подобное утверждение стало общим местом его мемуаров – все бои, сражения, битвы с русскими, в которых принимал участие Манштейн, неизменно, по его утверждению, проходили при их, русских, подавляющем численном превосходстве. Излишне говорить, что далеко не всегда это было именно так.

здан отряд преследования силой до батальона с задачей ещё в течение ночи начать преследование противника, якобы намеревающегося начать отход. Я попросил у моего командира разрешения принять участие в операции в должности адъютанта поспешно сформированного нами батальона. Обладавший несколько ворчливым характером полковник фон Крамер очень неохотно дал своё согласие. К сожалению, обстоятельства сложились иначе, чем мы ожидали. Перехваченные радиограммы оказались ложными. Русские совсем не думали об отходе. Поэтому наш батальон у Котовице натолкнулся на оборонительную позицию, которую мы, полагая, что имеем дело с арьергардом, попытались атаковать. Когда мы уже достигли вражеских окопов – командир батальона, всеми нами глубоко уважаемый майор фон Бассевитц, я и знаменосец с развёрнутым знаменем шли впереди – навстречу нам вышли русские. Но не с поднятыми руками, а с криками «Ура!» и со штыками наперевес. В рукопашной схватке меня поразил выстрел, и я упал. Мой противник упал на меня. Но прежде чем он успел прикончить меня, один из наших гвардейцев, спешивших на помощь, убил лежавшего на мне врага. Ещё одна пуля попала мне в колено. В это время Бассевитц крикнул мне, что он тоже ранен. Два гвардейца подняли его и понесли назад, но всех троих по пути назад поразили насмерть пули! Знаменосец же со знаменем исчез! Как я узнал позже, он, будучи также тяжело раненым, вместе со знаменем свалился в русский

окоп. Унтер-офицер фон Хахт, один из моих бывших рекрутов, спас потом знамя, достав его оттуда.

Я услышал об этом ещё до того, как два товарища – я уже не в состоянии был двигаться – унесли меня. Когда я утром прибыл в штаб нашего полка, командир встретил меня ободряющими словами: “Вот что получилось из вашей затеи!”» [52; 48 – 49].

После излечения, в июне 1915 года, Манштейн назначается адъютантом и офицером Генерального штаба 11-й армии. В июле он получает звание капитана. В составе 11-й армии Манштейн принимает участие в наступлениях в Северной Польше и Сербии [26; 68], [30; 5], [49; 255], [50; 353].

В 1916 году Манштейн получает новое назначение – его направляют в оперативный отдел штаба 1-й армии, действовавшей на Западном фронте. Эта армия принимала участие в кровопролитных сражениях под Верденом и на Сомме. В «Верденской мясорубке» Манштейн был ещё раз ранен, а по возвращении в строй в 1917 году вновь оказался на Восточном фронте, и вновь в качестве офицера штаба. На сей раз он возглавляет штаб 4-й кавалерийской дивизии (назначение состоялось в октябре 1917 года), действовавшей в Курляндии и Эстонии. Ещё через полгода – он опять на Западном фронте, где служит начальником 213-й пехотной дивизии. На этой должности Манштейн и встретил окончание войны [26; 68], [39; 299], [49; 255], [50; 353].

Как отмечает биограф Манштейна английский фельдмар-

шал лорд Карвер, «за всю войну войсками Манштейн ни разу не командовал» [39; 299]. В самом деле, занимаемые им в течение четырёх с лишним лет войны должности были штабными. Тем не менее, Манштейн зарекомендовал себя как смелый и инициативный офицер (о чём, кстати, говорят два его тяжёлых ранения). Заслуги Манштейна были отмечены двумя Железными крестами (2-го и 1-го классов; получены соответственно в октябре 1914 и ноябре 1915 годов), а также прусским Рыцарским крестом с мечами (1918 год) [26; 68].

Вполне выяснилась склонность Манштейна к оперативной работе штаба, все тонкости которой он успешно освоил и на поприще которой добился немалых успехов.

После поражения Германии в Первой мировой войне, по условиям Версальского мирного договора (подписан 28 июня 1919 года), её армия не должна была превышать 100 тысяч человек, а количество офицеров (и строевых, и штабных) – 4 тысяч человек. Рейхсвер не мог включать более 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий. Подводный флот, военную авиацию, бронетанковые силы Германии иметь запрещалось. Германский Большой Генеральный штаб и всякие иные подобные формирования подлежали роспуску, и их восстановление не допускалось. Армия должна была комплектоваться исключительно путём добровольного найма. Все сухопутные укрепления, расположенные на германской территории к западу от линии, начерченной в 50 километрах к востоку от Рейна, подлежали разоружению и срытию [16;

5 – 6].

В подобных условиях военная карьера Манштейна вообще могла закончиться. Но он всё-таки остался в армии. На головокружительную карьеру, конечно, рассчитывать не приходилось, учитывая существовавшую в «компактном» рейхсвере конкуренцию, но и без дела Манштейну сидеть не пришлось. Более того, в основном Манштейн служил, если можно так выразиться, по профилю, т.е. на штабных должностях.

Уже в феврале 1919 года его назначают офицером Генерального штаба³² при пограничном командовании на востоке, в зоне «Юг» (с центром в Бреслау, ныне – польский город Вроцлав). В августе этого же года Манштейна переводят на должность офицера Генерального штаба при командовании 2-й войсковой группы в Касселе [26; 69], [49; 255], [50; 353].

В январе 1920 года происходит важное событие в личной жизни Манштейна – он сочетается браком с Юттой Сибиллой фон Леш. В этом браке у Манштейна будет трое детей – дочь Гизела и сыновья Геро и Рюдигер [26; 69].

---

³² Читателя не должно смущать, что Генеральный штаб в Германии, по условиям Версальского мирного договора, ликвидировался, а должность офицера Генштаба сохранялась. На самом деле, сохранялась не только эта должность, но и сам Генштаб, носивший тогда название «Войсковое управление». Чтобы «не волновать» страны-победительницы, стали камуфлировать и название должности офицера Генштаба при тех или иных воинских формированиях. Как правило, этих офицеров называли весьма скромно – «инструктор помощника руководителя» [26; 69 – 70]. Само собой, от данной замены названий суть деятельности Генштаба и его офицеров-представителей не менялась.

В германской армии обязательным условием для продвижения по штабной службе был определённый стаж службы командно-строевой. В связи с этим 1 октября 1921 года Манштейна назначают командиром роты 5-го пехотного полка. В этой должности он находился в течение двух лет [26; 69], [30; 5], [39; 299 – 300].

В 1923 году Манштейн возвращается к службе в штабах ряда военных округов в должности офицера Генштаба. В этот период в круг его обязанностей была включена преподавательская деятельность: он читал тактику и военную историю офицерам тех штабов, где ему приходилось служить. Сам Манштейн оценивал это время как очень положительное и полезное для его профессионального роста. *«Я с удовольствием вспоминаю четыре года моей преподавательской деятельности, – писал он позднее, – в течение которых я сам приобрёл много необходимых мне знаний»* [30; 5].

Успехи, достигнутые Манштейном на штабной и преподавательской работе в округах, не остались незамеченными. 1 октября 1929 года его переводят на должность офицера Генштаба в Министерстве рейхсвера, в его (министерства) Войсковое управление [26; 70]. Называя вещи своими именами, майор фон Манштейн (это звание было получено им в феврале 1928 года) был переведён на службу в германский Генеральный штаб. Здесь он возглавил отдел Т1 (оперативный) [26; 70]. В то время сотрудники отдела занимались разработкой планов обороны Германии, подготовкой команд-

ных кадров, подготовкой и проведением командно-штабных и полевых учений. Манштейн был одним из авторов концепции развития новых вооружений, в том числе бронетанковых войск. Как начальник отдела Т1, он принимал непосредственное участие в подготовке первого плана мобилизации 100 тысяч человек для переформирования и доукомплектования соединений, разрешённых Версальским договором, а также для создания ряда новых формирований. Манштейну принадлежит идея разработки такого штатного расписания для частей и соединений мирного времени, которое позволяло бы в случае войны быстро утроить численность их личного состава [26; 70].

Все наработки Манштейна шли вразрез с условиями Версальского договора. Но Германия искусно обходила ограничения, наложенные на неё странами-победительницами. Одним из факторов, которые позволяли Веймарской республике успешно делать это, было военное сотрудничество с СССР.

Не надо преувеличивать значение данного сотрудничества для восстановления военного потенциала Германии, как сейчас делают авторы «демократического» толка, буквально выбросившие лозунг «Фашистский меч ковался в СССР»³³.

Тем не менее, определённое военно-техническое сотруд-

---

³³ «Фашистский меч ковался в СССР» – название книги Ю.Л. Дьякова и Т.С. Бушуевой, вышедшей в 1992 году.

ничество между **Веймарской республикой** (особо подчеркнём это) и Советской Россией действительно имело место.

Оговоримся, что в этом факте нет ничего постыдного для СССР, ведь сотрудничал он с демократической, а не нацистской Германией (т.е. с моральной точки зрения тут всё в порядке).

И Советский Союз, и Германия оказались странами-изгоями Версальско-Вашингтонской системы послевоенного устройства³⁴. СССР справедливо видел угрозу своему существованию со стороны Большой и Малой Антанты, сильных блоков капиталистических стран, а не со стороны слабой Германии, которая видела угрозу в этих же блоках. Всё это делало вполне естественным их политическое и военное сближение. Т.е. с точки зрения логики действий с советской стороны тоже всё в порядке.

Военно-техническое сотрудничество Веймарской республики и Советской России в 20-е – начале 30-х годов XX века было взаимовыгодным. И если для Германии приоритетным направлением взаимодействия явилась подготовка во-

---

³⁴ Правда, изгоями они были по-разному: Германия, как проигравшая в Первой мировой страна, а Советская Россия вообще оказалась вне рамок этой системы, но при этом рассматривалась странами-победительницами, как враг № 1. В силу последнего обстоятельства СССР за военное сотрудничество с Веймарской республикой даже нельзя бросить упрёк в нарушении положений Версальского договора – наша страна ни в какой роли его не подписывала. А вот Германия нарушала этот договор своими «обходными манёврами».

енных специалистов в трёх обучающих центрах (Липецкая авиашкола, Казанская танковая школа «Кама», химический полигон «Томка»)³⁵, то советская сторона, помимо этого, получала и доступ к германским военным технологиям как через непосредственный закуп новейших систем вооружений или лицензий на их производство, так и через совместные испытания оружия (химический полигон «Томка») и создание совместных конструкторских бюро по проектированию вооружений (было создано так называемое «КБ-2», которое занималось разработкой для СССР(!) артсистем).

Программа военного сотрудничества включала и обмен группами офицеров для прохождения курсов в военно-учебных заведениях и участия в манёврах. Но если наши военные действительно ездили в Германию обучаться и стажироваться, то немцы бывали у нас в основном на манёврах и учениях. И если уж употреблять по отношению к ним слово «стажировались», то делали это они по своим программам, используя для этого наши учения, только и всего³⁶.

Столь пространное отступление на тему военных контактов Германии и Советской России не случайно. Дело в том, что Манштейн был их непосредственным участником. Несом-

---

³⁵ За годы работы Липецкой авиашколы в ней было подготовлено всего 220 германских лётчиков. Ещё скромнее результаты Казанской таковой школы «Кама» – 30 немецких танкистов [28; 27 – 29].

³⁶ Подробнее о военно-техническом сотрудничестве СССР и Веймарской республики см. Додонов И.Ю., Смирнов В.В. «Чёрная мифология»...» (стр. 21 – 31).

мненно, что он так или иначе касался вопросов военного сотрудничества с СССР, работая в отделе Войскового управления при Министерстве рейхсвера. А вот в ноябре 1931 года Манштейн, тогда уже подполковник, посетил нашу страну в составе делегации немецких офицеров и участвовал в официальных переговорах с наркомом по военным и морским делам К.Е. Ворошиловым и его заместителем М.Н. Тухачевским. В ходе переговоров обсуждались планы дальнейшего сотрудничества РККА и рейхсвера.

После окончания переговоров и отбытия немецкой делегации, Манштейн остался в СССР. Ему предстояла стажировка в Московском и Ленинградском военных округах. В сентябре 1932 года он побывал в Ростове для участия в качестве наблюдателя в проходивших там манёврах [26; 70], [49; 255], [50; 354].

После возвращения из СССР, в октябре 1932 года, Манштейн подаёт рапорт командованию о переводе его на строевую службу [26; 70 – 71], [39; 300]. Подобная инициатива Манштейна никоим образом не обуславливалась существовавшими тогда в германской армии правилами. Для продвижения по штабной службе командно-строевой стаж он уже имел. Как замечает В.О. Дайнес, Манштейн *«всё-таки... был дальновидным человеком, ведь успешная военная карьера во многом зависела от прохождения офицером всех ступенек командной и штабной работы»* [26; 71]. С подобным утверждением трудно спорить. Однако небезынтересен вопрос:

случайно ли совпало решение Манштейна об уходе из Генштаба на строевую командирскую должность с возвращением из Советского Союза после пройденной там переподготовки и участия в качестве офицера-наблюдателя в манёврах Красной Армии? Другими словами, претворял ли он заранее обдуманый план своего профессионального совершенствования или данное решение возникло у него именно после посещения СССР и ознакомления с развитием военного дела в нашей стране?

Как бы там ни было, но весь 1933 год Эрих фон Манштейн командовал 2-м егерским батальоном 4-го пехотного полка в городе Кольберг (ныне – польский Колобжег) [26; 70 – 71], [39; 300].

«Хотя Манштейн вполне исправно служил в штабах округов и министерстве, до прихода нацистов к власти (январь 1933 года) он вовсе не выглядел каким-то особенно выдающимся военным деятелем», – пишут современные российские авторы Д. Жуков и И. Ковтун [30; 5].

Действительно, стремительное продвижение Манштейна по службе началось после прихода Гитлера к власти.

Но членом нацистской партии Эрих фон Манштейн не был. Более того, он был не согласен с проводимой нацистами политикой в еврейском вопросе. В 1934 году он написал открытое письмо с осуждением ущемления прав евреев-ветеранов Первой мировой войны [26; 71], [30; 5]. Шаг, безусловно, смелый. И он вполне мог иметь для полковни-

ка Манштейна (звание присвоено ему в декабре 1933 года [26; 71], [49; 256], [50; 354]) самые серьёзные последствия, во всяком случае, негативно отразиться на его карьерном росте. В высших военных кругах Германии тогда уже наметилась вполне явная перековка на нацистский лад. Демарш Манштейна вызвал в этих кругах бурю негодования. Военный министр генерал-полковник Вернер фон Бломберг вызвал к себе главнокомандующего Сухопутными войсками генерал-полковника Вернера фон Фрича и в категорической форме потребовал приструнить Манштейна. В ответ Фрич заявил, что вопросы армейской дисциплины его не касаются. К Манштейну Фрич никаких мер принимать не стал, проигнорировав требование Бломберга³⁷ [26; 71], [30; 5].

Позиция Фрича объяснялась не только его политическими взглядами, которые, судя по всему, не были абсолютно лояльны нацизму, но и его дружескими отношениями с Манштейном. Именно благодаря поддержке фон Фрича Манштейн начал довольно стремительно продвигаться по карьерной лестнице [26; 71], [49; 256], [50; 354]. Конечно, это был тот случай, когда протекция оказывалась вполне спо-

---

³⁷ Любопытно, что никаких мер против Манштейна не последовало и со стороны нацистского политического руководства. А таковые могли быть приняты не только по причине демарша Манштейна, но и по причине его «не совсем чистого» арийского происхождения. Дело в том, что в роду фон Левински, их которого, собственно, и происходил Эрих фон Манштейн, имелись евреи [26; 71]. *«Но, видать, в вермахте была большая потребность в опытных командных кадрах, а потому фон Манштейн избежал преследований»*, – объясняет ситуацию российский военный историк В.О. Дайнес [26; 71].

собному человеку, грамотному в профессиональном отношении.

Уже в феврале 1934 года полковник фон Манштейн назначается начальником штаба 3-го военного округа. Это был берлинский военный округ [26; 71], [49; 256], [50; 354]. Безусловно, скачок с должности командира батальона более чем значительный. Однако не будем забывать, что Манштейн, по сути, возвращался «на круги своя», ведь уходил командовать батальоном (причём, по собственной инициативе, а не по причине разжалования) он с фактической должности начальника оперативного отдела фактического Генерального штаба германской армии. Поэтому, конечно, в данном назначении протекция фон Фрича играла роль, но, в общем, чем-то экстраординарным, из ряда вон выходящим оно не было – Манштейн занял пост, выполнение обязанностей на котором было вполне ему по плечу, вполне соответствовало уровню его подготовки и профессиональному опыту.

Спустя полтора года, в июле 1935 года, Манштейн возвращается на службу в Генеральный штаб Сухопутных сил Германии. На сей раз это название носило вполне официальный характер, так как Войсковое управление было преобразовано в Генеральный штаб с 1 июня 1935 года [26; 73]. В Генштабе Манштейн возглавил 1-й отдел (оперативный; Operations Abteilung I) [26; 71 – 73], [39; 302], [49; 256], [50; 354].

А уже в октябре 1936 года (т.е. чуть более чем через год)

последовало назначение Манштейна первым обер-квартирмейстером Генерального штаба, т.е. первым заместителем начальника Генерального штаба, которым был в то время генерал Людвиг Бек.

Обязанности Манштейна на столь ответственных постах были весьма разнообразны.

Одной из важнейших задач, которую приходилось решать Манштейну, было развёртывание вооружённых сил, которые резко возросли в числе после введения всеобщей воинской повинности. Создание новых соединений, их штатное расписание и вооружение, мобилизационные планы – вот круг тех вопросов, к работе с которыми Манштейн имел самое прямое отношение.

Манштейн был горячим сторонником форсированного развития бронетанковых войск, способы применения которых «обкатывались» на больших манёврах 1935 года [26; 74].

Ему же принадлежит новаторская идея создания штурмовой (самоходной) артиллерии, предназначенной для поддержки пехоты на поле боя. К осени 1939 года намечалось включить в состав каждой пехотной дивизии по одному дивизиону штурмовых орудий. Этот план к началу Второй мировой войны реализован не был из-за отставки Фрича и Манштейна (о чём несколько ниже) [26; 74], [30; 5], [39; 302].

Сейчас концепция штурмовой (самоходной) артиллерии, проверенная временем, в том числе и на полях сражений

Второй мировой войны, кажется нам вполне естественной и не могущей вызвать каких-либо возражений. Но тогда, когда её впервые предложил Манштейн, т.е. в 1935 году, она не была столь очевидной и вызвала довольно сильное противодействие в высших военных кругах. Вот как лаконично и ёмко об этом повествует биограф Манштейна фельдмаршал лорд Карвер:

«Занимая пост начальника оперативного отдела, Манштейн внёс большой вклад в проведение в жизнь концепции “штурмовой артиллерии” (Sturmgeschuts), бронированного гусеничного экипажа, вооружённого пушкой ближнего боя, которая стреляла прямой наводкой фугасными снарядами. Штурмовая артиллерия должна была служить поддержкой пехоте. Большинство французских танков предназначалось именно для этой цели, впрочем, как и британский танк служил для поддержки пехоты того времени... Манштейну пришлось бороться как с танковым, так и с артиллерийским начальством, которое видело в новой машине, во-первых, соперника на поле боя, и, во-вторых, не желало делиться ресурсами на её производство. Кажется спорным, что немецкая армия выиграла бы большие сражений, если бы усилия и ресурсы, затраченные на производство Sturmgeschuts, были использованы для производства танка с поворачивающейся на 360 градусов башней, поскольку, несомненно, эти танки (т.е. САУ – И.Д., В.С.), оборудованные позже более мощными пушками, были популярны у пехотин-

цев и заслужили уважение противника. Впоследствии русские тоже завели себе такие танки (т.е. САУ – И.Д., В.С.)» [39; 302 – 303].

Идея Манштейна о создании такого вида вооружения как самоходная артиллерия была следствием развития теории танковой войны. В соответствии с этой теорией, главная задача танков – не поддержка пехоты на поле боя, а глубокие прорывы обороны противника, тот самый танковый блицкриг, который немцы так успешно применяли в ходе Второй мировой войны. А вот штурмовые орудия (самоходки) нужны как раз для поддержки пехоты огнём и бронёй. Всё стройно и логично.

Остаётся добавить, что в годы Великой Отечественной войны концепция применения самоходной артиллерии развивалась – САУ стали использовать не только для поддержки пехоты, но и для борьбы с танками противника. Активное их применение как истребителей танков имело место и у немцев, и у нас. Более того, можно, пожалуй, сказать, что советская самоходная артиллерия возникла и развивалась преимущественно для решения задач борьбы с немецкими танками (прежде всего, тяжёлыми). Весьма показательным в этом отношении даже название первых советских самоходок – ИСУ-152 и ИСУ-122, т.е. истребительные самоходные установки, вооружённые 152- и 122-мм орудиями. Ясно, что орудия подобного калибра были нужны, прежде всего, для борьбы с тяжёлыми танками противника. Позже на ба-

зе шасси Т-34 была создана самоходка, вооружённая 100-мм орудием (главное её предназначение также понятно). Но в Красной армии с САУ никто не снимал и задач по непосредственной огневой поддержке пехоты. Для этих целей нашими конструкторами были разработаны самоходные артиллерийские установки с меньшим калибром орудий – 76- и 85-мм.

Однако вернёмся к Манштейну, его службе в германском Генеральном штабе.

Сначала как начальник оперативного отдела, а затем и как первый обер-квартирмейстер (под его общим руководством во время занятия им этой должности находились оперативный, организационный, фортификационный, картографический и технический отделы) Манштейн принимал непосредственное участие в оперативном планировании [26; 73]. Первым планом, в разработке которого ему пришлось участвовать, был план реокупации и ремилитаризации Рейнской демилитаризованной зоны. Потом последовала работа над планом «Рот» («Красный») (на случай нападения Франции на Германию), а затем, в 1937 году, – над планом «Грюн» («Зелёный»), который должен был начать действовать в случае вступления в войну против Германии Чехословакии. Согласно плану «Грюн», предусматривалось нанесение главными силами вермахта удара по Чехословакии, довольно быстрый её разгром, выведение из войны, а затем – переброска войск для действий против Франции [26; 73 –

74], [39; 303].

Последней плановой разработкой Генштаба, в работе над которой Манштейн принимал участие, был план захвата Австрии. Правда, это участие было неофициальным, т.к. к тому моменту Манштейна сняли с поста первого оберквартирмейстера, и вообще в Генштабе он уже не служил. Но генерал Бек привлёк его в частном порядке, как очень хорошего специалиста, и Манштейн охотно согласился помочь Беку, так как хоть и не связывала дружба, но оба генерала испытывали искреннее уважение друг к другу. Как утверждает лорд Карвер, «Манштейн всегда восхищался» Бекем [39; 303].

В общей сложности Эрих фон Манштейн проработал в Генштабе около двух с половиной лет (с июля 1935 по февраль 1938 года).

Но за этот, в общем-то, недолгий срок он успел оставить о себе впечатление в высших военных кругах, как об очень профессиональном военном, грамотном и перспективном штабном работнике. Начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель в мемуарах, написанных им незадолго до казни по приговору Нюрнбергского процесса, отмечал:

«Я очень хорошо отдавал себе отчёт в том, что у меня для роли... начальника Генерального штаба всех вооружённых сил рейха не хватает не только способностей, но и соответствующего образования. Им был призван стать самый лучший профессионал из сухопутных войск, и таковой в

случае необходимости всегда имелся под рукой... Я сам трижды советовал Гитлеру заменить меня фон Манштейном: первый раз – осенью 1939 года; второй – в декабре 1941 года, когда ушёл Браухич, и третий – в сентябре 1942 года, когда у фюрера возник конфликт с Йодлем и со мной. Несмотря на частое признание выдающихся способностей Манштейна, Гитлер явно боялся такого шага и его кандидатуру постоянно отклонял» [26; 72].

Вторит Кейтелю в своих воспоминаниях и генерал Гейнц Гудериан:

«Гитлер был не в состоянии терпеть близко около себя такую способную военную личность, как Манштейн. Оба были слишком разными натурами: с одной стороны, своевольный Гитлер со своим военным дилетанством и неукротимой фантазией, с другой – Манштейн со своими выдающимися военными способностями и с закалкой, полученной в германском Генеральном штабе, трезвыми и хладнокровными суждениями – наш самый лучший оперативный ум» [26; 72].

Ясно, что на эти оценки Манштейна, данные ему в мемуарах двух германских военачальников, повлияли события Второй мировой войны, в ходе которой Манштейн, в общем, зарекомендовал себя очень хорошо. Но не приходится сомневаться, что первые свои впечатления о Манштейне, как об очень высокопрофессиональном военном, и Кейтель, и Гудериан вынесли по результатам работы Манштейна в Ге-

неральном штабе Сухопутных войск Германии. Потому-то Кейтель уже в 1939 году предлагал Гитлеру назначить Манштейна главой ОКВ, а Гудериан в воспоминаниях ссылается на закалку, полученную Манштейном в Генеральном штабе.

И ещё одна общая черта есть в процитированных отрывках мемуаров Кейтеля и Гудериана – оба указывают на сложность отношений Гитлера и Манштейна, на нежелание Гитлера видеть Манштейна в среде высшего штабного командования вермахта. Гудериан к тому же называет и причину этого – неприятие Гитлером не столько выдающихся профессиональных навыков Манштейна (из элементарной ревности к славе), сколько независимости его суждений, твёрдости характера, наличия своего мнения, которое Манштейн всегда был готов отстаивать до последней возможности. Гудериан абсолютно прав.

Семена подобного отношения были посеяны ещё в период службы Манштейна в Генштабе в 1935 – 1938 годах.

«Его (т.е. манштейна – И.Д., В.С.) тесное сотрудничество и дружба с Фричем и Беком вызвали у Гитлера подозрительность и неприязнь, и Манштейна направили в Силезию командовать 18-й пехотной дивизией», – пишет лорд Карвер [39; 303].

Безусловно, во многом именно как выдвигенец и друг Фрича Манштейн и лишился своего поста в феврале 1938 года. Близость Манштейна к Фричу и Беку не могла не настораживать Гитлера и не внушать ему негативного отноше-

ния к Манштейну. Дело в том, что главнокомандующий Сухопутными силами Германии и его начальник штаба были довольно оппозиционны нацистскому руководству страны. Они не приветствовали ни насаждение национал-социалистической идеологии в армии, ни агрессивный внешнеполитический курс, который проводил Гитлер [63; 29].

В отношении первого пункта расхождений между командованием Сухопутных войск и политическим руководством Германии Манштейн отмечает в своих воспоминаниях:

«...Армия при генерал-полковнике бароне фон Фриче... настаивала на своих традиционных понятиях простоты и рыцарства в обращении, а также на солдатском понимании чести. Хотя Гитлер и не мог упрекнуть армию в нелояльности по отношению к государству, было всё же ясно, что она не собирается за борт свои традиции в обмен на “национал-социалистические идеи”. Также ясно было и то, что именно эти традиции создают армии популярность среди народа. Если Гитлер вначале отвергал подозрения по отношению к военным руководителям, исходившие от партийных кругов, то травля армии, в которой такие личности как Геринг, Гиммлер и Геббельс, по-видимому, играли главную роль, в конце концов принесла свои плоды. Военный министр фон Бломберг – хотя, очевидно, и невольно – в свою очередь способствовал пробуждению недоверия у Гитлера, слишком усердно подчёркивая свою задачу “приблизить армию к национал-социализму”» [52; 74 –75].

Что касается противоречий между Фричем и Беком с одной стороны и Гитлером – с другой по вопросам внешней политики, то именно они и придали особую остроту их отношениям. И хотя Манштейн верно отмечает в мемуарах, что ни Фрич, ни Бек пацифистами не были, а также и тот факт, что не наблюдалось и скоординированности их действий в противостоянии агрессивному внешнеполитическому курсу нацистского руководства³⁸, но то, что оба этих германских военачальника были единомышленниками, ни у кого сомнений тогда не вызывало [52; 75]. *«Фрич и Бек – эти двое, упрямые и подозрительные, осмелились подвергнуть сомнению гитлеровский план покорения Восточной Европы ещё до начала его осуществления»*, – пишет британский исследователь Роберт О Нил [63; 29]. Именно как устойчивый тандем их и воспринимал Гитлер и его приближенные.

Первое активное сопротивление по вопросу внешнеполитического курса фюрер встретил со стороны фон Фрича. 5 ноября 1937 года на совещании, в котором принимали участие министр иностранных дел фон Нейрат, военный министр фон Бломберг и командующие тремя видами вооружённых сил, Гитлер впервые заявил о своих намерениях в

---

³⁸ *«По этому поводу следует заметить, – пишет Манштейн, – что генерал-полковник барон фон Фрич, а следовательно, и ОКХ,.. ниво время введения всеобщей воинской повинности, ни при занятии демилитаризованной Рейнской зоны не возражали против намерений Гитлера. То же можно сказать и о позиции генерала Бека... по вопросу о решении Гитлера ввести свои войска в Австрию»* [52; 75].

отношении Австрии и Чехословакии [15; 1, 2 – 3], [51; 1], [52; 76], [63; 38]. Нейрат, Бломберг и Фрич высказались против этих намерений. Произошла даже их перепалка с Герингом. Бек, который также присутствовал на этом совещании, судя по всему, не поддержал своего шефа [51; 1]. Видимо, эти и объясняется то обстоятельство, что он ещё оставался на своём посту после отстранения Фрича от командования Сухопутными войсками вермахта.

Думается, подобная линия поведения Бека не объясняется ни его несмелостью, ни какими-то карьерными соображениями. Скорее всего, сыграло роль, что Бек не был против аншлюса Австрии (как вспоминал Манштейн [52; 75]). Зато его позиция оказалась иной в чехословацком вопросе – он резко (по сути дела, в одиночку³⁹) выступил против намеренного Гитлером нападения на Чехословакию.

Результатом подобной оппозиции стала отставка всех оппозиционеров. Под тем или иным предлогом были отстранены от своих должностей Нейрат, Бломберг, Фрич, а в августе 1938 года подал в отставку и Бек [50; 240], [51; 1].

---

³⁹ К тому моменту, когда Бек противостоял Гитлеру в чехословацком вопросе Нейрат, Бломберг и Фрич уже были отправлены в отставку. Что же касается нового главнокомандующего Сухопутными силами германии генерал-полковника фон Браухича, то он, разделяя, в общем, позицию Бека, не был склонен лезть на рожон и демонстрировать свой несогласие с внешнеполитическим курсом нацистского руководства. Как вспоминает Манштейн: «...Генерал-полковник Бек как-то с горечью сказал мне, что Браухич во время чехословацкого кризиса отстаивал точку зрения ОКХ без особой энергии и предоставил Беку самому вести борьбу» [52; 73].

Фрича сместили 4 февраля 1938 года, ложно обвинив его в гомосексуализме. Он был даже уволен из рядов вооружённых сил, так как гомосексуалисты в нацистской Германии считались неполноценными людьми и подлежали уничтожению. И хотя уже в марте 1938 года судом все обвинения с Фрича были сняты, и он был восстановлен в рядах армии, но прежнюю должность ему никто не вернул, что и является самым достоверным указанием на подоплёку всего этого грязного скандала [15; 3].

Вслед за Фричем лишился своих постов и ряд сотрудников Генерального штаба, среди которых оказался и Манштейн. Любопытно, что, как уже отмечалось, на своей должности остался Бек. Т.е. первый заместитель начальника Генштаба лишился поста, а сам начальник Генштаба – нет. Если Бека «спасла» его позиция в вопросе об аншлюсе Австрии, то Манштейна «погубила» именно близость к фон Фричу. Каких-то явных оппозиционных политических демонстраций за Манштейном после его «еврейского демарша» не наблюдалось. И хотя, конечно, симпатии Манштейна были на стороне Фрича, но, очевидно, его позицию можно охарактеризовать словами, которые приписывают фон Браухичу: *«Я – солдат. Мой долг – повиноваться»* [10; 2].

Однако данное кредо относилось только к военно-политическим вопросам. Что же касается сохранения армейских традиций, важнейшей из которых Манштейн считал принцип невмешательства политического руководства страны в

непосредственное командование войсками, то тут он отнюдь не был послушным и невозражающим исполнителем. И если принять во внимание такие черты характера Манштейна как воля, твёрдое и последовательное следование своей точке зрения и её отстаивание, не взирая на лица, а также и то, что Гитлер со своим властолюбием и полководческими амбициями не был намерен давать военным какую-то независимость в вопросах командования и управления армией, то станет ясно, что причиной антипатии Гитлера к Манштейну была не только близость последнего к Фричу, но и его практическая деятельность во время службы в Генштабе.

Сам Манштейн об этой стороне своей деятельности высказался весьма лаконично: *«...Ещё зимой 1937/38 года, будучи на посту начальника 1-го управления Генерального штаба и помощником Фрича и Бека, я боролся за то, чтобы ОКХ заняло подобающее ему место в системе управления войсками в случае войны»* [52; 67].

Подобная борьба плюсов Манштейну в глазах фюрера не прибавила. потому в феврале 1938 года, вслед за Фричем, Гитлер охотно отправил его в отставку (сохранив при этом пост за более оппозиционным Бекем).

В апреле 1938 года генерала Манштейна назначили командиром 18-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся в городе Лигниц (ныне город Легница в Западной Польше).

О периоде командования дивизией Манштейн вспоминает:

«С начала апреля 1938 года я имел возможность полностью посвятить себя службе на посту командира дивизии. Выполнение этих обязанностей приносило как раз в те годы особое удовлетворение, однако требовало полного напряжения всех сил. Ведь задача увеличения численности армии ещё далеко не была выполнена. Более того, непрерывное формирование новых частей постоянно требовало изменения состава уже существовавших соединений. Темпы осуществления перевооружения, связанный с ним быстрый рост в первую очередь офицерского и унтер-офицерского корпуса предъявляли к командирам всех степеней высокие требования, если мы хотели достичь нашей цели: создать хорошо обученные, внутренне спаянные войска, способные обеспечить безопасность империи. Тем большее удовлетворение принесли итоги этой работы, особенно для меня, после долгих лет работы в Берлине получившего счастливую возможность установить непосредственный контакт с войсками. С большой благодарностью я вспоминаю поэтому об этих последних полутора мирных годах и в особенности о силезцах, которые составляли ядро 18-й дивизии. Силезия с давних пор поставляла хороших солдат, и, таким образом, военное воспитание и обучение новых частей было благодарной задачей» [52; 11].

Манштейн действительно уделял большое внимание обучению и сколачиванию частей своей дивизии. Им часто проводились учения различных уровней. Так, только в августе

1939 года было проведено общедивизионное учение в Нейгаммере (13 – 14 августа), большие учения дивизионной артиллерии во взаимодействии с авиацией (15 августа) и учение одного из полков дивизии (16 августа) [26; 74 – 75], [52; 13, 18].

Практически полуторагодовой срок командования дивизией, безусловно, дал много Манштейну в практике непосредственного управления войсками. Этот опыт был ценнейшим дополнением к его навыкам штабного руководителя.

Период командования 18-й пехотной дивизией имел небольшой перерыв в октябре 1938 года.

Как известно, 29 – 30 сентября 1938 года в Мюнхене на конференции с участием глав правительств Германии, Италии, Франции и Великобритании было принято решение об отторжении от Чехословацкой республики Судетской области и передаче её Рейху. Мнения самих чехов при этом никто не спросил, а представителей Чехословакии даже не пригласили для участия в заседаниях конференции – они, находясь в Мюнхене, смиренно дожидались приговора своей стране в «предбаннике» конференции, если можно так выразиться (а выразиться по-другому – трудно).

Заключённое в Мюнхене соглашение предусматривало, что чехословацкое правительство в период с 10 по 10 октября передаст Судетскую область Германии.

Командовать германской армией, в задачу которой входил захват Судет, был назначен генерал-полковник фон Лееб, а

его начальником штаба стал Эрих фон Манштейн. Гитлер не возражал против этого назначения, видимо, отдавая должное профессиональным навыкам Манштейна. В то же время, штаб армии, вступающей в Судетскую область, – это не Генеральный штаб Сухопутных войск в Берлине, т.е. Манштейн на этой должности был далёк от общего командования вермахтом, да и очей фюреру «не мозолил».

Интермедия «цветочной войны»⁴⁰ была недолгой – примерно так высказался о занятии Судетской области сам Манштейн [52; 11].

После Судетского кризиса он возвращается на должность командира 18-й пехотной дивизии, на которой и пребывает до августа 1939 года.

Летом 1939 года, по утверждению автора «Утерянных побед», он впервые узнаёт о директиве «Вайс» – плане нападения на Польшу, разработанном в Генеральном штабе по указанию Гитлера весной 1939 года. Причём, манштейну сообщили о наличии данного плана не просто так – предусматривалось, что он займёт пост начальника штаба группы армий «Юг», командующим которой назначался генерал-полковник фон Рундштедт.

---

⁴⁰ Термин «цветочные войны» («Blumenkriege») ввёл в оборот Геббельс для обозначения занятия немецкими войсками Австрии и Судетской области (а затем и всей Чехословакии), намекая на то, что это были войны без единого выстрела, т.е. ненастоящие войны. Манштейн в своих воспоминаниях, употребляя термин «цветочная война», понимает под ней занятие немецкими войсками Судетской области.

Поскольку штаба этой группы армий ещё не существовало и его предполагалось сформировать только с объявлением мобилизации, то все вопросы, связанные с развёртыванием группы армий, которое происходило в Силезии, Восточной Моравии и частично – Словакии, должен был решать рабочий штаб. Он начал свою работу уже 12 августа 1939 года в Нейгаммере (Силезия). Во главе штаба был поставлен полковник Генерального штаба Сухопутных войск вермахта Блюментритт. Манштейн, дивизия которого как раз в Нейгаммере в этот момент готовилась к проведению больших дивизионных учений (о них говорилось чуть выше), был введён в состав данного временного органа. Так что учения 18-й пехотной дивизии он возглавлял, уже совмещая обязанности командира дивизии и офицера рабочего штаба, ведавшего развёртыванием группы армий «Юг», причём, офицера, который должен был в перспективе возглавить штаб этой группы армий [52; 12 – 13].

В середине августа в Нейгаммер прибыл генерал-полковник Рундштедт [52; 12].

«Он был блестяще одарённым военным. Он умел сразу схватывать самое важное и занимался только важными вопросами. Всё, что являлось второстепенным, его абсолютно не интересовало. Что касается его личности, то это был, как принято выражаться, человек старой школы. Этот стиль, к сожалению, исчезает, хотя он раньше обогащал жизнь нюансом любезности. Генерал-полковник обла-

дал обаянием. Этому обаянию не мог противостоять даже Гитлер. Он питал к генерал-полковнику, по-видимому, подлинную привязанность и, как это ни странно, сохранил её и после того, как дважды подвергал его опале. Возможно, Гитлера привлекало в Рундштедте то, что он производил впечатление человека минувших, непонятных ему времён, к внутренней и внешней атмосфере которых он никогда не мог приобщиться», – такую характеристику профессиональных и человеческих качеств фон Рундштедта дал Манштейн в своих мемуарах [52; 12].

Далее события развивались лавинообразно. 19 августа Рундштедт и Манштейн были вызваны на совещание в ставку фюрера в Оберзальцберг. На этом совещании, в котором приняли участие все командующие группами армий и армиями со своими начальниками штабов, а также командующие авиационными и военно-морскими соединениями, Гитлер категорически заявил о своём решении немедленно разрешить польский вопрос, даже ценой войны⁴¹. Мирное ре-

---

⁴¹ Для широкой публики главными аспектами польского вопроса были проблемы города Данцига и так называемого «польского коридора». Город Данциг, согласно решениям Парижской мирной конференции, объявлялся вольным городом под эгидой Лиги Наций. Польша же получила право использовать его как морской порт на Балтике. Поляки не только воспользовались этим правом, но за два десятилетия привыкли считать Данциг (Гданьск) своим. Гитлер же вознамерился присоединить этот бывший немецкий город к Рейху. «Польским коридором» именовался участок польской территории, отделявший Восточную Пруссию от остальной территории Германии, через который Гитлер вознамерился построить экстерриториальные железную и шоссейные дороги, связавшие бы друг с

шение вопроса допускалось лишь в том случае, если Польша перед лицом уже начавшегося, хотя ещё и замаскированного, развёртывания вермахта подчинится нажиму Германии. Фюрер был убеждён, что Западные державы в критический момент опять не возьмутся за оружие, как по причине практической невозможности оказать Польше действительную эффективную помощь, так и по причине отсутствия решимости в руководящих кругах Великобритании и Франции объявить Германии войну [26; 75], [52; 19 – 20].

*«Наибольшей неожиданностью, – вспоминает об этом со-
вещании Манштейн, – и одновременно самым глубоким впечатлением, естественно, было сообщение о предстоящем заключении пакта с Советским Союзом. ... Гитлер сообщил, что присутствовавший на совещании министр иностран-*

другом обе части германской территории. Поляки воспротивились требованиям германского фюрера. Бывшие до этого практически союзническими отношения между Польшей и Третьим рейхом (поляки, кстати, приняли деятельное участие в дележе «чехословацкого пирога», отхватив себе Тишинскую область) испортились. Но со всей уверенностью можно сказать, что существование Польши не устраивало Гитлера вообще (как до этого не устраивало его существование Чехословакии). В лучшем случае он был готов допустить сохранение сильно урезанной Польши как марионеточного, полностью подчинённого германским интересам государства (по примеру марионеточного Словацкого государства Йозефа Тисо). Польские земли, поскольку они были заняты «неполноценными славянами», входили в число тех восточных земель, за счёт которых германская раса должна была приобрести необходимое ей жизненное пространство. В общем, и вопрос Данцига, и проблема «коридора» были либо предлогом для обострения отношений с поляками, с которыми у Гитлера до 1939 года царил «дружеское» согласие, либо первым шагом на пути низведения Польши до уровня государства-марионетки.

ных дел фон Риббентроп, с которым он в нашем присутствии попрощался, вылетает в Москву для заключения со Сталиным пакта о ненападении. Тем самым, говорил он, у западных держав выбиты из рук главные козыри. Блокада Германии также теперь не достигнет результата. Гитлер намекнул, что он для того, чтобы создать возможность для заключения пакта, пошёл на серьёзные уступки Советскому Союзу в Прибалтике, а также в отношении восточной границы Польши. Из его слов, однако, нельзя было сделать вывод о полном разделе Польши. В действительности Гитлер, как это сегодня известно, ещё во время польской кампании рассматривал вопрос о сохранении оставшейся части Польши» [52; 20].

Мы специально процитировали этот отрывок из мемуаров Манштейна. Он очень показателен и, как говорится, бьёт не в бровь, а в глаз тем западным историкам и политикам и их последователям из «демократического» лагеря на территории бывшего СССР, которые ставят всё с ног на голову, заявляя, что заключение советско-германского пакта о ненападении сделало возможным начало Второй мировой войны. Какие выводы вытекают из данных слов Манштейна?

1) Нападение на Польшу состоится в любом случае. Оно не зависит от позиции Западных держав, а также и позиции Советской России, ибо о скором заключении пакта с ней Гитлер сообщил своему генералитету после своих заявлений о войне с Польшей.

2) Для германского генералитета заявления фюрера о военном разрешении польского вопроса были чем-то вполне естественным. Этой войны ждали, к ней усиленно готовились. А вот что действительно поразило немецких генералов, и поразило приятно, так это объявление о заключении пакта о ненападении с СССР. Причём, надо понимать, что положительная реакция на данное сообщение Гитлера была вызвана ни какими-то симпатиями к нашей стране, а тем обстоятельством, что одним вероятным противником в грядущей войне становилось меньше.

Наконец,

3) обращает на себя внимание категорическое заявление Манштейна, причём, со ссылкой на факты, ставшие известными уже после окончания Второй мировой войны, о том, что полное уничтожение Польского государства, раздел всей Польши между Третьим рейхом и Советским Союзом Гитлер тогда не планировал. И даже во время Польской кампании не было однозначности в этом вопросе. Т.е. подписанный 23 августа 1939 года пакт не подразумевал уничтожение Польши, как государства. Заявления ряда западных политиков и историков, а также российских исследователей «демократического» направления подобными трактовками советско-германского пакта о ненападении – не более чем тенденциозные, не имеющие ничего общего с действительностью инсинуации.

Напомним читателю, что все эти выводы мы сделали

из анализа всего лишь одного абзаца из книги Манштейна «Утерянные победы», не привлекая абсолютно никаких других материалов. Замечательно при этом то обстоятельство, что Манштейн и его мемуары как раз очень почитаются господами-«демократами» как местного, так и заграничного «разлива». И выходит, что своими заявлениями они противоречат своему кумиру.

Однако вернёмся к событиям 1939 года.

24 августа генерал-полковник фон Рундштедт официально вступил в командование группой армий «Юг». Следовательно, официально приступил к исполнению своих обязанностей и начальник штаба этой группы армий генерал фон Манштейн.

ГЛАВА VII

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ ВЕРМАХТА. НАЧАЛЬНИК ШТАБА ГРУППЫ АРМИЙ «ЮГ»

План нападения на Польшу, разработанный германским командованием в апреле – июне 1939 года, получил кодовое название «Вайс» («Белый»). Стратегический замысел и задачи войск в операции «Вайс» были изложены в директиве по стратегическому сосредоточению и развёртыванию войск от 15 июня 1939 года. В ней говорилось:

«1. Целью операции является уничтожение польских вооружённых сил. Политическое руководство требует начать войну внезапными, мощными ударами и добиться скорых успехов.

Замысел главнокомандующего Сухопутными войсками сводится к тому, чтобы внезапным вторжением на польскую территорию упредить организованную мобилизацию и сосредоточение польской армии и концентрическими ударами из Силезии, с одной стороны, из Померании – Восточной Пруссии, с другой, разгромить главные силы польской армии, находящиеся западнее линии рр. Висла – Нарев.

Возможные действия противника из Галиции должны быть нейтрализованы.

Главная идея уничтожения польской армии западнее рр. Висла – Нарев при устранении воздействия, ожидаемого из Галиции, останется неизменной, даже если в период, предшествующий напряжённости, польская армия будет приведена в боевую готовность...» [56; 203].

Для выполнения поставленной задачи немцами были созданы две группы армий – «Север» и «Юг».

Группа армий «Север» (командующий – генерал-полковник фон Бок) в составе 3-й и 4-й армий (всего 21 дивизия, в том числе 2 танковые и 2 моторизованные, 1 кавалерийская бригада, крепостные части Восточной Пруссии и Померании) имела задачу наступать с территории Восточной Пруссии (3-я армия) и Померании (4-я армия) через «польский

коридор», обеспечивая тем самым «связь между империей и Восточной Пруссией», затем большей частью своих сил быстро продвинулись восточнее Вислы на юго-восток и юг и после форсирования Нарева нанести удар в тыл польским частям, которые, по всей вероятности, попытаются оборонять рубеж Вислы.

В резерв группы армий «Север» выделялись 3 пехотные дивизии. С воздуха её действия поддерживал 1-й воздушный флот генерала А. Кессельринга [26; 78 – 79], [52; 26], [56; 204 – 205].

Группа армий «Юг» обладала значительно большими силами. В её состав входили три армии: 14-я, 10-я и 8-я. Всего группа располагала 36 дивизиями: 23 пехотными, 3 горнострелковыми, 4 танковыми, 4 лёгкими (или подвижными)⁴² и 2 моторизованными дивизиями [26; 78], [52; 26 – 27], [72; 7].

14-я армия группы развёртывалась в Верхней Силезии, восточной части Моравии и в Западной Словакии, 10-я – в районе Кройцбурга и южнее его в Верхней Силезии, 8-я – в Центральной Силезии, восточнее Эльса (Олешницы) [52; 26 – 27].

В задачу группы армий «Юг» входило, нанося мощный удар по противнику в большой дуге Вислы и в Галиции,

---

⁴² Лёгкие (или подвижные) дивизии представляли собой моторизованные соединения, имевшие в своём составе от 70 до 130 броневедомостей и до 90 танков [26; 78].

«быстро продвинуться механизированными соединениями к Варшаве и как можно быстрее на широком фронте захватить переправы через Вислу с целью разгрома остатков польской армии во взаимодействии с группой армий “Север”» [26; 78], [52; 27], [56; 203 – 204].

Главный удар группа армий «Юг» наносила силами 10-й армии генерал-полковника фон Рейхенау, имевшей в своём составе наибольшее количество танковых и моторизованных соединений (из 5 её корпусов 3 были танковыми (моторизованными))⁴³. Армия била в направлении Ченстохов – Варшава. Используя свои подвижные войска, она должна была *«по возможности быстрее выйти к Висле на участке между устьями рр. Вепи и Бзура»*. При этом танковые и моторизованные соединения должны были обеспечить стремительное продвижение вперёд, а пехотные соединения выполняли задачу прикрытия их флангов и тылов [26; 78], [56; 204].

Севернее 10-й развёртывалась 8-я армия генерал-полковника Бласковица, которая имела задачу наступать на Лодзь, а также прикрывать северный фланг 10-й армии [26; 78], [56; 204].

В задачу 14-й армии генерал-полковника Листа, располагавшейся южнее 10-й армии, входило *«дробить польские*

---

⁴³ Официальным на тот момент было название «моторизованный корпус», точнее – «армейский корпус (мот.)». В обиходе эти корпуса ещё тогда зачастую именовали танковыми. Эта двойственность переключалась в мемуаристическую литературу (в частности, название «танковый корпус» употребляет Манштейн в «Утеранных победах») и исторические работы.

войска в Северной Силезии и, не давая возможности частям противника, занимающим укрепления в районе Катовице, остановить наше продвижение, наступать на Краков и захватить подвижными частями переправы через Дунаец.

Промышленные объекты, находящиеся в этом районе, насколько позволит обстановка, следует сохранять.

В ходе дальнейшего наступления армии предстоит прикрывать южный фланг 10-й армии от контратак польских войск, развёртывающихся в Западной Галиции...» [56; 204].

Манштейн отмечает, что «важно было, чтобы наступающая через Галицию 14-я армия как можно быстрее вышла на реку Сан и форсировала её. Если бы противник намеревался оказать главное сопротивление только за рубежами Сана и Вислы, 14-я армия могла бы взломать всю оборону противника по речным рубежам ударом с юга и соединиться глубоко в тылу противника с восточным флангом наступающей с севера группы армий «Север». На долю 14-й армии при этом выпала задача угрожать своим глубоко эшелонированным флангом, выдвинутым в Восточную Словакию, глубокому флангу польских войск, сосредоточивающихся в районе Кракова, и тем самым исключить возможность длительной обороны Западной Галиции» [52; 38].

В резерве группы армий «Юг» находилось 5 пехотных дивизий. Действия войск группы с воздуха поддерживал 4-й воздушный флот генерала Лера [26; 78].

Между группами армий «Юг» и «Север» по дуге, образу-

емой реками Одер и Варта, немецкое командование оставило минимальное количество войск. Они должны были активными действиями ввести польское командование в заблуждение относительно направления главных ударов и сковать польскую армию «Познань» [26; 79], [56; 205].

Немецкому военно-морскому флоту предстояло блокировать военно-морские базы Польши и уничтожить или вывести из борьбы её военно-морские силы, нарушить морскую торговлю Польши с нейтральными странами. Также германскому флоту ставилась задача обеспечить безопасность морских коммуникаций между основной территорией Германии и Восточной Пруссией, Швецией, государствами Прибалтики, выделить силы для обороны побережья Северного моря и *«принять меры предосторожности против неожиданного вмешательства Западных держав в конфликт»* [26; 79], [67; 3].

На 1 сентября 1939 года группировка сухопутных войск Германии, сосредоточенная против Польши, насчитывала 57 дивизий, 1 516 тысяч человек (из них ГА «Юг» – 886 тысяч, ГА «Север» – 630 тысяч человек), 9 824 орудия и миномёта (из них в ГА «Юг» – 6 180 орудий и миномётов, в ГА «Север» – 3 644), 2 379 танков (из них в ГА «Юг» – 1 783 танка, в ГА «Север» – 596), 2 231 самолёт [21; 22], [37; 17], [46; 7], [49; 48], [50; 242 – 243], [52; 24], [56; 212], [72; 7].

В сущности, план «Вайс» строился по принципу классических «Канн» – мощные группировки на флангах при

сравнительно слабом центре расположения. Конечно, сто-процентно «каннского» окружения всей польской армии западнее Вислы не предусматривалось. Тем не менее, глубокий охват главных польских сил, окружение и уничтожение их по частям предполагались. Таким образом, мы видим стратегический замысел очень близкий к классическим «Каннам». Безусловно, рождение подобного плана было обусловлено крайне удачным для германских войск географическим фактором – возможностью развернуться с изначальным занятием охватывающего положения по отношению к польской армии. С севера вермахт мог это проделать в Померании и Восточной Пруссии, с юга – в Силезии и оккупированной Чехословакии [52; 24], [72; 8].

Если сравнивать силы германских групп армий «Юг» и «Север», то становится ясно, что «основную скрипку» играла первая из них. На её долю приходилось свыше 60% соединений, свыше 70% подвижных соединений, около 60% личного состава, около 63% оружейного парка, около 63% танков.

Для прикрытия западной границы Германии были оставлены минимальные силы, объединённые в группу армий «Ц». Всего там было сосредоточено 46 пехотных дивизий. Однако только 11 из них были кадровыми и полностью укомплектованными. 35 дивизий были заново сформированы из резервистов и не только не прошли должного обучения и сколачивания, но даже не имели штатной численности. На

границе с Францией, Бельгией, Люксембургом располагались крепостные части, которые были хорошо подготовлены и которые условно можно считать за дивизию (из них действительно впоследствии сформировали 72-ю пехотную дивизию). Танковых или моторизованных соединений на западе не было. Танков не имелось вообще. Действия группы армий «Ц» поддерживали 800 самолётов. Указанным силам ставилось в задачу действовать на 1390-километровой западной границе Рейха. Ясно, что они были способны, максимум, на ведение позиционной обороны, да и то не сплошной [52; 25], [72; 5].

Такие минимальные силы на Запад были отряжены в силу уверенности Гитлера, что Англия и Франция не предпримут здесь сколько-нибудь активных действий с целью оказать поддержку Польше. Он, как помним, вообще сомневался в том, что они объявят Германии войну. И хотя в последнем предположении фюрер ошибся, но в первом оказался абсолютно прав – союзники Польши фактически ничего не предприняли, чтобы действительно ей помочь.

Но наперёд знать этого, конечно, было нельзя. А потому германские генералы изрядно нервничали из-за слабости сил вермахта на западных границах страны. *«Риск, на который пошло немецкое командование подобным распределением сил, – пишет Манштейн, – безусловно, был очень большим»* [52; 25].

В самом деле, к 1 сентября 1939 года только французская

армия имела на германской границе 78 дивизий, 17 тысяч орудий и миномётов, около 2 тысяч танков (без учёта лёгкой бронетехники), 1 400 самолётов первой линии и в резерве – 1 600 самолётов. В первые же дни военного столкновения эта группировка могла быть значительно усилена. Сверх того, быструю поддержку могли оказать флот и ВВС Англии [72; 5]. Было от чего занервничать немецким генералам.

Что же могла противопоставить немцам Польша? Какими она располагала силами, и какие имела оперативные планы?

Надо заметить, что до середины 1930-х годов основная идея польского военного планирования заключалась в наступательных действиях польских и французских войск с направлением на Берлин. Затем в качестве первоочередного объекта польского наступления стала фигурировать Восточная Пруссия. В 1936 году был разработан план, согласно которому польские войска должны были оборонять германо-польскую границу на всём её протяжении за исключением восточно-пруссского участка, где поляки предполагали наступать. Но поскольку польские военные видели основного врага в СССР и уделяли основное внимание разработке планов войны против него, планы войны против Германии были разработаны в недостаточной степени, тем более что после прихода к власти Гитлера между нацистской Германией и панской Польшей установились весьма дружеские отношения. И только обострение последних в конце 1938 – начале 1939 года заставило поляков уделить серьёзное внимание

планам войны с Третьим рейхом [56; 208 – 209].

С конца 1938 года польское командование приступило к работе с планом «Захуд» («Запад»). Оккупация Германией Чехословакии в марте 1939 года заставила внести в уже сделанные наработки ряд изменений [56; 209].

Основопологающим принципом оперативно-стратегического планирования, осуществляемого Главным штабом Войска Польского, было убеждение, что Англия и Франция поддержат Польшу в войне с Германией. Поэтому перед польской армией ставилась задача упорной обороной обеспечить мобилизацию и сосредоточение своих войск, а затем, после того, как Англия и Франция заставят Германию оттянуть большую часть сил на Западный фронт, перейти в решительное контрнаступление [26; 79 – 80], [56; 209].

Исходя из подобных тезисов, поляки и производили своё оперативное планирование. *«Пожалуй, трудно установить, в чём состоял оперативный замысел, положенный в основу плана развёртывания польской армии, если только это не было желанием “прикрыть всё”, или, может быть, правильнее будет сказать, ничего не отдавать добровольно. Это желание в случае его осуществления приводит слабую сторону, как правило, к поражению»*, – такую уничтожающую характеристику даёт плану «Захуд» Манштейн в своих мемуарах [52; 28 – 29]. При этом в подобной характеристике нет уничижительности. Автор «Утерянных побед» вполне объективен в данном вопросе. Он учитывает и сла-

бость польской армии в сравнении с вермахтом, и выгодность охватывающего положения германских войск, и, в общем, то, что в единоборстве с Германией Польша в любом случае была обречена на поражение. Но даже при подобном раскладе сил и обстоятельств Манштейн отмечает абсолютную ошибочность плана «Захуд». Он пишет: *«Сложность оперативной обстановки для Польши, вызванная возможностью немецкого наступления с двух, а позже даже с трёх направлений и относительной слабостью польских вооружённых сил, была сама по себе достаточно ясной. Если командование польской армии, тем не менее, решилось на попытку “прикрыть всё”, то это свидетельствует только о том, как трудно, по-видимому, учитывать военные факторы, когда на первый план выступают психологические и политические соображения»*⁴⁴ [52; 29].

---

⁴⁴ Любопытно продолжение данной мысли Манштейна, следующее у него, буквально, в следующем абзаце текста его мемуаров: *«В Польшу – за исключением маршала Пилсудского и ещё немногих трезвомыслящих политических деятелей, – очевидно, никто никогда ясно не представлял себе всю опасность положения, в котором оказалась страна в результате удовлетворения **несправедливых** (выделено нами – И.Д., В.С.) территориальных претензий по отношению к своим соседям – **России** (выделено нами – И.Д., В.С.) и Германии. Польша насчитывала только 35 миллионов жителей, из которых опять-таки было только 22 миллиона поляков, в то время как остальная часть принадлежала к немецкому, украинскому, белорусскому и еврейскому меньшинству, подвергавшемуся без всякого исключения в той или иной степени угнетению»* [52; 29]. Sic! Читайте, господа-«демократические» авторы! Это написал военачальник вермахта, прошедший горнило войны с Советской Россией и имевший множество причин, в том числе и военное поражение своей страны, быть по отношению к ней (России)

Для осуществления плана «Захуд» польское командование предполагало развернуть 39 пехотных дивизий, 3 горно-пехотные, 11 кавалерийских, 10 пограничных и 2 бронемоторизованные бригады. Эти войска должны были быть объединены в семь армий, три оперативные группы и корпус вторжения [56; 209].

Против Восточной Пруссии развёртывались опергруппы «Нарев» (2 пехотные дивизии, 2 кавбригады), «Вышкув» (2 пехотные дивизии) и армия «Модлин» (2 пехотные дивизии, 2 кавбригады; командующий армией – генерал бригады Э. Пшедзимирский-Крукович).

В «польском коридоре» сосредоточивалась армия «Поможе» (5 пехотных дивизий, 1 кавбригада; командующий армией – генерал дивизии В. Бортновский), часть сил которой предназначалась для захвата Данцига.

На берлинском направлении развёртывалась армия «Познань» (4 пехотных дивизии и 2 кавбригады; командующий армией – генерал дивизии Т. Кутшеба).

Границу с Силезией и Словакией прикрывали армии «Лодзь» (5 пехотных дивизий, 2 кавбригады; командующий

несправедливым. Тем не менее, он, кстати, для многих из вас, господа-«демократические» авторы, являющийся если не кумиром, то уж точно истиной в последней инстанции, к России оказывается куда как более справедливей вас и называет вещи своими именами. Межвоенная Польша для него – страна-захватчик, страна, в которой угнетались национальные меньшинства, т.е. такая страна, какой она и являлась на самом деле. И уж явно не считает он агрессией и захватом польских земель освободительный поход Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, как это делаете вы, господа-«демократические» авторы.

армией – генерал дивизии Ю. Руммель), «Краков» (7 пехотных дивизий, 1 кавбригада, 1 бронемотобригада; командующий армией – генерал бригады А. Шиллинг) и армия «Карпаты» (командующий армией – генерал бригады К. Фабриций).

В тылу приграничных армий и оперативных групп, южнее Варшавы, развёртывалась армия «Прусы» (7 пехотных дивизий, 1 кавбригада, 1 бронемотобригада; командующий армией – генерал дивизии С. Домб-Бернацкий).

В районах Кутно и Тарнов сосредоточивались в резерве по 2 пехотные дивизии (т.е. всего 4 пехотных дивизии) [37; 18 – 19], [52; 27 – 28], [56; 209 – 210], [74; 12 – 14].

Таким образом, подобное расположение сил польской армии и означало то самое *«желание “прикрыть всё”*», о котором пишет Манштейн, поскольку её силы разворачивались равномерно на широком фронте. Такое развёртывание («в нитку») делало проблематичным, а точнее – попросту невозможным отражение массированных ударов германских войск. Позже, в июне 1941 года, вермахт будет успешно прорывать такую же «тонкую нитку» советских войск, равномерно распределённых вдоль западных границ СССР.

Однако даже указанные силы отмотилизовать и полностью развернуть к 1 сентября 1939 года поляки не успели, что ещё больше снизило их шансы при военном столкновении с Германией.

Частичное скрытое отмотилизование польское командо-

вание начало в конце марта 1939 года. Но носило оно небольшой масштаб – затронуло 4 пехотные дивизии, 1 кавбригаду. Также в это время были созданы управления четырёх армий и одной оперативной группы. 13 – 18 августа была объявлена мобилизация ещё 9 соединений, а с 23 августа началась скрытая мобилизация основных сил армии. Перегруппировки войск, предусмотренные планом стратегического развёртывания, начались 26 августа, когда был отдан приказ о выдвигании отмобилизованных соединений в отведённые им районы сосредоточения. Приказ армиям и опергруппам первого эшелона о занятии ими исходного положения польское командование отдало 30 августа. 29 августа поляки намечали объявить открытую всеобщую мобилизацию, однако по требованию Англии и Франции, которые опасались, что подобный шаг подтолкнёт Германию к войне, её начало перенесли на 31 августа [56; 210 – 211].

К 1 сентября польский мобилизационный план был выполнен на 60%, а развёртывание войск отставало от планового в ещё большей степени – только 46,8% соединений и частей польской армии находились в предназначенных им районах. К тому же многие из них не успели полностью занять свои позиции [56; 211].

Немецкой ударной группировке к началу войны противостояли 22 2/3 польских пехотных дивизий, 3 горно-пехотные, 10 кавалерийских и 1 бронемоторизованная бригады. Всего 29 2/3 эквивалентных дивизий. В составе этих войск

находилось 840 тысяч человек личного состава. На их вооружении состояло 2 840 орудий и миномётов, 475 танков и 463 самолёта [21; 22 – 23], [26; 80], [37; 19 – 20], [56; 212].

Общее соотношение противостоящих группировок по всем показателям было в пользу германской армии: по личному составу – 1,8:1, по количеству соединений – почти 2:1, по количеству подвижных соединений – 14:1, по количеству танков – 5:1, по количеству орудий и миномётов – 3,5:1, по количеству самолётов – 4,8:1.

Здесь ещё надо учитывать то обстоятельство, что вооружение польской армии в значительной степени было устаревшим, *«относилось в основном к периоду Первой мировой войны»*, как отмечает Манштейн [52; 27]. И, прежде всего, это касается бронетанковых сил и авиации, т.е. тех родов войск, которые стали играть ведущую роль в войне.

В полосе наступления немецкой группы армий «Север» действовало 17 – 18 эквивалентных польских дивизий, входящих в армии «Модлин», «Поможе», «Познань» и оперативные группы «Нарев» и «Вышкув» [56; 211 – 212]. Численность этих польских соединений составляла 485 тысяч человек. Они располагали 1 674 орудиями и миномётами и 234 танками [56; 212].

Таким образом, соотношение этой группы польских войск с группой армий «Север» также было по всем показателям в пользу германцев, хотя таким разительным, как общее соотношение сил, оно не было (мы помним, что ГА «Север» усту-

пала по силам ГА «Юг», поскольку последняя решала более масштабные, в чисто территориальном смысле, задачи). По численности личного состава соотношение было 1,3:1 в пользу немцев, по общему количеству соединений – 1,2:1, подвижных механизированных соединений в северной группе польских войск (назовём её так условно) не было вообще, В ГА «Север» их было 4, по орудиям и миномётам – 2,2:1, по танкам (у поляков танки не были сведены в соединения, а находились в составе частей и подразделений, включённых в пехотные и кавалерийские соединения) – 2,5:1⁴⁵.

Группе армий «Юг» противостояли 12 эквивалентных польских дивизий из армий «Лодзь», «Краков», «Карпаты» (355 тысяч человек, 1 166 орудий и миномётов, 241 танк – таков потенциал южной группы польских войск (как и в случае с северной группой, – это условное название, введённое нами)) [56; 212].

Таким образом, в полосе этого противостояния соотно-

---

⁴⁵ Правда, здесь надо учитывать, что польская армия «Познань» фактически осталась не у дел. Её 4 пехотных дивизии и 2 кавбригады противостояли слабым немецким заслонам на восточной германской границе, которые лишь демонстрировали активные действия, сковывая армию «Познань». Основной же удар ГА «Север» прошёл севернее и в его отражении армия «Познань» первоначально никакого участия не приняла вообще. В противоборство с силами ГА «Север» она вступила позже – в период битвы на Бзуре, в которой, кстати сказать, главную роль с немецкой стороны играли всё-таки войска ГА «Юг», они-то и стали основными противниками для армии генерала Кутшебы. Таким образом, соотношение сил в полосе наступления ГА «Север» было, по сути, для поляков ещё более неблагоприятным, чем указывается выше.

шение сил для поляков было практически по всем показателям значительно хуже общего соотношения сил двух противостоящих армий (в противоположность, как мы видели, соотношению на севере): по численности личного состава – 2,5:1 в пользу немцев, по общему количеству соединений – 3:1, по количеству подвижных механизированных соединений – 10:1, по орудиям и миномётам – 5,3:1, по танкам – 7,4:1.

Подобное положение объясняется не только тем, что немецкая группа армий «Юг» была мощнее группы армий «Север», но и тем, что группа северных польских армий была более сильной, чем группа южных польских армий. В самом деле, если сравнивать их потенциалы, то получим превосходство первой над второй почти по всем показателям: по личному составу – 1,4:1, по количеству соединений – 1,4(1,5):1, по орудиям и миномётам – 1,4:1. И только по танкам соотношение оказалось 1:1. В общем, превосходство, конечно, незначительное, но оно имело место.

Такое распределение сил вполне понятно, ведь после перехода в контрнаступление поляки намеревались наступать на Восточную Пруссию и Берлин, а до последнего гораздо ближе, если наступать из северных районов Польши.

Однако хотелось бы специально повторить, дабы читатель не впал в заблуждение, – никаких объединений под названием «Северная» и «Южная» группы армий у поляков не существовало. Об этих группах мы говорили условно, выде-

лив их по принципу противостояния немецким ГА «Север» и ГА «Юг» (для удобства изложения материала). Не было групп польских армий, не было единого командования этих групп, не было общих для армий каждой группы задач, т.е. задач группы, как таковой, в рамках выполнения которой каждая из армий группы выполняет свою задачу, – ничего этого у поляков не было. И общее распределение сил вдоль польско-германской границы было, как уже и отмечалось, примерно равномерным. Прибегая к образным сравнениям, можно сказать, что против двух мощных германских кулаков поляки имели вытянутые вперёд ладошки с растопыренными во все стороны пальцами.

* * *

«25 августа в 15 часов 25 минут из ОКХ прибыл шифрованный приказ: “Операция “Вайс”, первый день “У” – 26.8, 4ч. 30 м.”

Решение о начале войны, в которую мы до той поры не хотели верить, было, следовательно, принято», – так Манштейн вспоминает об отдаче первого приказа о начале вторжения в Польшу.

Однако данный приказ вскоре был отменён. Манштейн пишет:

«Я сидел с генерал-полковником фон Рундштедтом в нашем штабе в монастыре Гейлигес Крайц в Нейссе (Ниса) за

ужином, когда в 20 часов 30 минут из ОКХ был передан по телефону следующий приказ:

“Открывать военные действия запрещаю. Немедленно остановить войска. Мобилизация продолжается. Развёртывание по плану “Вайс” и “Вест” («Запад» – развёртывание немецких войск на Западном фронте – И.Д., В.С.) продолжать, как намечено”.

Каждый солдат может понять, что означает это изменение приказа о наступлении в последний момент. Три армии, находившиеся на марше к границе в районе, простирающемся от Нижней Силезии до Восточной Словакии, необходимо было остановить в течение нескольких часов; при этом надо учесть, что все штабы, по крайней мере до штабов дивизий включительно, также находились на марше и что по соображениям маскировки радиосвязь ещё не была разрешена. Несмотря на все трудности, всё же удалось всюду своевременно передать приказ. Прекрасное достижение органов управления и связи! Один моторизованный полк в Восточной Словакии удалось, правда, задержать только благодаря тому, что посланный на самолёте “Физилёр-Шторх” офицер ночью совершил посадку у самой головы колонны полка.

О причинах, которые побудили Гитлера, по-видимому, в последний момент изменить свой решение начать войну, мы ничего не узнали. Говорили только, что ещё ведутся переговоры.

Можно легко понять, что мы, солдаты, были неприятно поражены подобными методами главного командования. Ведь решение о начале войны, в конце концов, является самым ответственным решением главы государства.

Как можно было принять такое решение, чтобы затем через несколько часов снова отменить его? Следовало прежде всего учесть, что подобная отмена с военной точки зрения должна была привести к тяжёлым последствиям. ...Всё было рассчитано на внезапное нападение на противника. Не было специально объявленной мобилизации. Первым днём мобилизации было 26 августа, то есть день только что приостановленного наступления. Вследствие этого наступление должно было осуществляться не только силами всех танковых и моторизованных соединений, но ограниченным количеством пехотных дивизий, которые частично уже находились в пограничном районе, частично были в спешном порядке приведены в мобилизационную готовность. Теперь о внезапном нападении на противника не могло быть и речи. Ибо если выдвижение в районы сосредоточения в пограничной полосе и проводилось ночью, о нём всё же не могло не быть известно противнику, прежде всего потому, что моторизованные части должны были уже днём выступить из районов сосредоточения западнее Одера, чтобы форсировать его⁴⁶. В результате этого теперь... должен

---

⁴⁶ В том, что полякам стало известно о массированном перемещении немецких войск к польско-германской границе, начавшемся 25 августа, Манштейн аб-

был вступить в силу второй вариант: наступление всеми силами, приведёнными в мобилизационную готовность. Момент внезапности, во всяком случае, был потерян.

Так как нельзя было предположить, что Гитлер принял своё первое решение о начале военных действий непродуманно и легкомысленно, для нас оставался только один вывод, что всё это по-прежнему было дипломатической тактикой постоянного нажима на противника» [52; 22 – 23].

Этот, безусловно, интереснейший рассказ Манштейна о том, как начиналась Вторая мировая война, требует некоторых дополнений.

Прежде всего, несмотря на вполне заслуженные дифирамбы Манштейна в адрес органов управления и связи группы армий «Юг», которым удалось затормозить такую громаду войск перед самой польской границей, всё же надо сказать, что остановить получилось не всех.

солютно прав. Не случайно, 26 августа польские соединения получили приказ о выдвижении в намеченные планом стратегического развёртывания районы сосредоточения, о чём выше уже говорилось. Но данный факт говорит не только о том, что поляки неплохо наблюдали за границей с Германией и, в общем, беспечными не были, но и о том, насколько запаздывали у них мероприятия по от мобилизованию и развёртыванию своих войск. В самом деле, только 26-го числа польское командование отдаёт приказ о выдвижении соединений в районы сосредоточения у границы. Это после ночного «шурум-бурума» у границы с германской стороны в ночь с 25 на 26 августа. А что было, если бы немецкие войска не получили команду «отбой» и не были остановлены? А получилось бы для поляков ещё хуже, чем получилось 1 сентября 1939 года. Хотя и то, как получилось в реальности, учитывая быстрое и сокрушительное поражение польской армии, вряд ли можно назвать благоприятным для поляков ходом войны.

В соответствии с планом вторжения, в ночь накануне начала боевых действий на территорию Польши вводились диверсионные отряды «Абвера». Одному из них, отряду под командой лейтенанта Херцнера, надлежало захватить Яблунковский перевал в Карпатах и обеспечить наступление через него от Жилины на Краков 7-й пехотной дивизии XVII армейского корпуса 14-й армии группы армий «Юг». Если действия других диверсионных абверкоманд успели приостановить, то до отряда Херцнера, находящегося в сложных условиях горной местности, приказ об отмене наступления довести не удалось – радиосвязь дала сбой. В итоге, отряд пересёк границу с Польшей и захватил Яблунковский перевал рано утром 26 августа. Вечером того же дня, не дождав-шись подхода немецких войск, абверкоманда Херцнера отступила с перевала в горы [56; 212–213].

Это, так сказать, мелкая, хотя и любопытная деталь. Но вот что заставило Гитлера назначить вторжение в Польшу на 26 августа, а затем отменить приказ об этом и перенести дату нападения?

Приказ о начале войны против Польши 26 августа 1939 года был отдан Гитлером отнюдь не 25-го числа, когда ОКХ разослало его в штабы обеих групп армий, предназначенных для вторжения, а двумя днями ранее.

23 августа, когда Риббентроп ещё летел в Москву, фюрер назначил день и час нападения на Польшу – 26 августа, 4 часа 30 минут [56; 196]. Отсюда ясно, что ни о каком ди-

пломатическом урегулировании вопроса, которое могло бы последовать, пойдя поляки на уступки немцам и удовлетвори их требования относительно Данцига и «польского коридора», Гитлер и не помышлял. Оно ему было вовсе не нужно. Так что, Манштейн, как и прочие военные, задававшиеся вопросом о причине отмены наступления, ошибались, видя её в продолжающихся переговорах или попытках просто для вида сначала «поиграть мускулами» перед поляками, чтобы они сделались стоворчивей, – приказ напасть 26 августа и отмена этого приказа вовсе не были вызваны *«дипломатической тактикой постоянного усиления нажима на противника»* [52; 23]. О дипломатии речи уже не шло.

У Гитлера просто-таки чесались руки – ему нужна была война. Риббентроп ещё болтался в воздухе по дороге в Москву, а фюрер уже отдал приказ о нападении. Причём, подстегнул его не столько сам факт того, что в стороне от надвигающегося столкновения останется СССР (его вступление в войну на стороне Польши и так было весьма маловероятным, ведь никаких договоров и конвенций по этому поводу между СССР с одной стороны и Англией, Францией и Польшей – с другой, подписано не было), а то обстоятельство, что, как заявил сам Гитлер, в пакте о ненападении с Советской Россией он увидел дополнительный шанс на «выключение» Англии из конфликта [56; 197]. Хотя, как мы помним, и её возможное вмешательство фюрера не останавливало. Но, в принципе, он оказался прав: и Англия, и Франция фактически ока-

зались «выключены» из германо-польской войны, точнее – они в неё действительно не включились.

Однако в войска приказ о дне «У» отправлен до 25 августа не был. А 25 августа Англия и Польша подписали договор о взаимопомощи. Правда, договор этот оказался всего лишь политической декларацией, так как военного соглашения к нему подписано не было, но и в таком виде он несколько обескуражил Гитлера. Неужели он ошибся? Об англо-польском договоре в Берлине стало известно вечером 25-го числа. Примерно в это же время о нём узнали и в Риме, и Муссолини «взбрыкнул». Италия боялась крупного европейского конфликта не в пример больше Германии. Поэтому Муссолини вечером 25 августа известил Гитлера, что в случае возникновения войны между Третьим рейхом с одной стороны и Англией и Францией – с другой, Италия в неё вмешиваться не станет [56; 197].

Вот тогда-то фюрер около 20.00 и отдал приказ об отмене нападения на Польшу [56; 197]. Нет, фюрер не отказался на неё нападать вообще, как это можно было бы подумать. Просто он решил немного выждать, чтобы чётко представлять, с кем и в каких условиях ему придётся воевать. Будет ли это одна Польша, или на Западе он получит настоящий второй фронт?

Ждать пришлось недолго. Военной конвенции англичане с поляками так и не подписали и даже не продемонстрировали какие-то шаги в этом направлении. Вместо этого и Ве-

ликобритания, и Франция стали «одёрживать» Польшу, чтобы она своими мобилизационными мероприятиями, не дай бог, не вынудила Германию начать войну (см. выше). Вместо 300 тысяч резервистов, которых британское командование планировало призвать в случае угрозы возникновения войны, 26 августа было призвано всего 35 тысяч. В этот же день из Лондона в Берлин поступили сведения, что Англия не вмешается в случае германского нападения на Польшу или объявит войну, но в реальности воевать не будет. И ещё вопрос, каким путём «утекли» в Берлин подобные сведения, оказавшиеся, в итоге, столь верными? Уж не само ли правительство Чемберлена вбросило эту информацию, задабривая тем самым Гитлера новой жертвой, т.е. Польшей (после Австрии и Чехословакии), и направляя его агрессию в столь нужное для Британии «восточное русло»? Тем более что гарантии существования Британской империи фюрер охотно соглашался дать, о чём официально известил англичан ещё днём 25 августа [56; 197].

В общем, Гитлеру очень быстро стало всё ясно. И уже 31 августа 1939 года он отдаёт новый приказ о начале вторжения в Польшу. Директива № 1, составленная согласно этому приказу, гласила:

«1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности урегулировать мирным путём положение на восточной границе, которое стало невыносимо для Германии, я решил добиться этого силой.»

2. *Нападение на Польшу должно быть проведено в соответствии с приготовлениями по плану «Вайс», учитывая изменения, которые произошли в результате почти полностью завершённого стратегического сосредоточения и развёртывания сухопутных войск.*

Распределение задач и оперативная цель остаются без изменений.

День наступления – 1 сентября 1939 г.

Начало наступления – 4 час. 45 мин.

[...]

3. *На Западе ответственность за открытие боевых действий следует возложить исключительно на Англию и Францию.*

[...]

Германская сухопутная граница на Западе не должна быть пересечена ни в одном пункте без моего специального разрешения. То же самое относится ко всем военно-морским операциям... Военно-воздушные силы должны в своих действиях пока ограничиться противоздушной обороной государственных границ от налётов авиации противника и стремиться по мере возможности не нарушать границ нейтральных стран при отражении налётов как отдельных самолётов, так и небольших авиационных подразделений. Если только в случае налётов на территорию Германии крупных сил французской и английской авиации через нейтральные государства станет невозможным обеспечить

противовоздушную оборону на Западе, последнюю разрешается организовать также и над территорией нейтральных стран.

[...]

4. Если Англия и Франция начнут боевые действия против Германии, то задача действующих на Западе войск будет состоять в том, чтобы, максимально экономя силы, создать предпосылки для победоносного завершения операций против Польши. В соответствии с этими задачами необходимо нанести по возможности больший урон вооружённым силам противника и его военно-экономическому потенциалу. Приказ о начале наступления будет отдан мною.

Сухопутные силы удерживают Западный вал и готовятся к предотвращению его обхода с севера в случае вступления западных держав на территорию Бельгии и Голландии. Если французская армия вступит на территорию Люксембурга, разрешаю взрывать пограничные мосты.

Военно-морской флот ведёт борьбу с торговым флотом противника, главным образом с английским... Необходимо принять меры по предотвращению вторжения противника в Балтийское море.

[...]

Военно-воздушные силы имеют своей задачей в первую очередь воспрепятствовать действиям французской и английской авиации против германских сухопутных войск и жизненного пространства Германии. В войне против Ан-

глии военно-воздушные силы должны быть использованы для воздействия на морские коммуникации Англии, для нанесения ударов по военно-промышленным объектам и уничтожения транспортов с войсками, отправляемых во Францию.

Необходимо использовать благоприятные возможности для нанесения эффективных ударов по скоплениям английских военно-морских сил, в особенности по линейным кораблям и авианосцам.

Приказ о бомбардировке Лондона будет отдан мною. [...]» [56; 213 – 215].

Интересно, что директива о начале войны против Польши уделяла гораздо больше внимания действиям германских войск на Западе. Отсюда ясно, что Гитлера, вслед за его генералами, всё-таки в немалой степени волновала реакция Англии и Франции на немецкое вторжение в Польшу. Главная причина этого волнения заключалась в крайней незначительности сил, оставленных на Западном фронте. Поэтому та, большая, часть директивы, которая касается действий вермахта на Западе, сама, в свою очередь, чётко разбивается на две части. Лейтмотивом первой из них можно считать мысль о непровоцировании противника на активные действия. Не переходить сухопутную границу Германии, не нарушать воздушного пространства даже нейтральных стран, ограничить действия флота в такой степени, чтобы их нельзя было расценивать *«как военные операции»* [56; 213], – вот

что требует от своих войск Гитлер. Т.е. он всё-таки надеется на невмешательство англичан и французов в германо-польскую войну, либо на их вмешательство чисто формальное, без каких-либо действий (что, в итоге, и произошло).

Вторая часть «западного раздела» директивы № 1 говорит уже о действиях немецкой армии на Западе в случае, если англо-французские силы всё-таки начнут самое настоящее наступление. Лейтмотив этой части документа – держаться любой ценой, защищая от вторжения противнику территорию Рейха и обеспечивая молниеносное проведение кампании против Польши, где германское командование сосредоточило подавляющее количество своих сил. Когда эти задачи будут выполнены, последует переброска сил из Польши к западным границам Германии и удар по врагу, т.е. наступление.

В общем, директива № 1 ещё раз ясно показывает, что Гитлер вполне сознательно шёл на разжигание большой европейской войны. Он прекрасно отдавал себе отчёт, что вероятность того, что конфликт не ограничится военным противостоянием Германии и Польши, велика. Надо полагать, что подобный сценарий его вполне устраивал – «зверь жаждал большой крови».

Директива № 1 была подписана фюрером в 12.40 31 августа [564 213].

Как пишет Манштейн, в штабе группы армий «Юг» она была получена в 17.00 [52; 23]. Надо полагать, что примерно

в это же время директиву получили в штабе группы армий «Север». Таким образом, на выдвижение войск к исходным рубежам времени у командования обеих групп армий оставалось совсем немного – менее двенадцати часов. И ГА «Север», и ГА «Юг» своевременно сосредоточили свои силы в районах, назначенных им для атаки. Задержек и отставаний от графика не было. Не последовало на этот раз и команды «отбой» из Берлина, хотя, по воспоминаниям Манштейна, в штабе группы армий «Юг» полагали, что и на сей раз войны не начнётся:

«Когда 31 августа... снова прибыл приказ (о вторжении в Польшу рано утром 1 сентября – И.Д., В.С.),.. генерал-полковник Рундштедт и я были весьма скептически настроены. К тому же не поступало никаких сообщений относительно прекращения переговоров⁴⁷. В соединениях группы армий на всякий случай с учётом опыта 25 августа всё было приготовлено для того, чтобы обеспечить прекращение продвижения войск даже в самый последний момент, если события повторятся» [52; 23].

На сей раз предосторожности оказались излишни.

Германскому вторжению в Польшу предшествовала провокация, призванная выставить агрессором польскую сто-

---

⁴⁷ Любопытная фраза Манштейна, ведь никаких официальных сообщений о том, что какие-то переговоры ещё ведутся командованием ГА «Юг» тоже не получало. Как указывает сам Манштейн всего парой абзацев выше, это были лишь слухи, домыслы и предположения. Каких сообщений о прекращении переговоров ждали в таком случае германские генералы – не понятно.

рону, а действия немецких войск представить как ответ на агрессию⁴⁸.

Вечером 31 августа (около 20.00) группа эсэсовцев, переодетых в польскую военную форму, ворвалась в здание радиостанции приграничного с Польшей города Глейвиц (ныне – польский город Гливице). Инсценируя нападение на германскую территорию, они сделали несколько выстрелов, в том числе у микрофона студии, и зачитали на польском языке заранее подготовленный текст, смысл которого сводился к тому, что Польша начинает войну с Германией и призывает всех живущих в Германии поляков к восстанию [26; 80], [56; 215]. Для большей убедительности эсэсовцы расстреляли одного их привезённых уголовников, переодетых в польскую военную форму, прямо в здании радиостанции, представив это как результат боя вторгшихся поляков с местной полицией. Затем в лесу под Глейвицем было расстреляно ещё несколько уголовников в форме Войска Польского, что должно было продемонстрировать масштабность вторжения и ожесточённость боестолкновения немецких пограничников и полицейских с захватчиками [26; 80], [56; 215].

Утром 1 сентября Германское информационное агентство распространило несколько сообщений о событиях в Глейвице, одно ужаснее другого. Согласно последнему из них, поляки устроили в районе Глейвица самое настоящее крупно-

---

⁴⁸ Операция была подготовлена службой СД и носила кодовое название «Консервы».

масштабное вторжение на германскую территорию:

«Поступили новые сообщения о событиях в Глейвице. Нападение на радиостанцию было, очевидно, сигналом к общему наступлению польских партизан на германскую территорию. Почти одновременно с этим, как удалось установить, польские партизаны перешли германскую границу ещё в двух местах. Это также были хорошо вооружённые отряды, по видимому, поддерживаемые польскими регулярными частями. Подразделения полиции безопасности, охраняющие государственную границу, вступили в бой с захватчиками. Ожесточённые действия продолжаются» [56; 216].

Когда Германское информационное агентство распространяло это лживое сообщение, немецкие войска уже несколько часов наступали по территории Польши. Германская авиация начала её бомбардировку в 4.30 1 сентября. В 4.45, согласно директиве № 1, пересекли границу сухопутные войска.

Уже 1 сентября немцы заняли Данциг. На фронте наступления группы армий «Север» в этот день образовалось три очага борьбы: в районе Млавы (здесь польская армия «Модлин» сражалась с главными силами 3-й германской армии, наступавшими из Восточной Пруссии); северо-восточнее Грудзёндза (здесь правый фланг польской армии «Поможе» вёл бой с XXI армейским корпусом немцев); в «польском коридоре» (здесь левый фланг армии «Поможе» противостоял 4-й германской армии, наступавшей из Померании)

[56; 217].

Надо сказать, что первый день борьбы не принёс немцам на севере каких-то ошеломляющих успехов. Поляки сопротивлялись не только ожесточённо, но и весьма умело.

Хотя Данциг был немцами захвачен быстро, но польские военные склады в устье Вислы, на Вестерплатте, продолжали защищаться. Их гарнизон составляли всего 182 человека при 4 миномётах, 3 орудиях и 41 пулемёте. Но в распоряжении этого маленького гарнизона были добротные полевые и долговременные бетонные укрепления. В них поляки отбили все атаки немцев не только 1 сентября, но продержались неделю, несмотря на то, что штурмовали их части вермахта общей численностью до 4 тысяч человек при мощной поддержке артиллерии и авиации. Только 7 сентября Вестерплатте был взят, а остатки польского гарнизона капитулировали [56; 217].

Атаки млавских позиций армии «Модлин» тремя пехотными и одной танковой дивизиями не принесли немцам ожидаемого успеха. Более того, танковая дивизия «Кемпф» понесла наиболее ощутимые потери, и командующий 3-й армией вынужден был вывести её из боя. Таким образом, стремительного броска 3-й армии на Пултуск и Варшаву не получилось [56; 218].

Правофланговые соединения армии «Поможе» (опергруппа «Всхуд») 1 сентября успешно отразила все атаки XXI армейского корпуса 3-й армии немцев на Грудзёндз [56;

Туго шли дела и у 4-й армии немцев, наносившей удар по левому флангу армии «Поможе». Её XIX моторизованному корпусу и двум пехотным дивизиям, действовавшим в качестве ударной группировки армии, в западной части «польского коридора» противостояли силы 9-й пехотной дивизии поляков и их оперативной группы «Черск», растянутые на 70-километровом фронте. Атаковать польские позиции немцы начали с рассветом, но в течение дня прорвать оборону не смогли. Только с наступлением темноты немецкие танковые части сломили сопротивление польской пехоты и передовым отрядом прорвались на 90 километров до Свекатова. Парировать этот прорыв командующему армией «Поможе» генералу Бортновскому было просто нечем, что имело самые катастрофические последствия для польских войск, действовавших в районе «коридора» [56; 218].

К утру 2 сентября генерал Бортновский потерял связь со своими войсками. Немцы между тем дополнили успех 3-й танковой дивизии, прорвавшейся в ночь с 1 на 2 сентября на Свекатова, ударом 20-й моторизованной дивизии из района Тухель в направлении севернее Грудзёндза, осуществляя двойной охват польских войск, оборонявших «коридор». Армия «Поможе» оказалась рассечённой на две части – северную (большую) и южную (меньшую). Северная попала в окружение в «польском коридоре» и была окончательно разгромлена немцами к 6 сентября. В плен было взя-

то 16 тысяч польских военнослужащих. Трофеями германских войск стали 100 орудий [56; 224].

Южная группа армии «Поможе», с которой генералу Бортновскому удалось восстановить связь, отводилась им за Вислу к Торуня [56; 224].

Немецкие 3-я танковая и 20-я моторизованная дивизии 4 сентября прорвались к Висле в районе Хелмно, в то время как пехотные дивизии 4-й армии сжимали кольцо окружения в «польском коридоре». 5 сентября немцы заняли Грудзёндз, к вечеру 6 сентября – Накло и Быдгощ и вышли на окраины Торуня. Польских войск здесь уже не было – остатки армии «Поможе» ушли из района Торуня ещё 5 сентября, получив в этот день приказ главного командования отходить к Варшаве вместе с армией «Познань» [56; 224], [74; 6].

Если армия «Поможе» уже со 2 сентября была сбита немцами со своих позиций, утратила командование и начала беспорядочное отступление, то действовавшая юго-восточнее её армия «Модлин» продолжала удерживать млавские оборонительные позиции до 4 сентября. Трёхдневные атаки на эти позиции не принесли успеха 3-й немецкой армии. Не помогли даже массированные удары авиации по польским войскам. Однако к 4 сентября потери армии «Модлин» оказались очень велики, а её командующий генерал Пшедзимирский умудрился потерять связь с войсками, находящимися на оборонительных позициях. Очевидно, утрата связи произошла из-за налётов германской авиации (во

всяком случае, подобное предположение является наиболее выгодным для репутации генерала Пшедзимирского). В подобных условиях соединения армии «Модлин» под ударами немцев начали несанкционированный отход со своих оборонительных рубежей. Первой отступила к югу Мазовецкая кавалерийская бригада, обнажив тем самым правый фланг млавских позиций. Вскоре покинули свои позиции 20-я и 8-я пехотные дивизии, что привело к образованию 30-километровой брешии в центре расположения армии «Модлин». Кое-как разобравшись в ситуации, генерал Пшедзимирский справедливо решил, что в таких условиях продолжать оборону на млавском рубеже невозможно. 4 сентября последовал его приказ об отходе за Вислу. Генерал рассчитывал, собрав и перегруппировав свои силы, организовать оборону по Висле и Нареву. Немцы 4 сентября вступили в Млаву [56; 225], [68; 6], [74; 17].

Здесь надо заметить, что дальнейшая оборону млавских позиций в любом случае должна была быть прекращена. Успех 4-й немецкой армии в разгроме армии «Поможе», отход остатков последней к Торуни обнажал левый фланг армии «Модлин» и делал уязвимыми её тылы. Удержание поляками рубежей в районе Млавы в подобной ситуации вполне могло привести к удару по левому флангу и тылу армии «Модлин» и, что вполне вероятно, её окружению.

Несмотря на то, что к 5 сентября успехи группы армий «Север» были несомненны, но всё-таки командование груп-

пы рассчитывало на большее. По-сути, хоть и состоялось окружение в «коридоре» значительной части армии «Поможе», добиться решительного прорыва польского фронта фон Боку не удалось. Ценой серьёзных потерь две его армии только фронтально оттеснили поляков за Вислу и Нарев. Как мы помним, план «Вайс» исходил как раз из того, чтобы ни в коем случае не дать польским войскам возможности зацепиться за эти реки, организовав на них новые рубежи обороны.

Командование группы явно занервничало, потому что заявило ОКХ, что в сложившейся ситуации у него *«появилось сомнение в том, возможно ли ещё уничтожить польские вооружённые силы западнее Вислы и нет ли необходимости изменить цели, поставленные первоначальным планом?»* [56; 225]. Фон Бок полагал, что нужны полная перегруппировка сил и создание новой ударной группы. Для этого он предлагал перенести основной упор с центра фронта группы армий, как изначально предусматривал план «Вайс», на её левый (восточный) фланг. Наступление на Варшаву по обе стороны Вислы теперь должны были вести только III и II армейские корпуса 4-й армии. Остальные же силы этой армии – XIX моторизованный и XXI армейский корпуса, вновь прибывшие 10-я танковая и две пехотные дивизии – перебрасывались на юго-восток Восточной Пруссии для глубокого обхода отходивших за Вислу и Нарев польских войск [56; 225].

Усиление левофланговой группировки группы армий

«Севере» в германском Генштабе в принципе поддержали. Согласились и с предложенным фон Боком броском на на юго-восток. Однако масштабы этих действий ОКХ ограничило. 5 сентября 1939 года главнокомандующий Сухопутными войсками Германии генерал-полковник Браухич направил фон Боку директиву, которая гласила: *«В намерения ОКХ входит наступление 4-й армии по обе стороны Вислы на Варшаву, 3-й армии – правым флангом на Варшаву, левым – на Острив-Мазовецки. Намерение группы армий усилить 3-ю армию путём переброски сил – особенно подвижных – из 4-й армии соответствует мнению ОКХ. Нужно избегать далёкого размаха движения восточного фланга и ограничить продвижение на линии Варшава – Острив-Мазовецки»* [56; 225].

В соответствии с данной директивой, штаб группы армий «Север» приказом от 5 сентября значительно сократил глубину и размах удара своей левофланговой группировки. Основные силы 4-й армии, как и предполагалось ранее, нанесли удар на Варшаву. В 3-ю армию, т.е. для усиления левофланговой ударной группировки ГА «Север», перебрасывался только XIX моторизованный корпус. Правый фланг 3-й армии также бил в направлении Варшавы, и только левый фланг армии, усиленный XIX мк, наносил удар немного восточнее – в район Рожан [56; 225], [74; 17].

Т.е. первоначальный план фон Бока приводился в действие в весьма усечённом виде. И Варшава по-прежнему бы-

ла главной целью удара группы армий, на которой она сосредоточивала основные свои силы. Тем не менее, как отмечает Манштейн, *«группа армий “Север”... в рамках намеченного ОКХ охватывающего манёвра... получила возможность осуществить охват фланга противника, переправившись через Вислу, и зайти в тыл главным его силам, расположенным на большой Висленской дуге»* [52; 37 – 38].

Проводима фон Боком, в соответствии с принятым решением, перегруппировка сил дала польским войскам некоторую передышку и позволила им приступить к созданию нового фронта обороны за Наревом, Бугом и Вислой. Для этого использовались отошедшие части армий «Поможе», «Модлин» и «Познань», войска пребывающие в данные районы из глубины страны, а также гарнизоны расположенных вблизи городов.

Но оборонительные рубежи по южным берегам рек Нарев и Буг оказались слабыми. У поляков не было ни времени для их инженерной подготовки, ни достаточно войск для их занятия. Кроме того, многие отходящие части и соединения армий «Поможе» и «Модлин» были настолько ослаблены в предыдущих боях, что их использование без предварительного пополнения не представлялось возможным [56; 226].

3-я германская армия 6 сентября выдвинулась к нижнему течению Нарева. попытка двух пехотных дивизий её I армейского корпуса форсировать реку по обе стороны Пултуска была решительно отражена Мазовецкой кавбригадой. Одна-

ко на правом фланге польская оборона дала трещину. Здесь сыграл свою роль удар усиленной левофланговой группировки 3-й немецкой армии на Рожаны. Немцам удалось захватить плацдарм на восточном берегу реки. В последующие дни группа армий «Север» выводила свою ударную группировку в пространство между Наревом и Бугом [56; 226].

В движении к Варшаве, между тем, больших успехов достигла 10-я армия группы армий «Юг». К 6 сентября она вышла на линию Томашув-Мазовецкий, Коньске, Кельце. Организованного польского фронта, который мог приостановить её наступление на Варшаву, уже не существовало [56; 250]. Войска этой армии первыми и вышли к польской столице уже 8 сентября (о боевых действиях группы армий «Юг» подробно будет рассказано ниже).

6 сентября итоги военного противостояния истекших дней заставили верховные командования обеих противоборствующих армий сделать некоторые выводы.

Верховное командование Войска Польского, очевидно, окончательно решило, что война проиграна.

Надо заметить, что политическое руководство Польши, судя по его действиям, особых иллюзий относительно результатов войны с Германией не питало с самых первых её дней. Уже 1 сентября из Варшавы скрылся в неизвестном направлении президент республики И. Мосцицкий. Он «вынырнет» 14 сентября в Коломые (Западная Украина), а оттуда убежит к румынской границе и перейдёт её по приме-

ру всего польского правительства. 4 сентября из столицы началась эвакуация правительственных учреждений, а 5-го её покинуло правительство, начав «путешествие» по территории страны в направлении границы с Румынией. Темпы передвижения правительства были при этом весьма велики. Судите сами: покинув Варшаву, оно направилось в Люблин. Уже 9-го числа из Люблина выехало в Кременец (Западная Украина), 13-го – из Кременца проследовало в Залещики (это у самой румынской границы). 17 сентября, по официальной версии, польское правительство пересекло границу Румынии. Впрочем, есть все основания полагать, что его не было в стране уже 16-го числа [56; 252], [59; 155, 160]. Излишне говорить, что при таком «спринтерском забеге» единственное, чем могло это горе-правительство управлять, было его, правительства, передвижение к румынской границе. Т.е. Польская республика оказалась лишена центрального государственного управления уже на 4 – 5 день войны.

Верховное командование польской армии, подобно правительству страны, оптимизмом тоже «не страдало».

Вот, например, текст приказа, который Верховный главнокомандующий маршал Э. Рыдз-Смиглы отдал Главному штабу польской армии 3 сентября 1939 года:

«В связи со сложившейся обстановкой и комплексом проблем, которые поставил ход событий в порядок дня, следует ориентировать ось отхода наших вооружённых сил не просто на восток в сторону России, связанной пактом с

немцами, а на юго-восток, в сторону союзной Румынии и благоприятно относящейся к Польше Венгрии...» [28; 128], [56; 235], [59; 149].

Шёл третий день войны. Потерявшая большую свою часть «в котле» на территории «польского коридора» армия «Поможе» лихорадочно пытается, отойдя к Торуни, организовать здесь новый рубеж обороны. Держится на млавских позициях армия «Модлин», не сделав к 3 сентября ни шагу назад.. героически сражается на полуострове Вестерплатте в устье Вислы маленький польский гарнизон. а главнокомандующий Войска польского ориентирует свой Главный штаб на подготовку бегства армии к румынской границе. у него даже и мысли не возникает попробовать зацепиться за рубеж Нарев – Буг – Висла – сан. Этого от поляков ждали все: англичане, французы, русские, немцы. Последние ещё и боялись этого, стремясь уничтожить польскую армию к западу от Вислы, не дать ей уйти за неё, иначе война с Польшей грозила затянуться, могла привести к большим потерям и создать огромные риски на Западном фронте. И только польское Верховное командование не ждало от своей армии ничего подобного. Посему все попытки северной группы польских войск зацепиться на рубеже Нарева, Буга и Вислы надо расценивать как «самодеятельность» командующих польскими армиями и командиров ряда их соединений. Не иначе.

Ну, а господин маршал Э. Рыдз-Смиглы 6 сентября пришёл к выводу, что пора начинать свой «спринтерский за-

бег» вслед за польским правительством, иначе можно и не успеть добежать до желанной, заветной цели – границы с Румынией. В ночь с 6 на 7 сентября он покинул Варшаву, отдав предварительный приказ гарнизону столицы героически защищаться. Причём, удирая, Рыдз-Смиглы распорядился об отводе к Бресту, куда он намеревался отправиться, истребительной авиабригады и значительной части артиллерии ПВО. Теперь они должны были защищать в Бресте ценную персону маршала, а не готовящуюся к обороне столицу. В итоге, немцы бомбили Варшаву практически беспрепятственно, основная масса варшавян погибла в результате именно бомбовых ударов с воздуха (во время обороны Варшавы погибло 25 тысяч жителей столицы) [37; 30], [56; 275], [59; 154].

Скорость «забега» господина главнокомандующего Войска Польского по польской территории не уступала скорости «забега» по ней польского правительства.

В Бресте ставка главнокомандующего пробыла не долго – уже 10 сентября она была перенесена во Владимир-Волынский, 13 сентября – в Млынов (близ Дубно), 15 сентября – в Коломью, к 17 сентября оказалась в Кутах (у польско-румынской границы). 17 сентября Э. Рыдз-Смиглы пересёк румынскую границу, не забыв «на прощание» отдать приказ защитникам Варшавы и Модлина продолжать стойко обороняться [28; 130 – 131], [56; 252, 301].

При такой скорости перемещения осуществлять какое-то

реальное командование армией невозможно точно так же, как невозможно осуществлять управление государством.

Относительно длительным (пару-тройку дней) был период пребывания Э. Рыдз-Смиглы в Бресте. Вот как в этот период осуществлялось командование польской армией. В Варшаве оставался начальник Главного штаба генерал Стахевич. Последний первоначально сносился с главнокомандующим посредством курьеров (Брест находится в 180 километрах от Варшавы), т.к. телефонной связи ни с польскими армиями, ни даже с Варшавой Брестская крепость не имела. Единственной радиостанцией, прибывшей с командующим, долгое время нельзя было пользоваться из-за отсутствия шифров, отправленных в Брест по железной дороге отдельно от радики. После одного из налётов немецкой авиации эта радиостанция, которую из-за её огромных размеров даже не могли поставить в укрытие, была повреждена и стала работать только на приём. Пришлось разработать следующий способ связи. По телефону или телеграфу офицеры ставки главкома связывались со штабом Пинской военно-морской базы, располагавшим коротковолновым радиопередатчиком. Оттуда посылалась радиограмма в группу штаба польского флота в Варшаве. Моряки связывались с группой офицеров Главного штаба во главе с генералом Стахевичем. Последние, в свою очередь, тем же путём посылали ответ в Брест [28; 130], [56; 253 – 254].

Ясно, что нормальным такой способ руководства боевыми

действиями не назовёшь. Приказы и распоряжения, исходящие из ставки главнокомандующего, безнадёжно запаздывали и не отвечали быстро меняющейся обстановке. Но и эта «идиллия» закончилась, когда Рыдз-Смиглы покинул Брест.

В подобных условиях логично было, чтобы всю полноту реального командования взял на себя оставшийся в Варшаве начальник Главного штаба генерал Стахевич. Но, во-первых, Рыдз-Смиглы его на это не уполномочил, и даже если бы Стахевич хотел и решился самостоятельно взять на себя всю полноту командования (а он этого не хотел и на это не решился), то ещё вопрос, как подчинялись бы его приказам командующие армиями и командиры соединений. И, во-вторых, у Стахевича просто не было под рукой аппарата для осуществления действительного командования всей польской армией, ибо значительная часть офицеров Главного штаба покинула Варшаву вместе с главнокомандующим, а рабочая группа, оставшаяся со Стахевичем, принимая во внимание всё нарастающие проблемы со связью, физически не могла обеспечить нормальное руководство боевыми действиями на всех участках польско-германского фронта. Сам Стахевич уже 7 сентября (!) (т.е. суток не прошло с тех пор, как главнокомандующий со своим штабом и большей частью офицеров Главного штаба покинул столицу) докладывал в Брест: *«Так работа не может продолжаться. Мы здесь совершенно истощены от усталости. У нас абсолютная нехватка офицеров...»* [56; 254]. Очевидно, бедняжке

Стахевичу пришлось хорошо повкалывать за Рыдз-Смиглы уже и в предыдущие дни, ибо маршал явно был в большей степени озабочен подготовкой своего «забега», чем реальным командованием войсками (судя по его приказу от 3 сентября, процитированному выше).

Стоит ли удивляться, что в подобных условиях дезорганизация и хаос управления польскими войсками катастрофически увеличивались с каждым днём.

Генерал Яклич, заместитель Стахевича, находившийся в Бресте с главнокомандующим, доносил оттуда своему непосредственному начальнику в Варшаву:

«У нас целый день постоянные поиски войск и высылка офицеров для восстановления связи... С внутренней организацией в крепости Брест большой балаган, который я сам должен ликвидировать. Постоянные налёты авиации. В Бресте бегство во все стороны» [56; 254].

«Здесь царит полнейший хаос, – сообщал в Париж французский представитель при ставке маршала Рыдз-Смиглы. – Главное польское командование почти не имеет связи с воюющими армиями и крупными частями... Не имеет ровно никакой информации о продвижении неприятеля и даже о положении своих собственных войск информировано не очень полно или вовсе не информировано» [41; 29].

Поручик польской армии Ежи Климовски, непосредственный участник событий сентября 1939 года, оставил яркие зарисовки последствий хаоса и неразберихи в высшем

командном звене Войска Польского для частей и соединений на фронте:

«... Утром наша бригада получила приказ прикрывать тыл группы Андерса, которая должна была нанести удар по Миньску-Мазовецки... Но те, кто отдавал приказ, упустили из виду одну деталь, – забыли, что бригады практически не существует» [41; 24].

«Вылазка в направлении Миньска-Мазовецки полностью провалилась.

Мы вынуждены были отступить... Хаос на дорогах царил невероятный... Командиров нигде не было видно, компактных войсковых частей – тоже... О какой-либо организованности движения не могло быть и речи. Приказы по-прежнему не приходили» [41; 24 – 25].

«Тут я увидел знакомую картину: улицы, казармы, весь город и даже окрестности забиты войсками. Найти кого-либо почти невозможно, тем более что учреждения уже закрыты, и справиться просто не у кого.

[...]

Массы солдат блуждали без командиров, не зная, что делать. в качестве ближайшего ориентировочного направления почти все, с кем мне приходилось разговаривать, называли Хелм – Влодаву. ... Мне не оставалось ничего иного, как направиться в эту самую Влодаву, новую Мекку, куда сейчас устремлялось всё и вся.

[...]

Военных здесь было как муравьёв, а хаос и беспорядок царили ещё большие, чем в каком-либо другом месте. Никто не командовал, не отдавал приказов, не знал обстановки. Никто не имел никакого представления о том, что делать дальше, а главное – и это было самым тяжёлым – никто не старался овладеть положением на месте» [41; 27].

*«...От моих добрых друзей ротмистра Кучинского и поручика Кедача узнал много неприятных вещей. Они сообщили мне, что **как будто** (выделено нами – И.Д., В.С.) есть приказ о движении к румынской или венгерской границе и даже о переходе через неё, что правительство и Верховный Главнокомандующий покинули Варшаву, и никто не владеет обстановкой» [41; 29].*

И подобных описаний в мемуарах Ежи Климовского – масса.

Особого порядка в командовании польскими войсками не наблюдалось с самого первого дня войны. Но после 6 сентября, т.е. после бегства Верховного главнокомандующего маршала Э. Рыдз-Смиглы из Варшавы, ситуация в этом вопросе «перешла в крутое пике». Польский фронт стал стремительно разваливаться на отдельные, не связанные друг с другом очаги сопротивления. Более решительные командиры всех уровней начинали действовать на свой страх и риск, у менее решительных просто опускались руки, и они, прекращая командовать, пускали ситуацию на самотёк. Польша не просто шла к военному поражению – она шла к нему с катастрофи-

ческой быстротой. И вина за это «гибельное ускорение» полностью, стопроцентно лежит на польском Верховном командовании.

А между тем, упорное, отчаянное сопротивление польских войск в приграничном сражении, по сути, сорвало первоначальные планы немцев. Уже к 6 сентября ОКХ вынуждено было признать, что окружение и уничтожение основных сил польской армии к западу от Вислы не удалось. Требовалась корректировка намеченных ранее действий. 6 сентября фон Браухич издаёт директиву, ставящую войскам новую стратегическую задачу:

«1. Из сведений о противнике следует, что он отходит за линию Висла – Нарев и большие не собирается вести впереди этой линии решающие бои... Его уничтожение на западном берегу Вислы будет едва ли возможно...» [56; 251].

Браухич полагал, что польская армия предпринимает интенсивные попытки создания нового фронта по Нареву и Висле:

«...Возможно, происходит создание ударной группы на Нареве силой примерно самое большое 4 – 5 дивизий. Не исключено дальнейшее её усиление за счёт войск, отходящих через Варшаву. Создание группировки в районе Лодзи составляет последнюю попытку противника к удержанию столицы...» [56; 251].

Дабы не допустить усиления занаревских и зависленских рубежей поляков, создание которых, по мнению ОКХ, стало

реальностью, обе группы немецких армий должны были в короткий срок максимально интенсифицировать свои удары на восточных берегах Нарева, Вислы и Сана.

В этой связи группа армий «Север» в директиве ОКХ от 6 сентября получала следующие задачи:

«...Группа армий “Север” быстро продвигается 3-й армией через Нарев, чтобы воспрепятствовать планомерному созданию обороны реки, и далее развивает наступление через Буг в направлении Варшава – Седлец, чтобы свернуть с севера фронт на Висле...» [56; 251].

Как мы помним, левифланговая группировка 3-й армии ГА «Север», усиленная XIX моторизованным корпусом, уже в ходе боёв 6 сентября, т.е. до издания вышеозначенной директивы Браухича, создала задел для её выполнения – она захватила плацдарм на восточном берегу Нарева. Однако до 8-го числа попытки немцев развить этот успех к существенным результатам не привели. I армейскому корпусу 3-й армии удалось форсировать Нарев близ Пултуска, но под Вышкувом его продвижение было остановлено частями 1-й и 41-й польских пехотных дивизий. Задержали бойцы 41-й пехотной дивизии и левифланговый корпус 3-й армии (корпус «Водриг»), стремящийся развить наступление от Рожан через Остров-Мазовецкий к бугским переправам у Брока [56; 255].

8 сентября фон Бок издаёт приказ, ставящий задачи войскам группы армий «Север» на ближайшие дни. Общая зада-

ча – быстрее преследовать поляков с фронта и одновременно постараться отрезать им пути отхода. При этом 4-я армия должна была как раз *«наступить на отходящего противника, чтобы его задержать»*, а 3-я армия захватывала переправы через Буг и, двигаясь к югу, на линию Минск-Мазовецкий – Седлец, преграждала противнику путь к отступлению. Главным инструментом для этого броска 3-й армии выступал XIX моторизованный корпус, который как раз закончил своё сосредоточение на левом фланге группы армий «Север». Корпус, командиром которого был генерал Гудериан, для выполнения поставленной задачи усиливался 10-й танковой дивизией и группой «Бранд». XIX мк фон Бок оставил в своём прямом подчинении, не передавая его в 3-ю армию, т.е. корпус выступал в качестве подвижной ударной группировки ГА «Север» [56; 255], [68; 19 – 20].

9 сентября последовала директива ОКХ, которая окончательно объявляла приоритетом действий обеих групп армий разгром отошедших за Вислу польских войск:

«Войска противника, отходящие за Вислу, должны быть уничтожены двойным охватом восточнее Вислы... На восточном фланге группы армий “Север” необходимо вести подвижные силы с таким расчётом, чтобы в последующем было возможно их взаимодействие с группой армий “Юг” восточнее Буга» [56; 255].

Выполняя директивы командования группы и ОКХ, 3-я и 4-я армии стремились развить наступление. Генерал Гу-

дериан при этом явился «возмутился спокойствия». Дело в том, что вопреки приказу фон Бока, который предполагал движение XIX моторизованного корпуса строго в южном направлении, Гудериан усиленно забирал влево, т.е. на юго-восток, в направлении Бреста. Несмотря на то, что его действия вступили в противоречие с приказами командования ГА «Север», Гудериан продолжал держаться выбранного им направления наступления и, в конечном итоге, как мы помним, занял Брест. Однако это будет несколькими днями позже. Пока же его подвижная группа частями переправлялась через Нарев и пыталась продвигаться вперёд, отбивая контратаки Сувалкской кавалерийской бригады. Конечно, остановить движение бронированных частей польские кавалеристы не могли. В конечном итоге, главные силы XIX моторизованного корпуса начали стремительное движение вдоль восточного берега Буга, отбрасывая и уничтожая пытавшиеся их остановить незначительные польские силы. Тем самым подвижная группа глубоко охватывала с востока продолжавшие сражаться на Нареве и Буге войска поляков. Одновременно 3-я армия, форсировав Буг, наступала на Варшаву с севера-востока силами пехотных дивизий и танковой дивизии «Кемпф». При этом если основная часть пехотных дивизий армии была на Варшаву с северо-востока примерно по прямой, то две пехотные дивизии и танковая дивизия «Кемпф» наступали с широким отклонением на восток, в направлении Седлец. Это означало, что охват района Варшавы

с северо-востока и востока становился многослойным. Чем грозило данное обстоятельство польской столице и её защитникам, понятно – с этих направлений им уже приготовили хороший «котёл». Седлец был захвачен немцами 11 сентября, после чего захватившая его группировка осуществила разворот в юго-западном направлении, выполняя директиву ОКХ на соединение с силами группы армий «Юг» [56; 255 – 256].

С северо-запада к Варшаве приближались войска 4-й армии. Её II армейский корпус, форсировав реку Дрвенца, занял Серпец, Поцк и вышел к Модлину, который поляки удержали и продолжали в нём яростно обороняться. III армейский корпус 4-й армии, преследуя отходящие части польских армий «Поможе» и «Познань», к 11 сентября вышел на линию Влоцлаvek – Коло [56; 256].

В период с 9 по 18 сентября западнее Варшавы развернулось одно из крупнейших сражений германо-польской войны – битва на Бзуре. С германской стороны участвовали в основном соединения 8-й и 10-й армий группы армий «Юг», с польской – уцелевшая часть сил армии «Поможе» и армия «Познань». О действиях ГА «Юг» будет рассказано отдельно. Сейчас же скажем, что события на Бзуре связали те силы польской армии, которые, в принципе, возможно было задействовать для сдерживания наступления ГА «Север» на Варшаву с северо-запада. Здесь немцам могли противостоять только силы армии «Модлин». С одной стороны, подоб-

ное положение дел позволяло командованию группы армий «Север» развивать свои успехи, а с другой – довольно свободно маневрировать наличными силами для решения оперативных задач.

11 сентября у Острова-Мазовецкого были окружены и к 13 сентября уничтожены части 18-й польской пехотной дивизии. 11 сентября войска XXI армейского корпуса 3-й армии захватили Бельск [56; 267].

13 сентября отдельно действующая в районе Данцигского залива протв 18-тысячной польской группировки, оборонявшей порты Хель и Гдыня, оперативная группа группы армий «Север» в составе 207-й пехотной дивизии и соединения «Данциг» (всего 38 тысяч человек) сумела прорваться к заливу, отрезать Хель от Гдыни и захватить Гдыню [56; 267 – 268].

В период с 13 по 16 сентября фон Бок проводил переподчинение и перегруппировки своих войск, что было отчасти его собственной инициативой, вызванной чрезмерным растягиванием фронта группы армий, а отчасти – следствием приказов ОКХ. Так, 14 сентября III армейский корпус был передан 8-й армии группы армий «Юг» в связи с событиями на Бзуре. 13 сентября фон Бок переподчинил II армейский корпус, входивший в 4-ю армию, 3-й армии своей группы, отдав, в свою очередь, в подчинение 4-й армии с 16 сентября XXI армейский и XIX моторизованный корпуса и группу «Бранд» [56; 267].

Тем временем соединения 3-й армии ГА «Север» продвинулись по восточному берегу Вислы от Модлина до устья реки Пилица. Ими были заняты Миньск-Мазовецкий, Гарволин, Отвоцк, плотно блокирован гарнизон Модлина и с севера, северо-востока, востока и юго-востока – гарнизон Варшавы [56; 267].

Поляки сделали «невнятную» (иное слово подобрать трудно, разве ещё более резкое – «бестолковую») по её организации и проведению попытку отбить Миньск-Мазовецкий⁴⁹. Для этой цели была создана так называемая оперативная группа Андерса. Бригада поручика Ежи Климовского, мемуары которого мы уже цитировали немного выше, оказалась включена в эту оперативную группу. Вот как в описании Е. Климовского выглядит попытка наступления поляков на Миньск-Мазовецкий:

«В таком плачевном состоянии⁵⁰ мы вскоре были включе-

---

⁴⁹ Попытка отбить Миньск-Мазовецкий, помимо своей «невнятности» в смысле организации и проведения, ничего не решала и в принципе. Очевидно, она была вызвана стремлением польского командования не допустить полного блокирования Варшавы. По всей видимости, это командование рассчитывало на сохранение свободного коридора хотя бы с юго-востока от столицы. Потому и отреагировало так судорожно и резко на захват Миньска-Мазовецкого 3-й армией группы армий «Север». Но к моменту занятия Миньска-Мазовецкого немцами Варшава была отрезана от восточных районов страны и значительно восточнее этого города. Другими словами, даже если бы попытка поляков обеспечить себе посредством отбития у немцев Миньска-Мазовецкого коридор на юго-восток и оказалась удачной, то длинным этот коридор всё равно не был бы – восточнее он вновь оказался бы перерезан.

⁵⁰ О плачевном состоянии своей бригады Е. Климовский пишет следующее: «В

ны в группу генерала Андерса.

“Оперативная группа” Андерса, перед которой была поставлена задача оборонять Вислу южнее Варшавы, собственно говоря, никогда до конца так и не была сформирована. Группа фактически состояла из Барановической кавалерийской бригады, командиром которой являлся Андерс, Вольнской кавалерийской бригады (командир – полковник Филиппович), а также несуществующей Кресовой бригады полковника Гробицкого. Штаб оперативной группы во главе с Андерсом находился под Вяззовной.

12-го утром наша бригада получила приказ прикрывать тыл группы Андерса, которая должна была нанести удар по Миньску-мазовецки и одновременно оборонять Вислу под Отвоцком. Но те, кто отдавал приказ, упустили из виду одну деталь, – забыли, что бригады практически не существует.

Отвоцке всю бригаду представляли восемь офицеров командования, несколько офицеров запаса и небольшое число унтер-офицеров. Из средств передвижения уцелели два легковых автомобиля и несколько десятков лошадей. От 20-го уланского полка остался только один взвод в составе тридцати конников. Остальные потерялись где-то в пути. 6-го кавалерийского полка вообще не существовало – он остался на месте, получив задачу прикрывать наш отход. Из состава 22-го полка уцелел неполный эскадрон. 1-й кавалерийский полк КОП (КОП – корпус охраны пограничья – И.Д., В.С.) вообще невозможно было разыскать, от дивизиона конной артиллерии, от бронемашин и зенитной артиллерии не осталось и следа. То же самое произошло с эскадронами связи и разведывательным, которые пропали неизвестно куда и когда. Принимались меры к розыску 1-го полка КОП. У нас имелись непроверенные данные, что он находится где-то недалеко» [41; 23 – 24].

Выполнение приказа выглядело так: всё, что было способно двигаться, было сведено в походную колонну, которой с не большим интервалом надлежало следовать по шоссе за частями, имевшими задачу осуществить удар по Миньску-Мазовецки. Около 22 часов того же дня мы тронулись все вместе, единой и единственной колонной в составе двух легковых автомобилей, одного военного вездехода, одной грузовой автомашины и около ста всадников. Чуть поодаль за нами следовали тридцать конных повозок бригады. Общее направление движения – за группой генерала Андерса.

Вылазка в направлении Миньска-Мазовецки полностью провалилась.

Мы вынуждены были отступить на Люблин» [41; 24 – 25].

Этот чрезвычайно плохо организованный удар поляков на Миньск-Мазовецкий не оказал практически никакого воздействия на наступление 3-й армии группы армий «Север». Оно продолжало успешно развиваться – центр и правый фланг армии сжимали кольцо вокруг Варшавы (с севера, северо-востока, востока и юго-востока), а левый её фланг, наступая значительно восточнее, 15 сентября занял Белосток [56; 267].

Левифланговая подвижная группировка ГА «Север», состоявшая в прямом подчинении фон Бока и включавшая XIX моторизованный корпус и приданные ему для усиления 10-ю танковую дивизию и группу «Бранд», уже 12 сентяб-

ря заняла Высоко-Литовск, а 14 сентября – Брест. Однако в Брестской крепости находился гарнизон под командованием генерала К. Плиссовского. 15-го этот гарнизон отразил попытку солдат Гудериана овладеть крепостью. Тогда 16 сентября немцы посвятили артиллерийскому обстрелу и бомбардировке крепости с воздуха. С утра 17 сентября начался новый штурм. За день немцам удалось овладеть лишь частью крепостных валов. Но в ночь с 17 на 18-е число польский гарнизон, понёсший большие потери, покинул крепость через Тереспольские ворота. Утром, установив, что крепость оставлена, немцы заняли её [56; 268].

Фон Бок, проведя переподчинение командованию 4-й армии XXI армейского корпуса 3-й армии и отдав ему в подчинение подвижную группировку Гудериана, приказал командующему 4-й армией организовать наступление в восточном направлении с ближайшей задачей выйти на линию Волковыск – Гродно (150 километров от советской границы). Причём, танковым и моторизованным частям Гудериана ставились ещё более глубокие задачи – они должны были на широком пространстве достичь линии Барановичи – Ковель (это означало приближение к тогдашним границам СССР на 50 километров). Выполняя приказ, подчинённые Гудериану войска двинулись на Кобрин (2-я моторизованная дивизия) и Влодаву (3-я танковая дивизия). Последний населённый пункт был занят немцами уже 16 сентября. Передовые отряды 3-й тд вышли к Любомлю [56; 268 – 269].

Таким образом, к исходу боевого дня 16 сентября войска 4-й армии группы армий «Север» достигли линии Осовец – Белосток – Бельск – Каменец-Литовск – Брест-Литовск – Влодава, удалённой от советской границы на 150 – 250 километров. Далее к югу на линию Владимир-Вольнский – Замосць – Львов – Самбор вышли войска группы армий «Юг» [56; 270].

ГА «Север» располагала на указанной линии семью дивизиями и одной оперативной группой: 3-й и 10-й танковыми, 20-й и 2-й моторизованными, 21, 23-й и 206-й пехотными дивизиями и опергруппой «Бранд» [56; 270].

Германское командование не собиралось останавливать продвижение своих войск (о приказе по ГА «Север» выше уже было сказано). С учётом того, что перед ГА «Север» никакого организованного польского фронта уже не было, и немецкие танковые и моторизованные группировки проходили по 25 – 30 километров в сутки, практически не встречая сопротивления, захватить Западную Белоруссию и северные районы Западной Украины войска фон Бока могли за 4 – 8 суток, подойдя при этом вплотную к границам СССР [56; 270].

Но в 2.00 17 сентября германское командование было информировано о вступлении на территорию Польши Красной Армии и в 7.00 приказало своим войскам *«остановиться на линии Сколе – Львов – Владимир-Вольнский – Брест – Белосток»* [56; 270].

О событиях, последовавших после вступления войск РК-КА в Западные Белоруссию и Украину, мы подробно рассказывали в предыдущей части книги.

На тот момент германская армия практически полностью сломила организованное сопротивление поляков. Сражение на Бзуре завершалось. Держались Варшава, Модлин, Хель и Коцк (севернее Люблина).

Штурм и взятие Варшавы (польский гарнизон капитулировал 28 сентября) были осуществлены в основном силами группы армий «Юг» (8-й и отчасти 10-й её армиями). I армейский корпус 3-й армии группы армий «Север» занял только предместье Варшавы Прагу [56; 275].

А вот в штурме Модлина войска ГА «Север» (II армейского корпуса 3-й армии) приняли самое активное участие.

Блокированным со всех сторон Модлин был уже с 13 сентября. Но, по все видимости, блокада плотной не была, ибо в крепость периодически пробивались подразделения и части армий «Лодзь», «Познань», «Модлин», причём, зачастую с артиллерией и даже бронетехникой [61; 2]. Сколько-нибудь серьёзных попыток штурма немцами до 18-го числа предпринято не было [56; 275], [61; 2].

Действия немцев под Модлином становятся интенсивными с 17 сентября. К этой дате немецкие войска практически завершили разгром поляков в битве на Бзуре, что и позволило германскому командованию направить сначала значительные силы авиации, а затем и дополнительные сухопут-

ные войска на штурм крепости.

17 сентября были произведены первые масштабные авианалёты на Модлин. в них участвовало до 100 самолётов [61; 2]. На следующий день в бомбовых ударах по городу приняли участие уже 550 самолётов. Начался мощный артобстрел города и оборонительных позиций польских войск, после которого немецкие войска предприняли попытку штурма крепостных укреплений. Но 18 сентября все атаки немцев были отражены. Более того, польский гарнизон 19 сентября предпринял вылазку в районе Нового Двора.

К 22 сентября германцы перебросили под Модлин два корпуса из состава группы армий «Юг», одним из которых был XV моторизованный корпус 10-й армии под командованием генерала Гота, а также значительные силы крупнокалиберной артиллерии. После этого попытки штурма крепости предпринимали две немецкие группировки – одна с юга, состоявшая из войск группы армий «Юг», и вторая – с севера, состоявшая из войск 3-й армии группы армий «Север».

С 24 сентября немцы начали очередной этап штурма Модлина, сопровождавшийся массированной артиллерийской и авиационной обработкой крепостных укреплений и города [56; 275]. Нехватка боеприпасов, продовольствия, медикаментов, большие потери в частях и среди мирного населения, а также, очевидно, весть о сдаче Варшавы вынудили командующего гарнизоном Модлина генерала Томме 29 сентября капитулировать. Около 30 тысяч солдат гарнизона сда-

лись в плен [37; 29], [46; 40], [56; 275], [61; 2], [74; 32].

Последней крупномасштабной операцией войск группы армий «Север» явилось овладение косой Хель, на которой продолжали держаться польские войска. Отдельная оперативная группа ГА «Север», взявшая 13 сентября город Гдыню, до 19-го числа вела бои за порт Гдыни, который удерживался польским гарнизоном. 19 сентября у поляков, оборонявших порт, закончились боеприпасы. Командовавший польским гарнизоном полковник Домбек отдал приказ о сдаче, а сам застрелился [56; 268].

Что касается польских частей, отрезанных от Гдыни и заблокированных на косе Хель, то активных действий против них немцы практически не вели до 29 сентября в силу недостаточности сил для этого, ограничиваясь блокадой косы. Польский гарнизон, конечно, использовал данное ему время для укрепления своих позиций. К концу сентября оперативная группа ГА «Север», действовавшая в районе Данцигского залива, получила подкрепления, что позволило ей 29 сентября начать штурм косы Хель. В ходе двухдневных ожесточённых боёв германским войскам удалось прорвать несколько оборонительных рубежей поляков и к 1 октября занять примерно 1/3 территории косы, после чего возглавлявший польскую оборону контр-адмирал Унруг счёл возможности для борьбы исчерпанными. 2 октября гарнизон косы Хель капитулировал. В плен к немцам попало около 4,5 тысяч польских солдат и офицеров [37; 31], [46; 41], [56; 275], [68;

* * *

По мнению Манштейна, важнейшими этапами Польской кампании для группы армий «Юг», штаб которой он возглавлял, явились следующие:

«– тяжёлые пограничные бои и вслед за тем стремительное преследование разбитого противника силами 14-й в Галиции, которое вывело её к Лембергу (Львов) и за рубеж реки Сан;

– прорыв 10-й армии к Висле и сражение с попавшим в окружение противником у Радома;

– сражение на Бзуре, во время которого силами 8-й и 10-й армий под непосредственным руководством штаба группы армий была разгромлена крупнейшая группировка противника;

– наступление на Варшаву и, наконец, заключительные бои, явившиеся следствием затяжки переговоров о заключении соглашения между руководящими политическими деятелями Германии и вступившими между тем в Восточную Польшу Советами, которые 17 сентября перешли польскую границу⁵¹ (выделено нами – И.Д., В.С.)»

⁵¹ Убедительно просим читателя обратить внимание на выделенный нами фрагмент текста мемуаров Манштейна. Любопытную выделенные слова рисуют картину. Картину, которая в очередной раз «рубит на корню» постулаты наших «демократических» авторов: 1) об «ударе в спину», который Советский Союз

[52; 38 – 39].

Манштейну, как начальнику штаба группы армий «Юг», безусловно, видней, какие этапы её действий в ходе Польской кампании считать наиболее важными. Поэтому в своём описании действий ГА «Юг» последуем этапам, определённым Манштейном. Это, как представляется, будет логично и правильно.

«Первые бои, которые завязала 14-я армия, в частности 8-й Силезский ак, за польские пограничные укрепления, – пишет Манштейн, – сложились для нас весьма тяжело. Но в основном судьба этого пограничного сражения была реше-

---

нанёс сражающейся Польше, и 2) о союзническом взаимодействии РККА и вермахта в Польше. Так вот, по мнению Манштейна, получается, что если бы не вступление войск Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину, то вермахт покончил бы с остатками польского сопротивления значительно быстрее, т.е. наша армия помешала немцам воевать. Собственно, излагаемые нами в главах III и VII данной книги факты прекрасно подтверждают и иллюстрируют эту мысль Манштейна. Ну, а из подобной мысли сам собой вытекает вывод – никаким союзником для вермахта РККА в сентябре – начале октября 1939 года не являлась. Очень и ёмко подобное положение вещей охарактеризовал современный российский автор Ю. Лебедев, который пишет: *«... Удар в спину возможен при неприменном наличии двух вещей – спины и удара, и если хоть одна из них отсутствует, то подобные действия надо называть как-то по-другому. ... Спины не было, к 17 сентября Польша была повержена, и никаких перспектив для дальнейшего успешного сопротивления агрессору не просматривалось... .. Размахнулись мы хорошо (т.е. войска РККА – И.Д., В.С.), а вот ударить, в виду отсутствия у противника желания принять удар, не пришлось»* [46; 27, 32, 34]. И, собственно, навредила-то Красная Армия своим вмешательством только вермахту, о чём Манштейн недвусмысленно и заявил в своих мемуарах. Обидней всего для наших «демократов», что «на корню рубит» их утверждения их же кумир – Манштейн.

на в оперативном отношении охватывающим манёвром со стороны Карпат...» [52; 39 – 40].

На направлении главного удара 14-й армии ей противостояли войска центра и левого фланга польской армии «Краков». В этой полосе немцы имели 9,3 эквивалентных дивизий, 152 419 человек, 1 583 орудия и миномёта и 699 танков, поляки – 4 эквивалентных дивизии, 89 360 человек, 369 орудий и миномётов и 85 танков [56; 221]. Таким образом, превосходство германских войск составляло: по эквивалентным дивизиям – 2,3:1, по людям – 1,7:1, по орудиям и миномётам – 4,3:1, по танкам – 8,2:1.

Но, несмотря на это внушительное преимущество, 1 сентября немцы прорвать польскую оборону не смогли. 2 сентября командование группы армий «Юг» ввело в сражение в полосе наступления 14-й армии XXII моторизованный корпус. Удар этого подвижного соединения пришёлся по стыку армий «Краков» и «Карпаты» и оказался успешным. Сокрушив польскую оборону, XXII мк начал продвижение по долине реки Чёрный Дунаец, вскоре пробился к Иорданову и двинулся на Тарнов [37; 23], [46; 20], [56; 228]. Одновременно южнее Катовице 5-й танковой дивизии VIII армейского корпуса немцев удалось разгромить 6-ю пехотную дивизию поляков, занимавшую позиции в центре расположения армии «Краков», и прорваться к Освенциму, находящемуся всего в 50 километрах от Кракова. С учётом того, что XVI моторизованный корпус 10-й армии немцев, нащупав-

ший брешь на стыке польских армий «Краков» и «Лодзь», стремительно обходил северный фланг армии «Краков», положение последней становилось критическим [37; 23], [46; 20], [56; 227 – 228]. В этих условиях её командующий генерал Шиллинг уже в 14.30 2 сентября запросил у Рыдз-Смиглы разрешение на отход, оставление Силезии и сосредоточение армии ближе к Кракову [56; 229]. Маршал немедленно дал согласие. Фактически отходившая армия Шиллинга получила официальный приказ на отступление. Однако через полтора часа Верховный главнокомандующий Войска Польского изменил своё решение, приказал приостановить отход на сутки, создать резервы из войск, снятых с менее угрожаемых участков, и использовать эти резервы там, где положение было наиболее тяжёлым [56; 229].

Смысла подобные метания Рыдз-Смиглы не имели никакого. Мало того, что сколько-нибудь существенных резервов Шиллинг собрать не смог бы, он ещё не был в состоянии залатать ими те «дыры», которые наделали в расположении его армии немцы. Ведь прорывы были произведены механизированными соединениями, стремительно их расширявшими и углублявшими. И угнаться за ними пехотным или даже кавалерийским частям, снятым с передовой, было нереально. «Латание дыр» могли попытаться произвести резервы, подошедшие из тыловых районов армии. Но таковых у Шиллинга, как, собственно, и у всех без исключения польских командармов, попросту не было – следствие желания

польского командования прикрыть всё и вся. Кроме того, когда Рыдз-Смиглы пошёл на попятную и отменил приказ на отступление армии «Краков», она уже вовсю отступала несколько часов. Остановить этот отход, проходящий под ударами следующих по пятам немцев, было попросту нереально.

Надо полагать, что Шиллинг пережил два крайне неприятных часа в своей жизни – он не мог не принять к исполнению приказ главнокомандующего, но и выполнить его было попросту невозможно.

В 18.00 2 сентября Рыдз-Смиглы снова переменял своё решение – отступление армии «Краков» опять санкционировалось. Шиллинг поспешил довести до своих отходящих войск этот новый приказ Верховного командования. Однако, Надо полагать, что за истекшие часы он более полно уяснил всю критичность их положения, потому что в отданном им приказе о стягивании к Кракову, а, стало быть, попытках его оборонять, не говорилось ни слова. Шиллинг приказал отступать к востоку и юго-востоку за линию рек Нида и Дунаец (на 100 – 170 километров) [46; 20], [56; 229].

Что означал этот приказ?

С одной стороны, его отдача позволила армии «Краков» избежать окружения в Силезии, под Краковом. В «Утерянных победах» Манштейн пишет:

«... Намеченное окружение группировки противника в районе Кракова не удалось осуществить, так как противник,

осознав угрожающую ему опасность, оставил Западную Галицию» [52; 40].

Но, с другой стороны, спасая (на время) армию «Краков», это приказ, по сути, ликвидировал южный участок польского фронта, который, согласно первоначальным замыслам польского командования, рассматривался как его опора. «Повисали в воздухе» южные фланги армий «Лодзь» и «Прусы». Оборона первой на главных оборонительных позициях по рекам Видавка и Варта становилась невозможной и, по воле, она тоже должна была начать отход. Что же касается резервной армии «Прусы», на которую польское командование возлагало большие надежды, то она, оказавшись обойдённой с южного фланга и тыла немецкими войсками, вообще попросту растворилась в гуще событий из-за поднявшейся паники и разноречивых приказов штабов различных уровне. Единственный резерв польской армии перестал существовать, не оказав абсолютно никакого влияния на ход кампании [37; 23], [46; 21], [56; 229].

В сущности, не отдай генерал Шиллинг такого приказа, результат для всего польского фронта оказался бы тот же, только с Краковским «котлом». Но и уход армии «Краков» из Силезии ничего не изменил в её собственной конечной судьбе – она оказалась, в итоге, разгромленной. Немцы, получив возможность продвижения в южные и юго-восточные районы Польши, прекрасно ей воспользовались. Как отмечает Манштейн, *«его (противника – И.Д., В.С.) главные силы*

были всё же разбиты уже в этих первых боях, **а главным образом** (выделено нами – И.Д., В.С.) в ходе осуществлявшегося после этих боёв стремительного преследования, во время которого 22-му тк (т.е. XXII моторизованному корпусу – И.Д., В.С.) удалось пресечь путь отступающему противнику» [52; 40].

Действительно, отступающим пехотным формированиям очень трудно оторваться и уйти от преследующих их подвижных соединений, да ещё при полном господстве в воздухе авиации противника, которая очень замедляет и без того небыстрое отступление пехоты. К тому же поляки не просто пытались убежать от немцев, а вели ожесточённые арьергардные бои.

К вечеру 3 сентября в штабе группы армий «Юг» сложилось мнение, что отступление поляков вызвано оперативными соображениями, а вовсе не безнадёжностью ситуации, в которой оказалась армия «Краков». Рундштедт и Манштейн полагали, что польское командование ввело в действие только часть своих сил и оказывать решительное сопротивление в приграничном районе войскам ГА «Юг» не собирается. Возникло опасение, что поляки сумеют избежать сражения западнее Вислы и Сана, выйдут из-под охватывающих ударов и сорвут тем самым весь германский стратегический замысел. Поэтому вечером 3 сентября Рундштедт отдал приказ всем армиям своей группы *«быстрым продвижением всех частей вынудить противника к сражению впереди Вислы и*

Сана, разбить образующиеся группировки. При этом возникает необходимость скорее добиться окончательного решения, не упуская из виду, что цель армий состоит в том, чтобы скорее продвинуться за Вислу и Сан» [56; 230].

Однако упорное сопротивление польской армии «Лодзь», которое сильно тормозило наступление 10-й армии ГА «Юг» (подробнее об этом – ниже), – с одной стороны, и, в общем-то, довольно стремительный отход армии «Краков» – с другой, уже на следующий день, 4 сентября, заставили штаб группы армий «Юг» пересмотреть своё мнение относительно возможности решающего сражения с противостоящими войсками поляков и их окружения к западу от Вислы и Сана. Становилось ясно, что охватывающие удары срываются. Рундштедт и Манштейн решили отказаться от попыток окружить армию «Краков» в Силезии и бросить 14-ю армию во фронтальное преследование за Сан с целью попытаться охватить польскую группировку с юга уже за Вислой и Саном. Новый план командования группы предполагал нанесение 14-й армией глубокого удара на северо-восток, через Дунаец, в направлении Люблина, тогда как прежний ставил задачу нанесения основного удара к северу – на Краков. Теперь краковское направление становилось для 14-й армии вспомогательным [56; 234].

Весьма неожиданно против нового плана действий стал решительно возражать её командующий генерал Лист. Конфликт между армейским и групповым командованием, оче-

видно, принял довольно серьёзный характер, потому что в него вмешалось ОКХ. Во второй половине дня 5 сентября Браухич направил в штаб ГА «Юг» директиву следующего содержания: *«ОКХ приказывает подвижные соединения 14-й армии направить возможно скорее в северо-восточном направлении восточнее Вислы, на Люблин. Соединение на Краков (имеется в виду предполагавшееся первоначально соединение в районе Кракова трёх корпусов 14-й армии – XVIII ак, XXII мк, XVII ак [52; 39]) не входит в намерение ОКХ»* [56; 234].

После такого категорического приказа главнокомандующего Сухопутными войсками вермахта генералу Листу не оставалось ничего иного, как приступить к реализации нового замысла штаба группы армий «Юг».

Главные силы группы армий «Юг» переориентировали направление своего удара к востоку. В их задачу входило продвинуться через Тарнув к переправам Нижнего Сана. На острие этого удара должен был находиться XXII моторизованный корпус. В то же время XVIII армейский корпус получил задачу провести более глубокий охват польских войск из района Дуклинского перевала, нанося удар на Новы-Сонч. Командование группы армий «Юг» отдало приказ XVIII армейскому корпусу двигаться к Дуклинскому перевалу и там пересечь польскую границу ещё по результатам боевого дня 2 сентября. Это вполне соответствовало первоначальным замыслам штаба группы, согласно которым XVIII ак наносил

«удар восточнее Высокой Татры через долину Попрад и Ней-Сандец (Новы-Сонч) на Бохню (западнее Тарнува), с целью прорыва и выхода в тыл противнику в районе Кракова» [52; 39]. Однако 5 сентября в духе изменившегося плана действий 14-й армии претерпели изменения и задачи XVIII армейского корпуса. Удар через Дуклю на Новы-Сонч в числе этих задач оставался, но вот затем корпус развивал наступление не в северо-западном направлении – к Кракову, а в северо-восточном – к низовьям Сана, на Санок, и далее – на Львов [56; 235].

Движение на Краков теперь должен был осуществлять один XVII армейский корпус, который и занял без боя оставленный польскими войсками город 6 сентября [46; 24], [56; 235], [68; 6].

В это же день XXII моторизованный корпус занял Тарнув и, перейдя в его районе Дунаец, развернулся на восток с целью развития наступления на Жешув [56; 235].

XVIII армейский корпус 6 сентября занял Новы-Сонч, форсировал Дунаец и подошёл к Горлице [56; 235].

Выше, рассказывая о боевых действиях германской группы армий «Север», мы уже упоминали, что к 6 сентября ОКХ пришло к выводу о нереальности плана окружения главных сил польской армии западнее Вислы. Упоминалась нами и директива ОКХ от 6 сентября, в которой ставились новые задачи группам армий и входящим в них армиям. Лейтмотивом директивы являлась мысль о недопущении создания

поляками нового оборонительного рубежа по Висле, Нареву, Бугу и Сану. 14-я армия ГА «Юг» получала в директиве задачу удара через Сан в общем направлении на Люблин [37; 27, 28], [56; 251].

В развитие данной директивы ОКХ штаб группы армий «Юг» 7 сентября издал приказ, согласно которому корпуса все корпуса группы армий получали задачу преследовать поляков с максимальным напряжением. Рундштедт и Манштейн полагали, что к западу от Вислы поляки уже полностью отказались от борьбы⁵². Причём, командование группы сосредоточивало всё больше усилий на южном фланге группы, т.е. как раз в полосе наступления 14-й армии генерала Листа, полагая быстрым преследованием отступающих здесь поляков не только воспрепятствовать созданию нового польского фронта по Сану, но и в определённой степени облегчить 10-й и 8-й армиям предстоящую им переправу через Вислу [56; 256].

Выполняя приказ группового командования, 14-я армия

---

⁵² События, связанные с битвой на Бзуре, показали, что как ОКХ, так и командование ГА «Юг» ошиблись. Однако удар поляков на Бзуре был чистой импровизацией. поэтому упрекать германское командование различных уровней в том, что оно не разгадало замысел польского командования, нельзя. Думать за противника – дело неблагодарное. Но вот в чём действительно штаб ГА «Юг» допустил ошибку (а вслед за ним и ОКХ), так это в оценке наличных сил польской армии на западном берегу Вислы, что может говорить о неудовлетворительной работе армейской разведки у немцев. Это ещё одно подтверждение того, что не столь хороши были германские войска в Польскую кампанию, сколь плохи оказались поляки.

широким фронтом стремительно двинулась к Сану.

Её левофланговый VIII армейский корпус, который по предыдущему варианту плана должен был севернее Вислы наносить удар на Варшаву, форсировав Вислу у Опатовца, двинулся на восток. XXII моторизованный корпус 11 сентября занял Ярослав. Вслед за ним, развернувшись после взятия Кракова на восток, двигался XVII армейский корпус. Крайним справа наступал XVIII армейский корпус. Заняв Новы-Сонч, он форсировал Сан у Санока и к 11 сентября достиг верховий Днестра [37; 28], [52; 39], [56; 256]. Удары XXII моторизованного и XVIII армейского корпусов сходились в районе Львова.

Первой к Львову вышла уже 12 сентября 4-я легкопехотная дивизия из состава XVIII армейского корпуса, совершив бросок к городу из района Самбора. На следующий день немцы предприняли попытку штурма. Им удалось занять главный вокзал, но на этом их успехи закончились – польская оборона устояла. более того, поляки начали активно контратаковать. Ожесточённые бои 14 и 15 сентября привели к тому, что немцы вывели части 4-й лпд из города и отошли к северу, к Раве-Русской, блокировав Львов с этого направления [56; 269].

В общем, события по Львовом 15 сентября только начинались. Но Манштейн в свойственной ему манере «несколько передёргивать» факты не только объявил в своих мемуарах 15 сентября днём завершения (в основном) преследова-

ния противника войсками группы армий «Юг», хотя и оговорился, что группа восточнее Сана ещё и после вела ожесточённые бои с поляками, но и совершенно безапелляционно заявил, что в этот день войска ГА «Юг» заняли Лемберг, т.е. Львов [52; 40]. Львов немцами не был занят не только 15 сентября, но и в последующие дни тоже. Как мы помним, заняли его войска РККА 22 сентября 1939 года (см. главу III), а до этого поляки удерживали город.

Но Манштейн в мемуарах уже с 1939 года начинает подсчёт своих утерянных побед. И это ничего, что под Львовом войска группы армий «Юг», штаб которой Манштейн возглавлял, победы не одержали. Эту не существовавшую в реальности победу Манштейн также заносит в список своих утраченных (не по его вине утраченных, конечно):

«В ходе этих боёв неожиданно поступило указание Верховного главнокомандования передать Советам Лемберг (Львов), который только что капитулировал в результате действий 14-й армии, и отойти по всему фронту, занимаемому группой армий, на линию, согласованную между фон Риббентропом и Советами. Она проходила от перевала Ущок к Перемышлю и затем вдоль Сана и Вислы до пункта севернее Варшавы. Таким образом, все бои по ту сторону Сана и Вислы для группы армий были бесполезными и вели только к выгоде для Советов!» [52; 52].

Итак, политическое руководство Германии и пляшущее под его дудку ОКХ лишили Манштейна его победы – этот те-

зис будет повторяться на протяжении всех мемуаров фельд-маршала (конечно, утерянные победы будут уже другими). В общем, по поводу данного пассажа Манштейна, который, впрочем, весьма характерен для книги его воспоминаний по причине не только не совсем точного, мягко говоря, изложения фактов, но и указания виновников утраты достигнутого им, Манштейном, успеха, хотелось бы сказать словами современного российского историка Н.В. Лебедева: «... *Насколько были правы те из фронтовиков, кто запустил в оборот фразу “врёт как Манштейн”*» [45; 123].

Однако вернёмся к событиям в полосе наступления группы армий «Юг».

Основные силы XVIII армейского корпуса 14 сентября заняли Перемышль, Самбор и двинулись к Львову. 15 сентября к городу с юга подошла 1-я горнопехотная дивизия. В этот же день с запада Львов был блокирован 45-й пехотной дивизией XVII армейского корпуса [56; 269].

Таким образом, к 16 сентября Львов был блокирован немцами с трёх сторон – юга, севера и запада. Собственно, этим и ограничились успехи войск ГА «Юг» под Львовом.

XXII моторизованный корпус, заняв Яворов, по приказу командования группы развернулся на севере и повёл наступление на Раву-Русскую и Томашув-Любельский, который занял 13 сентября. Далее его удар развивался на Замосць, Грубешув и Владимир-Волынский. Передовые отряды корпуса вошли в эти города 16 сентября. В этот же день ещё один пе-

редовой отряд XXII мк подошёл к Любомлю, где соединился с войсками 4-й армии группы армий «Север». Это была крайняя северная точка, достигнутая войсками группы армий «Юг» входе Польской кампании [56; 269].

Левифланговый VIII армейский корпус, форсировав Сан, столкнулся в районе Тарнограда с польской оперативной группой «Пискор» [56; 269].

Из войск группы армий «Юг» именно войска 14-й армии генерала Листа оказались наиболее далеко зашедшими на восток. Это именно они стояли к концу боевого дня 16 сентября на линии Владимир-Волынский – Замосць – Львов – Самбор, на которой войскам ГА «Юг», согласно приказу командования Сухопутных сил вермахта от 2.00 17 сентября, надлежало остановиться [56; 270].

В течение 17 – 19 сентября соединения 14-й армии подтягивались к указанной линии, одновременно ведя бои с остатками польских войск в этих районах.

VIII армейский корпус совместно с VII армейским корпусом, приданным группе армий «Юг», окружили в районе Томашува-Любельского польскую оперативную группу «Пискор», заставив её капитулировать 20 сентября [56; 270].

Части XVII и XVIII армейских корпусов вышли на линию Рава-Русская – Львов, взяв в кольцо в районе Жолквы остатки польской армии «Малопольска». Здесь поляки сложили оружие 19 сентября [56; 270].

Соединения XXII моторизованного корпуса неспешно от-

тягивались к Самбору, куда подошла и 5-я танковая дивизия. К 19 сентября эти войска несколько продвинулись на юго-восток, заняли Борислав и Стрый. Это было последнее продвижение войск вермахта в восточном направлении. 19 сентября немецкие войска по приказу ОКХ были остановлены окончательно, в том числе и 14-я армия группы армий «Юг».

О событиях, связанных с передвижением германской армии к демаркационным линиям, определённым московскими протоколами от 21 сентября и 2 октября 1939 года, мы уже рассказывали в главе III данной книги. Сейчас лишь заметим, что именно в ходе движения войск группы армий «Юг» к линии демаркации, обозначенной протоколом от 21 сентября, произошли последние серьёзные боестолкновения 14-й армии с польскими войсками. Речь идёт о довольно напряжённых боях, которые вели части VII и VIII армейских корпусов в период с 21 по 24 сентября в районе Томашува-Любельского с группой польских войск под командованием генерала Домб-Бернацкого. Об этих событиях также уже шла речь в главе III, поэтому повторяться не будем, описывая их вновь. Однако обратим внимание читателя на то, какую оценку дал боям под Томашувом-Любельским Манштейн:

«Отход за Сан (вследствие передвижения к демаркационной линии, определённой московским протоколом от 21 сентября – И.Д., В.С.) привёл к прекращению боя с группировкой противника, насчитывавшей 2 – 3 дивизии и 1 – 2 кав-

лерийские бригады, которая с достойной восхищения храбростью, но без всякого учёта общей обстановки в свою очередь перешла в наступление и попыталась отрезать 7-му ак и 8-му ак пути отхода за Сан. И здесь снова возникли тяжёлые бои, которые явились лишь следствием политических манёвров между германским и советским правительствами» [52; 52 – 53].

Право, эти слова стоят того, чтобы их прокомментировать!

Итак, речь идёт именно о тех боях под Томашувом-Любельским, о которых авторы «демократического» толка говорят как о ярчайшем примере боевого взаимодействия вермахта и РККА в Польше. То, что они попросту лгут, было доказано нами на фактах. Но в данном случае их «хватает за руку», если можно так выразиться, сам Манштейн! Их кумир! В его воспоминаниях – ни слова о помощи Советов в уничтожении группировки Домб-Бернацкого. Наоборот – констатация того, что передвижение к демаркационной линии сделало для немцев эти бои более тяжёлыми. Т.е. речь идёт не о помощи советских войск, а чуть ли не о помехах с их стороны, которые они, правда, учинили германским войскам лишь самим фактом своего появления в указанном районе, а не какими-то активными действиями, направленными против германских войск. Конечно, всё это «сдобрено» у Манштейна очередной порцией обвинений в адрес политического руководства Рейха, которое только и делало уже

с 1939 года, что мешало ему, Манштейну, побеждать, обычным для него преувеличением сил противника (кстати, ясно, откуда «тащут» свои непомерно завышенные цифры оценки сил группы генерала Домб-Бернацкого авторы «Восточной Европы...» (см. главу III)) и даже неверной оценкой намерений противника, атаковавшего в направлении Томашува (поляки, очевидно, просто пытались прорваться в направлении румынской или венгерской границы, а вовсе не старались «без всякого учёта общей обстановки» переломить ход войны), но факт остаётся фактом – мемуары Манштейна камня на камне не оставляют от попыток наших доморощенных «демократов» привязать действия РККА и вермахта в Польше в сентябре 1939 года друг к другу, т.е. представить их, как взаимодействие двух союзных армий.

Если операции 14-й армии генерала Листа оказались в значительной степени автономными (в силу как того театра военных действий, где ей пришлось наступать, так и поведения польских войск перед её фронтом – самое «скоропостижное» отступление поляков в ходе приграничного сражения), то две другие армии группы армий «Юг» (10-я и 8-я) с самого начала кампании и до её конца действовали весьма взаимосвязано. Манштейн в своих мемуарах сам акцентирует на этом внимание, правда, опять не может удержаться, чтобы не покривить душой. Так, он пишет:

«Если в основу задачи 14-й армии наряду с уничтожением сил противника, находящихся в Западной Галиции, был по-

ложен замысел параллельного преследования противника, в результате которого должна была быть предотвращена любая его попытка остановиться для организации обороны за Вислой, то задачей обеих армий, наступавших из Силезии (т.е. 10-й и 8-й – И.Д., В.С.), было вынудить противника принять решительное сражение ещё до выхода на рубеж Вислы» [52; 40 – 41].

Здесь Манштейн противоречит не только общеизвестным фактам и документам Польской кампании вермахта, которые неоспоримо свидетельствуют, что задача на то самое параллельное преследование польских войск, которую Манштейн вменяет 14-й армии изначально, на самом деле явилась пересмотром первоначального плана её действий, но и самому себе, так как всего несколькими абзацами выше процитированного нами отрывка пишет о предполагавшемся окружении крупных сил польских войск в районе Кракова, т.е. на западном берегу Вислы, именно силами армии генерала Листа [52; 39]. Видимо, и спустя многие годы Манштейн испытывал чувство большой досады, вспоминая о срыве воплощения своих блестящих штабных наработок. Потому и старался представить вынужденную трансформацию первоначального плана как изначальноную задумку (мол, всё так и замышлялось).

Однако сейчас нас интересует не 14-я армия ГА «Юг», а действия её 10-й и 8-й армий.

10-й армии генерал-полковника Рейхенау, как мы пом-

ним, отводилась главная роль в наступлении группы армий «Юг». Это была наиболее сильная из армий группы, имевшая в своём составе три моторизованных корпуса (всего эта армия включала пять корпусов – V и XI армейские, XIV, XV и XVI моторизованные, за армией также следовали имевшие статус резерва группы армий VII армейский корпус и 62-я пехотная дивизия). Её задачей был удар в направлении Ченстохов – Варшава с целью *«разбить противостоящие слабые силы противника, чтобы достигнуть свободы оперативного манёвра в излучине Вислы, в районах Краков, Демблин, Варшава, Бзура»* [37; 17], [52; 41], [56; 208, 219].

8-я генерал-полковника Бласковица была значительно слабее своего южного соседа, т.е. 10-й армии. Имея в своём составе все два армейских корпуса (X и XIII)⁵³, армия решала задачу прикрытия северного фланга армии Рейхенау, нанося при этом удар на Лодзь [37; 17], [52; 41], [56; 208].

Т.е., как мы и отмечали выше, 10-я и 8-я армии, по сути, представляли единую группировку.

Этой группировке противостояли главные силы польской армии «Лодзь» и правый фланг армии «Краков» [56; 219], [68; 6].

К 1 сентября армия «Лодзь», которой предстояло перекрыть 100-километровую полосу, не успела закончить развёртывание на предназначенных ей позициях. Значительная

---

⁵³ В качестве резерва группы армий «Юг» за 8-й армией следовали 213-я и 221-я пехотные дивизии [52; 41], [56; 208].

часть её войск ещё находилась на марше [56; 219].

Не менее, если не более, растянутыми вдоль фронта обороны оказались и войска правого фланга армии «Краков» (как, впрочем, и вся армия «Краков»). Достаточно сказать, что правофланговая 7-я пехотная дивизия перекрывала полосу в 40 километров [56; 221].

Если рассматривать соотношение немецкой группировки 10-й и 8-й армий с противостоящей ей польской группировкой армий «Лодзь» и «Краков» на направлении главного удара немцев, то цифры для поляков получаются очень неутешительные. Германские войска имели здесь: эквивалентных дивизий – 20 1/3, людей – 451 044, орудий и миномётов – 3 863, танков – 1 084. Поляки могли им противопоставить: эквивалентных дивизий – 5, людей – 138 508, орудий и миномётов – 515, танков – 117. Таким образом, немцы превосходили поляков: по эквивалентным дивизиям – в 4,1 раза, по людям – в 3,3 раза, по орудиям и миномётам – в 7,5 раза, по танкам – в 9,3 раза [56; 219].

Легко представить, удар какой силы обрушился на польские войска.

И, тем не менее, ожесточённые бои первого дня войны принесли немцам успех только к вечеру, да и то не на всех участках. Пересёкшие рано утром польскую границу войска 10-й и 8-й армий повсеместно столкнулись с упорнейшим сопротивлением поляков. Особенно яростные бои завязались в центре полосы наступления 10-й армии, где на-

носил удар XVI моторизованный корпус. Его 4-я танковая дивизия с 8.00 в районе Мокра атаковала Волынскую кавалерийскую бригаду. Немецкий передовой отряд был отброшен уланским полком. Через два часа тот же уланский полк отразил артиллерийским огнём повторную танковую атаку⁵⁴. На поле боя осталось 12 немецких танков. Около полудня немецкие части вновь перешли в атаку. Причём, как и в предыдущих попытках атаковать, немцы шли вперёд без

---

⁵⁴ Очень характерная картина – польская кавалерия борется с немецкой бронетехникой посредством артиллерии, а не саблями и пиками в лихих и бестолковых конных атаках. Расхожие рассказы о храбрых, но туповатых польских кавалеристах, бросавшихся с шашками на немецкие танки – не более чем выдумка геббельсовской пропаганды, ставшая после войны легендой во многом благодаря стараниям польских романтиков от искусства и литературы. Занимавшийся изучением вопроса российский исследователь Ю. Е. Лебедев утверждает, что «в 1939 году польская кавалерия действительно совершила по крайней мере шесть атак в конном строю, однако только две из них отмечены присутствием на поле боя немецких броневых автомобилей (1 сентября под Кроянтами) и танков (19 сентября при Вульке Венгеловой), причём в обоих эпизодах непосредственной целью атакующих улан была не броневая техника противника» [46; 16]. Т.е. немецкая бронетехника появлялась на поле боя неожиданно для польских кавалеристов и, безусловно, наносила им большие потери. Даже если Ю.Е. Лебедев и ошибся в своих подсчётах, то всё равно не вызывает сомнения, что в основном польская кавалерия, как в последующем и советская, воевала с немцами в пешем строю, используя для борьбы с бронетехникой противника артиллерию и противотанковые ружья. По сути, кавалерия была просто более мобильной пехотой, использовавшей для ускорения своего передвижения не автомобили и бронетранспортеры, как мотопехота, а лошадей. Кстати, специалисты отмечают, что польские кавбригады «из-за своей мобильности в условиях болотисто-лесистой польской равнины и лучших, чем у пехоты, подготовки и вооружения, оказались наиболее эффективными соединениями Войска Польского» в этой кампании [46; 17].

всякой разведки расположения противника. Танки и пехота бросались в бой плотными массами. Была ли это самоуверенность немцев или сказывалось отсутствие боевого опыта у германских командиров? Возможно и то, и другое. Но как бы там ни было, поляки наказали немцев за их промахи – меткий артиллерийский и ружейно-пулемётный огонь заставил атакующих отступить с большими потерями. Потери самих поляков составили немногим более 100 человек и несколько разбитых орудий [56; 220].

Около 15.00 командование 4-й танковой дивизии возобновило фронтальные атаки позиций Волынской кавалерийской бригады поляков. И снова танки и мотопехота в чрезвычайно плотных боевых порядках попали под интенсивный артиллерийский и ружейно-пулемётный обстрел, снова понесли большие потери. Более того, командир польской кавбригады организовал контратаку⁵⁵, которая ввела немцев в замешательство. Дрогнула не только немецкая мотопехота, но и танкисты, также начавшие отступление, которое приобрело довольно хаотический характер. Во всяком случае, дело дошло даже до обстрелов своих [56; 220].

Командующий польской армией «Лодзь» генерал Румель докладывал в Главный штаб по результатам боевого дня 1 сентября о 150 немецких танках, которые остались на

---

⁵⁵ С учётом сказанного выше о действиях польской кавалерии в сентябре 1939 года, надо заметить, что неизвестно, в конном или пешем строю контратаковали кавалеристы Волынской бригады.

поле боя Волынской кавалерийской бригады с 4-й танковой дивизией немцев [56; 220]. Даже если Руммель и преувеличил успехи своих войск, то, всё-таки, большие потери немцев на этом участке фронта сомнений не вызывают.

Надо сказать, что к концу первого дня войны Руммель вполне мог быть оптимистично настроен – по всему фронту его армии «Лодзь» немецкие войска были отражены. Но от внимания командарма не ускользнули события южнее, на стыке с войсками армии «Краков». Вечером 1 сентября он информировал Главный штаб о большом скоплении немецких танков севернее Ченстохова и просил бомбить их авиацией [56; 222].

Кинувшийся прояснять обстановку с командующим армией «Краков» начальник Главного штаба генерал Стахевич получил малоутешительные известия – резервов у армии «Краков» для «латания» 8-километровой брешы между ней и армией «Лодзь» не было. Не имел этих резервов и Руммель (как, собственно, и все остальные польские командармы; «кризис резервов» – эта формулировка появилась в польском Главном штабе уже к концу дня 1 сентября [56; 219 – 220]). Выговор, который Стахевич учинил Шиллингу за «такие слабые резервы» [56; 222], ничего изменить не мог – резервы Шиллингу брать было неоткуда. Надо полагать, что и для Стахевича, и для Шиллинга к концу первого дня войны стала ясна перспектива немецкого танкового прорыва в районе Ченстохова. Но, как ни странно, подобного понима-

ния не было у Руммеля.

что же происходило на стыке левого фланга армии «Лодзь» и правого фланга армии «Краков» 1 сентября? В то время, как 4-я танковая дивизия XVI моторизованного корпуса 10-й армии растрачивала силы в лобовых атаках фронта Волынской кавалерийской бригады, 1-я танковая дивизия этого корпуса южнее нащупала незащищённый стык между двумя польскими армиями и начала втягиваться в него, продвигаясь севернее Ченстохова [56; 220].

В общем, итоги первого дня войны несколько обескуражили командование группы армий «Юг» – оно рассчитывало на большее. Особенно неприятным было практически топтание на месте главной ударной силы группы – 10-й армии. Тем не менее, продвижение 1-й танковой дивизии открывало для немецких войск большие перспективы.

Иным было настроение командующего польской армией «Лодзь» генерала Руммеля – результаты боёв 1 сентября вселяли в него оптимизм, даже несмотря на то, что он знал о концентрации немецких танковых сил в стыке между его армией и армией «Краков». Очевидно, он полагал, что стык это будет прикрыт, а польская авиация, о помощи которой он просил, нанесёт немецким танковым колоннам большой урон. Его доклад маршалу Рыдз-Смиглы, наряду с уже упоминавшимся сообщением о скоплении немецких танков севернее Ченстохова, содержал заявление о том, что *«с танками наши войска сражаются хорошо»* (что, в общем-то, было

верно), а также неверную оценку немецких сил, наступающих на фронте армии «Лодзь» – четыре – пять дивизий [56; 226 – 227].

Передался ли оптимистичный настрой Руммеля Верховному главнокомандующему, или просто Рыдз-Смиглы не мог оценить обстановку, но вечером 1 сентября его приказа на отвод армии «Лодзь» не последовало.

Однако уже утром следующего дня Рыдз-Смиглы пришёл к выводу, что армию Руммеля необходимо срочно отводить с передовых позиций на главные, расположенные по рекам Варте и Видавке. Не исключено, что маршал «прозрел» вследствие увещеваний генерала Стахевича. В 10.00 он отправляет Руммелю телеграфный приказ: *«...Не дать противнику опередить себя в достижении главной позиции на Варте и Видавке и возможно дольше её удерживать»* [56; 227].

Но воодушевлённый успехами предыдущего дня Руммель не торопился выполнять приказ главкома – он и его войска продолжали весьма успешно сражаться на передовых позициях [37; 23], [56; 227], [68; 7].

Только после полудня в штабе армии «Лодзь» стали понимать, в каком тяжёлом положении находится армия, и что ей грозит. Дело в том, что в это время штаб Руммеля получил известие, что немецкие танки уже появились в районе Каменска, который находится в 40 километрах северо-восточнее Ченстохова [56; 227].

Подобные новости подействовали на Руммеля как ушат холодной воды. Чудес не произошло – «ченстоховскую брешь» (именно такое название дали в польских штабах неприкрытому стыку между армиями «Лодзь» и «Краков») никто не «залатал», воздействие польской авиации (а такое действительно было) немецкие танки не только не остановило, но даже не замедлило их продвижения. Таким образом, механизированные германские части оказались уже в глубоком тылу польских войск. Более того, они даже выходили на основной оборонительный рубеж по реке Варта. Поэтому когда вечером 2 сентября обеспокоенный не на шутку Рыдз-Смиглы в категорической форме повторил приказ на отвод армии «Лодзь», Руммель без возражений поспешил его исполнить. В 20.30 последовало его распоряжение войскам армии: *«...Главными силами армии отойти в течение ночи за реки Варта и Видавка, где перейти к упорной обороне подготовленных позиций»* [56; 228].

В исторической литературе распространено мнение, что именно проволочка Руммеля с отступлением на главные оборонительные позиции по рекам Варта и Видавка значительно ухудшила положение польских войск [37; 23], [68; 7].

Однако позволим себе не согласиться с подобным утверждением исследователей.

На наш взгляд, задержка отступления армии «Лодзь» с передовых позиций принципиально не повлияла на складывающееся на фронте положение. Достаточно взглянуть на кар-

ту боевых действий, чтобы понять, что отступление армии Руммеля на главные оборонительные позиции никоим образом не предотвращало выход на Варту к югу от этих позиций немецких танковых сил. Немцы получали возможность свёртывания польской обороны по Варте и Видавке с юга в сочетании с лобовым ударом по ней с запада. Другими словами, армия «Лодзь», закрепившись она на основных позициях, очень рисковала – ей однозначно грозил мощный фланговый удар, и была не исключена также возможность образования «котла».

Корень проблемы был не в том, на каких позициях сражалась армия «Лодзь». Корень проблемы был в «ченстоховской брешии». Продвижение в ней немецких войск, в сущности, делало бесполезным и занятие армией Руммеля основных позиций по Варте и Виндавке.

Из-за изначальной ошибочности польского стратегического плана «Захуд» и генерал Руммель, и его южный сосед генерал Шиллинг оказались в патовой ситуации – какой ход не сделай – тебе мат.

В самом деле, Руммель дилемму «отступить – не отступить» утром 2 сентября решил в пользу второго варианта действий. Он не отступил, но и отступи он, в той ситуации ничего кардинально не изменилось бы.

Шиллинг 2 сентября, наоборот, сделал выбор в пользу отступления. Но, как мы показали выше, в условиях, когда немецкие моторизованные соединения развивали свой удар

на флангах его армии, да ещё и провали её центр, её нахождение в Силезии не вело ни к чему, кроме Краковского «котла», и положения севернее исправлено бы не было. Однако и отступление армию «Краков» тоже не спасло.

Единственное, что могло явиться довольно эффективной попыткой исправить положение, попыткой, которая имела хоть какой-то шанс на успех, было стремительное выдвижение на Ченстохов резервной армии «Прусы» из района Радома. Её удар мог, по крайней мере, приостановить немецкую танковую лавину в «ченстоховской брешии». В таком случае, закреплении армии «Лодзь» на Варте и Видавке получало смысл, ибо армия «Прусы» тогда прикрывала её южный фланг. Такой шаг позволял полякам выиграть время и сильно осложнил бы жизнь немцам. Но неповоротливость Верховного польского командования привела к тому, что армия «Прусы» вместо того, чтобы стать серьёзной проблемой для войск ГА «Юг», стала просто их жертвой (об этих событиях немного ниже).

В общем, к вечеру 2 сентября события для армии «Лодзь» начали приобретать катастрофический характер. Как ни странно, катастрофу предотвратили немцы. Дело в том, что и командование ГА «Юг», и командование 10-й армии, и командование «по-спринтерски рванувшего» вперёд XVI моторизованного корпуса, видимо, были не на шутку обеспокоены значительным отрывом его правого фланга, т.е. 1-й танковой дивизии, как от остальных сил корпуса, так и от пе-

хотных соединений 10-й армии. Вечером 2 сентября командир XVI мк генерал Гёпнер издал приказ по корпусу, который приостановил продвижение 1-й танковой дивизии:

«...XVI мк перегруппировывается,.. имея в виду дальнейшее продвижение с направлением главного удара на Радомско. Предполагаемое начало дальнейшего продвижения утром 4.9» [56; 227 – 228].

Т.е. в течение полутора суток 1-я танковая дивизия должна была стоять на Варте, которой она достигла, вместо того, чтобы продолжать развивать удар в глубь польской обороны, удар, которому воспрепятствовать поляки никак не могли.

Причины могли быть двойки. Первой из них, как полагает М.И. Мельтюхов, явились преобладающие на тот момент в вермахте взгляды на танковый прорыв. Считалось, что танки не могут сильно отрываться от пехоты, а уж *«если такой отрыв произошёл, то танки должны остановиться и ожидать её подхода»* [56; 228]. Что ж? С мнением российского исследователя вполне можно согласиться. Не будем забывать, что война с Польшей явилась для вермахта первой реальной военной кампанией. Именно в её ходе начали практическую опробацию те новые теоретические положения, которые нарабатывались в германской армии в течение 30-х годов, в частности, теория использования танковых соединений для глубокого прорыва обороны противника, тот самый блицкриг, который, в итоге, принёс немцам множество побед.

Вторая причина была, очевидно, чисто практического плана. В штабе группы армий «Юг» на тот момент не знали о том, что поляки ввели в дело почти все свои силы, что у них почти нет резервов. Рундштедт, Манштейн, а вслед за ними командующие армиями и командиры соединений группы армий полагали, что отход польских войск вызван не их катастрофическим положением, а оперативными планами польского командования, которое не собирается давать немцам решительный бой в приграничных районах. В общем, германское командование оценивало положение противника гораздо лучше, чем оно было в реальности. Отсюда вполне понятна та осторожность, которую проявили командование группы армий «Юг», командующий 10-й армией и командир XVI моторизованного корпуса в отношении возможности углубления прорыва 1-й танковой дивизии в «ченстоховской брешии». Ведь эта дивизия, по их мнению, вполне могла быть отсечена поляками от основных сил корпуса и армии.

Какие бы соображения немецких генералов не привели к притормаживанию наступления 1-й танковой дивизии, это притормаживание дало возможность армии «Лодзь» выйти на основные оборонительные рубежи по рекам Варта и Видавка и начать закрепляться на них. Немецкие подвижные части не оказались там раньше поляков, а вполне могли бы. И мощного удара по южному флангу армии Руммеля, ещё только выходящей на оборонительные рубежи, тоже не по-

следовало, а ведь такой удар вполне мог состояться.

Не менее суток немцы «подарили» полякам.

Конечно, абсолютно правы те специалисты, которые утверждают, что в условиях обрушения южного крыла польского фронта, т.е. отступления армии «Краков» из Силезии, оборона позиций по рекам Варта и Видавка с оперативной точки зрения была абсолютно бессмысленной [46; 20], [56; 229 – 230]. Ведь отбивая атаки немцев с запада, армия «Лодзь» в любой момент могла быть атакована с юга, обойдена, окружена. Дерясь на Варте, она уже никоим образом не могла воспрепятствовать проникновению германских войск вглубь польской территории с южного направления. Но, с одной стороны, полякам ничего другого и не оставалось, как пытаться зацепиться за оборонительные позиции на Варте, попросту выигрывая время. С другой стороны, как мы отмечали выше, этот выигрыш во времени мог стать и более продолжительным, и не таким уж бесцельным, будь быстро и грамотно польским Верховным командованием введена в дело резервная армия «Прусы». Дальнейшие события показали, что генерал Руммель, цепляясь за Варту и Виндавку, именно на этот ввод и рассчитывал. Увы, польское Верховное командование не проявило ни дальновидности, ни оперативности.

Если к вечеру 3 сентября штаб группы армий «Юг» считал, что поляки всё ещё придерживаются некоего оперативного замысла и отступают с намерением закрепиться за Вис-

лой и Саном, и именно поэтому отдал приказ (см. выше) о стремительном продвижении войск группы армий вперёд с целью всё-таки навязать полякам главное сражение к западу от Вислы и Сана, то командование 10-й армии в это время охватил чрезмерный оптимизм. Рейхенау вдруг пришёл к выводу, что противостоящая ему армия «Лодзь» окончательно разбита, что её отход за Варту и Видавку – это просто обвальное отступление, которое не преследует никакой оперативной цели, являясь, по сути, бегством с целью спастись. Вечером 3 сентября Рейхенау отдаёт своей армии приказ, который по форме вполне соответствует директиве Рундштедта и Манштейна – войскам армии предписывалось стремительно продвигаться вперёд. Но каких-то сюрпризов от поляков Рейхенау уже не ожидал. По его мнению, 10-я армия просто начинала преследование разбитого и бегущего противника. Общее направление движения армии – на Варшаву. Впереди главных сил армии должен был действовать XVI моторизованный корпус. Он получил задачу *«двигаться в качестве армейского авангарда... дальше через Петркув на Томашув (Мазовецкий – И.Д., В.С.)»* [56; 230].

Излишний оптимизм сыграл с Рейхенау злую шутку. Правда, виной тому были не поляки, а, собственно, само командование 10-й армии. Расценивая предстоящее продвижение войск армии как преследование бегущего противника, оно отдало приказ бросить в это преследование XIV моторизованный корпус, находившийся до этого во втором армей-

ском эшелоне. В результате, главное направление оказалось перенасыщенным войсками, что привело к перегрузке дорогого, заторам на них, смещению частей и даже к потере управления частями и соединениями на ряде участков. Темпы наступления вместо того, чтобы возрасти, наоборот, – упали [56; 230].

И всё-таки Рейхенау, сумев довольно оперативно выправить ситуацию, бросил свои войска вперёд. Но тут его ждал сюрприз – поляки не собирались уходить с Варты. Они собирались на ней драться.

4 сентября начались бои на главной оборонительной позиции польской армии. Однако, во-первых, сил у Руммеля было крайне недостаточно, во-вторых, войска не успели на этой позиции закрепиться, а в-третьих, оставалась проблема «ченстоховской бреши», которая выводила немецкие танковые колонны напрямик на «висевший в воздухе» южный фланг армии «Лодзь». Всё это вместе взятое предопределило быстрое поражение поляков в боях на Варте.

Уже 4 сентября правофланговая Кресовая кавалерийская была сбита немцами со своих позиций. Немцам удалось даже захватить мосты через Варту. Переправа германских войск через Варту шла самым интенсивным образом. Северный фланг армии «Лодзь» оказался обойдён. Правда, расположенная южнее 10-я пехотная дивизия поляков, загнув свой правый фланг на восток, держалась, отбивая атаки немцев, как с фронта, так и с фланга своего расположения. Но бы-

ло ясно, что долго удерживать позиции в подобной ситуации она не сможет [46; 21], [56; 231].

В 22.30 генерал Руммель связался по телеграфу с маршалом Рыдз-Смиглы, доложил ему о складывающейся тяжёлой обстановке и просил срочной поддержки *«главным резервом»*, т.е. армией «Прусы» [56; 231].

Ответ Рыдз-Смиглы лишил Руммеля последней надежды удержать позиции на Варте. Верховный главнокомандующий заявил, что ввод армии «Прусы» в бой преждевременен, что вообще эта армия решает свою задачу, прикрывая район Пётрукова и Томашува-Мазовецкого, ведь не известно, в какую сторону повернут немецкие танки из «ченстоховской бреши», что Руммель может рассчитывать на помощь армии «Познань», которой приказано отступить в тыл, перегруппироваться и после этого перейти в наступление [56; 231].

Подобные заявления Рыдз-Смиглы показывали, что он абсолютно неверно оценивал ситуацию, по сути, бросая армию «Лодзь» на произвол судьбы, в то время как армия «Прусы» могла оказать ей довольно действенную помощь. В то же время пассивное стояние армии «Прусы» в ситуации, когда немцы обходили армию «Лодзь» с обоих флангов, когда последней грозил полный разгром, обрекало её саму на роль следующей жертвы, которая в одиночку примет на себя удар гораздо более сильного противника. Наконец, надежды Рыдз-Смиглы на наступление армии «Познань», в общем, не были лишены оснований. Только он, очевидно, неверно оце-

нивал сроки: либо тот промежуток времени, через который армия «Познань» сможет перейти в наступление, либо период, который армия «Лодзь» ещё будет в состоянии держаться на Варте. Армия «Познань» действительно нанесёт удар по немцам. Только будет это 9 сентября. Так начнётся самое крупномасштабное и ожесточённое сражение Польской кампании вермахта – битва на Бзуре. К тому моменту на Варте уже несколько дней как всё будет кончено.

Ведя около половины одиннадцатого вечера 4 сентября переговоры с главкомом, Руммель не знал, что положение его армии ещё более критично, чем он докладывал в Варшаву. Только около полуночи он получил грозные известия с южного фланга своей армии – уже несколько часов, как оборона наспех созданной для прикрытия южного фланга армии «Лодзь» группы генерала Томе прорвана немецкими танками. Последние стремительно развивают удар на Пётрукув, находясь в глубоком тылу войск Руммеля. Так возобновила своё наступление 1-я танковая дивизия XVI моторизованного корпуса 10-й армии немцев [56; 231].

Тем не менее, поскольку приказ на оставление позиций на Варте Руммелем получен не был, его армия весь следующий день, 5 сентября, продолжала сражаться, стараясь удерживать занимаемые рубежи. К вечеру была смята правофланговая 10-я пехотная дивизия. Не в силах более сдерживать натиск четырёх немецких дивизий, подвергаясь массированным артиллерийским и авиационным ударам, части дивизии

(точнее, то, что от них оставалось) начали отступать. Левый фланг 10-й армии и 8-я армия немцев получили возможность беспрепятственного развития своего охватывающего манёвра.

В 8.15 начальник штаба армии «Лодзь» отправил в Главный штаб сообщение: *«10-я пехотная дивизия рассыпалась, собираем её в Лутомирск. Поэтому мы оставляем линию Варта – Видавка, которую невозможно было удержать... Просим уведомить армию «Познань», чтобы она направила 25-ю пехотную дивизию на Унеюв и Поддембнице для обеспечения себя... Положение тяжёлое. Это – конец»* [46; 21], [56; 232].

Через 15 минут после отправки этого сообщения генерал Руммель в разговоре с маршалом Рыдз-Смиглы полностью подтвердил оценку ситуации, данную его начштаба. Руммель просил санкционировать отступление его армии с позиций на Варте. Такая санкция была им получена, и Руммель отдал формальный приказ на отступление армии «Лодзь». Фактически это отступление уже шло полным ходом. Соединения армии отходили в направлении Лодзи [46; 21], [56; 232].

Таким образом, сражение на Варте и Видавке закончилось. Польскому Верховному командованию оставалось уповать на единственную силу, которая теперь могла приостановить немецкое движение на Варшаву с юго-запада – на резервную армию «Прусы», разворачивавшуюся в треугольнике Кельце, Томашув-Мазовецкий, Радом [37; 23 – 24], [68;

7].

Однако теперь эта армия оставалась один на один с наступавшими немецкими войсками. И это при том, что её сосредоточение было далеко от завершения. Напомним, что по польским военным планам армия «Прусы» должна была включать 7 пехотных дивизий, 1 кавалерийскую бригаду и 1 бронемоторизованную бригаду [56; 210]. В реальности к 5 сентября в районе Пётркува развернулись только 2 пехотные дивизии (19-я и 29-я) и Вилеская кавалерийская бригада, да в Томашув-Мазовецкий прибывали части 13-й пехотной дивизии. О времени подхода остальных соединений армии в царящей неразберихе ничего известно не было [37; 23 – 24], [46; 21], [56; 232], [68; 7].

Штаб армии «Прусы» не имел связи со штабом армии «Лодзь». Поэтому о сокрушении слабого южного фланга последней и движении немецких танков на Пётркув командование армии «Прусы» узнало слишком поздно – тогда, когда днём 5 сентября вышедшая к Пётркуву 1-я танковая дивизия немцев начала громить располагавшуюся здесь 19-ю польскую пехотную дивизию. Командир этой дивизии позорно бежал, бросив вверенные ему войска (позже он попал к немцам в плен). Разгромленная 19-я пехотная дивизия разрозненными группами стала поспешно отступать на север, преследуемая по пятам немецкими войсками. Вскоре танки 1-й танковой дивизии немцев были уже в тылу армии «Прусы», а также достигли Томашува-Мазовецкого, где разбили

ничего неожиданное части 13-й пехотной дивизии [56; 232 – 233].

Располагавший весьма неполной информацией о положении соединений своей армии, ничего не знавший о ситуации, складывавшейся на рубеже обороны армии «Лодзь», не получавший абсолютно никаких приказов от Верховного командования командующий армии «Прусы» генерал Домб-Бернацкий решил контратакой остановить продвижение немецких танков. Для этого в его распоряжении оставались 29-я пехотная дивизия и Виленская кавбригада. Домб-Бернацкий намеревался всеми наличными силами ударить от Пётркува и южнее в западном направлении. Однако, не владея ситуацией, генерал не знал, что немцы продвинулись уже севернее и восточнее Пётркува [56; 233].

Прибыв днём 5 сентября в штаб 29-й пехотной дивизии, располагавшийся в Сулеюве, Домб-Бернацкий отдал приказ о выдвигании дивизии к Пётркуву двумя колоннами. Своё намерение в отношении Виленской кавалерийской бригады он переменял, предписав её командиру следовать к переправам через реку Пилица и перекрыть их, что, в общем-то, было вполне логично, ибо собиравшаяся наступать польская группировка оставалась совершенно открытой для ударов с фланга и тыла [56; 233].

Сам Домб-Бернацкий выехал около полуночи в Пётркув, по дороге к которому чуть не угодил к наступающим немцам в плен. Очевидно, после этого вся сложность ситуации,

в которой оказалась его армия, стала доходить до генерала. Он не мог не понять, что отданный им приказ на наступление 29-й пехотной дивизии абсолютно не отвечал сложившейся обстановке. И эта дивизия, двигавшаяся по нескольким дорогам на запад, и Виленская кавбригада, занимавшая позиции на реке Пилица, подставляли немцам свои тылы. В довершение всего именно в это время Домб-Бернацкий получил приказ из Главного штаба, в котором сообщалось об отступлении армии «Лодзь» с оборонительных позиций на Варте и предписывалось отводить армию «Пруссы» на север от Пётркува [56; 233].

Но в тот момент отводить генералу уже, собственно, было нечего. Находясь в забитом беженцами Сулеюве, он не имел связи ни с одним из своих соединений. Были высланы офицеры связи в 29-ю пехотную дивизию и Виленскую кавалерийскую бригаду. Но далеко не всем из них удалось добраться до цели. Те части этих соединений, которые всё-таки получали приказ на отход в северном направлении, получали его не одновременно. В результате, части 29-й пехотной дивизии и Виленской кавбригады стали просто расплзаться по разным направлениям, зачастую попадая под удар немецких механизированных колонн. Резервная армия «Пруссы» за сутки перестала существовать, не сыграв абсолютно никакой роли в кампании [37; 23 – 24], [56; 233 – 234], [68; 7], [74; 19]. Когда российские исследователи М.И. Мельтюхов и Ю.Е. Лебедев пишут о том, что она *«растворилась в*

общем потоке событий» или «*просто растворилась в гуще событий*», они ничуть не преувеличивают [56; 234], [46; 21]. Произошедшее с этим польским войсковым объединением трудно назвать как-то по другому.

Итак, польское Верховное командование лишилось единственного своего серьёзного резерва. Теперь для немецких 10-й и 8-й армий открылась перспектива быстрого развития наступления в Центральную Польшу, в частности, – на Варшаву.

Когда в Варшаве 6 сентября стало известно о поражении армии «Прусы», о выходе германских войск на рубеж реки Пилица, то к Верховному командованию пришло понимание, что «жареным запахло всерьёз» – немцы с юго-запада находятся от Варшавы на расстоянии всего 60 километров [37; 24], [68; 7]. Мы помним, что именно в ночь с 6 на 7 сентября маршал Рыдз-Смиглы начал свой «героический» «забег» к румынской границе.

Но, как ни странно, складывающаяся ситуация не вызвала особого оптимизма и в штабе группы армий «Юг». Нет, конечно, успех был налицо. Но Рундштедт и Манштейн испытывали очень большое беспокойство по поводу того, что поляки, как им казалось, выскальзывают за Вислу и Сан, что означало крушение всего первоначального плана Польской кампании. Командующий группой армий и начальник её штаба были явно недовольны Рейхенау, который, недооценив поляков и переоценив свои силы, двое суток протоп-

тался основными силами своей армии на Варте и Видавке [56; 234].

Чтобы предотвратить выскальзывание польских войск за Вислу, штаб ГА «Юг» 5 сентября приказал 10-й армии наступать к северо-востоку по обоим берегам реки Пилица. Западнее и севернее реки левофланговая ударная группировка армии в составе XVI и XIV моторизованных и XI армейских корпусов нацеливалась на Раву-Мазовецкую, чтобы преградить путь отхода армии «Лодзь» к востоку, в частности, на Варшаву, и овладеть мостами через Вислу в районе Гура Кальвария. Правофланговая группировка армии, в состав которой должны были войти XV моторизованный и XIV армейский корпуса, а также VII армейский корпус, приданный командованием группы армий 10-й армии, форсировав Пилицу, по её южному берегу наносила удар на Радом и разбивала находящегося там противника [52; 42], [56; 235].

В то же время 8-й армии предписывалось энергично наступать на лодзинскую группировку поляков с запада, тем самым содействуя левому флангу 10-й армии в её разгроме [52; 42].

Все эти удары должны были, по мысли командования ГА «Юг», обеспечить быстрое продвижение немецких подвижных войск к переправам через Вислу, их занятие и недопущение отхода польских войск за эту реку.

Необходимость отвода главных сил польской армии за Нарев, Вислу и Сан к концу боевого дня 5 сентября стала впол-

не ясна и польскому Верховному командованию. Мы уже упоминали о том, что сам Верховный главнокомандующий Войска Польского маршал Рыдз-Смиглы ещё 3 сентября отдал приказ Главному штабу о подготовке отвода армии не просто за рубеж этих рек, а о продвижении её к румынской и венгерской границам. При подобной формулировке приказа ясно, что маршал по-настоящему об обороне на рубеже Нарева, Вислы и Сана и не помышлял. Как вы сами понимаете, одновременно отходить на юго-восток, к румынской и венгерской границам, и удерживать оборонительные позиции по Нареву, Висле и Сану на всём их протяжении в пределах польской территории нельзя. По сути, приказ, отданный Рыдз-Смиглы 3 сентября, был приказом на отход по восточным берегам данных рек.

Выше отмечалось, что в подобной ситуации попытки армии «Модлин» зацепится на восточном берегу Нарева были не более чем плодом самодеятельности её командующего и даже отдельных командиров соединений этой армии.

Однако «сложная диалектика» главкома оказалась не по зубам и начальнику польского Главного штаба генералу Стахевичу. Поздно вечером 5 сентября он разослал всем польским армиям директивы, которые предусматривали не просто их отход на Нарев, Вислу и Сан с последующим бегством в сторону Румынии, а попытку удержания рубежей по этим рекам. При этом армия «Лодзь» должна была отходить на Гура Кальвария, армия «Прусы», прикрывая её фланг, двигать-

ся на восток по южному берегу реки Пилицы, армии «Познань» и «Поможе» – отступить за Варшаву [56; 236].

В общем, немцы совершенно правильно обеспокоились возможностью ухода поляков за Нарев, Вислу и Сан. Такое намерение последние имели. Другое дело, что предпринятые командованием обеих немецких групп армий меры сделали для главных сил польской армии этот уход просто невозможным, а те силы, что всё-таки вырвались на восточный берег указанных рек, уже никакого рубежа обороны по ним организовать не могли. Немцы их там просто настигали и добивали. Конечно, лучше всего данный отход получился у армии «Краков», что, впрочем, не спасло её от разгрома (см. выше).

Серьёзное беспокойство и командования группы армий «Юг», и ОКХ было вызвано тем, что они предполагали наличие у поляков значительных ещё резервов, которые, собственно, и уходят разгрома за Нарев, Вислу и Сан. Именно отсюда и убеждение, сложившееся к 6 сентября и в штабе ГА «Юг», и Генеральном штабе Сухопутных войск вермахта, что первоначальный план кампании не удался в полном объёме, и что главных событий надо ожидать теперь за речными рубежами. На западе же от Нарева, Вислы и Сана серьёзного и значительного сопротивления ожидать уже не приходится. Именно такой трактовкой событий объясняются решения, принимаемые 5 – 7 сентября в армейских штабах группы армий «Юг», в штабе самой группы и в ОКХ. Суть

таких решений – не дать уйти за Вислу и Сан и действующим на фронте войскам противника, хотя бы их постараться уничтожить к западу от этого речного рубежа.

Немцы переоценили поляков, «подумали о них слишком хорошо». Никаких резервов у польского командования после 6 сентября уже не было, оно «выбросило на игральный стол все свои карты». И то, что германские военачальники воспринимали как уничтожение лишь части (пусть и значительной) польской армии, по сути, было полным её разгромом. Переоценить противника в данном случае оказалось чрезвычайно полезным. Немецкое командование на всех уровнях, осознавая срыв первоначального плана кампании, предвидя большие проблемы вследствие этого срыва, стремясь уменьшить его негативные последствия, пребывая, если можно так выразиться, «в очень плохом настроении по этому поводу», действовало настолько эффективно, что не оставило полякам ни малейшего шанса.

Итак, 6 сентября появилась уже упоминавшаяся нами директива Браухича, которая, констатируя невозможность уничтожения всех сил польской армии «на западном берегу Вислы», ставила в качестве новой задачи обеим группам армий охват и уничтожение значительной их части на её восточном берегу [56; 251 – 252].

При этом задачи группы армий «Юг» формулировались следующим образом:

«...Создание группировки в районе Лодзи составляет по-

следнюю попытку противника к удержанию столицы... Предполагается, что создание группировки в районе Кельце больше невозможно (речь идёт о разгроме армии «Прусы» – И.Д., В.С.). Противник здесь надеется перед быстро продвигающимся флангом 10-й армии отойти за Вислу на юго-восток. Его уничтожение на западном берегу Вислы будет едва ли возможно...

2. В связи с этим ставятся следующие задачи: [...]

Группа армий «Юг», одновременно с уничтожением армии «Лодзь», препятствует созданию обороны на Висле... 14-я армия наносит удар через Сан в общем направлении на Люблин...» [56; 251].

К моменту появления этой директивы Браухича группа армий «Юг» уже всю решала упомянутые главкомом Сухопутных войск задачи, т.е. директива являлась лишь одобрением уже ведущихся действий. С 5-го числа, не без участия самого Браухича (см. выше), «в погоню» за армией «Краков», к Сану, были перенаправлены основные силы 14-й армии. Приступили к уничтожению уцелевших сил армии «Лодзь» 10-я и 8-я армии (см. выше).

6 сентября генерал Рейхенау, уточняя задачи своей армии, вышедшей к тому времени на линию Томашу-Мазовецкий, Коньске, Кельце, отдал приказ: «Противник находится в полном отступлении к Висле южнее Варшавы. Варшава будет очищена. 10-я армия беспощадно преследует отступающего противника и прорывается на линию Вислы: Пула-

вы – Гура Кальвария, чтобы преградить противнику переход через Вислу. Будут созданы три группы преследования: справа XV мк, в середине XIV мк, слева XVI мк...» [56; 250 – 251].

Этот приказ Рейхенау показывает, что в ходе Польской кампании германское командование постепенно нарабатывало навыки применения своих подвижных соединений, училось их использованию в условиях значительного отрыва от наступающей пехоты. Интересна директива Рейхенау и тем, что она представляет собой ещё один пример недооценки этим гитлеровским генералом поляков. В условиях, когда польский фронт на участке наступления его армии, по сути, развалился, Рейхенау никак не мог предположить каких-то проблем с Варшавой. Польская столица упомянута в приказе мимоходом, чуть ли не небрежно (можно подумать, что речь идёт не о столице государства, а о какой-то деревне или маленьком городишке на пути следования немецких войск). *«Варшава будет очищена»*, – вот всё, что о ней сказано. Так просто и скоро очистить Варшаву Рейхенау не удастся. И очищать её будут не только войска его армии. Но об этом ниже.

В районе Радома к 7 сентября находились уже две польские группировки. Одна, более мощная, развернулась севернее города – это была армия «Лодзь» (точнее, то, что от неё оставалось). Южнее Радома, около Илжи, собрались отдельные уцелевшие части армии «Прусы», а также части наспех

сформированной и перебрасываемой различными путями к Варшаве армии «Люблин» [46; 24], [56; 257], [74; 19].

Немецкому командованию, прекрасно знавшему об отходе армии «Лодзь» в район севернее Радома и планировавшие свои действия, исходя из наличия только этой группировки, 7 сентября из данных воздушной разведки стало известно и о концентрации польских войск в районе Илжи. Штаб группы армий «Юг» немедленно скорректировал действия 10-й армии. После того, как её левофланговая группировка разбила соединения армии «Лодзь» северо-западнее Радома, в местности Лысая Гора, XIV моторизованный корпус был развёрнут для наступления на Радом с запада, через Опочно, а XVI моторизованный корпус продолжал беспрепятственно развивать удар на северо-восток, в направлении Варшавы и переправ через Вислу в районе Опатува [52; 42], [56; 257].

XIV моторизованный корпус захватил Радом и двинулся к Демблину. В эти же дни (8 – 9 сентября) XV моторизованный корпус, сломив сопротивление польской группировки в районе Илжи, обошёл этот населённый пункт с востока. 9 сентября восточнее Радома эти два моторизованных корпуса установили связь друг с другом. Подходящие войска XI и VII армейских корпусов завершили окружение польских войск севернее и южнее Радома.

«9 сентября был закрыт первый “котёл” этой войны, в котором оказалась армия противника», – констатирует в своих мемуарах Манштейн [52; 42].

Бои с окружёнными в районе Радома польскими войсками продолжались до 12 сентября. Поляки не просто оказывали сопротивление, но предпринимали отчаянные попытки вырваться из окружения. Тем не менее, 12 сентября они капитулировали. В плен к немцам попали (по разным данным) 60 – 65 тысяч человек. 130 – 145 орудий стали германскими трофеями [46; 24], [52; 42], [56; 257].

Как утверждает Манштейн, в Радомском «котле» было разгромлено 7 дивизий противника [52; 42]. Судя по количеству попавших в плен поляков, это утверждение вполне соответствует действительности.

Следующим этапом кампании группы армий «Юг», который выдели Манштейн, явилось сражение на Бзуре. Его участниками с немецкой стороны также были 8-я и 10-я армии этой группы армий.

Итак, 6 – 7 сентября как в ОКХ, так и в штабе ГА «Юг» сложилось убеждение, что польские войска отказываются от борьбы западнее Вислы и Сана, стремясь уйти за рубежи этих рек. Преследование старающихся уйти из-под удара немцев польских войск становилось, таким образом, главной задачей. С учётом её и отдавались штабом ГА «Юг» приказы, предписывающие всем войскам группы преследовать поляков с наибольшим маршевым напряжением. Главные события кампании ожидалось теперь к востоку от Нарева, Вислы и Сана [56; 256].

Казалось, события, развернувшиеся на фронте 8-й и 10-й

армий 6 – 9 сентября вполне подтверждали подобную оценку ситуации Рундштедтом и Манштейном. На участках наступления этих армий единый польский фронт, фактически, перестал существовать, будучи полностью дезорганизованным. Если даже и трактовать, как это делал Браухич в своей директиве от 6 сентября, наличие польской группировки в районе Лодзи, другими словами – Радома, как попытку отразить удар 8-й и 10-й армий на Варшаву (что, на наш взгляд, неверно, ибо поляки «топтались» под Радомом просто от безысходности, из-за сумятицы и неразберихи в управлении войсками, чего немцы с их логичностью и приверженностью к строгому порядку просто не могли допустить), то Радомский «котёл» поставил на этой попытке жирный крест. Однако ещё до того, как этот «котёл» был закрыт, левофланговый XVI моторизованный корпус 10-й армии совершенно беспрепятственно двинулся на Варшаву (4-я тд) и к мостам у Гуры Кальвария (1-я тд). Возможность к этому маршу появилась у XVI мотокорпуса ещё 7 сентября. И ей он прекрасно воспользовался. 8-го числа обе танковые дивизии достигли поставленных целей – оторвавшись на 70 километров от основных сил армии, 4-я танковая дивизия ворвалась на юго-западные окраины Варшавы, а 1-я танковая дивизия, сломив у Гуры Кальвария слабое сопротивление оказавшихся здесь разрозненных польских частей, захватила мосты через Вислу [52; 42 – 43], [56; 257].

Правда, задачи 4-й танковой дивизии не ограничивались

выходом к Варшаве. Выше отмечалось, что Рейхенау не считал взятие польской столицы серьёзной проблемой, предполагая осуществить его похода. Очевидно, оптимизм командующего 10-й армией передался и групповому командованию, ибо вслед за ним оно рассчитывало, что 4-я тд сможет взять Варшаву под контроль. Во всяком случае, поставленная командованием группы этой дивизии задача предусматривала, что дивизия ворвётся в город, захватит и будет удерживать мосты через Вислу, находящиеся в его черте [56; 257].

То сопротивление, с которым столкнулась 4-я танковая дивизия на юго-западных окраинах польской столицы, явилось для командования 10-й армии и группы армий «Юг» неприятным сюрпризом. *«Для захвата этого крупного города, приспособленного для обороны, эти силы, однако, были слишком небольшими. Танковую дивизию пришлось вывести из города»*, – констатирует Манштейн в своих воспоминаниях [52; 43]. Правда, он тут же добавляет, что *«во всяком случае, в результате этого противнику был отрезан путь к Варшаве с запада»* [52; 43].

Последнее утверждение абсолютно верно, но и всё-таки неудача «кавалерийского наскока» на Варшаву явилась только прелюдией к дальнейшим событиям, которые ясно показали, что штаб группы армий «Юг» несколько ошибался в оценке ситуации.

О героической обороне польской столицы мы поговорим

позже, хотя какое-то время события этой обороны развивались параллельно с битвой на Бзуре. Да и сам Манштейн, как читатель уже мог убедиться, выделил осаду и взятие Варшавы в отдельный этап кампании группы армий «Юг» [52; 39].

К 9 сентября 8-я армия генерала Бласковица, прикрывавшая левый фланг 10-й армии, заняв Лодзь, достигла Скерневице и Ловичей, её X армейский корпус вышел к реке Бзура [37; 28], [46; 24], [56; 257]. Здесь-то немцев и ждал ещё один сюрприз.

Вот как описывает ситуацию Манштейн:

«В первые десять дней кампании все действия протекали настолько планомерно и в соответствии с нашими желаниями, что, как можно было думать, вряд ли что-либо могло серьёзно нарушить или изменить план намеченных операций. Тем не менее, в эти дни у меня было неясное предчувствие, что на северном фланге группы армий что-то заварилось. Ведь было ясно, что противник сосредоточил в Познанской провинции крупные силы, которые пока ещё не приняли участия в боевых действиях. Ввиду этого 8 и 9 сентября я неоднократно обращал внимание начальника штаба 8-й армии на то, что армия должна особо тщательно вести разведку на своём северном фланге. В результате наших запросов в ОКХ относительно местонахождения познанской группировки 9 сентября мы получили из ОКХ телеграмму о том, что противник быстрыми темпами отводит войска познанской группировки на восток и что поэтому не следу-

ет опасаться угрозы глубококому флангу 8-й армии. Однако мы всё же предполагали, что южнее Вислы, между Лодзью и Варшавой, в общей сложности находится ещё 10 дивизий противника.

Следует вспомнить, что группа армий намечала силами 10-й армии преградить путь на Варшаву сосредоточенной, по нашим данным, в районе Лодзи крупной группировке противника (5 – 6 дивизий) (это о группировке поляков в районе Радома – И.Д., В.С.), в то время как 8-я армия одновременно должна была нанести удар этой группировке с запада. При этом первоначальная задача этой армии, заключавшаяся в том, чтобы обеспечить весь ход операции на северном фланге глубоко эшелонированным построением, естественно, оставалась в силе.

По-видимому, однако, взгляды штаба 8-й армии были больше обращены на выполнение первой из поставленных задач, чем на север. Во всяком случае, 10 сентября утром из штаба армии поступило донесение о том, что 30-я дивизия из её состава неожиданно подверглась нападению значительно превосходящих сил противника с севера. Обстановка здесь приняла характер кризиса» [52; 45 – 46].

Данный отрывок из воспоминаний Манштейна заслуживает комментариев. В нём – весь Манштейн. «Тонкое ретуширование» своих просчётов словесными оборотами, а при отсутствии таковой возможности – переключивание всей вины за них на кого-то другого – это характернейшие черты

манштейновских «Утерянных побед» (наряду с прямым искажением фактов).

Действительности не соответствует уже содержащееся в первых строках отрывка утверждение о том, что в течение первых десяти дней Польской кампании все её события протекали абсолютно планомерно и в соответствии с намерениями командования как группы армий «Юг», так и ОКХ. Если учесть, что к десятому дню войны и первое, и второе пришли к единодушному выводу о неудаче первоначального плана кампании, о переносе основных действий на восток от Вислы и Сана, в чём читатель уже имел возможность убедиться, то подобное утверждение Манштейна выглядит более чем странно. «Ретуширование» неудач и искажение фактов – никак иначе его назвать нельзя.

Далее. В том, что кризис на Бзуре явился для немцев абсолютной неожиданностью, в том, что этот кризис вообще стал возможным виновны, по Манштейну, командование 8-й армии и ОКХ. Но вот удивительное дело – располагавшееся «по цепочке» как раз между ними командование группы армий «Юг» никакой ответственности за сложившуюся ситуацию не несёт. В самом деле: причём оно тут? Это Бласковиц и его штаб пренебрегли и не доглядели. Это Браухич и его штаб не доглядели и неверно информировали. А вот он-то, Манштейн, предчувствовал, потому-то, ну, какой с него спрос?

Но если поразмыслить, то, как ни выкручивайся Ман-

штейн в процитированном отрывке, он (отрывок) целиком есть констатация крупного просчёта германского командования всех уровне – от командования 8-й армии до ОКХ. И просчёт Рундштедта и Манштейна здесь не меньший, чем Бласковица и Браухича с Гальдером, а больший. Командующий 8-й армией в конце концов выполнял приказы именно группового командования, а командование Сухопутных сил во многом глядело на обстановку на южном крыле польско-германского фронта глазами штаба группы армий «Юг». Последний был куда как ближе к месту событий и посылал свои доклады в Генеральный штаб. Не только неверная оценка намерений польского Верховного командования, во всяком случае, – на южном крыле фронта (хотя, если честно, трудно оценить то, чего, собственно, и нет, по крайней мере, – в чётко выраженном виде), польских резервов (явная их переоценка), увлечение преследованием противника («бегом к Висле»), но и пренебрежение опасностью, исходящей от познанской группировки поляков – всё это ошибки, прежде всего, именно командования группы армий «Юг».

Итак, как же стал возможен кризис на Бзуре?

С польской стороны участниками событий стали ещё не вступившая в сражение армия «Познань» под командованием генерала дивизии Кутшебы и присоединившиеся к ней, отступившие после тяжёлых боёв из района «коридора» остатки армии «Поможе» (командующий – генерал дивизии Боргновский).

С немецкой стороны в битве на Бзуре приняли участие войска 8-й и 10-й армий группы армий «Юг» и переданные этой группе в оперативное подчинение соединения 4-й армии группы армий «Север».

Участок, на котором развернулось сражение, ограничен с севера Вислой, с юга – её притоком Бзурой, с запада – городом Кутно, с востока – городом Сохачёвом. Именно через эту территорию должны были пройти к Варшаве объединённые силы армий «Познань» и «Поможе» (8 пехотных дивизий и 2 кавалерийские бригады⁵⁶) [37; 28].

Эта группировка имела приказ главкома маршала Рыдз-Смиглы избегать противника, в бои не ввязываться и продвигаться к Варшаве [46; 27], [56; 263].

Мы помним, что в мемуарах Манштейн пишет о своём предчувствии неприятностей на северном фланге группы армий, что хоть он, безусловно, и знал о существовании познанской группировки польских войск, но о точном её местоположении якобы информации не имел, а ОКХ сообщило ему о том, что эта группировка в спешном порядке уходит на восток, а потому не представляет угрозы для флага 8-й армии [52; 45]. Так вот, ещё 7 сентября из данных воздушной разведки штабу группы армий «Юг», а вслед за ним и ОКХ стало известно о появлении крупной польской груп-

---

⁵⁶ Штаб группы армий «Юг», в принципе, довольно точно определил силы познанской группировки поляков. Как утверждает в воспоминаниях Манштейн, её оценивали до 10 дивизий [52; 45]. В реальности оказалось 8 пехотных дивизий и 2 кавалерийские бригады.

пировки южнее Вислы, в районе Кутно [56; 264]. Поскольку Кутшебе удалось довести до указанного района свою армию и остатки армии «Поможе» довольно скрытно, форсированными ночными маршами, то её появление здесь, зафиксированное воздушной разведкой 7 сентября, действительно было крайне неприятным сюрпризом и для командования ГА «Юг», и для Генерального штаба Сухопутных войск вермахта. Можно согласиться с формулировкой, используемой некоторыми современными авторами: *«Появление крупных польских сил в тылу группы армий «Юг» стало полной неожиданностью для командования вермахта...»* [68; 9], [74; 20]. Однако развитие этой мысли данными авторами вызывает возражения, поскольку они пишут, что командование вермахта было совершенно уверено *«в том, что к западу от Вислы нет ни одного крупного польского войскового соединения»* [68; 9], [74; 20].

Германское командование прекрасно знало о существовании армии «Познань». Не было оно и столь наивным, чтобы полагать, что это войсковое объединение просто испарилось, растворилось в воздухе. Когда Манштейн отмечает, что *«было ясно, что противник сосредоточил в Познанской провинции крупные силы, которые пока ещё не приняли участия в боевых действиях»*, он ничуть не кривит душой. Это не умничанье задним умом. Подобное не могло не быть ясным и тогда, в конце первой недели сентября 1939 года. Другое дело, что армия «Познань» просто выпала из поля

зрения и группового, и Верховного германского командования. Рундштедт и Манштейн полагали, что она далеко, а 7 сентября оказалось, что армия эта находится в опасной близости от никем неприкрытого северного фланга их группы. Что и говорить – сюрприз более чем неприятный. Потому 8 – 9 сентября Манштейн начинает засыпать штаб 8-й армии требованиями вести усиленную разведку на своём северном фланге, а Генеральный штаб – запросами о «местонахождении» (на тот момент известном ему не хуже, чем ОКХ, а потому – скорее всё-таки о намерениях) этой, «вынырнувшей» так рядом с его войсками, польской группировки [52; 45]. Ну, что ж? Формально он поступал абсолютно верно.

Да только у генерала Бласковица, весьма слабая армия которого, состоявшая всего из двух армейских корпусов, была расплыена на выполнение двух задач (один корпус был задействован в уничтожении радомской группировки поляков, а второй, по приказу группового командования, устремился к Ловичу на южном берегу Бзуры), сил на создание глубокоэшелонированного построения на своём левом фланге попросту не было. Упрёк, брошенный ему Манштейном по этому поводу, вряд ли можно считать справедливым [52; 45 – 46]. Что в тот момент мог предпринять командующий 8-й армией – так это вести интенсивную разведку к северу, что от него Манштейн, прекрасно знавший возможности Бласковица, и начал требовать. Но времени отреагировать на манёвр польских войск, даже проведя разведку на своём север-

ном фланге, у Бласковица практически не оставалось – к Ловичу его войска вышли 8 сентября, а 9 сентября поляки начали своё наступление.

Что же касается запросов Манштейна в ОКХ относительно намерений армии «Познань», то вряд ли он мог получить на них какие-либо исчерпывающие ответы. В ОКХ могли только предполагать, исходя из утвердившейся у германского командования трактовки намерений польского Верховного командования, что армия «Познань» будет стремиться всеми силами уйти за Вислу, по возможности не ввязываясь в бои на западном берегу реки⁵⁷. Такой ответ Гальдер

---

⁵⁷ Для нас остаётся весьма любопытным следующий вопрос: каким образом германское командование, несмотря на неразбериху в управлении польскими войсками, по сути, угадало намерение Верховного польского командования? В самом деле, Рыдз-Смиглы ещё с 3 сентября начал ориентировать Главный штаб на отвод войск за рубеж Вислы и Сана, правда, с тем, чтобы они по восточному берегу этих рек удрали к румынской границе. 5 сентября генерал Стахевич, начальник польского Главного штаба, «творчески» подойдя к приказу главкома, стал издавать приказы на отвод войск за Вислу и Сан, но только не с тем, чтобы они устроили «забег» к границе, а попытались оборонять рубежи по восточным берегам этих рек. И в это же день, 5 сентября, и командование ГА «Юг», и ОКХ стали приходить к убеждению, что поляки попробуют выскользнуть за Вислу и Сан. 6 – 7 сентября это убеждение вполне сформировалось и вылилось в ряд директив. В подобных условиях кажется вполне логичным предполагать спешный отход армии «Познань» на восток, за Вислу, и её стремление избежать боестолкновений на западном берегу реки. Логично. Да только такой приказ и впрямь был отдан Рыдз-Смиглы. И всё сражение на Бзуре явилось следствием «самодеятельности» генерала Кутшебы, которая для ОКХ, судя по всему, оказалась «как обухом по голове». К чему мы клоним? Не работала ли весьма эффективно германская агентурная разведка в польских штабах самого высокого уровня? И немецкое Верховное и групповое командование не из простых предполо-

Манштейну и дал. Последнему, собственно, ничего не оставалось, как принять его и надеяться на лучшее. Однако лучшего не получилось.

Генерал Кутшеба послушался приказа Рыдз-Смиглы – он решил нанести удар по северному флангу 8-й германской армии. Что тут сыграло роль? Только ли оперативные соображения, т.е. соблазн использовать выгодную ситуацию и разгромить открытый фланг противника? Или имел место ещё и моральный аспект – чувство горечи от неудач польской армии (даже практически её разгрома), желание взять хоть какой-то реванш, «вмазать» немцам, испытать чувство военного счастья? Думается, что эти побуждения, движения души повлияли на решение Кутшебы ничуть не в меньшей, а даже в большей степени, чем чисто оперативные соображения. Генерал не мог не понимать, учитывая общую ситуацию на фронте, что удар его армии будет проходить, в общем-то, при неблагоприятном для неё соотношении сил. И, тем не менее, он решился на него.

Правда, впоследствии сам Кутшеба утверждал, что первоначально его замысел, появившейся у него 7 сентября, носил ограниченную цель. Предполагалось частью сил армии нанести удар из района Кутно на Стрыков, разбить северную фланговую группировку 8-й германской армии и тем обеспе-

---

жений корректировало план кампании. Оно знало о приказах и директивах Рыдз-Смиглы и Стахевича. Но просто в головы немецких генералов никак не могло уложиться, что польские генералы могут этим приказам и директивам не подчиняться и действовать полностью на свой страх и риск.

читать дальнейший отход армии «Познань» и остатков армии «Поможе» на Варшаву [46; 28], [56; 264].

Для задуманного им удара Кутшеба привлёк меньшую часть находящихся в его распоряжении войск – 3 пехотные дивизии (14, 17-ю и 25-ю), тяжёлый арtpолк и танковую группу (65 танков). Во главе ударной группировки был поставлен генерал бригады Э.С. Кнолль-Ковнацкий [37; 28], [46; 28], [56; 264], [74; 20].

Группа Кнолля-Ковнацкого стала разворачиваться по северному берегу Бзуры на фронте в 24 километра уже 8 сентября. К исходу дня 9 сентября она полностью изготoвилась к наступлению [56; 264]. В ночь с 9 на 10 сентября группа нанесла по частям 8-й немецкой армии неожиданный удар. Ночное время для атаки было выбрано с целью нейтрализовать действия вражеской авиации, что и было достигнуто. Успех превзошёл все ожидания – немецкие войска сразу же были отброшены от южного берега Бзуры на несколько километров [56; 264].

Утром штаб группы армий «Юг» получил сообщение от командования 8-й армии о начавшемся наступлении поляков, их успешном продвижении и о попытках армии остановить это наступление своими силами [52; 46]. Однако, как отмечает Манштейн, *«обстановка здесь приняла характер кризиса. Попытки армии восстановить положение контр-атаками не принесли успеха»* [52; 46].

В самом деле, порыв польских войск, их воодушевление,

героизм были столь велики, что немцы не могли сдержать их напора. Первой оказалась разгромленной и отступила 30-я пехотная дивизия немцев. Затем под Гелестынувом понесли поражение части 17-й пехотной дивизии, привлечённой Бласковицем к отражению удара поляков. Любопытно, что разбили их части 17-й польской пехотной дивизии [37; 28], [56; 265].

В ходе ожесточённых боёв 10 – 11 сентября, нанеся немцам значительные потери, польские войска продвинулись на 35 километров южнее Бзуры. До Лодзи им оставалось пройти всего 12 километров [46; 28], [56; 265].

Ситуация для германских войск в данном районе действительно стала опасной. Поляки теперь угрожали не только флангу 8-й армии, но и флангам и даже тылам соединений 10-й армии, действующих на варшавском направлении.

Вполне естественной реакцией генерала Бласковица в подобном положении явилась просьба о подкреплениях, обращённая к командованию группы армий «Юг». Генерал просил о переброске в его распоряжение танкового корпуса, чтобы не допустить прорыва поляков к Лодзи [52; 46].

Но групповое командование ответило Бласковицу отказом. *«Штаб группы, однако, – пишет Манштейн, – ни в коей мере не собирался восстанавливать положение 8-й армии путём переброски ей подкреплений»* [52; 46]. И, обосновывая это решение командования ГА «Юг», Манштейн продолжает: *«Пусть здесь даже и возник бы – возможно, даже тя-*

жёлый – местный кризис, с оперативной точки зрения он не имел никакого значения. Наоборот, он давал нам в руки шанс превратить его в большую победу. Ведь теперь крупные силы противника были втянуты в бой западнее Вислы, а он мог окончиться только их поражением, если, конечно, немецкая сторона действовала бы правильно» [52; 46].

Итак, командование группы армий «Юг» решило извлечь выгоду из создавшегося положения. Однако не надо думать, что немецкие генералы были в восторге от «заварившейся» на Бзуре «каши», как можно было бы понять из процитированного выше участка текста мемуаров Манштейна. Вот, мол, попались поляки-голубчики. Может быть, мысль о том, что поляки попались, что они даже облегчили немцам задачу, не уйдя за Вислу, и пришла к немецким военачальникам уже в ходе сражения на Бзуре, но первоначально им было точно не до восторгов. *«Всё это, происшедшее за какие-нибудь сутки, было для немцев ударом грома среди ясного неба. Всё перепуталось не центральном участке фронта»,* – так охарактеризовал настроения в германских штабах различных уровней современный российский военный историк М.И. Мельтюхов [56; 265].

По сути, новый план развития кампании, утверждённый директивами буквально на днях, пришлось на ходу корректировать. И тут, действительно, было важно не совершить ошибку. Сохранив хладнокровие, и командование ГА «Юг», и ОКХ предприняли шаги, не только нейтрализовавшие пер-

воначальный успех поляков, но и приведшие к убедительной победе над ними.

Успехи, достигнутые армией «Познань» 10 сентября, были переоценены в Варшаве. Главный штаб передал Кутшебе приказ о развитии наступления на Радом и Красник, т.е. армия «Познань» должна была прорываться к окружённым под Радомом частям и соединениям армий «Лодзь», «Прусы» и «Люблин». Само собой, что никакого предварительного согласования действий войск Кутшебы и радомских окруженцев Главный штаб не проводил. Более того, свой приказ о наступлении к Радому Стахевич передавал Кутшебе прямым текстом, так как польский шифр к тому моменту уже попал в руки немцев. Правда, начальник Главного штаба постарался закамouflировать свой приказ такой жаргонной фразой: *«Познаньская армия должна идти на обед к Вержбицкому и далее на юг»* [56; 265]. Ресторан Вержбицкого находился в Радоме.

Смысл этой радиограммы, перехваченной германским командованием, тайной для него не стал. И теперь оно уже точно знало, что армия Кутшебы не будет уходить на Варшаву и за Вислу. Вот тогда-то, наверное, в штабе группы армий «Юг» и в Генеральном штабе Сухопутных войск вермахта могли начать потирать руки от удовольствия: поляки сами лезли в мышеловку.

Впрочем, 11-го числа ситуация для немцев на Бзуре продолжала ухудшаться. Выполняя приказ Главного штаба, Кут-

шеба создал оперативную группу в составе 4-й и 16-й пехотных дивизий. Во главе её был поставлен генерал М. Болтуч. Группа нанесла удар на Сobotу и Лович, заняла эти населённые пункты, а затем начала развивать наступление на юг [56; 265].

Когда Манштейн пишет, что *«штаб группы армий отклонил просьбу командования 8-й армии о присылке подкрепления в составе танкового корпуса»* [52; 46], – это не значит, что никаких немецких сил на Бзуру не перебрасывалось, и «спасение утопающих» явилось «делом рук самих утопающих», т.е. 8-я армия была предоставлена самой себе и решала проблему самостоятельно. Как раз наоборот. Переброска соединений группы армий «Юг» в район Бзуры шла экстренно и массивно. Более того, приказом ОКХ с северо-запада на Бзуру был переброшен III армейский корпус 4-й армии группы армий «Север», переданный в подчинение группе армий «Юг» [37; 29], [56; 266]. Да и 8-я армия без помощи оставлена не была. *«С запада в это время как раз подходили, – отмечает Манштейн, – обе дивизии, находившиеся в резерве группы армий и следовавшие за 8-й армией (речь идёт о 213-й и 221-й пехотных дивизиях [52; 41] – И.Д., В.С.). Они были брошены против западного фланга противника, атаковавшего 8-ю армию с севера. Для этой же цели была выделена одна лёгкая дивизия, участвовавшая в подходе к концу сражения у Радома (речь идёт, вероятно, о 1-й лёгкой пехотной дивизии [56; 208] – И.Д., В.С.)»* [52; 46]. III армей-

ский корпус, переданный ГА «Юг», 13 сентября групповым командованием также был подчинён армии Бласковица [56; 266].

Соединениями группы армий «Юг», которые были в спешном порядке переброшены на Бзуру, кроме двух указанных пехотных дивизий и лёгкой пехотной дивизии, явились: XI армейский корпус (18-я и 19-я пд), подошедший с востока – от Мшанува; XVI моторизованный корпус, поведший наступление от Варшавы обеими своими танковыми дивизиями (1-й и 4-й) (на позициях под польской столицей его сменили части XV моторизованного корпуса) [52; 46], [56; 265 – 266].

Штаб группы армий *«приступил к окружению противника»*, – констатирует Манштейн.

В самом деле, 8-я армия, получившая *«задачу отразить продолжающиеся атаки противника»* и перейти в наступление, *«как только они начнут ослабевать»* [52; 46], запирала путь армии «Познань» на юг. С запада её охватывали 213-я и 221-я пехотные дивизии. С северо-запада и севера – соединения III армейского корпуса. С востока и юго-востока – XVI моторизованный и XI армейский корпуса.

Немцы, не испытывавшие каких-либо затруднений на соседних с Бзурой участках польско-германского фронта, имели возможность осуществить перегруппировку своих войск быстрыми темпами.

Очевидно, понимание этого факта заставило к концу бое-

вого дня 11 сентября генерала Стахевича отменить свой приказ о наступлении армии «Познань» в сторону Радома. Армия должна была возобновить своё продвижение на Варшаву [46; 29], [56; 265].

Но было уже поздно.

Приказ Стахевича дошёл до Кутшебы, очевидно, только 12 сентября. Примерно в это же время генералу стало известно, что части армии «Лодзь», которые располагались между Лодзью и Радомом и избежали Радомского «котла», на соединение с которыми он рассчитывал в первую очередь, уже спешно отошли на северо-восток. Об объединении с ними не могло быть и речи. Кутшеба приказал прекратить атаки и начать отвод войск за Бзуру с тем, чтобы, собрав их в районе Ловича, попытаться пробиться на восток [56; 266].

13 сентября, выполняя приказ командующего армией, группа Кнолля отшла на север. Однако 8-я немецкая армия не только не перешла к преследованию противника, что должна была сделать, согласно ранее отданному приказу, но сама отступила на юг.

Очевидно, именно последнее событие послужило поводом для посещения Манштейном и Рундштедтом штаба 8-й армии. Впечатления от данного визита у командующего и начальника штаба группы армий «Юг» остались крайне неблагоприятные. Манштейн отмечает, что именно они и *«вынудили штаб группы армий взять руководство этой операцией в свои руки»* [52; 47]. 14 сентября Рундштедт принял лично

на себя непосредственное командование немецкими силами на Бзуре [68; 9], [74; 21].

13 сентября стало днём первого массированного использования немецкой авиации против войск генерала Кутшебы – 200 самолётов люфтваффе непрерывно бомбили польские боевые порядки [56; 266]. Правда, погодные условия 14 – 15-го числа резко снизили активность германских лётчиков. Зато к 16 сентября немецкое авиационное командование смогло задействовать на Бзуре уже 820 самолётов. С этого дня и до самого окончания боёв в данном районе колонны польских войск, их позиции находились под постоянным воздействием самолётов противника [46; 29], [56; 266].

С 14 сентября положение армии «Познань» стало стремительно ухудшаться – немцы стягивали вокруг неё кольцо окружения. Попытка ударной группы под командованием генерала Бортновского (6, 14-я и 26-я пехотные дивизии), переправившись у Ловича через Бзуру, нанести в этот день удар в восточном направлении, закончилась неудачей. Войска Бортновского столкнулись с выходящей в данный район 4-й танковой дивизией XVI моторизованного корпуса и вынуждены были отступить [56; 266].

После этого Кутшеба решил попробовать прорваться к Варшаве через Кампиносскую Пущу, расположенную в низовьях Бзуры. У генерала оставалась надежда, что плотность немецких войск в лесном массиве не будет высокой. Для прорыва им создавалась оперативная кавалерийская группа

(ОКГ) [56; 266], [68; 9], [74; 21].

15 сентября немцы перешли в наступление по всему бзурскому фронту [68; 9].

16 сентября польские войска нанесли сразу два удара, пытаясь прорвать кольцо окружения. Первый – снова в район Ловича, он вновь был отбит немцами. Второй – через Кампиносую Пущу. Здесь дела пошли более успешно – с ожесточёнными боями ОКГ прорывалась вперёд. Первым прорвал кольцо окружения и вышел к Варшаве 14-й уланский полк. За ним последовали другие части, входившие в оперативную кавалерийскую группу. Через Кампиносую Пущу вслед за ОКГ прорвались также остатки 15-й и 25-й пехотных дивизий поляков. Вместе с этими войсками из окружения вышли генералы Кутшеба, Кноль-Ковнацкий и Токарежский. Всего Варшавы достигли около 30 тысяч польских солдат и офицеров из состава армий «Познань» и «Поможе». Отдельные разрозненные отряды и группы вышли к Модлину [37; 29], [46; 29], [56; 266], [68; 9 – 10], [74; 21].

Остальным польским войскам, действовавшим на Бзуре, вырваться из окружения не удалось. 17 сентября 8-я немецкая армия заняла Кутно и перерезала шоссе Кутно – Лович. XI армейский корпус двинулся через Бзуру между Сохачёвом и Ловичем на северо-запад. 19 сентября части XVI моторизованного корпуса достигли берега Вислы в устье Бзуры. Форсировав Бзуру, они также стали развивать наступление на Кутно. Этими ударами польская группировка была

расчленена на несколько изолированных друг от друга частей. Мужество польских солдат, бросавшихся в яростные контратаки, уже ничего не могло изменить. 19 сентября стало последним днём организованного сопротивления польской группировки на Бзуре. Долше всех сопротивлялись части, загнанные немцами в привисленские леса, – они сложили оружие в 22.00 21 сентября [46; 29], [56; 266 – 267].

Данные о попавших в плен на Бзуре поляках в литературе разнятся – говорят либо о 120 тысячах, либо о 170 тысячах пленных [46; 29], [56; 267], [68; 10], [74; 21]. Вторая из указанных цифр, безусловно, заимствована приводящими её авторами у Манштейна. Вот что пишет по этому поводу автор «Утерянных побед»:

«К 20 сентября 10-я армия захватила 80 000 пленных, 320 орудий, 130 самолётов и 40 танков. 8-я армия захватила 90 000 пленных и огромное количество военной техники. В этих боях было разгромлено 9 вражеских пехотных дивизий, 3 кавалерийские бригады и частично ещё 10 дивизий, следовательно, гораздо больше соединений, чем мы ожидали» [52; 47].

Помимо упомянутых 170 тысяч пленных (какую цифру оспаривать мы не будем), данный отрывок содержит явно завышенное количество соединений в польской группировке на Бзуре. Мы помним, что объединённые силы армии «Познань» и остатков армии «Поможе» составляли всего 8 пехотных дивизий и 2 кавалерийские бригады. Подобное за-

вышение количества соединений у противника – одна из характернейших черт мемуаров Манштейна. К этому приёму он будет прибегать не раз, повествуя о войне с Советским Союзом.

Разгром армии «Познань» и объединившихся с ней остатков армии «Поможе» на Бзуре означал, что Польша лишилась последней боеспособной армии. В составе Войска Польского теперь не было ни одного войскового объединения. Всё, что продолжало сопротивление, представляло из себя осколки объединений, соединений, частей, импровизированно объединявшиеся в группировки различных размеров с целью попытаться решить те или иные задачи.

Манштейн так оценил битву на Бзуре и её итоги:

«Сражение на Бзуре явилось самой большой самостоятельной операцией Польской кампании, её кульминационным, если не решающим моментом. С оперативной точки зрения этим решающим моментом был уже глубокий охват всей польской армии группой армий «Север» севера и 14-й армией с юга. Продиктован ли был этот единственный крупный контрудар командования польской армии надеждой изменить ход сражения в Висленской дуге, или он преследовал только одну цель – пробить находившимся южнее Варшавы польским войскам путь на Варшаву, – в судьбе польской армии он уже не мог ничего изменить.»

Если сражение на Бзуре и не может сравниться по своим результатам со сражениями на уничтожение окружённого

противника, проводившимися позже в России, оно является самым большим сражением подобного рода, имевшим место до того времени. Это сражение не могло планироваться заранее как результат прорыва фронта противника силами крупных танковых соединений, оно возникло в результате нанесения контрударов, проводившихся с немецкой стороны в обстановке, которое вследствие действий противника неожиданно создала для нас большие возможности» [52; 47 – 48].

Итак, бои на Бзуре явились сражением последней польской полевой армии с немецкими войсками. Но и после их окончания продолжалась начавшаяся ещё 8 сентября героическая оборона польской столицы. Упорство защитников Варшавы, длительность её обороны, значительные силы немецких войск, которые германское командование бросило на штурм города, заставили Манштейна рассматривать этот штурм как отдельный этап кампании группы армий «Юг».

Хотя, как мы помним, первоначально ни командование 10-й армии, войска которой стремительно двигались к Варшаве, ни командование группы армий «Юг», ни ОКХ не были склонны видеть во взятии столицы Польши какую-либо проблему. Это предполагалось сделать походя, чуть ли не между прочим. *«Противник находится в полном отступлении к Висле южнее Варшавы. Варшава будет очищена»,* – эта хвастливая реляция генерала Рейхенау, содержащаяся в отданном им приказе по 10-й армии от 6 сентября, очевид-

но, не вызывала возражений на более высоких уровнях германского командования.

Да, возможно, так бы оно и случилось – Варшаву скоренько бы очистили, если бы все польские военачальники были подобны своему главнокомандующему, маршалу Рыдз-Смигле, удравшему из столицы в ночь с 6 на 7 сентября, а все польские государственные деятели уподобились бы президенту Мосцицкому, смазавшему пятки из Варшавы ещё 1 сентября.

Нельзя в данном случае употребить словосочетание «к счастью», но, безусловно, к чести варшавян и всей Польши в критический момент в польской столице нашёлся и совсем другой военный, и совсем другой политический деятель. Военным был генерал бригады Корпуса охраны пограничной (КОП) Валериан Чума. Гражданским деятелем, готовым не убежать, а организовать оборону города, явился президент (по-нашему – градоначальник) Варшавы Стефан Старжиньский [46; 34 – 35].

Напомним, что к 7 сентября части XVI моторизованного корпуса 10-й армии группы армий «юг» вышли на рубеж реки Пилица и находились всего в 60 километрах от Варшавы. Поскольку никаких организованных польских войск, готовых попытаться остановить немецкую танковую лавину, перед XVI моторкорпусом не было, то ему действительно оставался один-единственный бросок к польской столице. Немцы успешно его и сделали – 8 сентября танки 4-й танковой

дивизии вышли к южным окраинам города и попытались ворваться в него. Но не тут-то было. Неожиданно для себя немцы натолкнулись на вполне организованное сопротивление и подготовленную оборону.

Что же произошло?

Приказом военного министра от 3 сентября генералу Чуме с целью организации обороны столицы передавалось всего 5 батальонов и некоторое количество артиллерии. Ясно, что для защиты такого большого города, как Варшава, этого чудовищно мало. Других регулярных войск в городе на тот момент практически не было. Энергичными усилиями Чуме за несколько дней удалось самостоятельно сформировать ещё 3 пехотных полка. Одновременно градоначальник Старжиньский 5 сентября объявил о создании так называемой гражданской обороны. Жители Варшавы были полны решимости защищать свой город. Создавались добровольческие вооружённые отряды (в их формировании большую роль сыграли рабочие; в рабочие батальоны вступило свыше 6 тысяч человек), отряды Красного Креста, пункты первой медицинской помощи, пожарные команды. Десятки тысяч варшавян трудились на рытье окопов, строительстве баррикад и противотанковых заграждений [37; 30], [46; 34 – 35], [56; 258 – 259].

Кроме того, Варшава как магнитом притягивала к себе отступающие польские войска. Все, кто имел хотя бы теоретическую возможность достигнуть столицы, стремились от-

ступить именно к ней, к румынской границе отступали менее охотно. Постепенно, уже в ходе начавшихся боёв за столицу в город подходили и прорывались части, подразделения, остатки соединений армий «Модлин», «Лодзь», «Прусы», «Люблин». В конечном итоге, как говорилось выше, здесь же оказались и осколки армий «Познань» и «Поможе».

Словом, к 8 сентября некоторую оборону удалось организовать. В последствии, с подходом польских воинских частей, она только укреплялась.

Большую помощь варшавянам и гарнизону города оказали войска генерала Кутшебы, вступившие в сражение с войсками 8-й армии ГА «Юг» на Бзуре. Конечно, армию «Познань» и остатки армии «Поможе» ждали в Варшаве. Не вяжись Кутшеба в бои на Бзуре или ограничь он свой контрудар весьма результативным выпадом 10 сентября, его войска большей частью пополнили бы гарнизон Варшавы. Под командой у Кутшебы находилось в тот момент не менее 150 тысяч человек. Но ещё вопрос, смогли бы эти силы принести польской столице больше пользы, войди они в состав её гарнизона, а не вступи в схватку с немцами на Бзуре? В конце концов, дерясь на Бзуре, они оттянули на себя от Варшавы большую часть находившихся на тот момент в районе города войск 10-й армии (XI ак и XVI мк), отсрочили прорыв к городу войск 8-й армии. Вполне возможно, III ак 4-й армии ГА «Север», который был брошен на окружение сил генерала Кутшебы, также мог выйти к польской столице и штур-

мовать её с северо-запада. Вместо этого он оказался на Бзуре. Десять дней (с 10 по 19 сентября) немцы концентрировали свои силы против войск Кутшебы и Бортновского, а могли всё это время концентрировать и использовать их против Варшавы. Даже силы своей авиации немцы вынуждены были в значительной степени отвлекать от Варшавы и бросать к месту бзурских боёв. Достаточно сказать, что, например, 17 сентября, когда наступление немцев на бзурском фронте достигло своего пика, германское авиационное командование отменило все боевые вылеты, не связанные с районом Бзуры [68; 10], [74; 21].

Позволим себе высказать сомнение, что простое насыщение варшавского гарнизона живой силой за счёт подхода армий «Познань» и «Поможе» позволило бы ему продержаться дольше. Ведь в результате капитуляции Варшавы в плен к немцам попало свыше 100 тысяч человек польских военнослужащих, т.е. бойцов в городе и так было достаточно [52; 52], [56; 275]. Однако усиление натиска на польскую столицу после победы над армией Кутшебы позволило немцам менее чем за десять дней сломить их сопротивление. Не будем забывать и о том, что именно оттягивание сил группы армий «Юг» от Варшавы к Бзуре позволило проскочить в город многим тысячам польских военнослужащих. Не будь бзурских боёв, войска Рундштедта могли очень плотно обложить Варшаву ещё в начале 10-х чисел сентября, и тогда ещё вопрос – оказались ли бы в столице те десятки тысяч

её защитников, которые в реальности там оказались, весьма существенно пополнив варшавский гарнизон.

Словом, по нашему глубокому убеждению, армии «Познань» и «Поможе» сделали гораздо больше для защиты столицы, сражаясь на Бзуре, чем они сделали бы, окажись они в городе. Хотя, безусловно, ни в том, ни в другом случае ситуация, в принципе, не могла измениться – Варшава всё равно пала бы. Вопрос был только в сроках. Как мы полагаем, тот вариант событий, который имел место в реальности, позволил польской столице продержаться дольше.

Однако вернёмся непосредственно к событиям обороны города.

Итак, попытка немцев взять Варшаву «кавалерийским наскоком» 8 сентября потерпела провал. Немцы потеряли убитыми и ранеными большое количество солдат и четыре танка [37; 30], [46; 35], [56; 260].

Тем не менее, в этот день берлинское радио передало сообщение о взятии Варшавы. Первоначально, видимо, и германское командование, и германское политическое руководство были введены в заблуждение донесением командира 4-й танковой дивизии, ворвавшейся 8 сентября на южные окраины города, который, в свою очередь, очевидно, ошибся сам, поддавшись «шапкозакидательским» настроениям в отношении занятия Варшавы, царившим 6 – 8 сентября у немецкого командования различных уровней (см. выше). Правда, ошибка выяснилась довольно быстро. Но политическое ру-

ководство Рейха решило использовать ошибочные известия о взятии польской столицы в целях скорейшего втягивания Советского Союза в события в Польше, выставив его перед Англией и Францией в качестве своего союзника. Это манёвр даже имел определённый успех, ибо 9 сентября нарком иностранных дел В.М. Молотов в ответ на зондаж посла Германии в СССР Шуленбурга относительно *«военных намерений советского правительства»* в Польше заявил, что *«советские военные действия начнутся в течение ближайших дней»* [56; 287]. В этот же день нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников подписали приказы Военным советам Киевского и Белорусского Особых военных округов о готовности войск этих округов к наступлению к исходу 11 сентября [56; 287].

Но уже 9 сентября советской стороне стало известно, что известия о взятии немцами Варшавы ошибочны, и вступление Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины было отложено. Сам этот факт, а также и все последующие события, о которых мы рассказывали в главе III данной книги, со всей очевидностью говорят о том, что выступать союзником нацистской Германии в Польше Советский Союз не собирался и преследовал на её территории исключительно собственные интересы.

Между тем, германское командование в течение 9 сентября стремилось привести в соответствие радиосообщение от

8 сентября и подлинное положение дел со взятием польской столицы. В 7.45 4-я танковая дивизия возобновила штурм, бросив в атаки на кварталы Охота и Чисто 30 танков в сопровождении многочисленной пехоты и при поддержке артиллерии. Однако эта атака была отбита с серьёзными потерями для немецкой стороны. Такая же участь постигла и последующие две атаки, предпринятые командованием 4-й танковой дивизии 9 сентября. Принимавшие участие в штурме 35-й и 36-й танковые, 12-й и 33-й моторизованные полки понесли значительные потери. По имеющимся данным, только бои 9 сентября стоили 4-й танковой дивизии 45 танков, потерянных безвозвратно, да ещё нескольких десятков машин, получивших серьёзные повреждения и подлежащих ремонту [46; 36], [56; 260 – 261]. Попытки подтвердить победные репортажи, таким образом, закончились полным провалом.

Атаки, предпринятые 10-го и в ночь с 10-го на 11-е число, также не дали немцам никаких положительных результатов. Потери же ещё больше возросли. Правда, наученное горьким опытом командование 4-й тд уже осторожней бросало танки для атак на улицах варшавских предместий – за 10 сентября список безвозвратных танковых потерь пополнился всего 5 машинами [46; 36].

Подобное развитие событий явилось и для командования 10-й армии, и для командования группы армий «Юг» полной неожиданностью – «закидать» Варшаву «шапками» не получилось.

Однако на тот момент гарнизон Варшавы был крайне немногочисленным. Он составлял 17 пехотных баталонов, 10 батарей лёгкой и 6 батарей тяжёлой артиллерии, 1 батальон танков. Указанные формирования насчитывали 17 825 человек и имели на вооружении 10 475 винтовок, 475 пулемётов, 34 противотанковых орудия, 30 орудий калибром 75- и 105-мм, 36 зенитных орудий и 33 танка [37; 30], [56; 259]. Данных сил при умелом их использовании вполне могло хватить на отражение «кавалерийского наскока» 4-й танковой дивизии XVI моторизованного корпуса немцев. Но, в общем, для круговой обороны такого большого города как Варшава их было явно недостаточно. Дальнейшая концентрация сил германских войск у стен польской столицы могла привести к очень скорому её падению.

И тут, как нельзя кстати для защитников Варшавы и очень не вовремя для германской стороны, разгорелось сражение на Бзуре. Выше уже отмечалось, что командование ГА «Юг» было вынуждено бросить на Бзуру и уже находившиеся под Варшавой войска и перенаправлять туда соединения, устремлявшиеся или могущие устремиться к польской столице. Достаточно сказать, что первоначально на позициях под городом осталась только 31-я пехотная дивизия, а шедший к Варшаве XV моторизованный корпус 10-й армии закончил сосредоточение в намеченном ему районе только 16 сентября [56; 261, 265 – 266]. Ясно, что в подобных условиях в столицу вполне могли не только прорываться с боями,

но и просто проходить подкрепления, и гарнизон города рос численно. В частности, уже 10 сентября в город прошли избежавшие окружения севернее Радома части армии «Лодзь» во главе с самим генералом Руммелем, возглавившим так называемую армию «Варшава», задачей которой становилась оборона польской столицы. В эту армию был чисто механически включён и гарнизон Модлина, реальной связи и взаимодействия с варшавским гарнизоном не имевший [46; 37], [56; 261].

Правда, германское Верховное командование попыталось компенсировать отвлечение сил группы армий «Юг» от польской столицы действиями 3-й армии группы армий «Север». Браухич отдал её командующему генералу Кюхлеру приказ энергично атаковать Варшаву [68; 9]. Кюхлер в течение 13 и 14 сентября обложил город своими силами с северо-востока и востока и изготавился к штурму Праги, восточного пригорода Варшавы, который и начал 15 сентября. В атаки пошли 36 батальонов пехоты при поддержке танков и артиллерии. Прагу обороняли бойцы 21-го пехотного полка под командованием полковника Станислава Сосабовского. Они отразили все немецкие атаки и сами, нанеся контрудар, практически разгромили 11-ю пехотную дивизию 3-й армии. После этого и Кюхлеру стало ясно, что к штурму польской столицы надо готовиться всерьёз. Его войска окопались на достигнутых рубежах. Началась систематическая бомбардировка Варшавы силами германской артиллерии и

авиации [46; 38], [56; 261 – 262], [68; 9].

Попыток штурма города до окончания бзурских событий больше не предпринималось.

«После уничтожения самой сильной из всех противостоящих нам группировок противника в сражении на Бзуре,.. – пишет Манштейн, – группа армий приступила к выполнению задачи захвата Варшавы. [...]

Можно было предвидеть, и об этом штаб группы армий доложил ОКХ, что подготовка к наступлению на Варшаву не сможет быть завершена до 25 сентября. Ведь для этого наступления мы хотели подтянуть всю тяжёлую артиллерию РК, в том числе артиллерию 14-й армии, находящуюся в Галиции (выделено нами – И.Д., В.С.)» [52; 50].

Как контрастируют эти слова Манштейна о подготовке тщательнейшего штурма польской столицы (даже с подтягиванием тяжёлой артиллерии из Галиции) с хвастливой реляцией Рейхенау от 6 сентября о скором «очищении» Варшавы. Что ни говори, и на Бзуре, и под Варшавой поляки утёрли нос гитлеровским войскам, заставив их быть осторожными, ибо показали, что могут хорошо воевать и наказывать немцев за излишнюю самонадеянность.

Но как не осторожничали Рундштедт и Манштейн, Гитлер не был склонен давать им слишком много времени на подготовку штурма города. Собственно, «топать ногами», требуя от ОКХ ускорения захвата польской столицы, Гитлер начал ещё после своего посещения района боёв группы армий

«Юг» на Бзуре и под Варшавой 12 сентября [37; 30], [52; 47]. Надо полагать, что именно после этого «топанья» Браухич и приказал Кюхлеру попытаться штурмовать Варшаву с востока. Что из данного штурма вышло – мы знаем. Не вышло ничего. Ускоряться же за счёт войск 8-й и 10-й армий группы армий «Юг» в тот момент возможности объективно не было, ибо основные их силы были задействованы в битве на Бзуре. Но как только последняя стала подходить к концу, фюрер снова стал требовать быстрее взятия Варшавы. Особенно подстёгивало его в указанных требованиях то обстоятельство, что 17 сентября РККА перешла польскую границу и стала быстро продвигаться в западном направлении. По этому поводу Манштейн, между прочим, замечает: *«Однако после того как Советы 17 сентября объявили войну Польше, и Висла была намечена в качестве демаркационной линии между ними и нами, Гитлер стал очень спешить с занятием Варшавы. Он приказал захватить город к 30 сентября. То, что политическое руководство требует от генералов достижения победы, это понятно. Но то, что оно устанавливает и срок, когда победа должна быть одержана, это, безусловно, нечто необычное.*

Штаб группы армий преследовал цель добиться победы по возможности с наименьшим количеством жертв. В его намерения не входило ради определённой даты принести ненужные жертвы» [52; 51].

Как не фрондирует против установления Гитлером ка-

ких-то произвольных датировок взятия Варшавы Манштейн в своих воспоминаниях, хоть и утверждает он, что командование группы армий «Юг» было, мол, не намерено эти датировкам следовать, тем не менее, оно им последовало, ибо 19 сентября уже генерал Бласковиц, командующий 8-й армией, на которую командование ГА «Юг» возложило главные задачи по взятию Варшавы, отдал приказ подчинённым войскам о генеральном штурме. Штурм предполагалось закончить к 25 сентября(!) [37; 30], [56; 273].

Ни слова не говоря о датах отдачи соответствующих директив, Манштейн так формулирует задачи 8-й армии:

«Для штаба группы армий было ясно, что внезапное наступление на город при существовавших условиях не обещало успеха. Ни в коем случае, однако, он не хотел – по каким бы причинам этого от него ни требовали – идти на сражение в самом городе. Такое сражение потребовало бы от наступающих частей, так же неминуемо, как и от населения, огромных человеческих жертв.

Поэтому штаб группы армий приказал 8-й армии, которой был поручен захват Варшавы, обеспечить наступательными действиями образование вокруг крепости тесного сплошного кольца, примерно по линии идущей вокруг города кольцевой трассы. Вслед за тем город должен был быть принужден к сдаче в результате обстрела, бомбардировок с воздуха, а если это не приведёт к цели, – в результате нехватки продовольствия и воды. Здесь следу-

ет заметить, что наш штаб успешно противодействовал желанию Гитлера подвергнуть город бомбардировке в более раннее время, так как атаки с воздуха не находились бы в непосредственной связи с военными действиями и не принесли бы ощутимых результатов (выделено нами – И.Д., В.С.).

25 сентября был открыт огонь на разрушение по внешним фортам, опорным пунктам и важнейшим базам снабжения города» [52; 51].

Отрывок требует некоторых комментариев.

Во-первых, из него видно, что командование группы армий «Юг» ни в коем случае не хотело втягивания в уличные бои в Варшаве. Что это будет долгим и нелёгким делом, стало для Рундштедта и Манштейна вполне понятно к середине сентября. «Шапкозакидательские настроения» конца первой недели войны уже прошли. Ясно было, что поляки способны устроить хорошие уличные бои. Это не только привело бы к большим потерям в личном составе, но и сильно отдалило бы окончательное занятие города. Сроки, установленные фюрером, могли быть сорванными. А этого ни Рундштедт, ни Манштейн (как не бравурирует он в своих воспоминаниях несогласием с этими сроками) тогда совсем не хотели.

Потому Варшаву решили добивать и принуждать к сдаче мощнейшими авиационными и артиллерийскими бомбардировками, а если понадобится – то и голодом.

Сочетание в процитированном отрывке мемуаров Ман-

штейна всех этих выкладок с человеколюбивыми заявлениями о стремлении избежать жертв среди мирного населения просто-таки поражает! Это ж как надо измолотить авиацией и артиллерией большой город с сильным гарнизоном, это ж как его надо морить голодом, чтобы он сдался даже без прорыва вражеских войск на его территорию? Это действительно «човеколюбивые» бомбардировки, это и впрямь «гуманная» блокада! Этакий «гуманизм» по-нацистски! Вот такой вот «гуманизм» гитлеровцы потом с успехом применят к Ленинграду. Применят стопроцентно, потому что Ленинград, в отличие от Варшавы, так и не сдался.

Во-вторых, для подтверждения своей «човеколюбивой» лжи Манштейн снова лжёт, заявляя о том, что командование ГА «Юг» из заботы о мирном населении Варшавы ограничивало её авиационные бомбардировки до начала решительного штурма. Раз, мол, штурма не было, чего зря и мирных людей убивать? Уж когда штурм начнётся, там оно понятно – «на войне как на войне». Увы, да ничего не поделаешь. Но до штурма – ни-ни!

Так вот. Авиационные удары по польской столице не прекращались с первых дней войны. Их интенсивность упала в связи с событиями на Бзуре, и ни о каких «човеколюбивых» ограничениях тут речи и близко не шло. Как только бзурские события стали приближаться к своей развязке, немецкая авиация вновь активизировалась в небе над Варшавой. Эта активизация началась с 16 сентября [56; 273].

То же самое можно сказать и об артиллерийской обработке города – начавшись с подходом немецких войск к городу 8 сентября, она усилилась после того, как германские соединения, покончив с поляками на Бзуре, вновь стали сосредотачиваться вокруг польской столицы.

Уже 20 сентября в небе над Варшавой работали 620 самолётов люфтваффе. На следующий день Геринг отдал приказ использовать против Варшавы основные силы 1-го и 4-го воздушных флотов.

В ночь с 21 на 22 сентября началась самая мощная фаза авиационной и артиллерийской обработки польской столицы. 25 сентября город бомбили 1 150 самолётов. Бомбардировка в этот день продолжалась непрерывно с 7.00 до 18.00. Было сброшено более 560 тонн фугасных и 72 тонны зажигательных бомб. Суточный расход артиллерийских снарядов для обстрела Варшавы в эти дни составлял: на орудие калибром 150 – 170-мм – 1 700 снарядов, на 105-мм орудие – 500 снарядов. 25 сентября по городу было выпущено 500 тысяч снарядов [37; 30], [46; 38 – 39], [56; 273 – 274].

Между тем, и это – в-третьих, Манштейн только к 25 сентября приурочивает начало обстрелов и бомбардировок *«опорных пунктов и важнейших баз снабжения города»*, давая тем самым понять, что вот тогда-то войска ГА «Юг» и предприняли штурм. Выставляя себя и Рундштедта этакими «человеколюбцами», он в то же время показывает, что действия по штурму польской столицы начались именно то-

гда, когда командование ГА «Юг» и намечало.

Углубляя свою ложь, Манштейн далее заявляет:

«26 сентября были сброшены листовки, в которых сообщалось о предстоящем обстреле города и содержалось требование сдать город. Так как польские войска продолжали оказывать упорное сопротивление, 26 сентября вечером начался обстрел самого города» [52; 51].

На самом деле, со слов самого же Манштейна, мы знаем, что штурм, по мнению командования ГА «Юг», и заключался в обстрелах и бомбардировках. И приказ о такого рода штурме был отдан уже 19-го числа и весьма успешно выполнялся (см. выше).

Что же произошло 26 сентября?

То, о чём Манштейн умолчал в своих мемуарах – попытка «классического» штурма города, с переходом воинских формирований в атаку. Первыми её начали части XIII армейского корпуса 8-й армии, затем к ним присоединились войска XI армейского корпуса 10-й армии. В течение 26-го и первой половины дня 27 сентября в результате ожесточённых боёв немцам удалось продвинуться вперёд всего на 100 метров на западных окраинах Варшавы. На других участках успехи были ещё скромнее или вообще отсутствовали [46; 39], [56; 274].

Потому-то Манштейн и молчит об этих успехах немецких войск, что они были весьма и весьма скромны.

памятуя о том, что ввязываться в бои на улицах города

командование группы армий «Юг» совсем не хотело, приходится предполагать, что эта не очень удачная попытка XIII и XI армейских корпусов по овладению позициями и фортами внешнего кольца обороны Варшавы носила больше характер психологического давления на поляков – мало того, что немцы производят мощнейшие обстрелы и бомбардировки города, так им ещё и удалось захватить кольцо внешних укреплений.

В общем, расчёт Рундштедта и Манштейна оказался точен – хоть захват внешнего оборонительного обвода был осуществлён далеко не по всему фронту, но на польское командование он, очевидно, подействовал сильно.

Здесь надо заметить, что интенсивность авиационных бомбардировок и артиллерийских обстрелов города 26 – 27 сентября не снижалась. Так, в налётах 27 сентября вновь, как и 25 сентября, участвовало 1 150 самолётов люфтваффе [37; 30].

Шквал снарядов и бомб, обрушивавшийся на Варшаву с особой интенсивностью с 21 по 27 сентября, нанёс городу страшный ущерб. В развалинах лежали многие городские кварталы, были разрушены или очень сильно повреждены электростанция, центральная и районные телефонные станции, водопровод, очистные сооружения. Другими словами, Варшава лишилась своей инфраструктуры. В городе не было электричества, не хватало воды, что зачастую делало невозможным тушение многочисленных пожаров, которые возни-

кали из-за использования немцами в большом количестве зажигательных бомб. По свидетельствам очевидцев, польская столица в эти дни представляла собой море пламени.

Быстро росли жертвы среди защитников Варшавы, особенно среди мирного населения. Больницы и госпитали были переполнены. Медикаментов катастрофически не хватало. Убитых хоронили в городских скверах и парках.

Всего на польскую столицу было сброшено 5 818 тонн бомб. Львиная доля этого количества пришлась на последнюю неделю её обороны [56; 274].

Если немцы бомб и снарядов не жалели, то у защитников Варшавы наблюдалась их нехватка, в условиях блокады обострявшаяся с каждым днём. Уже 17 сентября генерал Чума запретил расчётам 75-мм орудий обстреливать германскую пехоту, если она не предпринимает наступательных действий. 19 сентября батареям противотанковых орудий было приказано открывать огонь исключительно по бронетехнике. Ежедневная норма расхода снарядов на орудие определялась в 20 штук. Солдатам тыловых частей выдавалось всего по 10 патронов [46; 38].

Очевидно, именно все эти обстоятельства и повлияли на решение польского командования капитулировать.

Безусловно, положение Варшавы было безнадежно. Но город ещё имел ресурсы для защиты. Гарнизон и жители столицы, несмотря на все ужасы воздушных и артиллерийских бомбардировок, были полны решимости продолжать борьбу.

бу. И всё-таки 27 сентября командование польского гарнизона предложило немцам заключить перемирие, прекратить огонь и обсудить условия капитуляции столицы.

Капитуляция была подписана 28 сентября в 13.15 на фабрике «Шкода». С немецкой стороны её подписал генерал Бласковиц, с польской – генерал Кутшеба [37; 30 – 31], [46; 40], [56; 274 – 275], [68; 11].

Не исключено, что на принятие генералами, возглавлявшими оборону Варшавы (Руммелем, Кутшебой, Стахеви-чем, Чумой), решения о капитуляции повлиял и приказ, отданный Рыдз-Смиглы. 26 сентября на варшавский аэродром приземлился новейший, изготовленный перед войной в единственном экземпляре, бомбардировщик «Сом», прилетевший из Румынии. Он привёз командованию гарнизона столицы приказ маршала о переходе армии к подпольной работе, написанный им на шёлковом платке(!) [68; 11]. По сути, подобный приказ означал разрешение Верховного главнокомандующего на капитуляцию гарнизона.

Что бы не подвигло генералов, стоявших во главе войск, оборонявших столицу, сложить оружие, сами эти войска в основной своей массе и значительная часть горожан отнеслись к решению о прекращении борьбы крайне отрицательно. Многие считало, что командование их просто предало. Среди офицеров были нередки случаи самоубийства. Командирам пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить части, рвавшиеся в бой. И отдельные солдаты, и целые

подразделения игнорировали приказ о сдаче вооружения на специальные пункты, что было определено условиями капитуляции, и зарывали или уничтожали своё оружие, чтобы оно не досталось врагу [46; 40], [56; 275].

Сдача в плен гарнизона Варшавы началась с вечера 29 сентября. Утром 1 октября в город вступила 10-я пехотная дивизия XIII армейского корпуса 8-й армии. Командир этой дивизии генерал Кохенгаузен стал комендантом города. Восточное предместье польской столицы Прага было занято войсками I армейского корпуса 3-й армии группы армий «Север» [56; 275].

2 октября в Варшаве в присутствии Гитлера состоялся парад победы войск вермахта [56; 275].

В ходе обороны Варшавы погибло около 5 тысяч польских военнослужащих, около 16 тысяч были ранены. Значительно большими оказались потери среди мирного населения города – 25 тысяч человек были убиты и около 50 тысяч ранены [37; 30], [56; 275]. Такова цена «человеколюбивой заботы» командования группы армий «Юг» о мирном населении Варшавы, которое это командование, по словам Манштейна, стремилось уберечь от лишних жертв, и именно, в значительной степени, поэтому применило массированную авиационную и артиллерийскую бомбардировку города, постаравшись избежать уличных боёв.

В плен к немцам, по польским данным, попало 102 456 военнослужащих (5 031 офицер и 97 425 унтер-офицеров и

рядовых) [56; 275]. Манштейн в мемуарах приводит более высокую цифру польских военных, оказавшихся в немецком плену после взятия Варшавы – 120 000 человек [52; 52].

Последними серьёзными боевыми действиями, которые пришлось вести войскам группы армий «Юг», были бои с оперативной группой «Полесье» севернее Люблина.

Об этой группе речь у нас уже шла в главе III данной книги. Первыми пришлось столкнуться с опергруппой «Полесье» под командованием генерала Ф. Клеэберга советским войскам Украинского и Белорусского фронтов. Будучи создана в районе Полесья, вобрав в себя множество разношёрстных частей и подразделений (армейских, пограничных, морских (моряков Пинской флотилии), жандармерии и полиции), эта группа в конце сентября пыталась воспрепятствовать продвижению частей Красной Армии в полесском регионе. Понеся серьёзные потери в боях с войсками Украинского фронта, группа Клеэберга отступила, намереваясь двигаться на помощь Варшаве. Отступая, она пополнялась отдельными разрозненными частями и подразделениями польской армии, оказывавшимися на пути её продвижения, отходившими как с запада (от немцев), так и с востока (от Красной Армии). К моменту начала боёв с германскими войсками оперативная группа «Полесье» включала части 50-й и 60-й пехотных дивизий, сводной кавалерийской дивизии, Подляской кавбригады и личный состав 13-й учебной авиаэскадрильи. В ней насчитывалось не менее 18 тысяч человек

[56; 276].

Узнав о капитуляции Варшавы, генерал Клеэберг изменил направление движения своих частей и пошёл на Демблин, надеясь захватить город и получить в своё распоряжение запасы вооружения, боеприпасов и продовольствия тамошних военных складов. В ходе продвижения к Демблину северо-восточнее Коцка 2 октября поляки столкнулись с 13-й моторизованной дивизией XIV моторизованного корпуса 10-й армии группы армий «Юг». Утром 3 октября Клеэберг атаковал немцев, но недостаток боеприпасов заставил его отступить и попытаться оторваться от противника. Командование XIV мк бросило в помощь 13-й мд вторую моторизованную дивизию корпуса – 29-ю. Она должна была нанести удар по войскам Клеэберга с запада, в то время как 13-я мд билась по ним с юго-востока. Таким образом, вокруг группы «Полесье» стало стягиваться кольцо окружения. Узнав об этом, Клеэберг решил вновь атаковать 13-ю моторизованную дивизию немцев и разбить её до подхода в район боёв 29-й моторизованной дивизии. 5 октября он начал осуществлять свой план. Польские войска дрались мужественно. Кавалеристам удалось прорвать левое крыло немцев и зайти им в тыл. Но развить этот успех поляки не смогли – снова подвёл недостаток боеприпасов. 6 октября окружённая германскими войсками опергруппа «Полесье» сложила оружие. В плену у немцев оказалось около 17 тысяч человек [46; 41], [56; 277], [68; 12], [74; 32].

На этом, по сути, закончилась Польская кампания вермахта. В дальнейшем имели место лишь отдельные боестолкновения с уцелевшими мелкими группами польских военных. О событиях, связанных с перемещением к линиям демаркации с советскими войсками, рассказывалось в главе III этой книги. Повторно останавливаться на них мы не будем.

По данным, которые приводит Манштейн в «Утерянных победах», группа армий «юг» захватила в ходе боёв 523 136 пленных, 1 401 орудие, 7 600 пулемётов, 274 самолёта, 96 танков и «огромное количество другой военной техники» [52; 53].

По его же данным, потери группы армий «Юг» составили: убитыми – 6 554 человека (из них: офицеров – 505, унтер-офицеров и солдат – 6 049), ранеными – 20 478 человек (из них: офицеров – 759, унтер-офицеров и солдат – 19 719), пропавшими без вести – 4 064 человека (из них: офицеров – 42, унтер-офицеров и солдат – 4 022) [52; 53]. Таким образом, безвозвратные потери группы (убитые плюс пропавшие без вести) – 10 618 человек.

Общие армейские потери Польши в войне с Германией составили: убитыми и пропавшими без вести – 66 300 человек, ранеными – 133 700 человек, пленными – 420 000 человек. Было потеряно 2 218 орудий и миномётов, 391 самолёт. Польские танковые потери неизвестны [26; 83], [37; 31], [46; 42], [56; 404], [68; 12], [74; 32].

Общие людские потери вермахта в Польской кампании

оказались значительно меньше потерь польской армии: убитыми немцы потеряли 10 572 человека, пропавшими без вести – 3 409 человек, ранеными – 30 322 человека [26; 83], [37; 31], [56; 404], [83; 44].

А вот о потерях боевой техники и вооружения этого не скажешь. В боях с поляками немцы лишились 229 танков, 564 самолёта⁵⁸ (что в 1,4 раза больше, чем у поляков), 4 588 автомашин [56; 404]. Конечно, с одной стороны, о потерях польских танков и автомашин в боях данные отсутствуют, а с другой, – поляки проиграли войну, их страна была оккупирована, и что не было уничтожено в боях – стало немецкими трофеями. Однако даже с учётом этого немецкие потери в технике и вооружении выглядят очень значительными. Скажем, средние потери танков в день составляли у немцев 7 – 8 единиц, а самолётов – 18 – 19 единиц (это при полном господстве немецкой авиации в воздухе).

Хотелось бы обратить внимание читателей на ряд нюансов, связанных с подсчётом потерь сторон в германо-польскую войну.

Первый заключается в противоречиях данных, приводимых Манштейном по польским пленным, захваченным войсками группы армий «Юг», и потерям самой группы с соответствующими данными по всем германским войскам, участвовавшим в кампании. В самом деле:

---

⁵⁸ Есть и другая цифра потерь немецкой авиации в Польскую кампанию – 285 машин, что почти в 1,4 раза меньше, чем у поляков [46; 42].

Пленные польские Захваченные ГА «Юг» Общие данные по

военнослужащие (по данным Манштейна) германским войскам

523 136 человек 420 000 человек

Пропавшие без вести В ГА «Юг» Общие данные по военнослужащие (по данным Манштейна) германским войскам

вермахта 4 064 человека 3 409 человек

Получается, с одной стороны, что и захватили немцы в Польше вообще в плен более чем на 100 тысяч человек меньше, чем продекларировал Манштейн только для своей группы армий, а с другой, – потеряли без вести пропавшими в ходе Польской кампании вообще на 655 человек меньше, чем Манштейн заявил для своей группы армий.

Цифра польских военнопленных, приведённая Манштейном, противоречит данным, введённым в оборот историками во второй половине 60-х годов прошлого столетия [26; 83], [37; 31], [56; 404, 457]. Зато она вполне согласуется с немецкими данными времён Второй мировой войны, нашедшими отражение в работе К. Типпельскирха «История Второй мировой войны». В ней говорится о 694 тысячах польских военнослужащих, попавших в плен к немцам в ходе Польской

кампании вермахта [83; 42]. А вот данные Манштейна по без вести пропавшим противоречат и Типпельскирху – цифра 3 409 человек – это именно цифра Типпельскирха, принимаемая большинством современных учёных без возражений [26; 83], [37; 31], [56; 404, 457], [68; 12], [83; 44].

Второй нюанс заключается в следующем. Цифра потерь вермахта убитыми в Польской кампании в 10 572 человека также имеет своим источником труд Типпельскирха [83; 44]. Данные Манштейна по соответствующей статье потерь группы армий «Юг» ей не противоречат (6 554 человека). Но на данный момент читатель может встретить в литературе и другие цифры потерь вермахта убитыми в Польше в 1939 году – 16 343 человека или около 17 тысяч человек [46; 42], [68; 12], [74; 32].

И ещё один момент, о котором бы хотелось бы сказать. В книге Б. Мюллера-Гиллебрандта «Сухопутная армия Германии в 1939 – 1945», которая на данный момент в западной историографии считается образцом исторических исследований и чуть ли не учебником по истории Второй мировой войны, приводятся следующие цифры безвозвратных потерь вермахта в войне с СССР за **9 июньских дней 1941 года**: убитых – 22 000 человек, пропавших без вести – 900 человек [46; 43]. Итого – около 23 000 человек. Это больше, чем за всю 36-дневную Польскую кампанию вермахта, даже если принять его безвозвратные потери в Польше максимальными (т.е. около 20 000 человек). Отсюда можно сделать весьма

простой вывод: воевали поляки храбро, но неумело. Во всяком случае, менее умело, чем Красная Армия в июне 1941 года.

ГЛАВА VIII

КАМПАНИЯ ВЕРМАХТА НА ЗАПАДЕ. «УДАР СЕРПА».

КОМАНДИР XXXVIII АРМЕЙСКОГО КОРПУСА

После успешного завершения Польской кампании Манштейн был награждён планками к Железным крестам. Его начальник, командующий группой армий «Юг» генерал-полковник Рундштедт, также получил планки к Железным крестам, а сверх того удостоился награждения Рыцарским крестом [26; 84].

3 октября 1939 года Рундштедт был назначен командующим Восточным округом, который образовывался на оккупированных польских территориях. Штаб группы армий «Юг» преобразовывался в штаб округа. Манштейн остался на посту начальника штаба. В то же время штаб группы армий «Север» был переброшен на Западный фронт [26; 84], [52; 58].

«Такое решение, – пишет Манштейн, – генерал-полковник Рундштедт и его штаб, естественно, восприняли с горечью.

Ведь группа армий «Юг» принимала самое активное участие в боевых действиях во время Польской кампании. Теперь нас оставили без внимания в Польше, в то время как группа армий «Север» получила новые важные задачи. Кроме того, нам казалось малопривлекательным играть роль оккупационных властей, с администрацией, во главе которой стоял один из руководящих деятелей партии» [52; 58].

Впрочем, огорчаться Манштейну пришлось недолго – уже 15 октября генерал Рундштедт был назначен командующим группой армий «А», а Манштейн – начальником штаба этой группы армий [52; 61].

Эта группа армий предназначалась для ведения боевых действий против войск англо-французской коалиции на Западном фронте.

Ещё 27 сентября 1939 года Гитлер на совещании главнокомандующих видов вооружённых сил и их начальников штабов приказал незамедлительно готовить наступление на Западе. *«Было бы неправильно ждать... и затягивать наше наступление по своей воле, – подчеркнул фюрер. – Кратчайший срок – наилучший. ...Если мы будем вынуждены вести позиционную войну, то успеха можно добиться лишь использованием подводных лодок и авиации. Если что и способно лишить противника желания вести борьбу, то это – наступление на его страну.*

[...]

Необходимо в любом случае немедленно подготовить на-

ступление на Францию» [23; 137].

Причём, задачи у этого наступления должны быть самые решительные. *«Цель войны, – заявил Гитлер, – поставить Англию на колени, разгромить Францию» [23; 138].*

9 октября командующим видами вооружённых сил была направлена «Памятная записка и руководящие указания по ведению войны на Западе». В «Записке...» определялось, что предстоящая кампания должна носить характер блицкрига, намечались её стратегические цели. Вполне определённо указывалось, что наступать на Западе германские войска будут, не считаясь с нейтралитетом Бельгии, Нидерландов и Люксембурга [21; 28], [26; 84 – 85], [37; 36], [52; 82].

Уже 19 октября 1939 года эти, довольно общие, положения были конкретизированы – главнокомандующий Сухопутных сил вермахта генерал Браухич подписал директиву о сосредоточении и развёртывании сил для проведения операции на Западе. Эта директива получила кодовое название «Гельб» («Жёлтый») [7; 57], [21; 28], [26; 85], [37; 36].

Правда, «Жёлтый план», сохраняя своё кодовое название, не раз корректировался и уточнялся, обретя окончательный вид только в феврале 1940 года.

Одной из причин корректировок плана был перенос сроков начала кампании. Гитлер, в полном соответствии с положениями, высказанными им на совещании 27 сентября, требовал максимально скорого открытия боевых действий. Так, первый срок, установленный им, был 15 октября. Но, как мы

видели, к этому времени ОКХ даже и разработку плана кампании закончить не успело. Новой датой, названной фюрером, стало 12 ноября. Но из-за погодных условий и этот срок пришлось переносить [26; 85], [52; 82]. В общей сложности, вплоть до мая 1940 года, дата начала наступления против Франции менялась 29 раз [21; 28]. В ряде случаев такие переносы вели к тем или иным доработкам плана (в особенности это касалось первоначальных изменений срока начала операции). Ведь пребывали войска с Польского фронта, подходили вновь созданные или завершившие подготовку части и соединения из самой Германии. Меняющийся наряд сил на кампанию не мог не вызывать корректировки плановых работ.

Но подобные изменения плана «Гельб» не носили всё-таки принципиального характера. Однако в феврале 1940 года был утверждён радикально отличный от первоначального вариант «Жёлтого плана». И тем, кто настоял на принятии этого нового варианта, был не кто иной, как генерал Манштейн.

В своих воспоминаниях он пишет: *«Когда я 21 октября 1939 года получил в Цоссене для группы армий “А”, как теперь называлась бывшая группа армий «Юг», Директиву о развёртывании “Гельб” для намеченного наступления на западе, я сделал в своём дневнике запись: “Комментарии Гальдера, Штюльпнагеля и Грейфенберга производят довольно угнетающее впечатление”. Генерал фон Штюльпнагель был*

тогда начальником 1-го управления и правой рукой начальника Генерального штаба Гальдера, полковник фон Грейфенберг – начальником оперативного управления ОКХ» [52; 68].

И далее: «Из высказываний этих трёх человек можно было ясно понять, что эта директива о развёртывании представляла собой план ведения военных действий, навязанный ОКХ Гитлером» [52; 68].

Затем Манштейн на многих страницах обосновывает ту мысль, что Гитлер навязал ОКХ не только идею наступления на Западном фронте, не только произвольно устанавливал сроки начала этого наступления, но и продиктовал (в общих чертах, конечно) командование Сухопутных войск сам план наступательной операции [52; 68 – 76]. «...Гитлер заранее установил, как должна была осуществляться наступательная операция: в обход линии Мажино, через Бельгию и Голландию», – пишет он [52; 82].

Безусловно, что руководство ОКХ не разделяло мысли Гитлера о проведении наступления на Западе, считая необходимым придерживаться здесь оборонительного способа ведения войны. Оно вообще желало как можно быстрее завершить эту войну и, главным образом, именно поэтому не хотело эскалации боевых действий с Францией и Англией, к которой, конечно же, привела бы попытка немецкого наступления. В то же время в решительную победу германской армии над Францией и Англией ни Браухич, ни Гальдер, ни

их ближайшие помощники не верили, а следовательно, полагали, что наступление вермахта поведёт только к затягиванию боевых действий (другими словами, повторится ситуация, сложившаяся в ходе Первой мировой войны).

Манштейн также абсолютно прав, что Гитлер самостоятельно и произвольно устанавливал сроки начала наступательной операции.

Но вот в том, что само конкретное воплощение плана «Гельб» было навязано ОКХ Гитлером, в том, что, как пишет Манштейн, *«командующему Сухопутными силами оставалось только технически осуществить эту операцию»* [52; 82], позволим себе усомниться. Главным образом по той простой причине, что предложения Манштейна по радикальному пересмотру плана «Гельб» встретили резкие возражения не со стороны Гитлера, а именно со стороны Браухича и Гальдера. Также и потому, что своим смещением с поста начальника штаба группы армий «А» Манштейн «обязан» вовсе не Гитлеру, а ОКХ, которое таким образом отреагировало на его борьбу за вариант «Жёлтого плана», отличный от предложенного ОКХ. Последнее обстоятельство подтверждает и сам Манштейн: *«...Вряд ли можно сомневаться в том, – пишет он, – что моя отставка с поста начальника штаба группы армий объясняется желанием ОКХ отделаться от надоевшего ему настойчивого человека, который посмел противопоставить его оперативному плану другой план»* [52; 120].

В целом, утверждение Манштейна о том, что первоначальный вариант плана «Гельб» был навязан Браухичу и Гальдеру Гитлером, находится в полном соответствии с одной из главных тенденций его книги – обвинять практически во всех неудачах вермахта вообще и его, Манштейна, в частности, именно фюрера. Вот и первоначальный, неудачный, ошибочный вариант плана войны с Францией был, согласно Манштейну, задуман Гитлером, а ОКХ лишь вело его детальную разработку.

Конечно, заявления Гитлера об игнорировании нейтралитета Бельгии, Голландии и Люксембурга сами собой вели к мысли о наступлении севернее линии Мажино. Да это, собственно, единственный здравый способ ведения наступательной операции на Французском фронте. Переть в лоб на линию Мажино, конечно, можно. Но каков будет результат этого напора – догадаться нетрудно.

Однако сама идея наступления севернее линии Мажино ещё не есть автоматическое воспроизведение плана Шлиффена. В конце концов, и сам Манштейн предлагал наступления севернее этой линии, и он не считался с нейтралитетом Бельгии и Люксембурга, но то, что предлагал он, к плану Шлиффена не имело никакого отношения. А вот новая «реинкарнация» этого плана времён Первой мировой войны полностью «заслуга» Браухича и Гальдера. В данном случае эти два военачальника, которым не очень-то и хотелось наступать на Западном фронте, «новых путей не искали». «До-

стали пыльные папки с полок», подработали кое-что, исходя из современных условий, и «нате вам» – план «Гельб». Спорить же фюреру с тем, что наступление по равнинной Бельгии и Голландии наиболее удобно, вряд ли представлялось возможным. По видимости, с первого взгляда, по логике оно так и есть. И до того, как строптивый начальник штаба группы армий «А» стал усиленно «проталкивать» свой вариант плана Французской кампании, никто фюрера в этом и не разубеждал.

С подобной трактовкой данного вопроса вполне согласуется точка зрения биографа Манштейна фельдмаршала лорда Карвера, немецких историков В. Блейера, К. Дрехслера, Г. Фёрстера, Г. Хасса, современных российских исследователей Ю.Н. Лубченкова, В.О. Дайнеса [7; 57], [26; 86 – 87, 89 – 90], [39; 304 – 306], [49; 256], [50; 354].

Но каков всё-таки был первоначальный вариант плана «Гельб», и какие возражения он вызвал у Манштейна?

Итак, как утверждает Манштейн, *«оперативные замыслы ОКХ в основных чертах напоминали знаменитый план Шлиффена 1914 года»* [52; 97].

Согласно директиве от 19 октября 1939 года, предусматривалось нанести сильным правым крылом германской армии удар в направлении на Голландию и Северную Бельгию и разбить находящиеся в Бельгии и Северной Франции англо-французские силы вместе с бельгийской и голландской армиями.

Исходя из этого замысла, группировка немецких войск была следующей.

Наиболее сильной была правофланговая группировка, состоявшая из двух частей, выполнявших единую задачу, – армейской группы «Н» и группы армий «Б». Они развёртывались по нижнему течению Рейна и в Северном Эйфеле.

Армейская группа «Н» подчинялась напрямую ОКХ. В её задачу входило наступление в Голландии, севернее реки Вaal, в общем направлении на Утрехт. При удачном стечении обстоятельств группа должна была обеспечить захват Амстердама и Роттердама.

Группа армий «Б» (командующий – генерал-полковник фон Бок) должна была наступать севернее и южнее Льежа на Брюссель, затем, не теряя времени, развивать удар на запад. Из района Антверпена оттеснить противника в район Гента и Брюгге и запереть его там.

В состав группы армий «Б» входило три армии: 2-я, 6-я и 4-я (с севера на юг).

Объединённая группировка правого крыла (армейская группа «Г» и группа армий «Б») насчитывала 43 дивизии (30 пехотных, 9 танковых и 4 моторизованных).

Операция группы армий «Б», преследующая, преследующая цель достичь решительного успеха, прикрывалась с юга группой армий «А» (командующий – генерал-полковник Рундштедт). Она развёртывалась в Южном Эйфеле и Гунсрюке. Свою, в сущности, вспомогательную задачу она осу-

ществляла, нанося удар через Южную Бельгию и Люксембург. Правым флангом она по возможности быстро продвигалась через Маас южнее Намюра, чтобы, в зависимости от обстоятельств, прикрыть или расширить фронт наступления группы армий «Б» на запад южнее реки Самбра.

Группа армий «А» состояла из двух армий – 12-й и 16-й (с севера на юг) и насчитывала 22 пехотные дивизии. Т.е. ни одного подвижного соединения в её составе не было.

Группа армий «Ц», состоявшая из двух армий – 1-й и 7-й (с севера на юг), и 18 пехотных дивизий, должна была охранять «Западный вал» на всём его протяжении от люксембургской до швейцарской границы. Её задачи были чисто оборонительные.

В резерве ОКХ оставалось 17 пехотных и 2 моторизованные дивизии [26; 85], [52; 95 – 96, 616 – 619].

«Целью этого наступления, – говорилось в директиве по стратегическому развёртыванию «Гельб» от 19 октября 1939 года, – осуществляемого на северном фланге Западного фронта через голландско-бельгийскую и люксембургскую территорию, будет разгром по возможности крупных сил французской армии и её союзников и одновременно захват возможно большего пространства на территории Голландии, Бельгии и Северной Франции как плацдарма для успешного ведения воздушной и морской войны с Англией и как широкой полосы обеспечения Рурской области» [52; 616 – 617].

Как видим, планом нанесения решительного пораже-

ния англо-французской коалиции, планом полного разгрома Франции первоначальный вариант плана «Гельб» не был.

Манштейн так резюмировал содержание и смысл этой разработки ОКХ: *«Мощный правый кулак должен был разбить силы англо-французской армии, которые, по нашим данным, находились в Бельгии, в то время как слабая левая рука должна была прикрывать этот удар. Целью операции в отношении территориальных задач был выход на побережье Ла-Манша. Что должно было произойти после этого первого удара, из директивы нельзя было узнать»* [52; 97].

Манштейна не устраивала ни постановка цели кампании, ни способ её достижения. Неприятие декларируемой «Жёлтым планом» цели вело к отрицанию предлагаемого им варианта действий или наоборот – сам план операции, не устраивающий Манштейна, заставлял отрицать её цели – вопрос. Во всяком случае, высказывания Манштейна позволяют предполагать и первую, и вторую причинно-следственную связь.

«Целью наступления на Западе должно было являться одержание решительной победы на суше. Стремление добиться частной победы, лежащее в основе директив ОКХ, не было оправдано ни с политической (нарушение нейтралитета трёх стран), ни с военной точки зрения. Ударная сила германской армии на континенте, в конечном счёте, является для нас решающим фактором. Расходовать её на достижение частных целей недопустимо, если учесть хотя

бы такой фактор, как Советский Союз», – так Манштейн передаёт в своих мемуарах содержание 1-го пункта записки, поданной им совместно с Рундшtedтом в ОКХ 31 октября 1939 года и содержащей новый, в корне отличный от разработки Генерального штаба, вариант плана «Гельб» [52; 102].

Легко заметить, что здесь «во главу угла» ставятся именно цели кампании, и подвергается критике их ограниченность в разработке ОКХ.

Однако вот что пишет автор «Утерянных побед» о своих первых впечатлениях от плана «Гельб» в варианте от 19 сентября 1939 года: *«Оперативные замыслы ОКХ в основных чертах напоминали знаменитый план Шлиффена 1914 года. Мне показалось довольно удручающим то, что наше поколение не могло придумать ничего иного, как повторить старый рецепт, даже если он исходил от такого человека, как Шлиффен. Что могло получиться из того, что из шкафа доставали военный план, который противник уже однажды проштудировал вместе с нами и к повторению которого он должен быть подготовлен!»* [52; 97]

То есть чисто военный, оперативный аспект, соображения, с ним связанные, кажется, всё-таки были первичными в отрицании Манштейном разработки ОКХ.

Как бы там ни было, но оба этих пункта – ограниченность целей кампании и устаревший, ошибочный способ их достижения, предполагавший сосредоточение основных усилий германской армии на её правом фланге, несмотря на

многочисленные изменения, вносимые в план «Гельб», продолжали оставаться в нём основополагающими до февраля 1940 года.

Первые изменения в положения плана ОКХ внесло уже 29 октября 1939 года. «Инструкция по стратегическому развёртыванию “Гельб”», выпущенная ОКХ в этот день, исключала из театра военных действий Голландию. Следовательно, отменялось создание армейской группы «Н», а силы, занаряженные для неё, передавались группе армий «Б» [52; 95, 620 – 622]. Позже Голландия вновь была включена в зону военных действий, но это не привело к воссозданию армейской группы «Н». Теперь на территории этой страны должна была действовать группа армий «Б», усиленная 18-й армией [52; 95, 621].

Во второй половине ноября 1939 года «Жёлтый план» вновь претерпел довольно существенные изменения, оставшись, однако, неизменным в основных своих положениях (главный удар на правом фланге и ограниченные цели кампании). Очевидно, предложения Манштейна по его радикальному пересмотру (в чём эти предложения заключались, мы скажем несколько ниже) всё-таки подействовали на Гитлера, оставив, между тем, абсолютно равнодушным командование Сухопутных войск вермахта.

Манштейн вспоминает:

«12 ноября мы получили совершенно неожиданно следующую телеграмму (из ОКХ – И.Д., В.С.):

«Фюрер отдал приказ: на южном фланге 12-й армии или в полосе наступления 16-й армии ввести третью группу подвижных войск...

Перед этой группой ставятся следующие задачи:

а) разбить переброшенные в Южную Бельгию подвижные силы противника и облегчить тем самым 12-й и 16-й армиям выполнение их задачи;

б) в районе Седана или юго-восточнее его внезапно переправиться через Маас и создать тем самым благоприятные предпосылки для продолжения операций, в особенности в случае, если действующие в составе 6-й и 4-й армий бронетанковые соединения не могут быть использованы» [52; 107].

Этот приказ фюрера имел следствием появление дополнений, которые ОКХ разработало к своим ранее изданным директивам по варианту стратегического развёртывания «Гельб». Данные дополнения, учитывающие вышеозначенные указания, предусматривали передачу группе армий «А» XIX моторизованного корпуса (командир – генерал Гудериан) для действий в Южной Бельгии и обеспечения переправы германских войск через Маас у Седана [52; 107–108].

Манштейн так отозвался об этих последних изменениях, внесённых в «Жёлтый план»:

«Он (Гитлер – И.Д., В.С) мог увидеть, что легче всего форсировать Маас у Седана... Возможно, он понял, что переправа через Маас у Седана создаст удобный плацдарм (для

переправы южного фланга группы армий «Б» через Маас), и хотел, как всегда, преследовать все заманчивые цели сразу.

[...]

Что же касается, однако, передачи в состав группы армий 19-го танкового корпуса, то, по замыслу Гитлера, она преследовала, безусловно, только тактическую цель, достижение которой должно было облегчить форсирование Мааса и для группы армий «Б».

И в присланном ОКХ дополнении к директиве нигде не упоминается об изменении общего замысла» [52; 107 – 108].

Но 20 ноября Верховное Главнокомандование вермахта (ОКВ) издало директиву № 8, которая поставила Генеральному штабу Сухопутных войск задачу разработать новый вариант операции «Гельб», который предусматривал бы нанесение главного удара в полосе группы армий «А» в случае, если там обозначится более быстрый и значительный успех, чем у группы армий «Б» [26; 85], [52; 109].

Вот это было уже «покушение на самые основы» плана «Гельб». Казалось бы, возможность нанесения удара не правым, а левым крылом германской группировки должна быть предусмотрена. Но Манштейн оценивает директиву № 8 весьма сдержанно:

«Я допускаю, что Гитлер в конце ноября хотел оставить за собой возможность перенесения направления главного удара из района действий группы армий «Б» в район действий группы армий «А» уже в ходе осуществления операции.

Однако это ещё ни в коей мере не означало отхода от прежнего оперативного плана или принятия основных положений штаба группы армий “А”... Прежняя директива полностью оставалась в силе» [52; 110 – 111].

Манштейн склонен видеть смысл директивы № 8, скорее, в следующем:

«...Речь, очевидно, шла в первую очередь об усилении бронетанковых сил, входящих в состав группы армий (имеется в виду группа армий «А» – И.Д., В.С.), с целью выполнить задачу, поставленную Гитлером, – прорвать оборону на рубеже реки Маас у Седана для обеспечения действий группы армий “Б”» [52; 110].

В самом деле, директива ОКВ привела лишь к переброске в конце ноября XIV моторизованного корпуса, находившегося до этого момента на восточном берегу Рейна, в район, расположенный непосредственно за районом развёртывания группы армий «А». Но в подчинение этой группе он передан не был и оставался в резерве ОКХ, что предполагало его использование в зависимости от обстановки – либо в полосе наступления ГА «Б», либо в полосе наступления ГА «А» [52; 109].

Это были самые кардинальные изменения, внесённые в первоначальный вариант плана «Гельб».

Первая докладная записка с предложением о пересмотре плана «Гельб» была подана командованием группы армий «А» в Генштаб Сухопутных войск 31 октября 1939 года. За-

тем последовал целый ряд подобных записок – 6 ноября, 21 ноября, 30 ноября, 6 декабря, 18 декабря и 12 января 1940 года [52; 105, 108 – 109, 622 – 654]. Наконец, в феврале 1940 года Манштейн, будучи на приёме у Гитлера, лично доложил ему план штаба группы армий «А». И именно данный доклад явился последней каплей – после него Гитлер отдал приказ о коренном пересмотре плана «Гельб» в духе предложений Манштейна (об этом событии подробнее – немного ниже).

Что ж? Командованию группы армий «А» не откажешь в упорстве и настойчивости в отстаивании своих взглядов. Причём, эту настойчивость надо относить в большей степени именно на счёт Манштейна. Здесь весьма показательным обстоятельством, что генерал-полковник фон Рундштедт имел возможность ещё 23 ноября 1939 года лично доложить Гитлеру план операции, разработанный штабом группы армий «А», ибо в этот день с генералами Бушем и Гудерианом был у него на приёме. Однако, как утверждает Манштейн, Рундштедт не поднимал перед фюрером указанную проблему [52; 110].

Что тут сыграло роль – соображения субординации (Рундштедт не хотел действовать через головы своих непосредственных командиров – Браухича и Гальдера) или нежелание перечить фюреру (ибо, судя по всему, Рундштедт, так же как и Манштейн, считал, что тот вариант плана «Гельб», который усиленно продвигает ОКХ, стопроцентно является воплощением требований Гитлера) – остаётся только гадать.

Но вот Манштейна в феврале не остановили ни те, ни другие соображения – личный доклад фюреру был им сделан.

В чём же, более конкретно, были причины неприятия Манштейном первичного варианта «Жёлтого плана», и какие предложения выдвигались им? Если обобщать все доводы и предложения Манштейна, учитывая те изменения, которые план «Гельб» претерпел до момента его кардинального пересмотра, то картина получается следующая:

1. Цели кампании не должны носить частный, ограниченный характер, например, разгром крупных сил противника в Бельгии и захват части побережья Ла-Манша. Эти цели должны быть с самого начала решительными. Войска изначально необходимо нацеливать на полный разгром французской армии и окончательное сокрушение Франции.

2. Для достижения подобной решительной цели кампании главный удар правым крылом немецкой группировки, т.е. силами группы армий «Б», совершенно не годится. Почему? 43 дивизии группы армий «Б», наступавшие через Северную Бельгию, сразу столкнулись бы с 20 дивизиями бельгийской армии. Поскольку Голландия, в конечно итоге, согласно плану «Гельб», всё-таки включалась в зону боевых действий, то в противостояние были бы вовлечены ещё 10 голландских дивизий. Конечно, эти 30 дивизий противника уступали и по своим боевым качествам, и количественно дивизиям вермахта, но зато они могли опираться на сильные укрепления и естественные препятствия (укрепрайоны по обе стороны

от Льежа, вдоль канала Альберта, удлинённого до крепости Антверпен, укрепления вдоль реки Маас с опорным пунктом – крепостью Намюром – в Бельгии; в Голландии – многочисленные водные препятствия, которые с успехом могла использовать голландская армия). Всё это позволило бы бельгийцам и голландцам продержаться несколько дней. А затем к ним на помощь подоспели бы англо-французские силы. Группа армий «Б» оказывалась лицом к лицу с равным по силе противником. Ни о каком стремительном броске, решительном и быстром обходе вражеской группировки не могло быть и речи. Войска правого крыла германской армии были обречены увязнуть в ожесточённых боях и максимум, на что могли рассчитывать, – тактические успехи.

3. Из вышеизложенных соображений следует вывод – главный удар должен быть перенесён на левый, южный, фланг немецкой группировки, и осуществлять его должна группа армий «А». Нанеся удар через Арденны (где противник не ждал мощного удара и массированного применения подвижных соединений, вследствие ограниченной проходимости местности) в Южную Бельгию, группа развивала наступление в направлении нижнего течения реки Соммы. Этим достигалось отсечение всего северного фланга противника в Северной Франции и Бельгии. Тем самым закладывались предпосылки для достижения решительной победы над Францией.

При этом группа армий «Б», как и было намечено, наноси-

ла удар в Северной Бельгии и Голландии, но теперь удар этот приобретает вспомогательный характер, сковывающий силы противника.

4. Однако при таком варианте действий германской стороны возникает и ряд опасностей. Прежде всего, противник может попытаться отойти из Бельгии и Северной Франции за Сомму. Если этот его ход будет удачен, он может бросить все имеющиеся в его распоряжении силы для контрнаступления на широком фронте против южного крыла германской армии с целью окружения всех германских войск в Бельгии или даже шире – южнее Нижнего Рейна.

Если противник при удачном отходе за Сомму всё же не пойдёт на описанный выше контрудар с решительными целями, то всё же у него будет прекрасная возможность, используя свои резервы, создать новый сплошной фронт. Он может начинаться у северо-западной границы линии Мажино, проходить восточнее Седана, затем по течению рек Эна и Сомма – до Ла-Манша.

Для того чтобы лишить противника указанных возможностей, необходимо, прежде всего, посредством решительного наступления разбить его силы в междуречье Мааса и Уазы. Также необходимо энергичными действиями группы армий «Б» лишить противника возможности планомерного, упорядоченного отвода войск из Бельгии и Северной Франции за нижнее течение Соммы.

5. Группа армий «А», которой теперь в операции предсто-

яло наносить главный удар, должна быть усилена ещё одной армией, т.е. получить вместо двух армий три.

Эту третью армию необходимо развернуть на северном фланге группы армий «А» (по планам штаба группы, это могла быть либо 18-я, либо 2-я армия). В её задачу входило форсировать Маас и нанести удар на нижнее течение Соммы, тем самым отрезав находящиеся в Бельгии англо-французские силы, отброшенные ударом группы армий «Б».

Южнее 12-я армия должна была форсировать Маас по обе стороны от Седана, затем повернуть на юго-запад и, развивая наступление, сорвать возможные попытки контрнаступления противника в районе западнее Мааса.

В задачу третьей армии из состава группы (16-й) входило обеспечение южного фланга операции, между Маасом и Мозелем.

6. Удар одного XIX моторизованного корпуса в направлении на Маас у Седана является половинчатой мерой. Если противник ударит в Южной Бельгии навстречу наступающим германским войскам крупными силами своих механизированных войск, то одного корпуса (пусть и моторизованного) будет явно недостаточно, чтобы разбить атакующего противника. Если противник не будет наносить контрудар, а ограничится удержанием рубежа реки Маас, то и в этом случае одного моторизованного корпуса будет недостаточно, чтобы форсировать Маас, прорвать оборону противника и развивать после этого успешное наступление.

Если принимать решение о том, чтобы бросить вперёд механизированные соединения, то для этого в полосе наступления группы армий «А» должны действовать не менее двух моторизованных корпусов, которые должны переправиться через Маас одновременно (у Шарлевиля и Седана) и развивать удар «плечом к плечу». Следовательно, XIV моторизованный корпус необходимо с самого начала подчинить группе армий «А», и вопрос о его подчинении группе армий «А» или группе армий «Б» нельзя оставлять открытым [26; 87 – 89], [52; 102 – 104, 622 – 654].

Таковы, в целом, были соображения штаба группы армий «А» по проведению Французской кампании.

Высшим чинам ОКХ настойчивость Манштейна, его, если можно так выразиться, настырность в доказывании ошибочности плановых разработок командования Сухопутных войск по проведению Французской кампании пришлись не по душе.

25 января 1939 года Браухич провёл в Кобленце совещание с командующими группами армий «А» и «Б» и командующими армиями, входящими в эти группы. На совещании присутствовали и начальники штабов групп армий и армий [52; 119].

Кстати, заметим, что, рассказывая об этом совещании в мемуарах, Манштейн оспаривает вошедшее в историческую литературу мнение, что к коренному пересмотру плана «Гельб» повёл инцидент с офицером (начальником опе-

ративного отдела) штаба 7-й авиационной дивизии [39; 306], [83; 55]. 10 января 1940 года самолёт, на котором летел этот офицер, сбился с курса и вынужден был совершить посадку на бельгийской территории [83; 55]. При этом в руки бельгийцев попали находившиеся при немецком штабном работнике оперативные документы, касающиеся предстоящей кампании. Как пишет Манштейн, это были, *«по меньшей мере, выдержки из плана использования 1-го воздушного флота во время операции. В этой связи следовало считаться с тем, что западные державы будут информированы Бельгией о существовавшем оперативном плане»* [52; 118 – 119]. Однако, отмечает Манштейн, *«это совещание было проведено намного позже упомянутого выше инцидента»* [52; 110]. Но при этом *«задачи групп армий “А” и “Б” остались без изменений»* [52; 119].

Манштейн делал на совещании доклад, в котором указал, *«что нанесение удара через Арденны силами одного 19-го танкового корпуса является половинчатой мерой. Он не обещает успеха под Седаном, так как противник за это время сосредоточил на Маасе крупные силы (2-я французская армия)»* [52; 119]. *«Несмотря на эти замечания, – вспоминает автор «Утерянных побед», – генерал-полковник фон Браухич заявил, что он не может передать нам 14-й (мех.) корпус»* [52; 119].

Именно после этого совещания Рундштедт был извещён Браухичем о предстоящей смене начальника штаба группы

армий «А». Сейчас трудно сказать, явился ли командующий Сухопутными войсками вермахта в Кобленц уже с готовым решением о смещении Манштейна с должности, или это были только предварительные намётки, а дискуссия между Браухичем и Манштейном на совещании стала последней каплей, и намётки превратились в решение. Во всяком случае, сам Манштейн, со слов Рундштедта, утверждает в мемуарах, что командующий группы армий «А» был извещён Браухичем *«предварительно»* [52; 120]. Но как стоит понимать это *«предварительно»*? Как просто «заранее» или как «может быть»? Другими словами, есть основания полагать, что и сразу после совещания Браухич не был окончательно уверен в том, что заменит Манштейна на посту начальника штаба группы армий «А».

Тем не менее, подобное решение состоялось довольно скоро (если и не было принято до 25 января или непосредственно в этот день), ибо уже 27 января Манштейн получил сообщение, что назначен командиром XXXVIII армейского корпуса, который в тот момент ещё даже не существовал, а только должен был начать формироваться в тылу [26; 87], [39; 305], [52; 120]. Предлог для подобного назначения был найден вполне легитимный. Как объяснил Браухич Рундштедту ещё 25 января, Манштейна *«больше нельзя обходить при назначении новых командиров корпусов, так как генерал Рейнгардт, который имеет меньшую выслугу лет в своём чине, также получает корпус»* [52; 120].

Но Манштейн вполне справедливо полагал, что ОКХ просто хотело избавиться от строптивого начальника штаба группы армий «А». Он пишет по этому поводу: *«Хотя моё назначение никак не могло рассматриваться как нарушение обычного порядка назначения на должности, в тот момент, когда предстояло большое наступление, такая смена начальников штабов выглядела очень странно. Вопрос о выслуге лет, который послужил предлогом для этого, можно было разрешить и иначе. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что моя отставка с поста начальника штаба группы армий объяснялась желанием ОКХ отделаться от надоевшего ему настойчивого человека, который посмел противопоставить его оперативному плану другой план»* [52; 120].

Со стороны Браухича и Гальдера это был шаг, вызванный, скорее, мотивами психологического, эмоционального порядка, каковые можно передать словами «да осточертел!», чем опасениями практического плана (в том ли, что Манштейн всё-таки как-то сумеет добиться своего (т.е. прыгнуть через их головы, выйдя напрямую на Гитлера); и уж тем более в том, что во время кампании он поведёт «свою игру», вопреки оперативному плану и приказам ОКХ).

Ни коим образом не можем согласиться с современным российским исследователем В.О. Дайнесом, который пишет: *«Начальник Генштаба Сухопутных сил генерал Ф. Гальдер опасался, что фон Рундштедт под влиянием начальни-*

ка штаба может склониться к проведению самостоятельных операций. Гальдер, приняв участие в командно-штабном учении, проведённом фон Манштейном. и разобравшись в его намерениях, рекомендовал командующему группой армий «А» отстранить своего начальника штаба от командования опасным южным флангом, иначе тот начнёт своё собственное сражение, которое нарушит единство замысла» [26; 86 – 87].

Причин нашего несогласия с подобным утверждением Владимира Оттовича сразу несколько.

Во-первых, причина чисто хронологического плана. Не очень понятно, о какой командно-штабной игре ведёт речь российский историк. Известно, что Гальдер принял участие в военной игре штаба группы армий «А», состоявшейся 7 февраля 1940 года [23; 259 – 260], [52; 120]. Однако к тому моменту назначение Манштейна командиром XXXVIII армейского корпуса уже давно состоялось (напомним, – 27 января). Манштейн ещё принимал участие в этой игре, но отбыл к новому месту службы практически сразу же после неё (9 февраля) [52; 120]. Любопытно, что Гальдер в своих дневниковых записях за 7 февраля, рассказывая об упомянутой игре, среди представителей командования группы армий «А» Манштейна не называет. Им упомянуты Рундштедт, Блюментрит, Гудериан [23; 259 – 260]. Т.е. Манштейн принимал участие в штабном учении уже неофициально. И рекомендовать Рундштедту снимать его с должно-

сти начальника штаба группы Гальдеру было незачем – Манштейн и так уже был с неё снят.

Во-вторых, дневниковые записи Гальдера, рассказывающие о военной игре в штабе группы армий «А» в Кобленце, не содержат ни малейшего намёка на те опасения в возможности самостоятельных, расходящихся с общим планом кампании действий командования группы армий «А» и лично Манштейна, о которых говорит В.О. Дайнес. Как отмечалось выше, о Манштейне Гальдер вообще ничего не говорит, ибо бывший начальник штаба группы присутствовал на играх как лицо неофициальное. В записях Гальдера чётко прослеживается, что командование ГА «А» имеет свою точку зрения на план предстоящей кампании, отличную от точки зрения ОКХ и уже существующего варианта плана «Гельб». Но понимание существования особого мнения группового командования вовсе не заставляет Гальдера делать вывод о возможности какой-то «крамолы» с его стороны [23; 259 – 260]. И даже наоборот.

Это «наоборот» как раз и есть третья причина нашего несогласия с утверждением В.О. Дайнеса.

Итак, в-третьих. В своих мемуарах Манштейн пишет, рассказывая о военно-штабной игре 7 февраля 1940 года: *«У меня создалось впечатление, что генерал Гальдер, присутствовавший на манёврах, наконец начал понимать правильность нашего замысла»* [52; 120]. Надо заметить, что впечатления Манштейна, судя по всему, не обманули. Дневни-

ковые записи Гальдера тоже наводят на мысль, что он стал относиться с пониманием к замыслу штаба группы армий «А».

И, наконец, в-четвёртых. На наш взгляд, предположение В.О. Дайнеса, что Гальдер опасался самостоятельных действий со стороны штаба и командующего группы армий «А», действий, которые кардинально бы шли вразрез с утверждённым планом кампании – это чересчур! Напомним, что речь идёт о вермахте, германской армии, всегда славившейся своей дисциплиной, а не о махновских бандформированиях. Безусловно, в вермахте бывали случаи вольного или невольного неподчинения командиров различных уровней приказам вышестоящих штабов. Но они не были столь часты, а главное – практически всегда были следствием крайне неблагоприятного, а то и катастрофического для немцев развития событий. В основном, подобные случаи имели место во время войны с Советским Союзом. Но чтобы командование группы армий начало играть в «свою игру» во время наступления, или «свою игру» затеял начальник штаба группы армий вопреки командующему группы – это, пожалуй, невероятно!

Вообще же, хотелось бы заметить, что не очень ясно, на основании чего почтенный российский историк сформулировал подобное утверждение – ссылок на источники он в этом случае не привёл. Охотно допускаем, что данные источники имеются, но нам они остаются неизвестны, что и за-

ставляет нас возражать В.О. Дайнесу.

Итак, 9 февраля 1940 года Манштейн выехал из Кобленца к новому месту службы – в Лигниц (Легницу) [52; 120]. А 17 февраля его вызвали вместе с другими вновь назначенными командирами в Берлин, для представления Гитлеру [26; 90], [52; 121].

После представления фюреру в честь новых командиров был дан завтрак. *«Когда мы после завтрака стали прощаться с Гитлером, – вспоминает Манштейн, – он пригласил меня в свой кабинет. Там он предложил мне изложить свою точку зрения об организации наступления на западе»* [52; 121].

Манштейн предполагает, что информированность фюрера в этом вопросе была следствием усилий подполковника фон Трескова, друга и сослуживца Манштейна по штабу группы армий «А», который в то же время был хорошо знаком с личным адъютантом Гитлера Шмундтом. По мнению Манштейна, именно Тресков довёл до Шмундта план штаба ГА «А» и убедил адъютанта доложить план лично фюреру [52; 120 – 121].

Думается, что Гитлер вполне мог быть информирован о плановых разработках Манштейна и Рундштедта и из других источников. К 17 февраля «дуэль идей» группового командования и ОКХ длилась уже три с половиной месяца, и, как говорится, шила в мешке не утаишь. Те же Браухич и Гальдер по долгу службы были обязаны докладывать в ОКВ

и Гитлеру о подобных вещах. Манштейн, считая, что ОКХ, в целом, сочувствовало его идеям, в то же время не допускает мысли, что высшие чины ОКХ (т.е. Браухич и Гальдер) могли довести до сведения Гитлера (или ОКВ) об особом мнении штаба группы армий «А». Видимо, отсутствие такого предположения в тексте мемуаров Манштейна является следствием его не очень положительного отношения к этим двум военачальникам⁵⁹. Впрочем, он всё-таки не настаивает на том, что Гитлер узнал о плане кампании, разработанном командованием группы армий «А», указанным им путём (т.е. через Шмундта), ибо пишет: «Знал ли он (т.е. фю-

---

⁵⁹ О Браухиче Манштейн пишет: *«Будущий фельдмаршал фон Браухич был очень способным генералом. ... Он вполне справлялся с руководством Сухопутными силами. Что касается его характера, то его благородство не подлежит сомнению. Нельзя отрицать и наличия у него силы воли, хотя по моим впечатлениям, её проявления носили скорее отрицательный характер, ибо она выливалась в некое упрямство, а не носила конструктивный характер. Он охотнее выслушивал чужие решения, вместо того чтобы принимать их самому и добиваться их осуществления. Иногда он, очевидно, избегал принимать их, чтобы избежать борьбы, к которой он не считал себя подготовленным. Браухич во многих случаях смело отстаивал интересы армии... Но в собственном смысле этого слова его нельзя было назвать борцом. Приложить все свои силы для осуществления своего решения – это была не его стихия»* [52; 72 – 73]. В целом, Манштейн считает, что у Браухича не было железной воли, внутреннего огня и непосредственности солдата [52; 73]. Существование подобного огня в душе он не допускает и у Гальдера, отзываясь он нём кратко, но ёмко: *«Как большинство офицеров, вышедших из баварского Генерального штаба, Гальдер прекрасно знал работу различных отделов Генерального штаба. Он был неутомимым работником. Слова Мольтке “гений – это прилежание”, очевидно, служили ему девизом. Священный огонь, который должен воодушевлять настоящего полководца, однако, вряд ли пылал в нём»* [52; 77].

пер – И.Д., В.С.) *уже от своего главного адъютанта о нашем плане, и в какой мере он в этом был информирован, я не могу сказать»* [52; 121].

Но, как бы там ни было, Гитлер великолепно разобрался в точке зрения Манштейна и одобрил её. Тем самым был запущен механизм коренного пересмотра плана «Гельб» [26; 90], [52; 121, 123].

20 февраля появилась новая директива ОКВ по плану развёртывания «Гельб», составленная по приказу фюрера. В общих чертах она содержала следующие положения, вполне согласующиеся с точкой зрения Манштейна на вопрос:

1. Нанесение удара двумя моторизованными корпусами (XIX под командованием Гудериана и XIV под командованием Витерсгейма) в направлении на Маас между Шарлевилем и Седаном и форсирование Мааса на этом участке.

2. Подчинение штаба 2-й армии (ранее находившегося в подчинении ГА «Б») группе армий «А» и передача ему сил, необходимых для формирования ещё одной армии. Тем самым было обеспечено немедленное введение её в прорыв, как только это допустит ширина полосы наступления группы армий в результате поворота 16-й армии на юг.

3. Подчинение 4-й армии (ранее также находившейся в составе группы армий «Б») группе армий «А», что давало возможность группе осуществить манёвр в направлении нижнего течения Соммы [26; 90 – 91], [39; 306], [52; 123].

Таким образом, основные усилия ударной группировки

вермахта были перенесены, как и настаивал Манштейн, на её левое (южное) крыло. Группа армий «А» должна было получить больше, чем изначально запрашивала – две дополнительные армии вместо одной. В отношении передачи группе всей 4-й армии Манштейн замечает, что групповое командование настаивало *«на передаче ей, по крайней мере, корпуса, расположенного на южном фланге этой армии, для расширения полосы наступления»* [52; 123], т.е. получили «паче чаяния», как говорится.

В то же время группа армий «Б» оставалась довольно сильной для успешного выполнения своей задачи в Северной Бельгии и Голландии.

Ядром ударной группировки южного крыла германской армии становились, естественно, механизированные соединения, которые при массированной поддержке авиации наносили удар через Арденны и Маас на южное течение Соммы. При таком направлении главного удара немцев им было даже выгодно выдвижение основных сил франко-англо-бельгийской коалиции на рубеж реки Диль в Северной Бельгии (план союзного командования так и именовался – «Диль»). Наступление на нижнее течение Соммы отсекало эти войска от остальной территории Франции. Их эффективное сковывание в Бельгии было задачей группы армий «Б».

Уинстон Черчилль дал этому варианту плана «Гельб» очень образное название – «удар серпа» [26; 91], [49; 256], [50; 354]. В самом деле, наступление немцев на нижнее те-

чение Соммы как серпом отсекало главную англо-французскую группировку от французской территории и остальных сил французской армии. Продолжая образные сравнения, можно сказать: мощному телу подрубали серпом ноги. А, как известно, без ног-то оно несподручно.

24 февраля 1940 года Главное командование Сухопутных войск вермахта издало директиву, которая содержала окончательный вариант плана «Гельб». Согласно плану, предусматривалось достигнуть следующие военно-политические цели: разбить северную группировку войск коалиции Западных держав, захватив территорию Голландии, Бельгии и Северной Франции, использовать захваченные районы как плацдармы для расширения морской и воздушной войны против Великобритании, создать решающие предпосылки для завершения разгрома французских вооружённых сил, вывода Франции из войны и принуждения Великобритании к выгодному для Германии миру [26; 91], [37; 80].

Немецкая группировка, предназначенная для выполнения поставленных задач, по-прежнему состояла из трёх групп армий – «А», «Б» и «Ц», и включала всего восемь армий (136 дивизий, из них – 10 танковых и 7 моторизованных). Действия этих войск поддерживали 2 воздушных флота.

Общая численность предназначенных для операции «Гельб» войск составляла 3,3 млн человек. На их вооружении состояло 2 580 танков, 3 824 боевых самолёта, 7 378 ар-

тиллерийских орудий калибром 75-мм и выше [7; 58], [26; 92], [37; 81].

Группа армий «А» под командованием генерал-полковника Рундштедта, которой теперь предстояло наносить главный удар, заняла исходный район от Ретгена (южнее Аахена) до стыка границ Германии, Люксембурга и Франции (протяжённость этого участка около 170 километров). Она включала 4, 12-ю и 16-ю армии (всего 45 дивизий, в том числе 7 танковых и 3 моторизованных). 2-я армия подчинена группе армий «А» всё-таки не была и осталась в резерве ОКХ. Войска группы должны были пройти через Арденны по территории Люксембурга и Южной Бельгии, выйти к Маасу, форсировать его между Динаном и Седаном, прорвать оборону на стыке 9-й и 2-й французских армий и нанести рассекающий удар в северо-западном направлении к Ла-Маншу. Частью сил предусматривалось обеспечение левого фланга наступающей ударной группировки от возможного контрудара противника из укрепленного района Мец – Верден.

Легко заметить, что последнее положение меняло план Манштейна – вместо предлагаемого им упреждающего удара на юг, который в то же время должен был создать предпосылки для второго этапа кампании, осуществлялось простое прикрытие фланга наступающих севернее армий. Как замечает Манштейн, *«план развернуть наступление западнее Мааса на юг с целью разбить противника в случае, если он предпримет попытку крупными силами развернуть*

контрнаступление, и тем самым окончательно разорвать фронт противника между Маасом и Уазой, очевидно, показался слишком рискованным» [52; 125].

Кому такой вариант действий показался слишком рискованным?

Манштейн совершенно в духе своего произведения отвечает: «Гитлеру». *«Гитлер предпочёл худший, защитный вариант прикрытия войск, участвовавших в первой фазе наступления, более смелому решению, предложенному группой армий. Ему посчастливилось, поскольку командование противника не решилось на контрнаступление крупными силами»,* – пишет он [52; 126].

Однако у Манштейна не было никаких оснований утверждать, что инициатива подобного пересмотра предложений командования группы армий «А» исходила именно от фюрера, а не от ОКХ или ОКВ⁶⁰. Безусловно можно быть уверенным только в том, что Гитлер одобрил эту корректировку.

Основная ударная группировка ГА «А» находилась в центре её расположения, в полосе наступления 12-й армии. Это была так называемая группа генерала Клейста, состоявшая из двух моторизованных корпусов (XIX и XIV), включавших 5 танковых дивизий, и одного армейского корпуса, в соста-

---

⁶⁰ В феврале 1940 года генерал Йодль, начальник оперативного отдела ОКВ, так отозвался о новом варианте плана «Гельб»: *«Внезапный удар на Седан – это такая операция, в которой можно самому потерпеть поражение»* [83; 55]. Не приходится сомневаться, что подобное опасение разделяли и другие генералы высших командных органов вермахта (ОКВ и ОКХ).

ве которого находились, однако, 5 моторизованных дивизий (всего 134 370 человек личного состава, 1 250 танков, 362 броневедомоцикла, 39 528 автомашин).

Справа, в полосе наступления 4-й армии, должен был действовать моторизованный корпус под командованием генерала Гота (2 танковые дивизии, 542 танка).

Действия группы армий «А» поддерживал 3-й воздушный флот.

В полосе от побережья Северного моря до Аахена была развернута группа армий «Б» под командованием генерал-полковника фон Бока в составе 18-й и 6-й армий (29 дивизий, из них – 3 танковых и 2 моторизованных). В её задачу входили захват Голландии, воспрепятствование соединению голландской армии с силами союзников, прорыв обороны, созданной бельгийцами по каналу Альберта, отеснение англо-франко-бельгийских войск за линию Антверпен – Намюр и их сковывание активными действиями. В полосе наступления группы армий «Б» в Голландии и Северной Бельгии предполагалась высадка парашютно-десантных групп с целью захвата мостов на маршрутах наступления войск, аэродромов, дезорганизации управления оборонной и осуществления диверсий. Особое внимание уделялось захвату силами воздушного десанта Льежского укрепленного района, преграждавшего путь в Центральную Бельгию.

Авиационную поддержку группы армий «Б» осуществлял 2-й воздушный флот.

Группа армий «Ц» под командованием генерал-полковника фон Лееба в составе 1-й и 7-й армий (19 дивизий) занимала позиции по франко-германской границе. Ей предписывалось обеспечить оборону в полосе шириной 350 километров от франко-люксембургской границы до Базеля (т.е. до границы со Швейцарией). Кроме того, проведением активных разведывательных действий и демонстрацией готовности к наступлению в районе Пфальца группа должна была ввести в заблуждение французское командование и добиться сковывания на линии Мажино и на Рейне как можно большего количества французских дивизий. Ставилась войскам генерала Лееба и задача содействия в обеспечении южного фланга ударной группировки германской армии.

В резерве Главного командования Сухопутных войск оставалось 42 дивизии. Их намечалось использовать для наращивания удара на главном направлении.

Авиация 2-го и 3-го воздушных флотов имела задачу завоевать господство в воздухе, дезорганизовать управление войсками противника и оказать непосредственную поддержку наступающим соединениям. За 20 минут до наступления сухопутных войск примерно 1/3 сил воздушных флотов должна была нанести удар по аэродромам противника в прифронтовой полосе, его штабам, центрам и узлам коммуникаций в Голландии, Бельгии и Франции. С началом наступления вся немецкая авиация сосредоточивала усилия на поддержке наступающих сухопутных войск, в первую оче-

редь моторизованных корпусов, действующих на направлении главного удара.

Военно-морской флот получил общую задачу на всём протяжении операции оказывать поддержку наступлению сухопутных сил. Планировалось произвести минирование вод у голландского и бельгийского побережья, подготовить захват Западно-Фризских островов, вести борьбу на морских коммуникациях противника в Атлантике, Северном море и Ла-Манше [26; 92 – 94], [37; 80 – 82], [83; 99 – 103].

Новый, в корне переработанный «Жёлтый план» ещё в большей степени, чем его первоначальный вариант, являлся планом молниеносной войны, блицкрига. Однако нельзя не заметить, что, несмотря на всю присущую немецким стратегам тщательность, аккуратность и скрупулёзность в разработке оперативных вопросов (что, безусловно, является следствием германской педантичности вообще и однозначным показателем высокого уровня штабной культуры в немецкой армии), февральская версия директивы по стратегическому развёртыванию «Гельб» несла в себе вполне определённый заряд авантюризма. В самом деле, смелый и неожиданный для противника удар через Арденны, который в реальности оказался вполне успешным, вполне мог не оказаться таковым. Проход крупных войсковых масс, да ещё с большим количеством боевой техники, через Арденнские горы был мероприятием сложным, требующим огромного мастерства как от командиров различных уровней, так

и от войск. Эти, выполняющие столь сложный манёвр войска были очень уязвимы с воздуха. Союзное командование при правильном понимании складывающейся ситуации и соответствующих действиях могло если не остановить немцев в Арденнах, то сильно затормозить их движение и нанести им большие потери массированными действиями своей многочисленной авиации. С другой стороны, даже прошедшие Арденны германские соединения могли получить хороший контрудар с юга и юго-запада. Мы помним, что Манштейн считался с этой опасностью, говорил о ней, предлагал упреждающее наступление на юг с целью недопущения подобного варианта развития событий. Но англо-французское командование попросту не решилось на такие действия, а шанс осуществить их у него был. Выше говорилось, что и в ОКВ, и в ОКХ многие считали план Манштейна очень рискованным, полагали, что степень необходимого на войне риска в нём явно завышена. Мы приводили слова начальника оперативного отдела ОКВ генерала Йодля по данному поводу, сказанные им в феврале 1940 года (говоря современным языком, «в режиме реального времени»). Но Йодль не отказался от своей точки зрения и позднее, несмотря на более чем просто успешное завершение вермахтом Французской кампании. Даже в 1946 году на Нюрнбергском процессе он заявил, что если бы французская армия в мае 1940 года вместо того, чтобы идти в Бельгию, ожидала наступления на своих позициях и развернулась для контрудара в южном направле-

нии, то *«вся операция могла бы провалиться»* [37; 83].

Конечно, любое оперативное решение несёт в себе определённую долю риска, ибо противник всегда имеет возможность тех или иных контрдействий. Но план боевых операций тем более совершенен, чем он меньше оставляет противнику реальных шансов осуществления эффективных парирующих мероприятий. В идеале противник должен быть загнан в угол, в который приведёт его «одна-единственная оставленная ему тропинка». Безусловно, многое тут зависит и от самого противника – от профессионализма его командования, от умения последнего правильно оценить ситуацию, наметить план действий, собрать силы для его выполнения, наконец, от качества самих войск, их боевого духа и морального состояния. Так вот, в мае 1940 года англо-французское командование и войска оказались не на высоте. Именно поэтому у немцев всё получилось, именно поэтому их блицкриг «прокатился как по маслу». Но степень зависимости этого успеха от возможных контрмер англо-французов была очень велика. Никакой предопределённости поражения последних, подобной предопределённости поражения поляков в 1939 году, не было. И уж коли мы вспомнили Польскую кампанию вермахта, то о ней можно сказать так: не столь хороши в сентябре 1939 года были немцы, сколь плохи оказались поляки. В мае 1940 года немцы были уже значительно лучше, чем в сентябре 1939 года, а англо-французы оказались хуже поляков. Однако план, по которому действовали

германские войска, столь уж хорошим не был.

В литературе можно встретить при констатациях такого рода ссылку на склонность фашистских стратегов к авантюристическим решениям. Это верно. Гитлеровские военачальники, видимо, «набирались» «духа авантюризма» от своего фюрера. И чем дальше немцы шли от победы к победе в Европе, тем больше «зарывались» нацистские военачальники. Примерные уроки они получили только во время войны с Советским Союзом. Причём, получать они их начали буквально с первых часов этой войны, да только дошли они до них не сразу, и вообще не до всех. Потому-то возникла потом потребность в мемуарах придумывать сказочки про «генерала грязь», «генерала мороз» и «несметные полчища монгольских варваров».

Манштейн был из числа тех, до которых «советские уроки» не дошли, и «дух авантюризма» из него так и «не выветрился». Очевидно, потому, что, в отличие от многих германских военачальников Второй мировой войны, для которых этот «дух» был благоприобретённым (под воздействием давления фюрера и головокружительных успехов начального этапа войны), для Манштейна он был врождённым.

Рискнём заявить, что последний вариант плана «Гельб» несёт авантюристические черты не высшего генералитета вермахта вообще, а именно Манштейна. «Играть на грани» – это был стиль Манштейна. огонь в душе, о котором он говорит в своих мемуарах, видимо, горел у него необычай-

но сильно. Подобная тактика приносила свои положительные плоды. Но, имея, как всякое авантюристическое деяние, большие шансы на неудачу, она неизбежно должна была когда-то ей и закончиться. И не раз. Что, собственно, и произошло во время войны с СССР.

Однако вернёмся к подготовке Французской кампании вермахта.

Что же могла противопоставить немцам англо-французская коалиция?

Могла противопоставить совсем немало. К маю 1940 года Франция держала на своём Восточном фронте 2 680 тысяч солдат. Поддерживающий их британский экспедиционный корпус насчитывал до 395 тысяч человек. На этом театре военных действий французы и англичане располагали свыше чем 3 400 танками, 13 000 тяжёлых и средних орудий (калибром 75-мм и выше), 2 350 самолётами [7; 58].

Соотношение боевых группировок немцев и англо-французов было следующим:

по людям – 1:1,07 в пользу немцев;

по танкам – 1:1,32 в пользу союзников;

по орудиям – 1:1,8 в пользу союзников;

по самолётам – 1:1,63 в пользу немцев.

Как видим, в артиллерии и танках англо-французы превосходили германцев, в людях уступали незначительно. Более или менее убедительный перевес войска вермахта имели

только в боевых самолётах.

Но здесь необходимо добавить следующее. Мы не можем учитывать, определяя соотношение сил, бельгийские и голландские войска, ибо и Бельгия, и Голландия имели статус нейтральных стран и к коалиции Англии и Франции не примыкали. Но вторжение немцев на их территории автоматически превращало их во врагов Рейха и союзников англо-французов. С бельгийской и нидерландской армиями немцам пришлось бы сражаться. Потому потенциал этих армий всё-таки надо учитывать при подсчёте соотношения сил противоборствующих сторон. Так вот, бельгийцы могли выставить против немецкой армии вторжения до 600 тысяч человек, 186 боевых самолётов, 1 338 орудий калибром 75-мм и выше. Голландцы располагали армией в 350 тысяч солдат при 120 боевых самолётах и 656 орудиях. Танков в бельгийской и голландской армиях не было [7; 58], [37; 87 – 89].

Таким образом, общий потенциал армий, противостоящих германским войскам надо увеличить:

личный состав – свыше 4 млн человек;

танки – 3 400 единиц;

самолёты – 2 656 единиц;

артиллерийские орудия (калибром 75-мм и выше) – 15 000 стволов.

Соотношение сил противников тогда будет выглядеть иначе:

по людям – 1:1,2 в пользу противников Германии;
по танкам – 1:1,32 в пользу противников Германии;
по орудиям – 1:2 в пользу противников Германии;
по самолётам – 1:1,44 в пользу немцев.

Как видим, общие англо-французские, бельгийские и голландские силы превосходили немецкие по всем статьям (кроме авиации).

Вообще же, надо заметить, что вопрос о соотношении сил в Западной Европе к началу немецкого наступления в мае 1940 года до сих пор является спорным, по нему идут дискуссии. Многие западноевропейские авторы (в основном, конечно, англичане и французы) преуменьшают данные о количестве боевой техники, вооружения в союзных войсках и даже об их численном составе, пытаясь именно этим объяснить их поражение с скоротечной кампании мая-июня 1940 года [37; 89]. Скажем, нами выше приведена цифра боевых самолётов в войсках англо-французов, бельгийцев и голландцев – 2 656 единиц, при этом 2 350 из них приходятся на англо-французов. Но в литературе существуют и другие цифры (более высокие) – 3 791 боевой самолёт у союзников, из них у англичан и французов 3 485 [26; 92], [37; 89]. Читатель может видеть, что мы использовали более низкие цифры. Однако, как справедливо заметил непосредственный участник тех событий французский генерал Ф. Гамбьез, «французское поражение в 1940 году было со-

бытием необычайным. Мы знаем теперь, что в общем соотношении сил франко-британские войска имели преимущество в танках и артиллерии, а их слабость в авиации была не такой, чтобы можно было предугадать столь быстрый разгром» [37; 89].

Трудно поспорить с этими словами генерала-француза.

В самом деле, численное соотношение сил было по большинству параметров более выгодно для союзников.

Но всё дело в том, что это не единственный фактор, который определяет победу в сражении, операции, кампании. «Воюй не числом, а умением», – сказал великий русский полководец Александр Васильевич Суворов.

Что является составными частями такого умения?

Воюют не просто людские массы, не просто армады танков и самолётов. Воюют воинские группировки, состоящие из воинских объединений, соединений, частей. И действуют они на основании каких-то оперативных планов. От того, насколько последние хороши или плохи, зачастую зависит исход противостояния. Очень важным является также боевой опыт войск, уровень их подготовки. Наконец, далеко не последнюю роль играет и моральное состояние армии, её боевой дух.

Скажем сразу, вторгшиеся во Францию, Бельгию и Голландию немецко-фашистские войска уже обладали боевым опытом (помимо Польской кампании, ими в апреле 1940 года был произведён захват Дании и большей части Норвегии),

были лучше подготовлены в боевом отношении. В отличие от англо-франко-бельгийско-голландских войск, немецкие войска были объединены под единым командованием и действовали по единому плану.

Безусловным моментом боевого превосходства войск вермахта над союзническими силами являлась существовавшая у немцев и претворяемая ими на практике теория танковой войны (она же – теория блицкрига или теория использования подвижных механизированных соединений). Создав эту теорию, немцы «обкатывали» её в ходе многочисленных учений и манёвров до начала Второй мировой войны, проверили её действенность и продолжили «обкатку» в реальных боевых условиях в ходе Польской кампании. Теория показала свою высокую эффективность на практике. В соответствии с ней, в вермахте создавалась структура бронетанковых и механизированных войск, велась боевая подготовка частей и соединений. Ничего подобного ни в английской, ни во французской, не говоря уже о бельгийской и голландской, армиях на тот момент не существовало. Как лаконично заметил по этому поводу Манштейн: *«Не приходится уже говорить о том, что противник не располагал войсками, равноценными немецким оперативным танковым соединениям»* [52; 126].

Кроме того, боевой дух союзников и голландской и бельгийской армий оставлял желать много лучшего. Долгое «стояние» «странной войны» не могло не подействовать на франко-английские силы на линии фронта с немцами успокаива-

юще – с одной стороны, а с другой – разлагающе. Сильные пацифистские настроения, имевшие место в Великобритании и Франции, разумеется, не обошли стороной и армии этих стран, в том числе находящиеся на фронте войска.

Что касается Бельгии и Голландии, то в этих двух маленьких странах просто царил страх перед Германией, и страх этот во многом влиял и на боеспособность их армий.

Очень хорошо (кратко и в то же время ёмко) описана морально-политическая атмосфера, существовавшая в Англии, Франции, Бельгии и Нидерландах к маю 1940 года, в работе К. Типпельскирха «История Второй мировой войны». Позволим себе объёмную цитату:

«В то время как Гитлер упорно стремился довести до победного конца войну на суше против Англии и Франции, во Франции всё ещё существовало недовольство, которое охватило страну после войны и постоянно усиливалось.»

Русско-финская война лишь временно отвлекла внимание общественности от проблемы, как вести войну с Германией. Недовольство безрадостным состоянием “равновесия” на фронте нашло своё выражение в смещении в конце марта премьер-министра Даладье. Его упрекали в том, что он якобы способствовал созданию такой обстановки. Его преемник Рейно обещал энергично взяться за управление государством, добиться, наконец, подъёма в производстве вооружения и по-настоящему вести войну. Несмотря на это, отчасти из-за плохих личных отношений с рядом депута-

тов, Рейно при обсуждении его правительственной программы получил большинство с перевесом всего в один голос.

Многие тайно предостерегали от энергичного ведения войны, которое якобы угрожает привести страну к гибели. Говорили, что англичане в военном отношении к этому ещё далеко не готовы. С Муссолини при желании можно договориться. С Польшей раз и навсегда покончено. Затихшее в военных действиях на Западе должно продолжаться, тогда шансы на мир будут не так уж плохи.

Хотя во французском генеральном штабе и учитывали, что немецкие войска могут в любое время начать наступление, однако многочисленные слухи и противоречивые сообщения заставляли сомневаться в том, что сосредоточение немецких войск является серьёзным военным мероприятием, а не только средством политического давления. Казалось почти невероятным, чтобы немцы отважились на столь сомнительное предприятие, каким, по мнению французов, должно явиться решающее наступление на Западе.

Во Франции, стране, где политические слухи так быстро распространяются, противоречия внутри руководящих кругов не остались скрытыми от общественности и, естественно, не способствовали созданию у французов боевого настроения.

За границей также наблюдали за ходом событий во Франции. Эти впечатления и предыдущие успехи немцев в Польше и Норвегии, помешать которым западные державы

оказались явно не в состоянии, конечно, немало содействовали тому, что в новой схватке было так быстро сломлено сопротивление Голландии и Бельгии» [83; 95 – 96].

К этой весьма выразительной картине, нарисованной К. Типпельскирхом, добавим, что не только среди французской общественности существовало сильное недовольство войной, а следовательно, желание мира, и не только в высших политических кругах страны не было единого мнения относительно того, как вести дальнейшую войну с Германией. В этих последних, а также среди значительной части военного руководства царило убеждение о необходимости скорейшего заключения мира с Гитлером и перенесении войны на Восток – против СССР.

Во французском парламенте был даже создан секретный Комитет связи, представители которого добивались переговоров с Гитлером. Профашистски были настроены такие влиятельные политики как Боннэ (на тот момент – министр иностранных дел) и Лаваль (бывший премьер-министр и министр иностранных дел), капитулянтски – Фланден и Шотан (оба – бывшие премьер-министры), и значительное количество депутатов парламента [21; 27]. Не скрывали своих симпатий к Гитлеру и некоторые влиятельные военные. Маршал Петэн во всеуслышание заявлял о необходимости договориться с германским фюрером. Генерал Вейган, на тот момент главнокомандующий французскими войсками в Сирии и Ливане, предлагал объединиться с Гитлером и совместно

«сломать хребет СССР» [21; 27]. Вскоре этот человек встанет во главе дерущейся с агрессором французской армии. В свете сказанного вовсе не приходится удивляться свидетельству генерала де Голля, который вспоминал, что 8 июня 1940 года, когда дело стремительно шло к военной катастрофе Франции, Вейгана волновал только один вопрос: *«Если бы я только имел уверенность, что Германия оставит мне для защиты порядка необходимые силы...»* [7; 61], [58; 120].

Ситуация в Англии была во многом схожа. Там тоже большое распространение среди политиков и военных получили капитулянтские настроения, стремление к сговору с Гитлером и превращению войны Западных держав друг с другом в общую их войну против СССР. Среди английской общественности имели популярность пацифистские лозунги.

Явно тяготились войной с Германией, стремясь как можно скорее выйти из неё, премьер-министр Чемберлен, министр иностранных дел лорд Галифакс, министра авиации Вуд, члены правительства Саймон и Хором [21; 27]. Лорд Галифакс в беседе с послом США в Англии Дж. Кеннеди сделал заявление, очень ярко характеризующее позицию британского правительства по вопросу войны с Германией. *«...Продолжение войны, – заявил английский министр иностранных дел, – будет означать победу большевизма во всей Европе»* [21; 27].

На этом фоне вполне обыденно выглядят призывы британских фашистов во главе с Мосли поскорей прекратить

«ненужную войну» против Германии и начать совместно с последней «нужную войну» Западных держав против СССР [21; 27].

Не отставали от политиков Туманного Альбиона и британские военные. Общеизвестно, что начало советско-финской войны привело к появлению в имперском Генеральном штабе плана войны против СССР. Им предусматривалась массированная авиационная бомбардировка советских нефтяных промыслов в Закавказье и на Кавказе (Баку, Майкоп, Грозный), вторжение на советскую территорию с севера (в районе Мурманска и Ленинграда) и юга (в Закавказье и на Украину). Однако в данном случае интересно то, что возможность военного удара по СССР стала рассматриваться в среде британского командования ещё до начала советско-финской войны. Уже в конце октября 1939 года комитет начальников штабов английских вооружённых сил рассматривал и обсуждал вопрос *«о положительных и отрицательных сторонах объявления Англией войны России»* [21; 27]. Т.е. СССР ещё не объявил войну Финляндии, защищать её пока не надо, наказывать агрессора необходимости нет, а английские военачальники уже обсуждают планы нападения на Советский Союз. И это вместо того, чтобы заниматься проработкой оперативных вопросов в уже идущей войне с Третьим рейхом.

Осуществлялись английскими политиками и вполне конкретные шаги по заключению мира с Германией. Только де-

лались они осторожно (для того, чтобы не дать повод французским союзникам обвинить себя в сепаратных переговорах с немцами). По поручению английского правительства переговоры с гитлеровцами вёл родственник Геринга шведский промышленник Биргер Далерус, встречавшийся осенью 1939 года с Гитлером. Мирный зондаж осуществлялся также через Карла Буркхарда, бывшего верховного комиссара Лиги наций в Данциге [21; 28].

В своих мемуарах генерал де Голль рассказывает, как в разговоре с ним главнокомандующий французской армией генерал Вейган заявил: *«...Не пройдёт и недели после того, как меня разобьют, а Англия уже начнёт переговоры с Германией»* [58; 120]. И надо признать, что, учитывая политическую линию кабинета Чемберлена и настроения, существовавшие в британских штабах во время премьерства последнего, Вейган имел право на подобное высказывание. С другой стороны, и вышеописанные шаги англичан, и слова французского главкома являются очень ярким показателем уровня союзнических отношений между странами и степени их доверия друг к другу.

Стоит ли после всего этого удивляться вот такой характеристике морального состояния войск, вышедшей из французского Генерального штаба уже после разгрома союзных армий:

«До 10 мая боевой дух войск был удовлетворительным, хотя и недостаточно высоким. Не хватало зажигающе-

го воодушевления и решительности. Чувство готовности к выполнению своего долга любой ценой не проявлялось даже в лучших частях с желательной ясностью и твёрдостью (выделено нами – И.Д., В.С.)...

Эта армия с большими материальными и духовными недостатками (выделено нами – И.Д., В.С.) *противостояла противнику, который был достаточно оснащён танками и противотанковым оружием, прикрывался и поддерживался мощной авиацией и имел твёрдую волю к победе»* [83; 98].

Что ж? Весьма выразительная констатация. Для нас, правда, остаётся загадкой, если подобный уровень морального состояния войск, когда *«чувство готовности к выполнению своего долга... не проявлялось даже в лучших частях»*, французские генштабисты считали удовлетворительным, то в каком случае он для них был бы неудовлетворительным? Очевидно, в том, если бы ещё в период «странной войны», т.е. когда на передовой ещё не стреляли, а играли в футбол, из союзнических частей началось бы массовое дезертирство.

Надо заметить, что немцам было прекрасно известно и о разброде и шатании в правительственных кругах противостоящих им стран, и о сильных антивоенных настроениях среди их населения, и о низком уровне боевого духа в войсках союзников, в том числе и находящихся на передовой. Гитлер ещё в своём выступлении перед высшими чинами армии и флота 27 сентября 1939 года заявил: *«Французы не*

так боеспособны, как поляки. Сила нервов!» [23; 136]. Англичан он ставил выше, отмечая, что они являются *«решающим фактором»* [83; 136]. В то же время он указывал на кризис доверия в отношениях союзников, подчёркивая, что *«сегодня французы твёрдо убеждены, что Англия вкладывает недостаточно сил и средств»* в войну с Германией [83; 134].

Принимая во внимание всё вышесказанное, мы видим, что Гитлер ничуть не ошибался в своих оценках.

Не преувеличил и Манштейн, когда записал в мемуарах, что в ходе первой фазы Французской кампании вермахта *«боевому духу французской армии уже был нанесён решительный удар»* [52; 126]. Тут остаётся только добавить, что и до начала этой кампании высоким боевой дух союзных войск не был.

Что же касается оперативных планов англо-французских войск и создаваемой в соответствии с данными планами войсковой группировки, то тут определяющим было то обстоятельство, что союзное командование не разгадало немецкий замысел, который стал претворяться в жизнь в соответствии с новым, февральским, вариантом плана «Гельб». Следовательно, и группировка англо-французских сил оказалась не готова к отражению немецкого удара.

Генеральные штабы Англии и Франции в период «странной войны» разрабатывали различные варианты действий своих войск.

Основные стратегические замыслы союзников нашли отражение в докладе главнокомандующего французской армией генерала Гамелена о плане войны на 1940 год.

Гамелен считал невозможным наступление немцев на участке франко-германской границы от Лонгви до Базеля (от границы с Люксембургом до границы со Швейцарией), прикрытом линией Мажино. Он совершенно справедливо полагал, что Германия не располагает силами и средствами для её прорыва. Отсюда следовал вывод, что немцы могут нанести удар севернее или южнее линии Мажино. В первом случае – это удар через Бельгию, во втором – через Швейцарию. Учитывая это, французское командование предлагало ввести франко-английские войска в Бельгию и Швейцарию, включить бельгийскую и швейцарскую армии в состав союзных сил и создать прочную оборону на удалённых от французской границы рубежах. По мнению Гамелена, Англия и Франция располагали достаточными силами, чтобы остановить немецкое наступление. Контрнаступление союзников мыслилось делом последующих этапов войны. Не исключалась возможность вступления в войну Италии. В Альпах, Тунисе и других африканских владениях Франции также предлагалось ограничиться обороной [37; 83].

Таким образом, на основных направлениях вероятных действий Германии и Италии Гамелен считал необходимым придерживаться оборонительной стратегии. Весь его план исходил из предположения, что война с самого начала при-

мет затяжной, позиционный характер, т.е. будет подобна Первой мировой войне.

Это были общие соображения доклада Гамелена, с которыми, кстати, вполне согласились и высшие английские военные чины.

Если говорить о попытке обойти линию Мажино с севера, то её можно было осуществить двумя путями: первый – нанеся удар через Арденны и пройдя через Люксембург и Южную Бельгию, второй – наступая через равнинную часть Бельгии, т.е. на севере этой страны.

Так вот, Гамелен, опять-таки исходя из опыта Первой мировой войны, полагал, что немецкое наступление развернётся севернее линии Намюр, Льеж, через бельгийскую равнину, во французскую Фландрию. Удар противника через Арденны на участке фронта по границе с Бельгией от Лонгви, где кончалась линия Мажино, до Живе на Маасе считался маловероятным.

В отношении маловероятности немецкого наступления через Арденны мнение Гамелена вполне разделяли и другие представители французского командования, и англичане. Так, генерал Жорж, командующий французским Северо-Восточным фронтом, в своём приказе № 82 от 14 марта 1940 года отмечал: «...*Возможно лишь сравнительно медленное развёртывание операций* (в районе Арденн – И.Д., В.С.) *из-за бедной сети железных и шоссейных дорог*» [37; 84].

Убеждённость англо-французов в непроходимости Арденн для больших войсковых масс, в непригодности их для развёртывания наступления механизированных соединений сыграла с ними злую шутку. Примечательно, что командующий французским Северо-Восточным фронтом издал свой приказ, в котором содержались процитированные выше слова, в середине марта 1940 года, когда подготовка немецкого удара через Арденнские горы уже шла полным ходом. Т.е. французы и англичане проглядели крупную перегруппировку германских войск. И это, просим заметить, не в мирное время, а во время войны с Германией, когда интенсивная разведка противника является важнейшим делом. Попросту говоря, союзники «проспали» изменения в планах немецкой стороны и связанное с этими изменениями перераспределение больших войсковых масс вдоль линии фронта. *«Западные державы не сумели обнаружить постепенно происходившего изменения немецкого оперативного плана, – пишет К. Типпельскирх. – Этому в одинаковой степени способствовали как строгие меры обеспечения секретности, принятые немецким командованием, и систематически распространявшиеся всеми путями слухи в лагере противника о сохранении сильной группировки сил на северном крыле немецких войск, так и тот факт, что союзники были далеки от мысли о возможности проведения такой, казалось бы, абсурдной операции, которую планировали немцы»* [83; 96].

Однако обороняться на французской границе по всему

её протяжению англо-французы тоже не хотели. По мнению представителей союзного командования, позиции по франко-бельгийской границе не обеспечивали достаточной прочности обороны. Считалось, что устойчивый оборонительный фронт на этом направлении может быть создан только выдвижением англо-французских войск в Бельгию на рубеж рек Шельда и Диль или, что ещё лучше, на рубеж канала Альберта. Бельгия и Голландия рассматривались при этом как естественные потенциальные союзники (хотя на момент составления указанного плана они таковыми не были, так как являлись нейтральными странами), поскольку считалось, что как только Германия начнёт агрессию против них, они сразу же войдут в англо-французскую коалицию [37; 84].

Подобный взгляд привёл, в свою очередь, к тому, что всё английское и французское оперативное планирование свелось к разработке манёвра союзных войск в Бельгию. Рассматривалось три варианта этого манёвра.

Первый вариант. Он считался наиболее выгодным. Им предусматривался выход франко-британских войск на укреплённые позиции бельгийской армии по каналу Альберта вблизи германо-бельгийской границы.

Но союзное командование считало, что подтягивать на рубеж канала Альберта англо-французские войска надо до начала немецкого наступления, ибо после его начала силы вермахта окажутся на указанном рубеже практически гарантированно раньше англо-французов. Однако ввести свои вой-

ска на бельгийскую территорию до нападения на неё Германии Англия и Франция не могли. Это возможно было сделать законным путём только с согласия самой Бельгии. Но её правительство такого согласия не дало бы, ибо подобный шаг означал потерю Бельгией статуса нейтральной страны, на призрачную защиту которого бельгийское правительство рассчитывало до самого последнего момента. Введение в Бельгию войск без её согласия означало акт агрессии, на что Англия и Франция не решились.

Посему был разработан **второй вариант** манёвра. Согласно ему, французские и британские войска под прикрытием сражающейся бельгийской армии выдвигались на рубеж реки Шельда. Удалённость этого рубежа от французской границы была незначительной, и союзные силы получали, таким образом, время для организации прочной обороны. Вариант получил название «Эско» (Эско – французское наименование Шельды).

Но у такого варианта было два существенных недостатка. Прежде всего, позиции по Шельде находились довольно близко к границам Франции, и это очень не нравилось собственно французскому командованию (в том числе и самому главнокомандующему генералу Гамелену), которое стремилось отодвинуть оборонительное сражение как можно дальше от французских границ. Далее, при подобном варианте действий в руки немцев отдавалась большая часть Бельгии, в том числе и её столица Брюссель, и значительная часть мор-

ского побережья страны. По сути дела, один на один с противником оставлялась и Голландия, что означало её быстрое поражение. Такое уже сильно не устраивало Великобританию, ибо она придавала большое значение контролю за морским побережьем Бельгии и Голландии, что в значительной степени обеспечивало с моря оборону Британских островов.

Как следствие, появился **третий (промежуточный) вариант** развёртывания англо-французских войск в Бельгии. Союзные войска своим левым крылом выходили к Антверпену, занимали оборону по реке Диль, прикрывали Намюр и организовывали фронт по реке Маас до Седана. Конечно, позиции по реке Диль были слабее позиций по Шельде, но в остальном такой план устраивал всех. Была в нём и значительная удалённость от французских границ, и обеспечение защиты большой территории Бельгии, и сохранение контроля над её побережьем, и поддержание локтевой связи с Голландией. При этом и бельгийская, и даже отчасти голландская армии могли быть включены в группировку союзных войск. План получил наименование «Диль» [37; 84].

Его утвердили на заседании верховного совета союзников в Лондоне 17 ноября 1939 года [37; 84 – 85].

Какая группировка союзных войск предусматривалась вариантом «Диль»?

Главное внимание уделялось Северо-Восточному фронту. От Швейцарии до Дюнкерка под командованием генерала Жоржа развернулись три группы армий французских войск

и британские экспедиционные силы генерала Горта.

1-я группа армий (командующий – генерал Бийот) являлась наиболее сильной и включала четыре французские армии (1, 2, 7-ю и 9-ю) и британские экспедиционные силы. Всего она насчитывала 41 дивизию (32 французские, из них – 22 пехотные, 3 лёгкие механизированные и 7 моторизованных, и 9 английских). Большинство соединений группы армий генерала Бийота находились к маю 1940 года в районах ожидания и готовились к выдвигению в Бельгию. Только 2-я армия и правый фланг 9-й армии не участвовали в этом манёвре и должны были оставаться на французской территории, занимая оборону от Лонгви (окончание линии Мажино) до Живе на Маасе.

1-я, 7-я и большая часть 9-й армии с получением согласия правительства Бельгии должны были вступить на её территорию и достичь рубежа реки Диль.

Считалось, что бельгийская и голландская армии смогут обеспечить до этого времени сдерживание наступающих войск вермахта.

1-я армия должна была создать оборонительный фронт в Бельгии между Намюром и Вавром, выступив в качестве своеобразного центра, по сторонам которого разворачивались остальные союзные силы.

Южнее 1-й армии занимал позиции от Намюра до Живе, по Маасу, левый фланг 9-й французской армии.

Севернее 1-й армии выходили на реку Диль и организо-

вывали по ней оборону от Вавра до Лувена британские экспедиционные силы.

Далее к северу предполагалось наличие оборонительных позиций бельгийской армии.

Особая задача ставилась 7-й армии (командующий – генерал Жиро). Данная задача появилась как уточнение первоначального варианта плана «Диль». Армия генерала Жиро, бывшая по первоначальному плану резервной, должна была выдвинуться в район Бреда, Тюрнхаут на территории Голландии, пройдя севернее позиций бельгийской армии, и обеспечить создание сплошного фронта франко-англо-бельгийских сил и голландской армии. Эта операция 7-й французской армии в итоге получила даже особое наименование – план «Бреда».

Выдвижение англо-французских войск на рубеж «Диль» прикрывалось подвижными соединениями: кавалерийскими дивизиями, бригадами спаги⁶¹, лёгкими механизированными дивизиями⁶² и разведывательными частями [37; 85], [83; 97].

2-я группа французских армий (командующий – генерал Претел) в составе 3, 4-й и 5-й армий (всего 39 дивизий) имела чисто оборонительную задачу: удерживать линию Маж-

---

⁶¹ Спаги – североафриканские кавалерийские бригады.

⁶² Французские лёгкие механизированные дивизии имели в своём составе танковую и мотопехотную бригады, разведывательный и артиллерийский полки и части обеспечения. На их вооружении состояло 260 танков и бронеавтомобилей [37; 85].

но. Она занимала позиции в 300-километровой полосе от Лонгви до Селесты и опиралась на мощные укрепления линии Мажино [37; 86], [83; 97].

3-я группа армий под командованием генерала Бессонна держала оборону от Селесты до швейцарской границы по Верхнему Рейну. Собственно, эта группа армий состояла из одной армии – 8-й и отдельного армейского корпуса (всего 11 дивизий). Данным силам ставилась двоякая задача. Во-первых, оборонять южный участок линии Мажино (от Селесты). Во-вторых, в случае нападения Германии на Швейцарию группа армий генерала Бессонна должна была вступить на швейцарскую территорию, организовать взаимодействие со швейцарской армией и обеспечить прикрытие Берна [37; 86], [83; 97].

В свой резерв командующий Северо-Восточным фронтом выделил 17 дивизий, 5 из которых предназначались для усиления группировки войск, совершавших манёвр в Бельгию, а остальные 12 располагались позади 2-й и 3-й групп французских армий [37; 86].

В резерве главнокомандующего французской армией генерала Гамелена находилось ещё 6 дивизий, 3 из которых были танковыми и также предназначались для усиления выдвинувшихся в Бельгию англо-французских войск.

Таким образом, союзные силы на Северо-Восточном фронте насчитывали (с учётом предназначенных для фронта 6 дивизий резерва французского главнокомандующего) 114

дивизий⁶³. Из этих дивизий танковыми были 3 (все французские; причём, 4-я танковая дивизия была окончательно сформирована уже в ходе боевых действий; её командиром стал тогда ещё полковник де Голль [37; 89], [58; 114]), механизированными – 3 (все французские; точнее, лёгкими механизированными), моторизованными – 16 (7 французских и 9 английских), кавалерийскими – 5 (все французские) [37; 89], [83; 96].

Общее соотношение по количеству соединений (с учётом резервов всех видов, предназначенных для франко-бельгийско-голландского театра боевых действий) было в пользу немцев примерно 1:1,2.

Если рассматривать, однако, соотношение по количеству подвижных механизированных соединений, то здесь, на первый взгляд, преимущество остаётся за англо-французами. В самом деле, против 17 немецких подвижных механизированных дивизий союзники имели 22 подобных соединения, т.е. соотношение примерно 1:1,3 в пользу союзников. И если при этом учесть преимущество англо-французов в количестве танков (примерно в таком же соотношении 1:1,3 (см. выше)), то их перевес выглядит более чем убедительно. И,

---

⁶³ В этой цифре не учтены 3 английские дивизии неполного состава и слабо обученные, которые находились во французских учебных лагерях, считались небоеспособными и использовались для охраны тыловых коммуникаций [37; 89], [83; 96]. Цифра включает крепостные войска девятнадцати укрепрайонов и укрепсекторов линии Мажино, которые приравнены к 13 пехотным дивизиям [37; 89], [83; 96].

казалось бы, у них были все шансы на успех в «войне моторов».

Но это первое впечатление весьма и весьма обманчиво. Всё дело, во-первых, в качестве самих механизированных соединений. У немцев 10 из 17 дивизий были танковыми. У французов танковыми были всего 3 дивизии. Да и то одна из них не закончила своего формирования к началу немецкого наступления и формировалась спешно, из разрозненных частей. Французские лёгкие механизированные дивизии, которых тоже было всего 3 и которые могли служить хоть как-то противовесом немецким танковым дивизиям, всё же были значительно слабее последних. Недаром Манштейн отметил в своих воспоминаниях: *«Не приходится уже говорить о том, что противник не располагал войсками, равноценными немецким оперативным танковым соединениям»* [52; 126].

Во-вторых, ни у англичан, ни у французов не существовало теории танковой войны. Проповедовавший её во французской армии де Голль не находил поддержки. В основной своей массе английские и французские военачальники рассматривали танки как средство поддержки действий пехоты. Подобные представления немецкий генерал Эймансберг ещё в 1937 году охарактеризовал как свидетельствующие *«о потрясающем незнании действительности»* [58; 109]. Поэтому даже те танковые соединения, которые имелись к маю 1940 года у французов, они не смогли правильно использо-

вать (исключение составили лишь действия 4-й бронетанковой дивизии под командованием де Голля, но об этом ниже).

Большая часть французских и английских танков была сведена в отдельные танковые батальоны, распределённые между армиями. Это ограничивало, а то и полностью исключало возможность их массированного использования.

На Северо-Восточном фронте половина отдельных танковых батальонов находилась в составе 2-й группы армий, которая обороняла линию Мажино. Но здесь немцы, как мы помним, не планировали активных действий ни по одному из вариантов плана «Гельб». Т.е. вся эта масса французских танков была обречена на бездействие. Зато в составе 2-й армии и правого крыла 9-й армии 1-й группы французских армий, которые держали оборону на рубеже уже не прикрытом укреплениями линии Мажино, было всего 6 танковых батальонов. Здесь не было ни одной танковой или лёгкой механизированной дивизии, и, по планам союзников, механизированные соединения и не должны были находиться на этом участке фронта. Но именно здесь, на этом участке, немцы нанесут удар самой мощной своей танковой группировкой – группой Клейста [37; 90]. В таких условиях 6 французских танковых батальонов, по меткому выражению генерала де Голля, – «это всего лишь пылинки...» [58; 108].

Таким образом, при ближайшем рассмотрении, некоторое преимущество некоторое преимущество англо-французов в количестве механизированных подвижных соединений

оборачивалось своей противоположностью – союзные войска решительно уступали вермахту в этом отношении.

Если говорить об общем соотношении количества соединений противоборствующих сторон, то, безусловно, необходимо учитывать соединения бельгийской и голландской армий, которым также предстояло сражаться с немцами и которые, следовательно, автоматически становились союзниками англо-французов.

Бельгийская армия могла выставить 7 армейских и 1 кавалерийский корпус. В их составе было 18 пехотных дивизий, 2 дивизии арденнских егерей (т.е. горнострелковых) и 2 кавалерийские дивизии. У бельгийцев существовало 5 укреплённых районов. Наиболее мощным из них был укрепрайон Льежа, к которому примыкала оборонительная линия по каналу Альберта. Бельгийские войска, занимавшие укрепрайоны, обычно приравнивают по численности к 1 дивизии. Итого, бельгийцы располагали 23 дивизиями [6; 1– 2], [37; 87, 89], [83; 98]. Танков в бельгийской армии не было, войска располагали только бронеавтомобилями. Поэтому не было и механизированных соединений. *«Сухопутная армия не была подготовлена к ведению маневренной войны»*, – резюмирует К. Типпельскирх [83; 98].

Голландская армия имела 8 пехотных дивизий, 1 лёгкую дивизию, а также специальную дивизию для защиты оборонительной линии Пел, проходившей по долине Мааса. Итого, 10 дивизий. Подобно бельгийской армии, голландская не

имела механизированных соединений или хотя бы частей. Как мы помним, в её составе вообще не было танков [37; 88 – 89].

Таким образом, к англо-французским силам можно прибавить 33 бельгийских и голландских дивизии, и общее количество соединений союзных сил достигнет 147 единиц. Тогда германская армия вторжения уже начинает несколько уступать общим англо-франко-бельгийско-голландским силам – соотношение примерно 1:1,1 в пользу союзников.

Однако подобное количественное приращение сил, противостоящих германским, по существу, не давало преимущества над ними. Во-первых, и бельгийские, и голландские войска в качественном отношении сильно уступали немецким. Скажем, из 18 пехотных дивизий бельгийской армии французы считали удовлетворительно боеспособными только 12, а остальные 6 оценивали как слабо оснащённые второчередные резервные дивизии [83; 98]. И это не говоря уже о полном отсутствии бронетанковых сил и очень малом количестве самолётов (см. выше). Во-вторых, разработка конкретных планов взаимодействия с бельгийскими и голландскими войсками была невозможна из-за нейтралитета Бельгии и Голландии. Ни правительства этих стран, ни Генеральные штабы их армий на прямые военные контакты с Англией и Францией пойти не могли, что вполне естественно.

В конце концов, бельгийский Генштаб перед угрозой германского нападения, которая становилась всё более очевид-

ной, согласился на ограниченный секретный обмен информацией с французским командованием через военных атташе и даже осуществил некоторые меры по обеспечению ввода союзных войск в Бельгию (надо думать, что это согласие было дано бельгийцами после того, как в январе 1940 года им в руки попали некоторые оперативные документы 1-го воздушного флота немцев, ясно указывавшие на намерение последних вторгнуться в Бельгию (см. выше)). Но предложения французов о полноценном взаимодействии штабов и обмене документами по планированию всё же были отклонены [37; 87].

Ещё хуже обстояло дело с голландцами. Те ни на правительственном уровне, ни на уровне Генштаба вообще не шли ни на какие контакты с англо-французами по вопросу взаимодействия вооружённых сил стран в случае германского вторжения в Голландию. В итоге, политические и военные руководители Англии и Франции имели лишь самые общие сведения о намерениях голландского правительства оказать сопротивление в случае нападения Германии [37; 81].

Каковы же всё-таки были планы бельгийцев и голландцев? В феврале 1940 года бельгийский Генеральный штаб, получив информацию от Гамелена, провёл перегруппировку войск с учётом намерений союзников. План бельгийского командования предусматривал, что участок южнее Льежа и реки Маас должны оборонять 2 дивизии арденнских егерей и 2 кавалерийские дивизии. При этом в Арденнах. При этом

в Арденнах предполагалось наличие лишь лёгкой завесы, которой предстояло произвести разрушения на маршрутах движения противника и, не ввязываясь в бой, отступить в северном направлении. На участке Льеж, Антверпен располагались 12 дивизий, используя канал Альберта, который благодаря своему глубокому и крутому руслу представлял собой прекрасное препятствие для подвижных войск, и особенно танковых. 2 дивизии были выдвинуты для обороны предполья на восток и северо-восток, к голландской границе. Остальные 4 дивизии изначально занимали оборону по реке Диль между Лувеном и Антверпеном, тем самым сразу же включались в систему англо-французской обороны, создание которой было предусмотрено планом «Диль». Решительного удержания Льежа и канала Альберта не планировалось, но предполагалось, что бельгийцы смогут здесь продержаться несколько дней (от двух до четырёх), а за это время англо-французские войска успеют занять позиции по рекам Диль и Маас, после чего основная часть бельгийской армии отступит к этим позициям [37; 87], [83; 98 –99].

Голландский Генеральный штаб прекрасно понимал, что сил армии страны недостаточно для обороны её 400-километровой восточной границы, протирающейся от Маастрихта до Северного моря. Кроме того, голландцам, в отличие от бельгийцев, не приходилось рассчитывать на быструю помощь союзников. Поэтому на границе располагались лишь слабые заслоны, которые с началом германского вторжения

должны были спешно отойти. Северные, восточные и частично южные провинции страны предполагалось, таким образом, оставить. При этом на участке границы между городами Маастрихт и Наймеген должны были быть взорваны многочисленные железнодорожные и шоссейные через реки Маас, Ваал и канал Юлианы, что имело целью затормозить продвижение германских войск. Предусматривалось удержание лишь определённого района, получившего название «Крепость Голландия». Этот район включал важнейшие промышленные и административные центры страны: Гаагу, Амстердам, Утрехт и Дордрехт. С востока его прикрывали две оборонительные линии – Эйсел (по каналу Эйсел) и Греббе. Оборона на первой линии должна была носить кратковременный, сдерживающий продвижение противника характер. Оборона на второй предполагалась более долгой и основательной. Поэтому линия Эйсел занималась слабыми силами, а линия Греббе – значительными контингентами войск. С юга и юго-востока «Крепость Голландия» прикрывалась оборонительной линией Пел. Для усиления обороны предусматривалось затопление отдельных участков местности. По мнению голландского командования, оборона «Крепости Голландия» была достаточно прочной, чтобы выдержать натиск немецкой армии в течение нескольких недель, что даст время подойти в район боёв англо-французским войскам [37; 88], [83; 99].

В целом, планы всех противостоящих Германии союзных

армий носили пассивный, выжидательный характер. И если данная особенность была вполне естественна для разработок бельгийского и голландского Генеральных штабов, то для англичан и французов её можно объяснить только ошибочностью стратегической концепции, исходившей целиком из опыта Первой мировой войны и не учитывающей тех новых средств и способов ведения вооружённой борьбы, которые появились в межвоенный период. Не в меньшей степени эта концепция говорит и о боязни английским и французским командованием активных действий, которые, по их мнению, неизбежно повели бы к большим потерям. Страх перед ними также был следствием позиционной «мясорубки» 1914 – 1918 годов. Подобного уровня потерь высшие военные обеих стран пытались избежать, придерживаясь пассивной стратегии (что, кстати, весьма странно, ведь позиционный характер Первой мировой не избавил противоборствующие стороны от больших человеческих жертв).

Итак, добровольно отдав инициативу германской стороне, союзники, как уже и было сказано, просчитались в определении её намерений, не уловили коренного пересмотра ею плана «Гельб», т.е. переноса точки приложения главных усилий, места нанесения основного удара.

Справедливости ради надо отметить, что не все представители французского генералитета безоговорочно приняли план действий союзного командования, в основу которого был положен доклад Гамелена. Так, командующий 7-й фран-

цузской армией генерал Жиро высказывал сомнения в целесообразности выдвижения его армии в район Бреды. Командующий 1-й французской армией генерал Бланшар изложил в специальном докладе своё мнение о невозможности организации в короткие сроки прочной обороны по рубежу реки Диль.

С наиболее радикальной критикой стратегической концепции союзников выступил в конце января 1940 года начальник танковых войск 5-й французской армии полковник де Голль. 21 января он направил меморандум 80 наиболее видным политическим и военным деятелям Франции, в котором подчёркивал, что ни французские, ни английские войска не готовы к ведению современной войны, которая будет являться «войной моторов». По мнению де Голля, немцы неизбежно предпримут большое наступление. И это будет наступление бронетанковых и механизированных сил при поддержке авиации. Пассивное ожидание такого удара гарантированно приведёт к прорыву англо-французского фронта и поражению [37; 88], [58; 109 – 110]. Полковник ссылаясь на опыт Польской кампании вермахта и писал: *«Быть инертным в нынешнем конфликте, значит оказаться побеждённым... Французский народ ни в коем случае не должен питать иллюзий, будто бы нынешний отказ наших вооружённых сил от наступательной доктрины соответствует характеру начавшейся войны. Как раз наоборот. Мотор придаёт современным средствам уничтоже-*

ния такую мощь, такую скорость, такой радиус действия, что уже начавшаяся война рано или поздно по размаху и стремительности манёвра, внезапности атак, по масштабам вторжения и преследования намного превзойдёт всё, что было наиболее замечательного с этой точки зрения в прошлом... Не следует заблуждаться! Начавшаяся война может превратиться в самую распространённую, самую сложную, самую жестокую из войн, которые когда-либо опустошали землю. Породивший её политический, экономический, социальный и моральный кризис носит столь глубокий и всеобъемлющий характер, что он неизбежно приведёт к коренному перевороту в положении народов и государств. В силу непостижимой гармонии вещей орудием этого переворота, вполне соответствующим его гигантским масштабам, становится армия моторов. Уже давно пора Франции сделать из этого вывод» [58; 110].

Де Голль предлагал увеличить производство вооружения, свести механизированные средства в единый резерв, чтобы получить возможность отразить наступление противника [37; 88].

В отношении реакции высших армейских инстанций на свой меморандум де Голль в мемуарах лаконично заметил: «Мой меморандум не вызвал сенсации» [37; 88 – 89]. Т.е., в сущности, предложения де Голля не встретили поддержки и понимания ни у политиков, ни у высокопоставленных военных чинов. Тем не менее, надо всё-таки сказать, что 3 тан-

ковые дивизии к началу немецкого наступления были созданы (третья из них, командовать которой был назначен именно де Голль, не успела завершить к 10 мая своего формирования), и эти дивизии составили всё-таки резерв главнокомандующего. Получается, в чём-то советам де Голля последовали. Но и масштаб этих мероприятий был не тот (основная масса французских танков оставалась распылённой по отдельным батальонам), и время было упущено, и, главное, даже те бронетанковые соединения, которые были сформированы, применять в соответствии с теорией танковой войны французское командование не умело – оно безнадежно отстало в данном вопросе.

Легко заметить, что критика отдельных положений плана «Диль», будучи правильной, не затрагивала его основ. Высказывавшие её генералы, подобно Гамелену, были убеждены, что свой главный удар немцы будут наносить через Северную Бельгию. Не выразил в указанном отношении сомнений и де Голль, критикуя общую стратегическую концепцию союзных армий. Горькой grimасой истории выглядит на этом фоне своеобразное «озарение», посетившее командующего французским Северо-Восточным фронтом генерала Жоржа, который незадолго до начала немецкого наступления заявил, что если вдруг противник нанесёт свой главный удар на участке фронта между Маасом и Мозелем (т.е. именно там, где немцы его и нанесли), то для отражения такого удара у французов на данном участке фронта сил край-

не недостаточно. Генерала никто не услышал. И главное – было уже поздно [37; 88].

* * *

В 5 часов 35 минут 10 мая 1940 года германская армия начала вторжение в Голландию, Бельгию и Люксембург. Чтобы снять с себя обвинение в нарушении нейтралитета этих стран, гитлеровское правительство пошло на провокацию – самолёты люфтваффе ночью произвели бомбардировку немецкого города Фрейбург. Нацистская пропаганда во всеуслышание обвинила в этом Бельгию и Голландию: якобы это их авиация устроила этот налёт [37; 91].

Получив сведения о начале немецкого наступления и просьбу правительств Бельгии и Голландии об оказании помощи, генерал Гамелен отдал приказ о начале выдвижения союзных войск по плану «Диль». Англо-французские дивизии вступили в Бельгию. Примечательно, что хотя шли они открыто в безупречном порядке, немецкая авиация не произвела на них ни одного налёта, предоставив им возможность беспрепятственно втягиваться на бельгийскую территорию. Этот манёвр вполне отвечал германскому плану.

Вообще же действовали силы люфтваффе чрезвычайно активно. Немецкое вторжение в Бельгию и Голландию началось с мощных бомбовых ударов по аэродромам, командным пунктам и пунктам связи, военным складам бельгийской и

голландской армий, а также по крупнейшим индустриальным центрам Бельгии, Голландии и Франции [37; 91].

Крупный размах приобрели десантные операции. Причём, действовали немецкие десантники чрезвычайно успешно. В Голландии десанты были высажены под Мурдейком, Роттердамом, Дордрехтом и Гаагой. В районе первых трёх городов они внезапным ударом захватили стратегические мосты через реки Маас и Ваал, в окрестностях Гааги овладели тремя аэродромами. Однако захватить саму Гаагу, пленить правительство и королевскую семью им не удалось из-за ожесточённого сопротивления гарнизона города [37; 91].

В Бельгии десантные отряды с особой интенсивностью действовали в полосе наступления 6-й немецкой армии. Здесь ими были захвачены мосты через Маас и канал Альберта. Особое значение имела операция десантников по овладению фортом Эбен-Эмаэль. Это мощнейшее оборонительное сооружение, имевшее гарнизон в 1 200 человек, держало под артиллерийским и пулемётным огнём все мосты через канал Альберта и Маас у Маастрихта. Благодаря действиям десантной группы в 85 человек, форт Эбен-Эмаэль пал уже к полудню 11 мая [37; 92], [83; 106 – 107].

18-я немецкая армия в первый же день наступления, т.е. 10 мая, сломала сопротивление голландских войск в приграничных районах, овладела северо-восточными провинциями страны и прорвала оборонительные позиции по линии Пел. Голландские войска поспешно отступили за водные

преграды в «Крепость Голландию». К 12 мая немецкие танки, пройдя через Мурдейк и разгромив находившуюся здесь голландскую группировку, вырвались к Бреде [37; 91 – 92], [83; 106].

6-я немецкая армия, наносившая удар южнее 18-й, за неполные три дня наступления также добилась значительных успехов. Тесня бельгийские войска на запад, она уже 10 мая нарушила целостность их обороны по каналу Альберта (во многом благодаря десантным операциям). 12 мая оборона бельгийцев на канале Альберта рухнула окончательно [37; 92], [83; 107].

Столь стремительное продвижение немцев обескуражило союзное командование, явившись для него полнейшей неожиданностью.

Прежде всего, рухнул план «Бреда», т.е. попытка установления локтевой связи с голландской армией и создания с ней единого фронта. 7-я французская армия генерала Жиро выполнила поставленную задачу – пройдя территорию Бельгии, она вступила в Голландию. 11 мая её передовые силы подошли к Бреде. Но уже 12 мая в районе Бреды были немецкие танковые группировки. Они создали угрозу правому флангу 7-й французской армии. После непродолжительных боёв, которые выявили полное превосходство немцев, генерал Жиро дал приказ на отход своих войск. Таким образом, попытка союзников оказать помощь голландской армии провалилась уже на третий день немецкого наступления. Стало ясно,

что поражение голландцев – вопрос времени, причём, весьма непродолжительного [37; 92], [83; 106].

Однако и в штабах основной союзнической группировки, выдвигавшейся на рубеж реки Диль, возникли большие сомнения в том, что англо-французские войска успеют занять оборонительные позиции на этом рубеже и как следует на них закрепиться. Командующий 1-й французской армией генерал Бланшар доложил генералам Жоржу и Гамелену о целесообразности остановить продвижение войск и занять позиции по Шельде, на которых будет больше времени организовать оборону. Но и штаб Северо-Восточного фронта, и главнокомандующий отклонили это предложение. Вместо этого генерал Жорж приказал только ускорить движение к реке Диль [37; 92].

13 мая передовые французские части 1-й армии, осуществлявшие прикрытие выдвижения основных сил на рубеж «Диль», находились в районах восточнее этой реки (между городами Жамблу и Анню). Сюда же в этот день вышли части XVI моторизованного корпуса генерала Гёпнера (6-я армия). Они столкнулись с 3-й французской лёгкой механизированной дивизией генерала Приу. Состоялось первое крупное танковое сражение Второй мировой войны. По имеющимся данным, французы потеряли в нём 105 танков, а немцы – 164. Несмотря на кажущийся успех, 14 мая передовые французские соединения отступили. Следовавшие за ними германские войска 6-й армии вошли в соприкоснове-

ние с основными силами 1-й французской армии и британского экспедиционного корпуса, занимавшими оборону по реке Диль [37; 92], [83; 107].

В течение 13 – 14 мая на рубеж между Лувеном и Антверпеном отошли соединения бельгийской армии [37; 92].

К. Типпельскирх, подводя итог событиям этих дней в полосе наступления группы армий «Б» констатировал: *«Теперь было ясно, что войска левого крыла союзников осуществили ожидавшееся захождение. Против них нужно было ввести такие силы, которые могли бы ввести такие силы, которые могли бы их сковать»* [83; 107].

Итак, всё складывалось весьма и весьма успешно для немцев, всё шло согласно их плану. 6-я армия вполне эффективно сковывала силы 1-й группы армий союзников. Но именно 14 мая германским войскам представилась возможность превратить сковывание в решительный успех. Дело в том, что в этот день голландское командование пришло к решению капитулировать.

Почему оно приняло такое решение?

Во-первых, немецкие войска ворвались в «Крепость Голландию». Были прорваны все оборонительные линии, прикрывавшие данный район – Пел, Эйссель, Греббе. Во-вторых, надежд на помощь англо-французских сил не оставалось. В-третьих, и правительство страны, и военное командование боялись массированных воздушных бомбардировок голландских городов, которые неминуемо повели бы к мно-

гочисленным жертвам среди мирного населения. Всё это подвигло командующего голландской армией генерала Винкельмана отдать приказ о прекращении сопротивления. Вечером 14 мая (в 21.30) была подписана капитуляция голландских войск [37; 94], [83; 106].

Через час после подписания капитуляции немецкая авиация подвергла мощнейшей бомбардировке Роттердам. Город был разрушен, погибло множество его жителей [37; 94]. Зачем немцы совершили это варварское деяние уже после капитуляции Нидерландов? Ведь в данном шаге не было абсолютно никакой военной необходимости.

К. Типпельскирх склонен объяснять случившееся трагической случайностью. Вот что он пишет в своей «Истории Второй мировой войны»:

«14 мая голландское командование, учитывая бесполезность дальнейшего сопротивления и угрозу воздушных налётов немецкой авиации на Роттердам и Утрехт, решило начать переговоры о капитуляции. Уже в тот же день в 21 час 30 минут огонь был прекращён. Однако, несмотря на капитуляцию, из-за плохой работы связи уже нельзя было ничего сделать, чтобы предотвратить воздушный налёт на Роттердам. В результате город сильно пострадал, среди населения было много жертв» [83; 106].

Что ж? Весьма «благообразное», «культурное» по-европейски объяснение: мол, не успели, опоздали, техника подвела, но делать этого после подписания голландцами капи-

туляции не собирались, ни-ни.

Только вот в материалах Нюрнбергского процесса констатируется, что никакой трагической случайности не было, что плохая связь здесь ни причём, и налёт на Роттердам 14 мая был произведён намеренно с целью *«продемонстрировать решительность и терроризировать голландцев»* [37; 94].

Капитуляция Голландии, таким образом, уже после 14 мая позволила использовать 18-ю немецкую армию против основных сил союзной группировки в Бельгии, что значительно увеличило мощь удара группы армий «Б» в районе рубежа «Диль». Как отмечает К. Типпельскирх, *«в течение пяти дней первый противник был выведен из войны, и целая армия высвобождена для действий в другом месте»* [83; 106].

Но, несмотря на внушительные, быстрые и неожиданные для союзников успехи группы армий фон Бока, главная опасность для войск коалиции надвигалась не из Северной Бельгии.

Её, эту опасность, в первые дни немецкого наступления никто не заметил: ни штаб главнокомандующего французской армией генерала Гамелена, ни фронтовой штаб генерала Жоржа, ни командование английских экспедиционных сил. Носителем опасности была двинувшаяся через Арденны немецкая группа армий «А» под командованием генерала фон Рундштедта.

Легко преодолев сопротивление пограничных отрядов на

германо-бельгийской границе, просто пройдя через Люксембург, а затем сломив сопротивление бельгийских пограничников на люксембургско-бельгийской границе, группа армий «А» стремительно продвигалась вперёд. Немцы без труда отбросили части французских кавалерийских дивизий, осуществлявших прикрытие главных сил 2-й и 9-й французских армий. На рассвете третьего дня наступления, преодолев 110-километровую полосу Арденн, они вступили на французскую территорию и вышли к реке Маас.

На календаре было 12 мая. Казалось бы, французское командование должно быть сильно обеспокоено. Но вот что поразительно – особого беспокойства оно не проявило. Генерал Жорж, которого незадолго до немецкого наступления посетило «прозрение» и который предсказал возможность нанесения вермахтом главного удара через Арденны, вдруг опять «ослеп», «ослеп» тогда, когда немцы начали осуществление этого самого предсказанного им удара и уже успешно миновали Арденны. Вечером 12 мая он докладывал генералу Гамелену: *«В настоящее время оборона надёжно обеспечена по всему фронту реки Маас»* [37; 93]. Ни Гамелен, ни его штаб не усомнились в этой констатации, не усомнились в ней и англичане. Приходится полагать, что всё союзное командование, ошеломлённое стремительными успехами немцев в Голландии и Северной Бельгии, окончательно уверовало, что именно там противник наносит свой главный удар. На этом фоне выход к Маасу в Южной Бельгии и Се-

веро-Восточной Франции германских войск, отбросивших незначительные силы бельгийских пограничников и французской кавалерийской завесы, действительно мог не восприниматься как нечто серьёзное. И это был роковой просчёт французских и английских генералов.

Наступавшая на северном фланге ГА «А» 4-я армия, в составе которой действовал XV моторизованный корпус Гота, рано утром 13 мая достигла Мааса севернее Динана. Бельгийская армия на данном участке фронта спешно отошла за реку. Действовавшая южнее 12-я немецкая армия, в полосе которой наносила удар танковая группа Клейста (XIV, XIX и XXI моторизованные корпуса), вышла к Маасу ещё накануне вечером и захватила город Седан [37; 93], [83; 107 – 108].

Этот «рывок к Маасу» повёл к сильному растягиванию войск моторизованных немецких корпусов. *«В ходе наступления подвижные соединения сильно растянулись, – отмечает Типпельскирх. – Их арьергарды со следующими за ними моторизованными дивизиями были ещё у Рейна, тогда как авангардные части достигли уже Мааса. Учитывая заранее подготовленную оборону противника, было нелегко в такой обстановке принять решение на следующий же день (а на участке наступления 4-й армии в тот же день – И.Д., В.С.) форсировать реку без предварительной тщательной разведки, подтягивания и подготовки всех сил и без поддержки мощной артиллерии. И всё же нельзя было терять время. Несколько сотен самолётов должны были дополнить пока*

ещё незначительную артиллерийскую поддержку» [83; 108].

Действительно, 13 мая на направлении главного удара немцев был задействован 3-й воздушный флот, усиленный корпусом пикирующих бомбардировщиков. Германская авиация подавляла французскую и бельгийскую оборону, уничтожала двигавшиеся к линии фронта на этом участке немногочисленные резервы союзников, сеяла панику в рядах противника. Её действия 13 мая оказались чрезвычайно эффективны. Под прикрытием авиации войскам 12-й армии уже к вечеру 13 мая удалось прорвать французскую оборону по западному берегу Мааса в трёх местах – по обе стороны Седана и близ Монтерме, захватив три небольших плацдарма в указанных районах. Все попытки французов сбить германские войска с этих плацдармов успеха не имели. С наступлением темноты немцы приступили здесь к наведению pontонных мостов.

Удалось захватить плацдарм и силам 4-й армии под Динамом. В ночь с 13 на 14 мая XV моторизованный корпус Гота начал переправу в районе Динана на западный берег Мааса. Бельгийские и французские войска помешать этому уже не могли [37; 93], [83; 108].

События 13 мая, развернувшиеся на рубеже реки Маас от Намюра до Седана, подействовали на союзное командование в какой-то степени отрезвляюще. Оборона, о прочности которой Жорж докладывал Гамелену ещё накануне вечером, в один день оказалась прорвана. Образовавшиеся в

ней дыры надо было срочно латать. Штаб Северо-Восточного фронта и командование 1-й группы французских армий приняли решение выдвинуть в районы прорыва противника значительные резервы – 4 пехотные и 2 танковые дивизии (последние были переданы Гамеленом из своего резерва в резерв Северо-Восточного фронта) [37; 93]. Командующий Северо-Восточным фронтом полагал, что этих сил вполне достаточно, чтобы локализовать прорыв противника. Не дожидаясь результатов действий указанных дивизий, Жорж доложил Гамелену, что *«бреши у Седана заткнута»* [37; 93]. Реляция командующего фронтом вполне успокоила Гамелена [37; 93]. Из всего этого можно сделать вполне обоснованный вывод, что отрезвление французского командования оказалось неполным: придя к выводу, что через Люксембург и Южную Бельгию противник наносит удар более значительными силами, чем первоначально предполагалось, оно всё-таки и по прошествии четырёх дней немецкого наступления так и не поняло, что имеет здесь дело с ударом главных сил немцев.

Наряду с действиями пехотных и танковых резервных дивизий Жорж для нейтрализации прорыва германских войск решил массированно использовать авиацию. Днём 14 мая 170 французских и английских самолётов совершили налёт на переправы немцев на Маасе. Но, с одной стороны, немецкая авиация, а с другой – зенитная артиллерия обеспечили надёжное прикрытие сухопутных войск. Союзники потеряли

половину самолётов, участвовавших в налёте на переправы (85 из 170, из них – 50 французских и 35 английских). При этом ни уничтожить переправы, ни нанести им какой-либо ощутимый вред не удалось [37; 93].

В то же время резервные французские дивизии, выдвигавшиеся к Маасу, были оставлены практически без авиационного прикрытия. И немецкая авиация прекрасно воспользовалась данным обстоятельством, усиленно атакуя находящиеся на марше соединения, нанося им существенные потери, очень сильно замедляя их продвижение. В итоге, резервы подходили к линии фронта измотанными, потеряв значительное количество людей и техники. Положение усугублялось неразберихой во французских штабах различных уровней и начинавшейся паникой среди войск. Никакого «затыкания» бреши у Седана 14-го числа не произошло. Наоборот, немцы расширили свой прорыв, стремительно продвинувшись вперёд [37; 93], [83; 108 – 109].

В этот день сосредоточившиеся на плацдармах на западном берегу Мааса немецкие танковые дивизии начали с них своё выдвижение, прорываясь в глубь французской обороны. XIX моторизованный корпус Гудериана смял 2 пехотные дивизии на левом фланге 2-й французской армии и обрушился на правый фланг 9-й французской армии, также разгромив его. Успехи корпуса Гудериана создавали угрозу тылам французских армий – и 2-й, занимавшей позиции на французской территории южнее, и левому флангу 9-й армии, и 1-

й армии, находившимся в Бельгии [37; 93].

Поскольку 14 мая с капитуляцией Голландии 18-я немецкая армия получила возможность сосредоточить свои усилия в Бельгии, то германское Верховное командование приняло решение для усиления удара в полосе группы армий «А» передать в 4-ю армию этой группы XVI моторизованный корпус Гёпнера из состава 6-й армии группы армий «Б» (директива ОКВ № 11 от 14 мая) [37; 93], [83; 108].

15 мая стало днём, когда союзное командование в полной мере осознало угрозу, исходящую от войск немецкой группы армий «А». В Бельгии, на рубеже реки Диль, немцы не смогли добиться сколько-нибудь существенных успехов. Англо-франко-бельгийские силы продолжали закрепляться на своих позициях. Зато в Южной Бельгии и Северо-Восточной Франции события стали развиваться по обвальному для союзников сценарию. Получившие накануне мощнейшие удары 9-я и 2-я французские армии начали отход. 9-я отступала на запад. Причём, говоря об её отходе, Типпельскирх употребляет слово «откатилась» [83; 109]. Действительно, отходила армия весьма поспешно, без особого порядка, некоторые части даже ударились в паническое бегство [37; 94]. Если быть более точным, то отступление, очень напоминающее бегство, произвёл разгромленный корпусом Гудериана правый фланг 9-й французской армии. Её левый (северный) фланг пока оставался на своих позициях в Бельгии, и с ним французское Верховное командование связывало кое-какие

надежды [83; 109].

В свою очередь, командующий 2-й французской армией генерал Хюнтцигер, стремясь вывести свой левый фланг из-под танкового удара противника, отступил на юг. 2-я армия отходила более организованно, чем 9-я. Отойдя, она перекрыла подходы к линии Мажино с севера. Генерал Хюнтцигер командовал войсками более умело, чем его коллега, генерал Корап, стоявший во главе 9-й армии. Но организованный отход 2-й армии, занятие ею позиций на северных подходах к линии Мажино при всей умелости этого манёвра только увеличивали брешь между двумя армиями французов. Разрыв фронта достиг 28 километров. В это не защищаемое никем пространство хлынули немецкие танковые дивизии [37; 93 – 94].

Глубокий прорыв обороны французских войск на Маасе угрожал не только французским силам в данном регионе. Он представлял огромную опасность для союзных сил в Бельгии, которые могли быть там отсечены.

К концу боевого дня 15 мая французское Верховное командование начинает принимать лихорадочные меры, чтобы предотвратить катастрофу. Из Бельгии спешно перебрасывается 7-я армия, и отводится левый фланг 9-й армии. С юга передислоцируется штаб 6-й армии генерала Трушона, которому в подчинение передаются несколько дивизий из 2-й группы французских армий. Генерал Жиро (как мы помним, командовавший 7-й армией) назначается командовать

9-й армией вместо смещённого с поста командующего генерала Корапа. Безусловно, это назначение более решительно-го и твёрдого Жиро преследует цель обеспечения сложного манёвра левого фланга 9-й армии из Бельгии и наведение порядка в войсках правого фланга армии. Все эти силы должны спешно создать новый фронт между Маасом и Уазой (по реке Эна), а также по реке Сомма. Во главе новой группировки ставится штаб 3-й группы французских армий и её командующий генерал Бессон [37; 94], [83; 109].

В то же время и Гамелен, и Жорж в полной мере осознают, что оборона войск на рубеже «Диль» становится и бесцельной, и опасной для этих самых войск. Находящиеся в Бельгии войска 1-й группы французских армий (за исключением 7-й армии и левого фланга 9-й армии (см. выше)) получают приказ на отход к Шельде. Таким образом, план «Диль» потерпел полный провал [37; 94].

Для того, чтобы обеспечить время для указанных передислокаций армий и соединений, необходимо было хоть как-то затормозить движение немецких танковых армий. Гамелен и Жорж принимают решение добиться этого контратаками. Правда, наличных сил для контрударов у них немного. На различных участках фронта в бой бросаются все 3 резервные французские танковые дивизии. Приказ контратаковать получает 2-я французская армия [37; 94], [83; 109].

Надо всё-таки признать, что в сложившихся условиях трудно было придумать более толковый план действий. В

этом Гамелену и Жоржу не откажешь. Другое дело, что для его выполнения нужно было множество условий: грамотное и чёткое управление крупными войсковыми массами союзных армий, быстрое и чёткое выполнение войсками приказов командования, согласованность действий соединений и объединений. И что самое главное, чтобы всем этим передислокациям не очень мешали немцы. А вот последние как раз были настроены абсолютно противоположным образом и передышки англо-французам давать не собирались.

Похоже, что Гамелен, составив довольно стройный в теоретическом отношении план действий, сам не очень верил в возможность его осуществления. Как говорится, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Так вот, Гамелен, образно выражаясь, про «овраги помнил» даже чрезмерно хорошо. В ночь с 15 на 16 мая он доложил премьер-министру Рейно, что противнику удалось прорвать оборону и ввести в прорыв значительные силы, что резервами он, Гамелен, не располагает и *«снимает с себя всякую ответственность»* за безопасность Парижа [37; 94].

После подобного заявления французское правительство охватила самая настоящая паника. Было принято спешное решение об эвакуации правительства в Тур. В министерстве иностранных на Кэ д'Орсэ начали жечь архивы, а Рейно отправил в Англию Черчиллю телеграмму, которая звучала как сигнал SOS: *«Вчера вечером мы проиграли сражение. Дорога на Париж открыта. Посылайте все самолёты и все войска,*

какие вы можете послать» [37; 94]. Вот так в телеграмме французского премьера трансформировалось заявление Гамелена. Получалось, что падение Парижа – вопрос самого короткого времени.

Послал в эту ночь две телеграммы в Лондон и сам Гамелен. Правда, в них он умолял всего лишь о помощи авиацией, но сам тон этих посланий и их количество за одну лишь ночь со всей ясностью свидетельствовали о том, что в Париже паникует не только вполне штатский премьер Рейно, но и вполне военный главнокомандующий Гамелен [37; 94].

Британский премьер Черчилль и британские генералы оказались куда как хладнокровней своих французских коллег. Когда французское правительство спешно готовилось смазать пятки из Парижа, Черчилль с группой генералов, наоборот, устремился в Париж. Он прибыл туда днём 16 мая. К тому моменту во французской столице все уже немного успокоились – с фронта пришли известия, что непосредственной угрозы Парижу нет, и Рейно отменил своё распоряжение об эвакуации правительства [37; 94 – 95]. Однако на состоявшемся заседании верховного совета союзников Гамелен вновь заявил, что не располагает резервами, и потребовал увеличения помощи британской авиации на континенте. В ответ Черчилль отказался увеличить английскую континентальную авиационную группировку, зато потребовал решительных действий союзных сил в Бельгии. если первое выглядело предательством интересов французских союзников,

то второе папахивало глупостью – единственной активизацией, которую могли позволить себе в тех условиях англо-франко-бельгийские войска, была активизация их отступления к Шельде. В итоге, верховный совет союзников так и не принял каких-либо решений [37; 95].

Пока французские политики и высший французский генералитет паниковали и дискутировали со своими английскими коллегами, французские войска пытались воплотить в жизнь план Гамелена, в выполнимость которого не верил он сам. Соединения 2-й французской армии южнее Седана начали контратаковать наступающих немцев. Но все контратаки войск армии генерала Хюнтцигера были отражены [83; 109]. Перешли в наступление на различных участках фронта 3 французские танковые дивизии. Однако действовали они довольно мелкими группами (для большего охвата территории по фронту), без должной авиационной и артиллерийской поддержки. В то же время воздействие германской авиации по боевым группам французских танковых дивизий было чрезвычайно сильным, а на земле эти группы столкнулись с мощнейшими танковыми кулаками немцев. В силу указанных обстоятельств, французские танкисты, понеся значительные потери, не смогли существенно затормозить продвижение германских войск [37; 94], [83; 109].

Наиболее успешно при этом действовала 4-я бронетанковая дивизия под командованием полковника де Голля. Его дивизия, сосредоточившись 16 мая в Лаоне, 17 мая начала

наступление в северо-восточном направлении на Монкорне, чтобы перерезать находящийся там узел дорог и дать войскам 6-й французской армии время для занятия позиции на рубеже канала Эна – Уаза. Первоначально дивизии де Голля удалось опрокинуть немецкие части и, продвинувшись на 20 километров, подойти к Монкорне. Попытка взять город, тем не менее, потерпела неудачу. Для этого войскам дивизии необходимо было форсировать реку Сер. Форсирование проходило под сильным артиллерийским обстрелом и бомбёжками немецкой авиации. Сама же 4-я бронетанковая дивизия не имела ни артиллерийского, ни авиационного прикрытия. От идеи форсирования реки пришлось отказаться. Но поставленную задачу де Голль выполнил – затормозил продвижение немцев на данном участке фронта на двое суток (17 и 18 мая). В ночь с 18 на 19 мая де Голль отвёл свою сильно поредевшую дивизию назад, к Лаону. Однако рано утром 19 мая он вновь был вынужден бросить её в атаку к северу от Лаона. Дело в том, что германские войска, задержанные 4-й бронетанковой дивизией под Монкорне, организационно принадлежали к 12-й армии и являлись частью танковой группы Клейста, основные силы которой продолжали своё продвижение несколько севернее. Таким образом, танковая дивизия полковника де Голля, не имевшая ни артиллерийской, ни авиационной, ни пехотной поддержки, вступила в противоборство с ударной танковой группировкой группы армий «А», включавшей целых 3 моторизованных кор-

пуса. Результаты подобного противоборства нетрудно предугадать. Образно говоря, Давид дрался с Голиафом, не имея пращи. Столкновение с основными силами немцев произошло на переправе через реку Сер. Эта небольшая река, как и два дня назад, стала для французских танков непреодолимой преградой. Только на сей раз на её северном берегу находились не авангарды, а основные силы фланговой танковой дивизии XIX моторизованного корпуса генерала Гудериана. Имея в своём распоряжении сильную артиллерию, в том числе тяжёлую, обладая мощным авиационным прикрытием, немцы не стали сразу же устраивать танковое единоборство, своеобразную танковую дуэль, встречный бой танковых сил. Они стали попросту методично отстреливать с северного берега Сера французские танки из орудий, а также уничтожать их воздушной бомбардировкой [58; 115].

Позже де Голль, вспоминая этот неравный бой, напишет в своих мемуарах:

«В эти минуты я не мог не думать, на что способна механизированная армия, о которой я так долго мечтал. Если бы я сейчас располагал такой,.. сразу было бы остановлено продвижение немецких танковых дивизий, их тылы оказались бы охвачены смятением... Однако наши силы в районе севернее Лаона были крайне ничтожны» [58; 115].

Достаточно ослабив французскую бронетанковую дивизию, немцы сами перешли Сер и нанесли по французам удар. Тем не менее, де Голлю удалось удерживать немецкие танко-

вые силы до второй половины дня 19 мая, когда он получил приказ об отступлении. К этому моменту 6-я французская армия смогла развернуться и как-то закрепиться на отведённом ей рубеже [58; 116].

Конечно, действия 4-й бронетанковой дивизии не могли ничего поменять в ходе событий. Но они запомнились немецким генералам. Может быть, именно потому, что были единственными в какой-то мере успешными действиями союзных войск не только в эти майские дни, но и во всей Французской кампании вермахта. К. Типпельскирх в «Истории Второй мировой войны» пишет:

«...Немецкие подвижные соединения стремительно продвигались на запад.

...Севернее Лаон... 16 мая навстречу им выступила сформированная генералом де Голлем (на тот момент де Голль был ещё полковником – И.Д., В.С.) ударная группа, ядро которой составляла недавно созданная танковая дивизия. Это соединение тщетно пыталось потеснить южный фланг немецкого клина. После трёхдневных безуспешных боёв французская танковая дивизия была рассеяна действиями наземных войск и пикирующими бомбардировщиками и отброшена через Лаон на юг» [83; 110].

В этих словах Типпельскирха есть любопытные нюансы. Хвалебных слов дивизии де Голля немецкий генерал и историк не говорит. Но он отмечает то обстоятельство, что германские танковые силы потратили на борьбу с од-

ной-единственной бронетанковой дивизией французов целых три дня. И это само по себе уже выглядит как похвала. Очевидно, раздосадованный этой невольной похвалой (от которой никуда не денешься) Типпельскирх далее говорит, что соединение де Голля было рассеяно немцами, и тут же вынужден заметить, что оно было отброшено через Лаон на юг. Так рассеяно или отброшено? Существовало оно после боёв под Лаоном, как соединение, или нет? Оно существовало и, понеся большие потери под Лаоном, всё-таки продолжало упорно сражаться. И поскольку Типпельскирху это прекрасно известно, и из песни слова не выкинешь, он, потрафив своему немецкому самолюбию словом «*рассеяна*», тут же добавляет «*отброшена*». Пожать плечами можно, а упрекнуть во лжи – не упрекнёшь. Весьма характерные «кульбиты» генерала-историка при упоминании действий дивизии де Голля.

Другой немецкий генерал, Гейнц Гудериан, с корпусом которого непосредственно сражался де Голль под Монкорне и Лаоном, в своих «Воспоминаниях солдата» отмечает:

«...Ещё 16 мая мы знали о наличии французской бронетанковой дивизии, новом соединении генерала де Голля, которое... впервые вступило в бой под Монкорне. Де Голль подтвердил наши данные через несколько дней. 18 мая несколько танков из его дивизии подошли на 2 километра к моему передовому пункту в Ольнонском лесу, охраняемому лишь несколькими 20-мм зенитными пушками. Я пережил пару

часов в томительной неизвестности, пока эти грозные гости не повернули обратно» [25; 152].

Действительно, такое забыть трудно. Прорыв танков к твоему командному пункту кому угодно пощекочет нервы. И констатация данного факта Гудерианом – это фактическая похвала действиям дивизии де Голля.

И всё же общий итог от контратак французских пехотных и танковых дивизий оказался нулевым. Действия 4-й бронетанковой дивизии на этом фоне были мельчайшей частностью. Как справедливо отмечает Типпельскирх, попытки французского командования *«восстановить фронт между 2-й и 9-й армиями... потерпели неудачу из-за стремительного темпа наступления подвижных соединений и следовавших за ними вплотную пехотных дивизий 4-й и 12-й армий, которые расширили фронт прорыва и обеспечили фланги»* [83; 109].

Энергично наступали немцы, не давая союзникам опомниться и в Бельгии. Группа армий «Б» усиливала давление на отходившие к Шельде британские, французские и бельгийские войска. Уже 17 мая был занят Брюссель [37; 95].

Но если в Бельгии фронт союзных армий сохранял целостность, и они попросту выдавливались германскими соединениями, как поршнем вода, то там, где решалась судьба кампании, т.е. в Северной Франции, дела у союзников приняли катастрофический оборот. Правый фланг французской 9-й армии в беспорядке продолжал отступать на запад, и уже

к вечеру 18 мая перестал существовать, окончательно разгромленный немцами [37; 95]. Оказался невозможным и манёвр на юг левого фланга 9-й французской армии, а также части сил 1-й французской армии. 6-я и 4-я германские армии либо сковали эти французские войска, либо разгромили их [83; 109].

Проходя в день по 50 и более километров, немецкие подвижные соединения двигались на запад [83; 110].

К вечеру 18 мая части XV и XVI моторизованных корпусов 4-й немецкой армии вышли в район Мобёжа. В этот же день танки группы генерала Клейста сбили последние французские заслоны у Сен-Кантена. Далее на запад, кроме тыловых частей и местных небольших гарнизонов, никаких сил союзников уже не было. Немцы стремительно рвались к Ла-Маншу [25; 152], [37; 95], [83; 110].

Германское Верховное командование усиливало фланги основной наступающей группировки, т.е. группы армий «А». На направлении главного удара в сражение были введены свежие силы. Сюда перебрасывались соединения и части из групп армий «Б» и «Ц». В итоге, группа армий Рундштедта увеличилась до 71 дивизии (напомним, первоначально она включала 45 дивизий) [37; 96].

18 мая моторизованный корпус генерала Гёпнера был включён в так называемую танковую группу генерала Гота (XV и XVI моторизованные корпуса). Т.е. германское командование создало и на северном фланге группы армий «А» та-

кой же ударный танковый кулак, который действовал на южном фланге основного участка прорыва войск этой группы (речь идёт о танковой группе генерала Клейста) [37; 96].

Танковой группе Гота предписывалось наступать на Аррас. Танковой группе Клейста должна была развивать удар на Абвиль [25; 154], [37; 96], [83; 110].

В этой критической ситуации, складывающейся на фронте, Гамелен, по сути, потерял нити управления войсками и не знал, что ему предпринять. Единственное, что он сделал – обратился к французской армии с воззванием «Отечество в опасности!», подобным воззванию, с которым обратился к армии накануне битвы на Марне маршал Жоффри.

«Отечество в опасности! Войска, которые не могут продвигаться вперёд, должны скорее погибнуть на том месте, где они стоят, чем уступить хоть одну пядь французской земли, оборона которой им вверена. В этот час, как и во все исторические для родины моменты, наш девиз – победить или умереть. Мы должны победить!» – призывал генерал Гамелен [83; 109].

Но, в отличие от 1914 года, зажигательные слова французского главнокомандующего не достигли цели. Главной причиной этого была в корне отличная обстановка на фронте. В начале сентября 1914 года французы хоть и отступали под давлением немцев, но им удалось сохранить целостность своего фронта. В мае 1940 года французский фронт распался, как гнилое одеяло.

Рейно принял решение о смещении Гамелена. Ещё 16 мая он вызвал во Францию из Мадрида 83-летнего маршала Петэна, который был послом Франции в Испании, а из Бейрута – командующего французскими силами в Леванте 73-летнего генерала Вейгана. Оба военачальника отличились в ходе Первой мировой войны. И французский премьер возлагал на них определённые надежды. Петэн 18 мая был назначен вице-председателем совета министров, а Вейган 19 мая стал главнокомандующим французской армией. Был произведён ещё ряд кадровых перестановок в правительстве. Только Рейно не учёл, что оба военачальника уже не те, что были в годы Первой мировой войны. И Петэна, и Вейгана отличала крайняя реакционность взглядов. Они оба поддерживали связи с французскими фашистами и были убеждены в необходимости заключения скорейшего мира с Германией, другими словами, стояли на пораженческих позициях [37; 95 – 96].

Перед своим уходом Гамелен издал «Личную и секретную инструкцию № 12». Она начиналась довольно странными, на первый взгляд, для главнокомандующего словами: *«Не желая вмешиваться в руководство происходящим сражением, которое осуществляется командующим Северо-Восточным фронтом, и одобряя все принятые им решения, я считаю...»* [37; 96]. Можно, конечно, вслед за некоторыми историками, утверждать, что подобными формулировками Гамелен перекладывал всю ответственность за события на фронте на

генерала Жоржа, но мы этого делать не будем [37; 96]. Не испытывая симпатий к Гамелену и не предпринимая попыток оправдать его провал как военачальника, всё-таки будем справедливы: Гамелен не мог применить директивных формулировок в «...инструкции № 12», ибо издавал её, уже зная о своей отставке, т.е. будучи, фактически, частным лицом, а не главнокомандующим армией. Потому-то он и назвал инструкцию личной. Другими словами, она не могла быть ничем иным, как рекомендацией. Таковой она и являлась. Что рекомендовал Гамелен? По его мнению, нужно было первым делом предотвратить окружение союзных армий в Бельгии. Исходя из того, что широкая брешь уже не могла быть закрыта фронтальным ударом, он полагал необходимым перейти к наступательным действиям с севера и юга. 1-я группа французских армий, с которой отступала и бельгийская армия, отходя за Шельду, должна была создать северную ударную группировку. С юга удар должны были наносить вновь созданная 6-я армия и спешно создаваемая левее её 7-я армия. Исходным пунктом для основного удара с севера должен был стать Аррас, с юга – Перрон. Расстояние между этими двумя городами всего 40 километров. И, казалось бы, подобное контрнаступление имеет шансы на успех [83; 110 – 111].

Что-то другое в складывающейся ситуации предложить было трудно. Тем более, что определённые шаги в направлении создания союзных ударных группировок уже делались. На севере англичане, отойдя за Шельду, уже 19 мая спешно

организовали позицию от Динана до Арраса, которая и могла стать опорным пунктом для сосредоточения ударной группировки. Мы уже знаем, что благодаря героическим действиям 4-й бронетанковой дивизии полковника де Голля, задержавшей продвижение немцев под Лаоном практически на три дня, 6-я французская армия смогла занять позиции по каналу Уаза – Эна. Северо-западнее её, по Сомме, занимали позиции части, организационно вошедшие в 7-ю армию [83; 110 – 111].

Однако пока политики в Париже занимались «перетряской» правительства, а уходящий в отставку главнокомандующий составлял свои рекомендации, немцы продолжали стремительно наступать к Ла-Маншу.

Уже утром 20 мая части XIX моторизованного корпуса Гудериана заняли Амьен, а вечером этого же дня – Абвиль. Ночью с 20 на 21 мая немцы вышли к побережью Ла-Манша [25; 153 – 154], [37; 96].

21 мая моторизованные корпуса группы Клейста получили приказы развернуться на север и северо-восток и наступать на Булонь, Кале, Сент-Омер и Дюнкерк [25; 155], [37; 96], [83; 113 – 114].

Выход танковых и моторизованных соединений 12-й немецкой армии к морскому побережью означал рассеяние сил союзников – англо-франко-бельгийские войска в Бельгии оказывались отрезанными от французских войск, занимающих позиции южнее Соммы и по каналу Уаза – Эна.

Рекомендации Гамелена, не успев даже превратиться в конкретный план, явно запаздывали.

На этом первую часть Французской кампании вермахта можно считать законченной. Союзная группировка была рассечена. Теперь перед немецкими войсками вставали задачи уничтожения англо-франко-бельгийских сил в Бельгии и овладения территорией Франции.

Ещё 18 мая 1940 года в дневнике начальника Генерального штаба Сухопутных войск генерала Гальдера появилась следующая запись: *«Фюрер, непонятно почему, озабочен южным флангом. Он беснуется и кричит, что можно погубить всю операцию и поставить себя перед угрозой поражения. Он и слушать не хочет о продолжении операции в западном направлении, не говоря уже о юго-западном, и всё ещё одержим идеей наступления на северо-запад»* [23; 405].

Мы видели, что основания для подобных опасений у фюрера были. Французы, действительно, вынашивали планы контрудара по рвущимся к Ла-Маншу немецким войскам. Причём, наноситься этот контрудар должен был одновременно и с севера, и с юга. С учётом того, что коридор, по которым немецкие подвижные соединения наступали к морю, был чрезвычайно узок (выше говорилось, что между Перроном и Аррасом расстояние составляло всего 40 километров), подобные действия союзников представляли для немцев реальную опасность. Тут фюрер был абсолютно прав. Другое дело, что, как отмечает в своём дневнике Гальдер, по со-

стоянию на 18 мая «какие-либо группировки, готовящиеся к контрнаступлению» не были обнаружены [23; 405]. И тогда, 18 мая 1940 года, начальник Генерального штаба Сухопутных войск полагал, что подобные группировки «вряд ли... могут быть образованы, учитывая время и пропускную способность железных дорог» [23; 405].

Но теперь мы знаем, что союзники попытались создать контрударные группировки и даже попытались нанести ими контрудар (о чём ниже). Так что, повторяем, по факту, опасения Гитлера не были столь уж безосновательны, и гальдеровское «непонятно почему озабочен», высказанное, так сказать, в режиме реального времени, по прошествии лет звучит уже неактуально. Сейчас вполне понятно, почему фюрер был озабочен.

Понятно, и почему Гальдеру было непонятно (режим реального времени).

А вот почему и по прошествии многих лет, при написании мемуаров в 50-х годах прошлого столетия, то же самое так и не стало понятно Манштейну, может и удивить.

В самом деле, отказ Гитлера от немедленного развития наступления группой армий «А» в юго-западном направлении, его требование о быстром подтягивании пехотных дивизий 12-й и 16-й армий для прикрытия участка прорыва с юга Манштейн в своих «Утраченных победах» трактует не иначе, как пагубное вмешательство в руководство операциями Сухопутных сил [52; 128], [23; 405–406].

Впрочем, если вспомнить, что одним из лейтмотивов воспоминаний фельдмаршала является утверждение, что во всех поражениях вермахта вообще и его, Манштейна, в частности, виноват лично Гитлер, вмешивавшийся в вопросы командования, то удивляться подобным трактовкам не приходится.

С другой стороны, Манштейна могла раздражать и обида автора, творение которого (план «Гельб») своими директивами так нещадно «редактировал» фюрер. Хотя, если уж быть абсолютно точным, фюрер, наоборот, требовал неукоснительного соблюдения того варианта плана «Гельб», который был принят к исполнению в феврале 1940 года. Напомним, что наработки Манштейна всё-таки были одобрены не в полной мере. Вместо предусмотренного им одновременно с развитием наступления к проливам удара части сил 12-й и 16-й армий в юго-западном направлении принятый в феврале план «Гельб» ограничивался всего лишь фланговым заносом наносящей удар к морскому побережью группировки. Это ОКХ (Гальдер и Браухич), вдохновлённое успехами первой недели наступательной операции, задумало отступление от плана. Причём, что любопытно, как мы старались показать выше, первоначально именно ОКХ резко возражало против наработок Манштейна и, надо полагать, приложило руку, чтобы «обкорнать» их именно в отношении наступательных действий в юго-западном направлении.

Итак, давала себя знать «обида творца».

Но тогда, в мае 1940 года, творец-то как раз не имел поначалу никакого отношения к реализации на практике своего планового творения.

* * *

Действительно, первая часть наступательной операции вермахта против союзных сил, закончившаяся выходом немцев к Атлантическому побережью, прошла вообще без Манштейна. Он не только не принимал участия в командовании группой армий «А», что при его должности командира XXXVIII армейского корпуса было невозможно. Он и его корпус не принимали участия в боевых действиях вообще. Весьма характерно, что рассказывающий о событиях первых двадцати дней немецкого наступления подраздел главы VI («Командир 38-го армейского корпуса») своих мемуаров Манштейн назвал «Осуждён на наблюдение со стороны» [52; 127].

Весь период, начиная со второй половины февраля по май 1940 года, Манштейн, корпус которого ещё только формировался, по вопросам, связанным с этим формированием, «крейсировал» между Штеттином, Померанией и Познанью, т.е. весьма далеко от театра военных действий Французской кампании. События 10 мая застали его в Лигнице, куда он на несколько дней приехал в отпуск [52; 127].

Что ощутил главный автор реализуемого варианта плана «Гельб», который начал претворяться в жизнь без его уча-

ствия?

«Естественно, все мои мысли и горячие пожелания были в последующие дни с нашими войсками, наносившими удар через Арденны, – пишет в мемуарах Манштейн. – Удастся ли нам быстро продвинуться через Люксембург и прорваться через бельгийские укрепления по обе стороны от Бастони до того, как сюда подойдут крупные силы французов? Будет ли возможно продолжить безостановочное наступление и форсировать Маас у Седана, тем самым обеспечив окружение северного фланга противника? Но одновременно, как это нетрудно понять, голову мою бороздили не совсем приятные мысли об инстанции, в такой момент сославшей меня далеко в тыл, в то время как на западе осуществлялся план, за который я так долго и настойчиво боролся» [52; 128].

Итак, вполне естественное беспокойство за реализацию на практике своих плановых наработок смешивалось у Манштейна с обидой на ОКХ, которое «отлучило» его от участия в боевых действиях.

Тут же кинуться на фронт Манштейн тоже не мог – его корпус находился в глубоком тылу, и он, как командир корпуса, безусловно, должен был оставаться при нём. Правда, уже вечером 10 мая штаб XXXVIII ак получил приказ о передислокации в Брауншвейг. Этот город в Нижней Саксонии между Ганновером и Магдебургом (юго-западнее Берлина) находился, по существу, в Центральной Германии. К фрон-

ту, конечно, поближе, чем от Штеттина, но всё равно далеко. И недаром Манштейн в мемуарах, говоря о переводе штаба XXXVIII армейского корпуса в Брауншвейг, употребляет слово «вперёд», беря его в кавычки [52; 128].

Тем не менее, 13 мая корпус стал перебрасываться в Дюссельдорф. Это уже совсем рядом с бельгийской и голландской границами. Здесь соединение Манштейна было подчинено группе армий «Б» [52; 128]. Однако корпус всё же остался в тылу, хоть уже и не столь глубоко. *«В последующие дни у меня не было других занятий, кроме как в качестве празднующегося осматривать взятые штурмом сильно укрепленные бельгийские позиции на Маасе у Маастрихта и на канале Альберта, а также захваченный в результате внезапного нападения оборудованный по последнему слову техники форт Эбен-Эмаель (дальнобойные бельгийские батареи в это время ещё продолжали вести огонь). Кроме того, я узнавал в штабе группы армий и штабе 6-й армии о ходе операции»*, – вспоминает Манштейн [52; 128].

Период подобной праздности, впрочем, закончился довольно быстро (хотя для Манштейна он, очевидно, показался вечностью) – 16 мая корпус был переподчинён 12-й армии группы армий «А». Уже на следующий день Манштейн прибыл в штаб Рундштедта в Бастонь [52; 128]. Но, несмотря на тёплый приём, оказанный командующим группой армий «А» своему бывшему начальнику штаба, боевой задачи XXXVIII армейский корпус вновь не получил. На сей раз

штаб корпуса должен был быть передислоцирован в Люксембург, в городок Клерф. *«Наша прежняя роль наблюдателей, – пишет Манштейн, – сменилась задачей руководить переброской нескольких дивизий из числа следовавших за 2-й армией. Не очень почётная задача в тот момент, когда обозначилось решительное поражение противника на северном фланге»* [52; 130].

Манштейн рвался в бой, а вместо этого, по меткому выражению В.О. Дайнеса, вынужденно *«вместе со своим штабом совершал вояжи»* по различным тыловым районам, приближаясь к линии фронта, но не будучи со своим корпусом использованным в боевых действиях [26; 94].

Только 25 мая XXXVIII армейский корпус, переданный в 4-ю армию группы армий «А», получил задачу сменить соединения XIV моторизованного корпуса, оставленные генералом Клейстом для прикрытия своего тыла на нижнем течении Соммы, на участке Амьен – Абвиль. 27 мая смена была произведена [26; 94 – 95], [52; 131]. Манштейн наконец-то оказался на передовой.

* * *

Между тем, события на фронте после выхода немцев к Ла-Маншу и разворота механизированных соединений Клейста на север развивались чрезвычайно стремительно.

Ещё 20 мая Гитлер поставил перед вермахтом новые за-

дачи: уничтожить французские, английские и бельгийские войска, оказавшиеся в изоляции, и начать подготовку к наступлению в Центральную Францию [37; 96].

В то же время новый французский главнокомандующий пытался уяснить себе ситуацию, сложившуюся на различных участках противостояния союзников с немцами, и принять какое-то решение. 21 мая Вейган прилетел в Ипр, где намеревался провести совещание с командующими армиями отсечённой группировки [37; 97].

Все дальнейшие события напоминают какую-то бестолковую толкотню, настолько несогласованными оказались действия союзных войск в Бельгии.

Конечно, прежде всего, надо заметить, что Вейган чрезвычайно долго «раскачивался». Вступив в командование французской армией уже 19 мая, он только 21-го числа появился в Бельгии для личного ознакомления с ситуацией. Безусловно, трудно ожидать большой прыти от 73-летнего старика. Однако этот старик был не частным лицом, а командовал армией страны в момент острого кризиса на фронте. Потерять двое суток в подобной ситуации – непозволительная роскошь.

Итак, Вейган собрал 21 мая в Ипре совещание. Но на него не явился командующий английскими экспедиционными силами генерал Горт (почему – немного ниже). Французский главком совещался с командующим 1-й группой французских армий генералом Бийотом и бельгийским королём Леопольдом III. Предложив организовать контрудар силами от-

сечённых армий в южном направлении с целью соединения с французскими войсками на Сомме, наметив общие черты контрудара и возложив ответственность за его подготовку и проведение на генерала Бийота, Вейган отбыл в Париж [37; 97].

К сожалению, генерал Бийот через несколько часов после совещания в Ипре погиб в автомобильной катастрофе. На пост командующего 1-й группой армий был назначен генерал Бланшар, командующий 1-й армией. Ему, прежде чем продолжать организацию контрудара, предстояло ещё войти в курс дела [37; 97]. Время уходило, ситуация для союзных армий стремительно ухудшалась.

А что же командующий английскими экспедиционными силами генерал Горт? Почему он не явился на совещание? Он опоздал. Горт примчался в Ипр спустя два часа после отбытия из него Вейгана. Отбыли к тому времени к своим войскам и представители французского и бельгийского командования. Согласовывать Горту оказалось нечего и не с кем.

Опоздание же Горта объяснялось тем, что он 21 мая уже начал проведение контрудара. Да, да. Пока Вейган раскачивался, а командование 1-й группы французских армий в Бельгии ждало приказов из Парижа, Горт решил действовать на свой страх и риск. К тому времени в районе Арраса англичане сумели создать группировку, состоящую из 2 пехотных дивизий и 1 бронетанковой бригады [37; 97]. Британский генерал решил нанести удар данными силами по флангу на-

ступающих под Аррасом войск 4-й немецкой армии. В середине дня 21 мая английская группировка перешла в наступление. К. Типпельскирх отмечает, что англичане бросили в бой не все наличные силы, а всего лишь 1 пехотный полк, усиленный 2 танковыми батальонами. Лиддел Гарт вообще ограничивает контратакующие силы англичан 2 танковыми батальонами [47; 274], [83; 112 – 113]. Если это действительно так, то остаётся признать, что британское командование использовало лишь малую часть своих войск, собранных под Аррасом.

Как бы там ни было, но удар британцев поначалу развивался весьма успешно – им удалось отбросить немецкие части на несколько километров к югу [25; 156], [37; 97]. Как признаёт тот же К. Типпельскирх, *«в полосе 4-й немецкой армии создано довольно затруднительное положение. Вначале оно расценивалось как очень серьёзное...»* [83; 113].

Но англичане наступали без поддержки французов. Типпельскирх, правда, утверждает, что Бийот и Горт согласовали совместное проведение данного контрудара и выделили для него по 2 дивизии. И действительно, у англичан было под Аррасом 2 дивизии, и французы выдвинули в этот район также 2 дивизии. Приходится полагать, что произошло подобное согласование до приезда Вейгана, и Бийот, как и Горт, готов был действовать на свой страх и риск. Хотя, конечно, полной самостоятельностью действия французского и английского генералов, безусловно, не были. Поскольку идея

контрудара с севера была весьма очевидна, так сказать, носилась в воздухе, постольку она просто не могла не быть оценена по достоинству не только командующими союзных сил в Бельгии, но, как мы помним, обсуждалась и командованием Северо-Восточного фронта, и главнокомандующим генералом Гамеленом, который написал о ней в своей «...инструкции № 12» от 19 мая 1940 года.

То, что генерал Горт решил действовать, не дожидаясь «раскачки» Вейгана – вполне ясно. Но, судя по всему, в этом с ним был абсолютно согласен и генерал Бийот. Так почему же англичане начали контрудар под Аррасом 21 мая в одиночку? Почему их не поддержали те самые 2 французские дивизии?

Объясняется всё очень просто – французские соединения не успели сосредоточиться в исходном для наступления районе [83; 113]. Горт начал наступать, не удосужившись даже узнать, готовы ли к наступлению его французские соседи? Или не захотел ждать окончательного их сосредоточения? И, может быть, прекрасно зная, что французы одновременно с ним не наступают, Горт осторожничал и потому бросил в наступление не всю свою группировку, а всего лишь 1 пехотный полк и 2 танковых батальона? В любом случае, какова бы ни была причина подобной несогласованности действий союзников, о ней приходится очень сожалеть.

Первоначальный успех английского наступления не на шутку обеспокоил германское командование, пришедшее к

выводу, что союзники начали крупный контрудар. Это предположение заставило его начать спешную переброску под Аррас крупных подкреплений. Для сдерживания удара противника были задействованы значительные силы авиации – пикирующих бомбардировщиков и истребителей. В то же время в обороне была массированно использована зенитная артиллерия для борьбы с наземными целями. К вечеру англичане были остановлены, а затем, под натиском немцев, отошли на исходные позиции [37; 97], [83; 113].

Однако в ночь с 21 на 22 мая вступивший в командование 1-й группой армий генерал Бланшар, узнав о наступлении англичан и получив сведения о завершении сосредоточения под Аррасом сил двух французских дивизий, отдал этим дивизиям приказ немедленно перейти в наступление и поддержать союзников. Весь трагизм ситуации заключался в том, что британские войска к моменту перехода французов в наступление уже отступили на исходные позиции. Кинувшиеся в атаку французы напоролись на подтянутые в район дневного удара англичан значительные германские силы. Вполне естественно, что из этого наступления ничего не вышло, оно захлебнулось с самого начала [37; 97].

И нам опять остаётся только гадать, почему произошла эта несогласованность действий. Французы начали наступать, не зная, что англичане уже отступили. Англичане не поддержали французов. Почему? Не знали, что они наступают? Или понесли столь существенные потери днём, что не

могли поддержать своих союзников? Или знали и могли, но не сделали этого из мести – мол, вы нас днём не поддержали, а мы вас сейчас не будем поддерживать.

За эту «бестолковую чехарду» очень быстро пришлось расплачиваться и англичанам, и французам – на следующий день и те, и другие уже не могли и помышлять о каком-то наступлении, а вынуждены были сами отражать наступление немецких войск, причём, удержались 22 мая на занимаемых рубежах они с большим трудом [83; 113].

«Таким образом, – лаконично констатирует К. Типпельскирх, – план Гамелена – Вейгана закончил своё существование прежде, чем его начали по-настоящему осуществлять» [83; 113].

Но самое поразительное, что как раз 22 мая, когда его план *«закончил своё существование»*, Вейган на заседании верховного совета союзников, проходившем в Венсенне, бодро изложил его положения, закончив своё выступление словами: *«Немецкие танковые дивизии должны погибнуть в ловушке, в которую они попались и которая захлопнется позади них»*⁶⁴ [37; 97].

---

⁶⁴ События, связанные с контрударом союзников под Аррасом, наводят на некоторые размышления о событиях 1941 года, имевших место уже в ходе Великой Отечественной войны. Уж сколько слов было сказано историками, журналистами, публицистами, писателями о безобразном состоянии дел с радиосвязью в РККА в начальный период войны с Германией (в 1941 да и, пожалуй, в 1942 году). В общем, слов во многом справедливых. Вполне правильно говорилось и о недостатке раций, и о их зачастую невысоком качестве, а потому – ненадёжности, и о радиобоязни, существовавшей среди командиров РККА различных уровней,

Англичане, судя по всему, отнеслись к этому выступлению Вейгана с не очень большим доверием. Когда Вейган, подобно своему предшественнику Гамелену, стал требовать у Черчилля усиления действий английской авиации на континенте, тот не дал ему конкретного ответа. Главнокомандующий британскими войсками во Франции подписал план действий, предложенный своим французским коллегой, но при этом оговорился, что в связи с сократившимся подвозом к войскам, действующим в Бельгии, нельзя рассчитывать на повторные попытки прорвать кольцо окружения с севера. В

и о чрезмерной ориентации советского командования на проводную связь. Из песни слова не выкинешь. Всё это, действительно, имело место. Только вот зачистую пишущие на военную тематику авторы в угоду ли политической конъюнктуре, по причине ли своих искренних заблуждений, из-за ненависти ли ко всему советскому и коммунистическому главной причиной сложившейся ситуации с радиосвязью считают коммунистический советский режим. Мол, другого и быть не могло. Из-за него, проклятого, и техническая отсталость, и безграмотность, и косность командных кадров. Правильно, всех грамотных военных (которые, конечно, все сплошь были из бывших царских и белых офицеров) во время репрессий порасстреляли... Ну, вот вам и провал с радиосвязью. А отсюда во многом и все «котлы» и разгромы 1941 и 1942 годов. Так вот, пишущие в таком ключе о событиях начального периода Великой Отечественной войны господа, перед вами события мая 1940 года под Аррасом, которые очень ярко демонстрируют, что две передовые в техническом отношении армии двух наиболее развитых капиталистических демократических стран, стран с рыночной экономикой, испытывали с радиосвязью не меньше сложностей, чем РККА в 1941 – 1942 годах. В этих «продвинутых» армиях, офицеров которых никто не репрессировал, было ничуть не меньше проблем с согласованностью действий на поле боя, с доведением информации о положении дел до вышестоящих штабов и приказов до нижестоящих. Словом, «злбный» коммунистический режим, оказывается, совсем ни причём.

дальнейшем, по его мнению, такие попытки должны предприниматься только с юга [37; 97], [83; 113].

Остаётся предполагать, что Черчилль и британские военные либо несколько по-иному оценивали те данные, которыми располагало союзное командование, либо располагали информацией, которой не было у их французских коллег.

23 мая английские дивизии отступили от Арраса. Вслед за ними и генерал Бланшар вынужден был отвести свои силы на рубеж каналов Дуэ, Ла-Бассе, Бетюн [37; 97]. Здесь, а также по берегу реки Аа британские и французские войска попытались создать новую оборонительную линию [83; 114].

В то же время моторизованные корпуса танковой группы Клейста продолжали наступление в северо-западном и северном направлении. Уже 23 мая корпус Гудериана (XIX мк), блокировав Булонь и Кале, вышел на рубеж канала Аа в районе Гравлина. Это примерно в 20 километрах от Дюнкерка. Корпус Рейнгардта (XLI мк) достиг линии каналов от Сент-Омера до Эр [25; 158 – 159], [36; 223], [37; 97], [83; 114].

Что означал прорыв моторизованных корпусов группы Клейста к Дюнкерку?

На тот момент Дюнкерк оставался единственным относительно крупным портом, через который шло снабжение запертой в Бельгии и приграничных с Бельгией северо-западных районах Франции союзной группировки. Булонь и Кале, заблокированные войсками Гудериана, хотя и оставались

пока в руках англо-французов, но никакого снабжения через эти два порта, естественно, не могло уже осуществляться.

Кроме того, прорыв подвижных соединений группы армий «А» в прибрежной полосе означал бы обход правого фланга пытающихся создать оборону по линии каналов англо-французских войск и выход к ним в тыл, а также и выход в тыл бельгийской армии, занимавшей позиции от французской границы в районе Курте до побережья Северного моря в районе севернее Брюгге.

Положение для союзников складывалось отчаянное, ведь на оборонительных позициях под Дюнкерком у них в тот момент находилось всего лишь 6 батальонов, не имевших даже артиллерии [37; 97].

В таких-то условиях Гитлер 24 мая отдаёт приказ остановить наступление левого крыла группы армий «А». Почему? Казалось бы, до полного разгрома союзной группировки остаётся буквально один-единственный шаг. Из каких соображений исходил фюрер, отдавая это приказание?

Похоже, что данный вопрос остался неразрешённым как современниками и даже непосредственными участниками тех событий, так и более поздними историками.

Скажем, К. Типпельскирх в «Истории Второй мировой войны» называет приказ фюрера от 24 мая непонятным для танковых дивизий, успешно наступавших вдоль побережья Ла-Манша [83; 114]. При этом сам Типпельскирх, занимаясь написанием своего труда в 50-х годах, судя по всему, истин-

ных причин приказа Гитлера либо не знал и не понял, либо не захотел о них говорить. Вот что он пишет в качестве пояснения:

«Этот приказ, который привёл к спасению основных сил английского экспедиционного корпуса и части окружённых вместе с ним французских войск, стал с тех пор предметом самых оживлённых споров. Несомненно то, что приказ первоначально исходил от Гитлера, и что Гитлер был поддержан Кейтелем и Йодлем. Хорошо известно, что против этого приказа резко, но безуспешно выступал главнокомандующий Сухопутными силами. Гитлер говорил, что танковые войска понесут тяжёлые потери на труднопроходимой, перерезанной многочисленными реками местности, которая была ему знакома ещё по Первой мировой войне, что они, учитывая второй этап кампании, – уничтожение французской армии – сильно нуждаются в отдыхе и пополнении. Эти доводы, по-видимому, произвели некоторое впечатление на командование группы армий “А”, которую Гитлер посетил до отдачи своего приказа, так что со стороны этого командования не было никаких возражений. Вполне возможно также и то, что Геринг хотел, чтобы задача по уничтожению англичан была возложена на его авиацию, и сумел своими обещаниями заверить Гитлера в успехе. Хотя главнокомандующий сухопутными силами продолжал всячески настаивать на продолжении наступления танковыми дивизиями, они в течение трёх дней оставались на ме-

сте» [83; 114].

Правда, генерал Гудериан, дивизии которого были столь неожиданно остановлены, ни словом не обмолвился в мемуарах об их плачевном состоянии, которое мешало им добить англичан и французов. Определив приказ Гитлера как роковой (название раздела мемуаров – «Роковой приказ Гитлера – прекратить наступление»), Гудериан продолжает:

«В это день (24 мая – И.Д., В.С.) произошло вмешательство Верховного командования в проведение операции, оказавшее пагубное влияние на весь ход войны. Гитлер остановил левое крыло германской армии на р. Аа (выделено Гудерианом – И.Д., В.С.). Переправа через реку была заперщена. Причину нам не указали (выделено нами – И.Д., В.С.). В приказе Верховного командования говорилось: “Дюнкерк предоставить авиации. Если овладение Кале натолкнётся на трудности, то и этот город также предоставить авиации”. Содержание приказа я передаю по памяти. Мы лишились дара речи. Но нам трудно было противоречить приказу, не зная причин, которые заставили его отдать. Итак, танковые дивизии получили приказ: “Удерживать побережье Ла-Манша. Перерыв в операциях использовать для ремонта машин”» [25; 159].

«Впоследствии, мотивируя своё решение остановить наступление моего корпуса, он (Гитлер – И.Д., В.С.) говорил, что территория Фландрии с её многочисленными каналами якобы непригодна для действий танков. Это объяснение

нельзя признать удовлетворительным.

[...]

...Правильным является предположение, что Гитлер и прежде всего Геринг считали, что превосходства немецкой авиации вполне достаточно для воспреещения эвакуации английских войск морем. Гитлер заблуждался, и это заблуждение имело опасные последствия...» [25; 162 – 163].

Итак, судя по этим строкам из воспоминаний Гудериана, даже официальную причину остановки моторизованных корпусов танковой группы Клейста (т.е. далеко не блестящее их состояние, прежде всего, – техническое, непригодность территории Фландрии для действий танков) командному составу этих корпусов не объяснили, она стала известна Гудериану позднее, задним числом. Он склонен был расценивать приказ Гитлера как простую ошибку.

Любопытно, что Гудериан в своих мемуарах употребляет столь излюбленное Манштейном словосочетание: «...*Вмешательство Верховного командования* (читай – Гитлера – И.Д., В.С.) *в проведение операции, оказавшее пагубное влияние на весь ход...*» и т.д. [25; 159].

Но что ещё интереснее, сам Манштейн в «Утеранных победах» и словом не обмолвился о приказе Гитлера от 24 мая, упустив тем самым прекрасную возможность попенять фюреру за его некомпетентное командование и лишение ОКХ реальных полномочий в осуществлении управления операциями. Почему? То ли потому, что в результате приказа Гит-

лера была утеряна не его, Манштейна, победа, а, скажем, Гудериана и Рейнгардта? То ли потому, что он не был непосредственным участником или свидетелем тех событий – его корпус находился совсем на другом участке фронта? То ли потому, что попросту не находил истинных причин, которыми руководствовался фюрер, отдавая подобное приказание? То ли потому, что не хотел по тем или иным мотивам эти причины озвучивать? нам остаётся только гадать.

«Военный дневник» Гальдера, записи в котором одновременно происходящим событиям, каких-то разъяснений относительно мотивов появления приказа фюрера не даёт. Несмотря на то, что дневник вёлся одним из самых высокопоставленных военных чинов Третьего рейха, создаётся впечатление, что приказ этот был для Гальдера полной неожиданностью, и смысла его он так и не понял. Утренние записи от 24 мая вполне спокойны, по ним видно, что начальник Генерального штаба Сухопутных войск весьма доволен ходом операции и никаких неприятных сюрпризов не ждёт:

«Обстановка и дальше развивается чрезвычайно благоприятно, хотя выход пехотных соединений к Аррасу несколько задерживается. Поскольку южнее Соммы в настоящий момент нам ничто не угрожает, я не считаю ситуацию опасной. Силу сопротивления противника не следует расценивать слишком высоко, французы могут вести только бои местного значения. Итак, события развиваются своим чередом; мы должны запастись терпением» [23;

423].

В 15.30 появляется запись:

«С сегодняшнего утра фюрер у Рундштедта» [23; 424].

Но дальше никаких записей, свидетельствующих о беспокойстве или недовольстве Гальдера.

И только в 20.00:

«Главком (т.е. Браухич – И.Д., В.С.) возвратился из ОКВ. По-видимому, вновь неприятное объяснение с фюрером» [23; 425].

Но что характерно, о причине плохого настроения Браухича – ни слова. Видимо, для Гальдера это – загадка.

А вот в 20.20 в дневнике появляется запись с восклицательным знаком, который равно свидетельствует как о неожиданности полученного известия, так и о непонятности для Гальдера мотивов и причин, которые могли привести к появлению подобного рода известий:

«Приказ, отменяющий вчерашний, предписывающий окружение войск противника в районе Дюнкерк, Эстер, Лилль, Рубэ, Остенде. Подвижное левое крыло, перед которым нет противника, по настойчивому требованию фюрера, остановлено (выделено нами – И.Д., В.С.). В указанном районе судьбу окружённых армий должна решить наша авиация» [23; 425].

Наиболее подробные записи, связанные с приказом фюрера от 24 мая, содержатся в дневнике Гальдера под датой «25 мая». Собственно, записи этого дня и начинаются с во-

просов, так или иначе связанных с отданным Гитлером накануне приказанием:

«День снова начался с неприятных стычек между Браухичем и фюрером относительно дальнейшего ведения битвы на окружение. Я задумал это сражение так, чтобы группа армий “Б”, осуществлявшая массированное фронтальное наступление на постепенно отходящего противника, только сковывала его, а группа армий “А”, сдерживая разбитые войска противника с фронта, наносила бы решающий удар с тыла. Для этого должны были использоваться моторизованные соединения. Однако политическое руководство считает, что решающая битва должна произойти не на территории Фландрии, а в Северной Франции. Чтобы скрыть эту политическую цель, делается заявление, что территория Фландрии с её многочисленными водными преградами непригодна для танков. Поэтому следует остановить танки и другие моторизованные части по выходе их на рубеж Сент-Омер – Бетюн (выделено нами – И.Д., В.С.).

В результате этого положение коренным образом меняется. Я хотел группу армий “А” сделать молотом, а группу армий “Б” – наковальней. Теперь делают группу армий “Б” молотом, а группу армий “А” – наковальней. Так как группа армий “Б” находится перед сплошным фронтом противника, это будет стоить ей много крови и займёт много времени. Следует учесть, что действия авиации, на которую

возлагают большие надежды, зависят от погоды.

Это расхождение во взглядах вызывает массу противоречивых указаний, и на это уходит больше нервов, чем на руководство войсками в целом. Но сражение мы всё же выиграем» [23; 425 – 426].

В этой записи в дневнике Гальдера от 25 мая есть всё: и упоминание об утренней стычке Браухича с Гитлером по поводу дальнейшего ведения битвы во Фландрии (видимо, главнокомандующий сухопутных войск сделал попытку убедить Гитлера отказаться от принятого им накануне решения, но попытку, естественно, неудачную), и изложение сути действий групп армий «А» и «Б» при различных вариантах ведения операции на территории Бельгии и граничащей с ней Северо-Западной Франции, и констатация возникновения множества проблем из-за пересмотра плана действий в данном районе. Есть в данном отрывке и указание на причину, руководствуясь которой фюрер отдал 24 мая известный приказ (выделенный нами участок текста). Из этого указания можно понять следующее:

1) Причина эта носила политический, а не военный характер.

2) Ссылки на состояние моторизованных корпусов танковой группы Клейста, на условия местности, где эти соединения предстоит действовать, – не более чем ширма. За официальной (военной) причиной кроется причина политическая.

И Гальдер даже озвучивает эту политическую причину: «...*Политическое руководство считает, что решающая битва должна произойти не на территории Фландрии, а в Северной Франции*» [23; 426].

Но только, позвольте, какая же это политическая причина? Что тут политического? В таком варианте её изложения она, скорее, похожа на причину военную. Ну, а если и принять её за политическую, то она, в сущности, ничего не объясняет. Сразу же напрашивается вопрос: «А почему политическое руководство нацистской Германии так считало?» Гальдер ответа на этот вопрос не даёт. Видимо, его оставили в неведении. Или он попросту помалкивал, что-то всё-таки зная?

Так или иначе, но вразумительного объяснения причин появления приказа Гитлера от 24 мая 1940 года начальник Генерального штаба Сухопутных войск вермахта в своём дневнике не привёл.

О невыясненности и спорности вопроса причин отдачи Гитлером приказа о приостановке наступления механизированных соединений левого фланга группы армий «А» пишет известный британский историк Лиддел Гарт:

«Причины отдачи Гитлером рокового приказа об остановке наступления перед Дюнкерком никогда не будут полностью выяснены. Одной из них, как говорил сам Гитлер, было опасение, что танки могут застрять в болтах. Болотистая местность Фландрии произвела на Гитлера силь-

ное впечатление в Первую мировую войну, когда он был ещё капралом. Другой причиной было желание Гитлера сохранить боеспособность танков для нанесения следующего сокрушительного удара по французам. Третьей причиной являлась уверенность, поощряемая Герингом, в том, что немецкие военно-воздушные силы смогут предотвратить эвакуацию морем из Дюнкерка попавших в ловушку английских войск. Но анализ кампании показал, что непосредственной причиной приказа о прекращении наступления было психологическое воздействие небольшой контратаки англичан силами двух танковых батальонов, предпринятой 21 мая 1940 года в районе Арраса во фланг продвигавшихся к побережью немецких войск. При проведении этой контратаки англичанами учитывались опасения, которые испытывали Гитлер и некоторые из высших немецких офицеров во время смелого и глубокого стратегического прорыва во Франции. Контратака оказала сильное психологическое воздействие на немецкое командование в наиболее критический для него момент. Клейст неоднократно приостанавливал наступление Гудериана. Командующий армией Клюге, непосредственный начальник Клейста, также был склонен приостановить дальнейшее наступление до выяснения положения у Арраса. На Рундштедте, естественно, также сказались их беспокойство. Таким образом, когда Гитлер на конференции утром 24 мая выяснил взгляды Рундштедта, его сомнения ещё более усилились, и он сразу же после конфе-

рениции издал приказ о приостановке наступления. Браухчи и Гальдер были склонны продолжать танковое наступление, но Гитлер нашёл достаточно сторонников для поддержки своей чрезмерной осторожности» [47; 274].

Как видим, британский автор ни словом не упоминает какие-то политические мотивы решения Гитлера остановить наступление танковой группы Клейста. Все причины, вызвавшие появление подобного решения, по Лиддел Гарту, – чисто военные. «Стоп-приказ» Гитлера Лиддел Гарт именуется и роковым, и порождённым чрезмерной осторожностью фюрера. Однако в рассуждениях историка бросается в глаза ряд моментов. Прежде всего, первые две названные им причины – суть одна и та же: стремление сохранить танковые силы для грядущих операций в Северной Франции, опасение, что сложные условия местности во Фландрии нанесут большой вред их техническому состоянию. Именно эту причину, как помним, Гальдер называет всего лишь официальной ширмой истинных политических мотивов решения фюрера (см. выше).

Далее, вряд ли обещания Геринга обеспечить интенсивную и эффективную работу своих люфтваффе по войскам союзников в районе портов Ла-Манша, и прежде всего, Дюнкерка, могли стать побудительной причиной для Гитлера остановить наступление танковых войск Клейста. Они могли стать лишь дополнительной причиной, определённым моментом, укрепляющим фюрера в принятом решении.

Наконец, то, что Лиддел Гарт называет основной причиной приостановки немецкого наступления, т.е. контрудар англичан под Аррасом 21 мая 1940 года, на роль таковой не «тянет» совсем. Позволено будет заметить, что британский историк попросту переоценил роль британских войск в указанных событиях. Психологически его понять можно – особо гордиться англичанам боевыми действиями их армии в Бельгии в мае – начале июня 1940 года не приходится. Нечем там гордиться. Потому-то и «выдал» Лиддел Гарт утверждение, что, мол, два английских танковых батальона остановили своей контратакой наступление целой немецкой танковой группы. Остановили, конечно, не атакой в лоб, а непрямыми действиями, посредством психологического эффекта. Т.е. тут, с одной стороны, и гордость берёт, а с другой – события, казалось бы, подтверждают главную мысль книги Лиддел Гарта – не прямые действия являются наиболее эффективным способом ведения войны (книга британского историка так и называется «Стратегия не прямых действий»).

Но вряд ли вообще контрудар англичан под Аррасом можно увязывать с появлением приказа фюрера.

Против этого, прежде всего, сам хронологический разлёт событий – 21 и 24 мая. Между ними – трое суток. И уж если бы фюрер начал паниковать и чрезмерно осторожничать, то приказ о приостановке продвижения танковых сил Клейста он отдал бы сразу, 21 мая, а не дожидался 24-го числа. Если бы контрудар англичан носил длительный характер

и продолжался хотя бы пару дней, то его связь с приказом Гитлера ещё можно было бы допустить. Но, напомним, что попытки английских войск наступать под Аррасом сошли на нет в течение того же 21 мая. К вечеру британцы отступили на исходные позиции. 22-го с трудом отбивались от наседающих немцев, а 23 мая отошли от Арраса. Германское командование, действительно, было поначалу сильно обеспокоено действиями британцев, но весьма быстро разобрались, что к чему, и, как мы видели, свело к нулю их первоначальные успехи и даже заставило их отступить. Более того, 24 мая, когда Гитлер отдал свой приказ, оснований опасаться каких-то контрударов союзников с севера было ещё меньше – после прорыва 6-й немецкой армией фронта бельгийских войск у Куртре англо-французам было уже не до контрударов по немецким флангам (об этих событиях немного ниже).

Утверждение Лиддел Гарта, что Клюге, испуганный событиями под Аррасом, хотел остановить наступление Клейста, не выдерживает никакой критики. Действительно, Клюге являлся командующим 4-й немецкой армией, войска которой подверглись удару под Аррасом, но он никак не мог отдать приказ танковой группе Клейста, ибо она входила в состав не 4-й, а 12-й армии и подчинялась её командующему генералу Листу. Наступала 12-я армия южнее 4-й, и её войска к событиям под Аррасом отношения не имели вообще.

Хотя здоровое зерно в утверждениях Лиддел Гарта о том, что контрудар оказал психологический эффект и на Клей-

ста, и, возможно, на Рундштедта, есть, но историк преувеличивает роль этого эффекта, заявляя, что из-за него Клейст несколько раз останавливал продвижение дивизий Гудериана, а Рундштедт чуть ли не убедил Гитлера в необходимости остановить наступление левого фланга группы армий «А».

О том, как нервничал Клейст, рассказал в мемуарах Гудериан. Вот и «поверим Лиддел Гарта Гудерианом»:

«21 мая пришёл приказ продолжать наступление на север с задачей овладеть портами Ла-Манша. Я хотел направить 10-ю танковую дивизию через Эден, Сент-Омер на Дюнкерк, 1-ю танковую дивизию – на Кале и 2-ю танковую дивизию – на Булонь, но вынужден был изменить свой план, так как в 6 часов 22 мая получил приказ командования выделить 10-ю танковую дивизию в резерв танковой группы. Следовательно, в моём распоряжении для наступления 22 мая оставались лишь 1-я и 2-я танковые дивизии. К сожалению, моя просьба в целях быстрого овладения портами Ла-Манша оставить мне все три дивизии не была удовлетворена. С тяжёлым сердцем мне пришлось отказаться от немедленного наступления 10-й танковой дивизии на Дюнкерк...»
[25; 156].

Вот так, собственно, нервничал генерал Клейст – во избежание неприятностей, для подстраховки, он предпочёл усилить резерв танковой группы, ослабив ударную группировку Гудериана, забрав у него одну танковую дивизию.

Далее Гудериан объясняет причину этой нервозности:

«21 мая севернее нас произошло интересное событие: английские танки сделали попытку пробиться по направлению к Парижу. Под Аррасом они натолкнулись на ещё необстрелянную в то время дивизию СС “Мёртвая голова” и вызвали панику в её рядах. пробиться они не пробились, но некоторым образом повлияли на настроение штаба танковой группы фон Клейста, который вдруг стал проявлять нервозность. На солдат это влияние не распространилось. 21 мая 41-й армейский корпус силами 8-й танковой дивизии достиг Эден, 6-я танковая дивизия заняла Буасл.

Утром 22 мая началось наступление.

[...]

Рано утром 23 мая был передан приказ с паролем: “Выступление – восток – 10.00. Продвижение южнее Кале на Сен-Пьер-Брук и Гравлин”.

23 мая 1-я танковая дивизия с боями начала продвигаться по направлению на Гравлин, 2-я танковая дивизия вела в это время бои за Булонь. [...].

24 мая 1-я танковая дивизия достигла канала Аа между Ольк и побережьем и захватила предмостные укрепления у Ольк, Сен-Пьер-Брук, Сен-Никола и Бурбур; 2-я танковая дивизия вела бои по очищению Булони; 10-я танковая дивизия главными силами вышла на рубеж Девр, Сааме.

[...]

41-й армейский корпус Рейнгардта создал у Сент-Омер предмостное укрепление на реке Аа» [25; 156 – 159].

И так вплоть до получения приказа Гитлера остановить наступление. Т.е., мы видим, что нервничать-то Клейст нервничал, но наступления Гудериана он не приостановил ни разу (вопреки утверждениям Лиддел Гарта).

Что же касается беспокойства Рундштедта, то, повторяем, события под Аррасом 21 мая, безусловно, его вызвали, но после нормализации ситуации на данном участке фронта каких-то сведений о нервозности Рундштедта и его желании прекратить наступление своего левого крыла не имеется. Во всяком случае, дневник Гальдера ничего подобного не упоминает. Подневные записи за 22 – 24 мая оставляют впечатление полного согласия между командующим группой армий «А» и ОКХ как в отношении оценки текущей ситуации, так и тех действий, которые необходимо предпринять.

Так что, вряд ли прав Лиддел Гарт, утверждающий, что это Рундштедт подтолкнул Гитлера к остановке наступления, т.е. он был «последней каплей», вызвавшей принятие фюрером подобного решения. Скорее, ближе к истине находится Типпельскирх, который пишет, что доводы Гитлера произвели определённое впечатление на командование группы армий «А», а потому приказ фюрера на остановку наступления левого крыла группы возражений этого командования не встретил [83; 114]. А может быть, ни Рундштедт, ни его штаб попросту не захотели противоречить Гитлеру, полагая что это бесполезно.

Итак, ссылки Лиддел Гарта на контратаку двух британ-

ских танковых батальонов под Аррасом как на главную причину остановки 24 мая наступления танковой группы Клейста – не более чем измышление английского историка.

Справедливости ради надо сказать, что распространение подобная точка зрения Лиддел Гарта не получила. Во всяком случае, работы, которые бы называли английский контрудар под Аррасом главной причиной появления «стоп-приказа» фюрера от 24 мая, нам не известны.

Однако определённого рода «перепевы» Лиддел Гарта встретить можно, когда речь идёт о других называемых этим историком причинах приостановки наступления танковой группы Клейста.

Скажем, немецкие историки В. Блейер, К. Дрехслер, Г. Фёрстер, Г. Хасс, «не мудрствуя лукаво», утверждают, что *«главной причиной остановки наступления была передышка, крайне необходимая для усиления ударных танковых дивизий, которые должны были быть готовы для второй фазы кампании»* [7; 60]. Т.е. указанные исследователи главной причиной считают, в сущности, официальную причину, озвученную ещё лично Гитлером.

Авторы советской 12-томной «Истории Второй мировой войны. 1939 – 1945» (так называемой «брежневской») склонны полагать, что с инициативой остановки наступления левого крыла группы армий «А» выступил её командующий генерал-полковник Рундштедт, а Гитлер лишь одобрил эту инициативу (явное совпадение с точкой зрения Лиддел

Гарта). Во всяком случае, формулировки, к которым прибегли советские историки, повествуя об отдаче приказа от 24 мая, не позволяют как-то по-другому трактовать их точку зрения на данный вопрос. Они пишут следующее: *«Но 24 мая командующий группой армий «А» Рундштедт с одобрения Гитлера, прибывшего в этот день в его штаб, приказал танковым силам временно остановиться на рубеже Гравлин, Сент-Омер, Бетюн»* [37; 97 – 98]. Причём, сами исследователи не приводят какого-то объяснения причин, по которым Рундштедт мог настаивать на остановке наступления своего левого фланга, ограничиваясь лишь подстрочной ссылкой на журнал боевых действий группы армий «А», подтверждающий, по их мнению, высказанную ими точку зрения: *«В журнале боевых действий группы армий “А” 23 мая в 22 часа 55 минут была сделана запись, в которой указывалось, что для подтягивания сил и выяснения обстановки танковые группы Клейста и Гота должны приостановить наступление»* [37; 98].

Ещё одна группа советских историков, авторов 6-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945» (так называемой «хрущёвской»), говоря о причинах отдачи Гитлером приказа от 24 мая 1940 года, делает упор на политических мотивах его появления, считая их главными. Они пишут:

«Войска танковой группы (Клейста – И.Д., В.С.) имели полную возможность не только помешать эвакуации англи-

чан, но и разгромить их. “Спасло вмешательство Гитлера”. 24 мая Гитлер прибыл в штаб-квартиру Рундштедта в Шарлевиле и приказал не предпринимать против английских войск до их посадки на суда никаких действий ни на земле, ни с воздуха. Немецким войскам запрещалось приближаться к Дюнкерку ближе, чем на десять километров. Отдавая такой приказ, германское правительство считало, что эвакуированные из-под Дюнкерка английские солдаты и офицеры распространят по всей Англии настроения растерянности и страха перед фашистскими полчищами, что вызовет глубокую деморализацию и будет способствовать капитуляции страны перед Германией. Гитлер хотел запугать Англию её же солдатами. В то же время он старался улучшить шансы на сделку с английскими мюнхенцами. **Этим и обуславливались германские попытки тайного сговора с противником** (выделено нами – И.Д., В.С.).

Рундштедт понимал и одобрял этот замысел Гитлера. Больше того, он уже сам подумывал остановить войска, подготовленные для разгрома англо-французской группировки, прижатой к морю вблизи Дюнкерка» [36; 223].

Итак, главной причиной остановки наступления под Дюнкерком было, по мысли авторов «Истории Великой Отечественной войны...», стремление Гитлера достичь соглашения с Англией. Это и был тот самый политический мотив, о котором писал в своём дневнике Гальдер, не называя его конкретно.

В подтверждение своей мысли историки ссылаются на материалы, опубликованные в британском военном альманахе «The Army Quarterly and defence journal» (примерно «Армия ежеквартально и журнал обороны») (книга LXVI, № 1, апрель 1958 г., стр. 112) [36; 223]. К сожалению, нам содержание данных материалов не известно.

Зная дальнейшие события под Дюнкерком, а также памятуя о том, что Гитлер, действительно, чрезвычайно стремился к достижению соглашения с Великобританией, о чём неоднократно заявлял и даже предпринимал определённые шаги в этом направлении, вывод советских историков кажется более чем убедительным. Безусловно, нельзя отрицать и наличия каких-то второстепенных причин чисто военного плана. Скажем, стремление привести в порядок танковые дивизии перед их броском во Францию, уменьшить их потери как в результате боевых действий, так и по техническим причинам из-за сложного рельефа Фландрии. Но, как указывал ещё Гальдер, таковые причины играли всё-таки роль официальной ширмы некоей причины политического порядка, которая и была главной⁶⁵.

---

⁶⁵ Любопытно, что авторы советской «Истории Второй мировой войны. 1939 – 1945» также склонны допускать наличие политического мотива появления «стоп-приказа» фюрера, по сути дела, вступая в противоречие сами с собой (см. выше). Так, они пишут: «Причины, побудившие отдать этот пресловутый “стоп-приказ”, трактуются буржуазными историками весьма противоречиво. В обоснование этого приказа выдвигаются такие доводы, как забота о восстановлении танкового парка в соединениях, которые в течение двух недель вели почти непрерывное наступление, опасения фюрера потерять танки на заболо-

Итак, 24 мая 1940 года наступление моторизованных кор-

ченной местности Фландрии, переоценка возможности германской авиации. Эти доводы не лишены смысла, но они не исчерпывают причин необычного развития событий под Дюнкерком. “Стоп-приказ” немецко-фашистского командования не может быть понят без учёта политических целей кампании во Франции и дальнейших агрессивных замыслов правящих кругов рейха. Для гитлеровского руководства в то время главной была задача разгромить Францию, вывести её из войны, с решением этой задачи оно связывало возможность завоевания господства в Западной Европе и создания прочного тыла для развязывания агрессии против Советского Союза. Что касается Англии, то политическое руководство фашистского рейха считало, что правительство Великобритании, верное традиционной политике воевать чужими руками, лишившись союзников на континенте, пойдёт на соглашение с Германией. [...] Группировка англо-французских войск под Дюнкерком не вызывала особого беспокойства у гитлеровского командования. В это время его гораздо более тревожила вероятность контрнаступления из Центральной Франции. ...Поэтому особое значение придавалось форсированной подготовке нового наступления вермахта во Франции, чтобы не дать французской армии возможности укрепить свой фронт на Сомме и Эне. Главной ударной силой в предстоящей операции должны были вновь стать танковые дивизии. ...Намечавшееся новое сражение во Франции как бы отодвинуло задачу ликвидации дюнкеркской группировки союзников на второй план. Причём, возможности быстрой эвакуации союзников из Дюнкерка явно не недооценивались. Наряду с этим, как отмечалось, гитлеровское руководство в предвидении дальнейшего хода войны не исключало компромисса с “владычицей морей”. Расчеты на достижение такого компромисса являлись важным звеном подготовки германского похода на восток, против СССР» [37; 103 – 104]. Вот такая, мы бы сказали, «интегральная», точка зрения. Главными причинами были всё же военные, но и политические мотивы присутствовали, расчёт на соглашение с Англией был, хотя основной роли в отдаче приказа об остановке наступления танковой группы Клейста он не сыграл. Справедливости ради необходимо заметить, что и западная историография не вся объясняла появление приказа Гитлера от 24 мая чисто военными мотивами. Отдельные её представители, включая У. Черчилля с его воспоминаниями, искали политическую подоплёку этого события. Причём, политические причины назывались двоякого рода: а) остановка наступ-

пусов левого фланга группы армий «А» было остановлено. Для командования союзников, прекрасно осознававшего всю опасность сложившегося под Дюнкерком положения, это было просто манной небесной, подарком свыше (на самом деле, вполне сознательно сделанным подарком со стороны Гитлера). Оно спешно начало перебрасывать под Дюнкерк подкрепления.

Между тем, немецкая группа армий «Б» уже 24-го числа начала успешно осуществлять отведённую ей роль молота (по выражению Гальдера). Нанеся удар по правому флангу бельгийской армии в районе Куртре, она прорвала её фронт и частью сил своей 6-й армии также начала продвигаться к Дюнкерку [37; 98].

Узнав о прорыве у Куртре, командующий британскими

ления, как попытка склонить непосредственно Черчилля к заключению мира (к такой трактовке, в принципе, близки авторы советской «Истории Второй мировой войны. 1939 – 1945»); б) данная инициатива стимулировала силы в Англии, которые должны были отстранить Черчилля и его сторонников от власти и пойти на заключение соглашения с Гитлером (эта трактовка вполне совпадает с версией авторов советской «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945») [25; 163], [40; 2 – 3]. Современный немецкий историк Свен Феликс Келлерхоф также полагает, что если говорить о некоей политической причине появления «стоп-приказа» Гитлера, то ей могла быть только *«скрытая инициатива, направленная на свержение Черчилля»* [40; 3]. Однако главной причиной «стоп-приказа» он не склонен считать эту инициативу ни в коем случае. Совершенно в духе господствующей в западной историографии точки зрения в качестве основных причин приостановки наступления Келлерхоф называет плачевное состояние немецких танковых дивизий после двухнедельного непрерывного наступления и опасение флангового удара из Центральной Франции [40; 3].

экспедиционными силами генерал Горт немедленно отдал приказ об их общем отступлении к Дюнкерку. Это означало, что англичане оставляли свои позиции по линии каналов Дуэ, Ла-Бассе, что, в свою очередь, обрекало и французов, занимавших оборону северо-западнее, по каналам Ла-Бассе, Бетюн и берегу реки Аа, на отступление [37; 98].

Командующий 1-й группой французских армий генерал Бланшар кинулся на командный пункт Горты, чтобы предотвратить отступление англичан. Он уверял Горту и находившегося в его штабе представителя британского Имперского генерального штаба генерала Дилла, что сумеет закрыть прорыв у Куртре. Однако английские военачальники скептически отнеслись к обещаниям Бланшара и не вняли его просьбам о приостановке отхода. По этому поводу французский историк А. Мишель замечает, что генерал Горт *«сделал первый взмах ножницами, чтобы разрезать слабую ткань союзнической коалиции»* [37; 98].

Увы, А. Мишель ошибся в своём образном сравнении. *«Взмах ножницами»*, сделанный Гортом, был далеко не первым. Британское командование к 25 мая уже давно и всюю *«пластало» «слабую ткань союзнической коалиции»*.

Позже, в докладе командования британского экспедиционного корпуса в Бельгии и Франции, генерал Горт писал: *«Я понимал, что такой вариант даже в теории был крайним решением, ибо он подразумевал уход британских экспедиционных сил с театра военных действий в тот момент,*

когда французы нуждались в максимальной помощи Великобритании» [37; 98].

И тем не менее, понимая в теории, на практике Горт уже 17 мая отдал распоряжение об эвакуации в Англию через Булонь некоторых тыловых служб и частей, а 19 мая он сообщил в Лондон свои предложения по эвакуации английской армии из Франции. В этот же день британское адмиралтейство отдало распоряжение командующему Дуврским морским районом адмиралу Рамсею начать разработку плана эвакуации английских войск через Дюнкерк. Морское командование спешно приступило к изысканию и сосредоточению в Дувре плавсредств для проведения операции [37; 98].

Просим читателей обратить внимание на хронологию этих событий. 17 – 19 мая германские войска ещё не прорвались к Ла-Маншу. Танковые дивизии Клейста ещё не развернулись на север и северо-запад и не двинулись вдоль побережья пролива. Кризис на фронте был, но были и шансы его преодолеть, на что, собственно, и рассчитывало французское командование. А в это же самое время командование английское и английское правительство⁶⁶ считали положе-

---

⁶⁶ Черчилль прекрасно знал о разработке плана эвакуации английских войск с континента. Безусловно, всё это планирование проводилось с его ведома, Однако он ни словом не обмолвился о нём на совещаниях верховного совета союзников. Видимо, потому, что был заинтересован в более длительном сопротивлении французов. Зачем? Да для обеспечения той же эвакуации английских войск. Кроме того, сопротивление французской армии объективно ослабляло немцев, т.е. противника, перспективу борьбы один на один с которым, судя по всему, уже рассматривал.

ние безнадежным и начали готовить эвакуацию своих войск из Франции. И тогда, выходит, что Горт изначально не верил в успех начатого им под Аррасом 21 мая контрудара. Зачем же он его проводил, да ещё в разнбой с французским? А был ли случаен этот самый разнбой? Почему командующий английским экспедиционным корпусом не массировал силы для развития первоначального успеха контрудара? Сам собой напрашивается вывод, что абсолютно бестолковый по своему воплощению контрудар бы ни чем иным, как предложением, которым англичане воспользовались для начала отвода своих войск. И, таким образом, бестолковость эта была создана англичанами намеренно.

В этой связи прорыв немцев под Куртре также можно рассматривать как великолепный повод для генерала Горты начать новый этап отступления своих войск. В самом деле, теперь ему и не надо было искусственно создавать какую-то ситуацию, чтобы потом сослаться на неё, как на причину отхода, причём, отхода, как и в предыдущие разы абсолютно не согласованного с французскими союзниками. Поэтому усилия Бланшара переубедить своих британских коллег были совершенно напрасными. Скепсис Горты и Дилла был вызван отнюдь не действительной неспособностью Бланшара закрыть прорыв у Куртре, а тем, что им просто надо было отвести подчинённые им войска.

Вполне можно согласиться с французскими историками Ж. Азима и М. Виноком, которые пишут:

«...В то время, когда французы ещё лелеяли надежду на новое “чудо на Марне”, англичане считали, что сражение за Францию неотвратимо проиграно, и поэтому им во чтобы то ни стало следует сохранить свои силы для будущего» [37; 98].

Итак, генерал Бланшар, не добившись от Горта приостановки отступления английских экспедиционных сил, сам был вынужден 25 мая подписать директиву об общем отступлении французских войск за реку Лис к Дюнкерку. В директиве, в частности, говорилось: *«1-я французская, английская и бельгийская армии последовательно отступают за линию водных преград, образуемых каналом Аа, рекой Лис и обводным каналом, и создают вокруг Дюнкерка широкий плацдарм, который должен решительно обороняться» [37; 100].*

Генерал Вейган в своей телеграмме Бланшару подтвердил необходимость обороны Дюнкерка. Более того, он дал указание принять энергичные меры к деблокированию Кале и освобождению мыса Гри-Не, чтобы улучшить условия материально-технического снабжения союзных войск морем [37; 100].

Из этих приказов как командования 1-й группы армий, так и французского главнокомандования видно, что плацдарм у Дюнкерка рассматривался ими как стратегический, оборона которого была необходима, в частности, чтобы дать возможность французской армии усилить оборону по рекам

Эна и Сомма. Ни Бланшар, ни Вейган не помышляли ни о какой эвакуации через Дюнкерк сражающейся под ним союзнической группировки. Правда, не понятно, насколько сам генерал Вейган верил в осуществимость отданных им 25 мая директив, потому что вечером этого же дня на заседании военного комитета Франции под председательством президента республики А. Лебрена он обрисовал создавшееся положение в крайне пессимистических тонах и дал понять членам правительства, что дело идёт к поражению страны в войне, заявив: *«Франция совершила огромную ошибку, вступив в войну, не имея необходимого вооружения и соответствующей военной доктрины. Весьма вероятно, что она должна будет дорого заплатить за это преступное неблагоразумие...»* [37; 99].

Что же касается британского командования, то оно рассматривало Дюнкерк только как порт для эвакуации своих войск. Поэтому никакие стратегические плацдармы в его районе оно удерживать не собиралось. Уже 26 мая Горт получил официальную телеграмму из Лондона с приказом начать операцию «Динамо» – так в Имперском генеральном штабе была названа операция по эвакуации британских экспедиционных сил с континента [37; 100].

Приказ этот опять до союзников доведён первоначально не был. Однако вся линия поведения командования британского экспедиционного корпуса под Дюнкерком явно говорила о том, что цели, которые оно преследует на этом участке

фронта, не совпадают с целями французского командования. Поэтому французский адмирал Ж. Абриаль счёл необходимым доложить в Париж следующее: *«Британское командование проводит в северном районе такие решения, которые вступают в противоречие с нашими распоряжениями. Координация действий между французскими и британскими силами, по нашему мнению,.. обеспечена недостаточно»* [37; 100].

Положение на фронте, между тем, стремительно ухудшалось и без упомянутых английских «стараний». Немцы обладали потенциалом и умением ухудшить её для своего противника вполне самостоятельно (без определённой помощи с его стороны).

Войска 6-й армии группы армий «Б», форсировав Шельду на ряде участков, 25 мая основными силами вели наступление на реку Лис в направлении Дюнкерка. Здесь им в районе Менена на реке Лис уже 25-го числа удалось вбить клин между бельгийцами и англичанами. В этот же день 6 французских дивизий, выполняя приказ Бланшара об отступлении к Дюнкерку, пересекли франко-бельгийскую границу, уйдя на французскую территорию. Таким образом, бельгийская армия оказалась полностью оторванной от союзников и предоставленной самой себе [83; 115].

Две менее значительные группировки 6-й армии немцев вели наступление в районе Лилля, одна, двигаясь на юго-запад от Куртре, вторая, форсировав Шельду южнее Турне. С

юга в район Лилля двигалась часть сил 4-й армии группы армий «А». Войска 6-й и 4-й германских армий, взаимодействуя друг с другом, окружили под Лиллем к 26 мая те самые 6 французских дивизий, которые были выведены командованием 1-й группы армий из Бельгии. Эти дивизии вели борьбу в окружении до 31 мая, после чего сложили оружие [37; 100], [83; 115].

Бельгийская армия, оторванная от союзников, вела тяжелейшие бои с немцами в районе Ипра. Начальник бельгийского Генерального штаба генерал Мишель 26 мая обратился за помощью к англичанам, войска которых ближе всего находились к позициям бельгийцев. Но генерал Горт и слушать ничего не хотел об организации какого-то удара с целью помощи бельгийским союзникам. Получив, как мы помним, 26-го числа официальный приказ об эвакуации британских экспедиционных сил через Дюнкерк, Горт вполне открыто стал пренебрегать интересами союзников. В этот же день он отклонил просьбу генерала Бланшара об усилении обороны южного участка фронта окружённой союзнической группировки [37; 100].

Тем временем германцы, нанося охватывающие удары по бельгийской армии, оттесняли её всё дальше и дальше от союзников по направлению к побережью. 27 мая она вся оказалась загнанной на плацдарм, имевший 50 километров в ширину и всего 30 километров в глубину. Бельгийские войска были совершенно измотаны и находились в полнейшем бес-

порядке. Сверх того, район, где они оказались прижатыми к морю, был забит беженцами. Позади бельгийцев находились два города-порта – Остенде и Зеебрюгге, но в них ничего не было подготовлено для эвакуации армии. Никакой надежды на помощь союзников у бельгийского командования не оставалось [83; 115].

В таких условиях король Бельгии Леопольд III, находившийся при армии (хотя его правительство уже эмигрировало в Лондон⁶⁷), решил капитулировать. В 17.00 27 мая его парламентёр пересёк линию фронта, а в 23.00 был подписан акт о капитуляции. В соответствии с ним, огонь прекращался в 4 часа утра следующего дня, бельгийская армия разоружалась, и весь её личный состав считался в плену немецких войск [36; 223], [37; 100], [83; 115].

Объективно бельгийская армия ещё имела возможности к сопротивлению. Однако всё же вряд ли справедливы упреки Леопольда III в некоем предательстве интересов союзников. Так, авторы советской «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945» пишут:

«Положение союзников в эти дни крайне осложнилось предательством (выделено нами – И.Д., В.С.) бельгийского короля Леопольда III. Формально являясь главнокомандующим бельгийской армией, он вступил в тайные переговоры с

---

⁶⁷ Леопольд III не последовал за своим правительством вполне сознательно, хотя имел к этому возможность. Король считал для себя непозволительным покинуть армию и страну, которые сражаются с врагом [83; 69].

представителями германского командования и, подписав 28 мая акт о капитуляции, сдал им свои войска» [36; 223].

Напомним, что точно так же 14 мая «сдало» свои войска немцам и голландское командование, т.е. попросту капитулировало. Чисто военная причина этой капитуляции вполне ясна – оторванная благодаря энергичным действиям немцев от своих союзников голландская армия, лишившаяся всех своих оборонительных рубежей, объективно не могла в одиночку противостоять немцам. Голландское правительство и Верховное командование никто никогда не упрекал в предательстве союзных интересов.

Но спустя менее чем через две недели бельгийская армия оказалась в точно таком же положении – в отрыве от союзников, потерявшей все свои оборонительные рубежи. К тому же она была загнана на узкий пяточок вдоль морского побережья вперемешку со многими тысячами беженцев. Конечно, она могла ещё несколько дней оказывать сопротивление и героически погибнув, стяжав себе славу. Но психологические установки западного общества не принимают такого, бесполезного с его точки зрения, героизма. С военной точки зрения бельгийская армия была обречена, и её гибель была лишь вопросом времени, причём, очень короткого.

Что же касается, предательства интересов союзников, то позволим себе заметить, что англо-французы раньше сами предали интересы бельгийцев, не подав им руку помощи после прорыва у Куртре и вклинения немцев между бельгий-

скими и английскими войсками у Менена. Французы вывели с территории Бельгии свои последние ещё находившиеся там 6 дивизий, лишив тем самым бельгийскую армию их поддержки, а британский генерал Горт отказался даже пальцем пошевелить, несмотря на настойчивые просьбы бельгийского командования, чтобы хоть как-то помочь бельгийцам в тяжёлых боях под Ипром и попытаться восстановить с ними локтевую связь. В таких условиях забота Леопольда III об интересах англичан и французов выглядела бы даже очень странно. Он заботился о жизнях своих солдат и своих мирных граждан, которых немцы с совершенно спокойным сердцем «порубили бы в капусту» на узком приморском пяточке, продолжи бельгийская армия своё сопротивление. Вполне нормальная психология западного человека. Заботиться же об интересах англо-франко-американских «союзников» любой ценой для самих себя – это, с позволения сказать, «русская национальная традиция». Она очень ярко проявилась в годы Первой мировой войны. И даже Сталин в годы Второй мировой не избежал следования ей (имеем в виду начало на две недели раньше запланированного срока Висло-Одерской наступательной операции Красной Армии в январе 1945 года с целью оказания помощи англо-американцам, терпящим военную катастрофу в Арденнах).

А вот реакция западного человека К. Типпельскирха на поступок бельгийского короля вполне спокойная и даже уважительная. С его точки зрения, он (король) никого и ничего

не предавал. К. Типпельскирх пишет:

«Бельгийский король, оставшийся при своей армии в то время, как его правительство выехало в Лондон, понимал, что его армия не может избежать уничтожения... Король не хотел терять армию, но вместе с тем считал, что долг монарха не позволяет ему последовать за своим правительством. Поэтому он решил остаться с армией и предложить капитуляцию» [83; 115].

Не полностью соответствующим действительности является и такое встречающееся в литературе утверждение:

«Капитуляция бельгийской армии вынудила французское и британское командование принять на себя создание обороны на фронте Ньивпорт, Диксмюд, Ипр» [37; 100].

Прежде скажем, что данное утверждение, помимо чисто военного смысла, явно несёт в себе и моральную нагрузку, т.е. тот же упрёк бельгийцам в фактическом предательстве англо-французских интересов: вот, мол, что бельгийцы наделали, рубежи бросили, капитулировали, союзников предали, а те из-за них вынуждены были... и т.д. и т.п.

Ну, насчёт защиты англо-французских интересов мы уже говорили, а вот с чисто военной точки зрения необходимо заметить следующее. Первое – указанный рубеж бельгийцы не бросали, а были сбиты с него немцами в результате ожесточённых двухдневных боёв, в ходе которых англо-французы не оказали им абсолютно никакой помощи. Второе – поскольку бельгийцы были сбиты с указанного рубежа и 27

мая загнаны немцами на узкий приморский плацдарм в районе Остенде, а следовательно, физически не могли обеспечивать данный рубеж, англо-французское командование позаботилось об его обеспечении своими силами, и капитуляция бельгийской армии в данном вопросе никакой роли уже не играла. На это прямо указывает К. Типпельскирх в «Истории Второй мировой войны»:

«Выход Бельгии из войны отразился на положении английских и французских войск не так уж тяжело, как это могло показаться в начале. Ещё до капитуляции бельгийцев они приняли надлежащие меры для защиты своего восточного фронта и заняли рубеж Ипр, Диксмюд, Ньивпорт» [83; 115].

Получается, союзное командование списало бельгийцев со счетов ещё где-то 25 мая, после того, как немцы разорвали общий фронт бельгийских и английских войск у Менена. Им не протягивали руку помощи, а самостоятельно обеспечивали свой восточный фронт. Вот и вопрос – кто, кого и когда фактически предал?

26 мая было возобновлено наступление танковой группы Клейста. Однако её войска, не двигаясь к Дюнкерку 24 – 26 мая, всё же не бездействовали – они продолжали попытки овладеть Булонью и Кале. Первый из городов был взят войсками Гудериана 25 мая, второй капитулировал на следующий день, т.е. 26 мая [25; 160], [37; 98].

Гудериан приводит в своих мемуарах интересные подроб-

ности взятия Кале:

«10-я танковая дивизия уже начала бои за крепость Кале (25 мая – И.Д., В.С.). Английский комендант бригадир Николсон дал лаконичный ответ на предложение капитулировать: “Мы отвечаем “нет”, так как долг английской армии, так же как и немецкой, – сражаться”.

26 мая 10-я танковая дивизия овладела Кале. В середине дня я прибыл на командный пункт дивизии и спросил её командира генерала Шааля, намерен ли он, как было приказано, предоставить крепость авиации. Он дал отрицательный ответ, так как считал, что бомбардировать толстые каменные стены и земляные перекрытия старых крепостных сооружений бесполезно и нет смысла ради бомбардировки покидать уже занятые позиции на подходах к крепости, которые придётся брать снова. Я мог только согласиться с его мнением. В 16 часов 45 минут англичане капитулировали. Мы захватили 20 тысяч пленных, из которых 3 – 4 были англичане, остальные – французы, бельгийцы и голландцы, в основной своей массе не желавшие воевать, из-за чего англичане держали их запертыми в подвалах» [25; 160].

Приказ на возобновление наступления на Дюнкерк был получен корпусами танковой группы Клейста примерно в середине дня 26 мая. своё движение корпуса Гудериана и Рейнгардта начали в ночь с 26 на 27 мая [25; 161], [83; 114 – 115].

Разрешение танковым дивизиям группы армий «А» вновь начать активные действия в направлении Дюнкерка означало

проведение общего наступления на окружённую и прижатую к морю анло-французскую группировку.

Войска Рундштедта нанесли два рассекающих удара с юго-востока в общем направлении на Дюнкерк – танковая группа Гота, входившая в состав 4-й армии, была из района Ипра, танковая группа Клейста (12-я армия) наступала через Турне [37; 100]. В то же время войска группы армий «Б» продолжали наступать на анло-французскую группировку с востока и северо-востока. В результате, к 29 мая она вся оказалась загнанной на узкий плацдарм в районе Дюнкерка, имевший протяжённость по побережью около 50 километров [37; 100 – 101], [83; 116].

К этому моменту англичане уже полным ходом проводили эвакуацию своих войск. Британское адмиралтейство сумело сосредоточить для эвакуации 693 корабля и судна. сверх того, правительство Великобритании, армейское и флотское командование обратились за помощью к населению страны, чтобы получить для эвакуации всякое сколько-нибудь пригодное для этого судно. Данный призыв был встречен с исключительным воодушевлением. Десятки тысяч простых англичан – рыбаки, моряки торгового и гражданского флотов, любители парусного спорта, приняли участие в спасении окружённых под Дюнкерком союзных войск. Целый флот моторных катеров, баркасов, ботов, парусных шлюпок и яхт, торговых и пассажирских пароходов отправился к французским берегам. Количество судов различных типов и классов,

принимавших участие в операции по эвакуации, возросло до 861 [36; 223 – 224], [37; 101], [83; 116].

28 мая французскому командованию стало ясно, что в сложившейся обстановке ни о какой длительной, стратегического значения обороне плацдарма под Дюнкерком не может быть и речи. Прежде всего, потому, что этот плацдарм совершенно не собирались оборонять союзники французов – англичане. 28 мая французское адмиралтейство поручило контр-адмиралу Ландрио создать флотилию для эвакуации своих войск. В её состав были включены 9 эсминцев, 6 миноносцев, около 20 военных кораблей других типов, а также около 200 гражданских судов (от шлюпок до пароходов). Однако, как констатируют историки, *«осуществить организованную эвакуацию французских частей уже было крайне сложно»* [37; 101]. Тем не менее, французский флот внёс определённую лепту в эвакуацию войск из Дюнкерка (об этом ниже).

29 мая союзники вокруг Дюнкерка занимали оборону по каналам Мардик, Бас-Кольм и далее к побережью восточнее Ла-Панна. Западную часть этого сектора защищали французские войска, восточную – английские. Руководство обороной было возложено на французского адмирала Абриаля⁶⁸. Но генерал Горт не стал подчиняться его приказам.

---

⁶⁸ Весьма распространённый военный обычай – сухопутную оборону военно-морских баз и городов-портов зачастую возглавляют именно адмиралы или старшие морские офицеры. Так было, например, дважды в ходе обороны Севастополя: в Крымскую войну 1853 – 1856 годов оборону возглавляли адмиралы

Между командованием союзников отношения стали чрезвычайно напряжёнными. Сам командующий британскими экспедиционными силами так описал сложившуюся в эти дни на плацдарме ситуацию:

«Прибытие французских войск на плацдарм в острой форме поставило вопрос о посадке на корабли. Адмирал Абриаль не получил от своего правительства сообщения об эвакуации британских войск в полном составе и был удивлён, когда услышал о моих намерениях. Похоже, он полагал, что эвакуируются лишь передовые отряды, а британские войска останутся на плацдарме и будут его защищать до конца плечом к плечу с французами...» [37; 101].

Очень яркая иллюстрация уровня союзнического взаимодействия.

Причём, что в последние дни мая думало французское правительство – не ясно. С одной стороны, казалось бы, оно уже не могло не знать об эвакуации английских войск, но с другой, – почему-то даже не поставило в известность адмирала Абриалья об этой полной эвакуации союзников (судя по докладу Горта). Конечно, Черчилль искусно морочил голову Рейно и прочим французским лидерам, отвечая на их требования о проведении совместной эвакуации английских и французских войск безусловным согласием и патетически

Нахимов, Истомин, Новосильцев, Корнилов, а в Великую Отечественную войну (1941 – 1942 гг.) – адмирал Октябрьский. Во время германо-польской войны 1939 года во главе польской обороны мыса Хель стоял капитан 1-го ранга Штейнер.

заявляя о совместной обороне Дюнкерка до конца, но то, что эвакуация британского экспедиционного корпуса идёт полным ходом уже не скрывалось, а французский командующий обороной Дюнкерка по факту оказался, как говорится, ни сном ни духом об этом [37; 101 – 102].

Все заявления Черчилля о совместной обороне и эвакуации оказались на поверку не более чем демагогией. Горт совершенно спокойно отдал приказ не пропускать французские части к побережью. Лишь после настойчивых просьб командующего Северо-Восточным фронтом генерала Жоржа, очевидно, получив «добро» из Лондона (Черчилль, надо полагать, всё-таки нуждался в некоем фактическом подкреплении своих пустопорожних фраз), Горт выделил французам «суточный лимит» в 5 тысяч мест на британских кораблях. В итоге, по состоянию на 31 мая, было эвакуировано всего 15 тысяч французов, тогда как англичан было вывезено свыше 100 тысяч человек [37; 101].

31 мая Дюнкерк покинул и сам генерал Горт. Из 9 английских дивизий, находившихся под Дюнкерком, на плацдарме оставалось всего 3 во главе с генералом Александером. Адмирал Абриаль искренне посчитал, что это арьергард, как и обещал Черчилль, будет продолжать совместную с французами оборону Дюнкерка, соизмеряя свой уход с эвакуацией французских войск. Но он глубоко ошибался. Александер, не считаясь с французами, продолжал эвакуацию своих войск, которую успешно и завершил в ночь с 3 на 4 июня.

А утром 4 июня в Дюнкерк вступили немцы [37; 102], [83; 117].

Каков непосредственный итог дюнкеркской эпопеи?

За период с 27 мая по 4 июня из Дюнкерка было эвакуировано свыше 338 тысяч человек (Типпельскирх приводит даже точную цифру – 338 226 человек), из них – 215 тысяч англичан, 123 тысячи французов и бельгийцев. Причём, 50 тысяч французов было вывезено силами французского флота [7; 60], [36; 223], [37; 102], [83; 117].

40 тысяч французских солдат эвакуироваться не смогли и попали в плен [36; 223], [37; 102].

Английское командование, спасая свои дивизии, приказало бросить всю их материальную часть. Причём, речь шла не только о тяжёлом, но и о стрелковом вооружении. Так, по имеющимся данным, англичанами в Дюнкерке было оставлено несколько десятков тысяч боевых машин, автомобилей и повозок (цифры разнятся – от 50 до 82 тысяч), 2,4 тысячи орудий и миномётов, 90 тысяч винтовок, 8 тысяч пулемётов, огромное количество разнообразных боеприпасов и горючего [36; 224], [37; 101 – 102], [40; 4], [83; 117].

Большую роль в событиях под Дюнкерком сыграла авиация обеих сторон. Действия германской авиации значительно осложнили процесс эвакуации английских и французских войск с плацдарма и привели к значительным потерям кораблей и судов союзников, осуществлявших эвакуацию. Англичане потеряли потопленными 243 корабля и судна (по

другим данным – 224), из которых 9 были эскадренными миноносцами (по другим данным – 6). Серьёзные повреждения получили 23 английских военных корабля. У французов оказались потопленными 7 эсминцев и 30 вспомогательных тральщиков, что составило около 1/6 части всех французских кораблей и судов, участвовавших в эвакуации [36; 223 – 224], [37; 102], [83; 116].

Однако обещания командующего люфтваффе Геринга о том, что его подчинённые смогут вообще воспрепятствовать эвакуации и уничтожить англичан, оказались невыполнимыми.

В небе над Дюнкерком прекрасно действовала английская авиация. Есть даже мнение, что британским лётчикам удалось здесь *«впервые во второй мировой войне»* завоевать *«господство в воздухе»* [7; 60]. И если всё-таки подобное утверждение, на наш взгляд, является преувеличением (цифры потерь кораблей и судов союзников, ежедневные напряжённые воздушные бои над районом погрузки и баланс авиационных потерь сторон говорят сами за себя), то эффективность действия англичан в воздухе отрицать не приходится. Их истребители непрерывно находились в воздухе над районом эвакуации, совершая ежедневно до 300 самолёто-вылетов. И хотя немцами в воздушной операции над Дюнкерком использовалось до 300 бомбардировщиков и 500 истребителей, «сбросить» британских пилотов с неба они не смогли [37; 101].

Весьма хвалебно о действиях английской авиации под Дюнкерком отозвался в «Истории Второй мировой войны» К. Типпельскирх:

«В течение всего этого времени над районом погрузки шли ожесточённые воздушные бои. Теперь стало ясно, что англичане были правы, когда упорно отказывались использовать свои истребительные соединения для поддержки слабой французской армии, судьбу которой они всё равно не смогли бы изменить. (Sic! Ещё раз об уровне союзнического взаимодействия. Англичане готовились эвакуироваться, потому не оказывали поддержки с воздуха своим союзникам-французам. Выполнение союзнического долга по-английски – И.Д., В.С.) Хотя немецкая авиация ввела все имевшиеся в её распоряжении силы, ей удавалось приостанавливать отправку английских войск с континента лишь в последний период эвакуации, да и то только в дневное время. Английские лётчики-истребители показали высокое мастерство, а их самолёты – хорошие боевые качества» [83; 116 – 117].

Баланс авиационных потерь, между тем, всё-таки не свидетельствует об убедительном превосходстве англичан в воздухе: британская авиация потеряла под Дюнкерком 106 самолётов, немецкая – 140 (1:1,3) [37; 102]. Но немцы теряли свои самолёты не только в боях с английскими лётчиками, но и от действий зенитной артиллерии, у англичан же такая причина потерь практически отсутствовала.

Это, так сказать, «арифметика»: кто и сколько потерял под Дюнкерком.

Однако, говоря о дюнкеркских событиях, нельзя обойти молчанием их оценку с военной и моральной точки зрения.

Сначала о второй. Английский офицер Ричард Сквайрс, непосредственный участник тех событий, отозвался о них таким образом, что добавить что-то в этом отношении вряд ли возможно. *«Дюнкерк был бегством с поля боя, – пишет он. – Дюнкерк был предательством по отношению к нашей союзнице Франции. Дюнкерк был пощёчиной для английских солдат, которые хотели сразиться, а не эвакуироваться под огнём вражеских орудий»* [36; 224].

Что касается первой, то тут, прежде всего, надо сказать, что никакие решения английского правительства и английского военного командования не отменяют мужества английских и французских солдат, сражавшихся на позициях под Дюнкерком, обеспечивая процесс эвакуации, английских лётчиков, прикрывавших район посадки, английских и французских военных моряков и добровольных помощников-англичан, непосредственно вывозивших войска с плацдарма.

Также, безусловно, надо признать, что операция «Динамо» была хорошо организована и проведена. Дюнкеркская эвакуация представляет собой пример весьма успешной эвакуации морем крупных войсковых масс. Британцам удалось спасти от пленения или уничтожения основные силы сво-

ей экспедиционной армии, которые составили костяк вновь формируемых войск⁶⁹.

Однако нельзя не заметить, что буржуазные историки (прежде всего, конечно, британские) явно перехлёстывают через край, восхваляя операцию «Динамо», придавая ей значение чуть ли ни одной из решающих операций Второй мировой войны.

Так, английский историк П. Кендэлл пишет: «...*Это была одна из доблестных и успешных эвакуаций в истории войны. Она помогла вбить первый смертельный клин в непреступную стену побед Гитлера*» [37; 102].

Ему вторит другой английский исследователь Д. Дивайн, заявляя, что «*трудно найти другую операцию, равную ей (т.е. дюнкеркской эвакуации – И.Д., В.С.) по масштабам и последствиям*» [37; 102].

И подобного рода утверждения являются отнюдь не единственными в западной историографии, представляя собой выражение господствующей в ней точки зрения на указанный вопрос.

---

⁶⁹ За время боёв в Бельгии и Северо-Западной Франции, включая бои под Дюнкерком, безвозвратные потери британских экспедиционных сил (убитыми, пропавшими без вести, пленными) составили 68 тысяч человек. Это свыше 17% их первоначального состава (395 тысяч человек) [37; 102]. Данными о санитарных потерях британцев мы не располагаем, но вполне очевидно, что они также были значительными. Кроме того, английский экспедиционный корпус лишился всей своей артиллерии (около 2,5 тысяч орудий и миномётов всех калибров), около 300 танков, 63 тысячи автомашин и 500 тысяч тонн военного имущества и боеприпасов [36; 224], [37; 89, 102].

Почитаешь таких вот авторов, и может показаться, что Третий рейх и был-то побеждён только благодаря тому, что англичане «смазали пятки» из Дюнкерка.

Если же серьёзно, то, как бы блестяще не была проведена дюнкерская эвакуация, никуда не деться от того факта, что была она неоправданна и поспешна. И даже если уходить от вопроса о фактическом предательстве своего союзника – Франции, а оставаться в узко военных рамках, то приходится заявить, что самоликвидация Дюнкерского плацдарма, отказ англичан воспринимать его как стратегический и оборонять всеми возможными средствами, безусловно, содействовал поражению союзников во Французской кампании. Точнее, поражению Франции, ибо после эвакуации британских экспедиционных сил из Дюнкерка последняя осталась один на один с Германией на континенте.

В самом деле, без малого 400-тысячная англо-французская группировка в районе Дюнкерка, великолепно вооружённая стрелковым оружием, имевшая большое количество боевой техники и артиллерии, не испытывавшая на момент эвакуации абсолютно никакой нужды в боеприпасах, продовольствии и горючем, при безусловном господстве британского и французского флотов в районе боёв (что могло обеспечить как огневую поддержку с моря, так и бесперебойное снабжение сражающихся под Дюнкерком войск), при примерном паритете в воздухе (если не превосходстве) британской авиации с германской, – эта группировка, успевшая,

благодаря «подарку» Гитлера от 24 мая, закрепиться под Дюнкерком, могла попытаться обеспечить долговременную оборону, отвлекая на себя крупные силы вермахта, значительная часть из которых была в реальности использована германским командованием для удара вглубь Франции⁷⁰.

У французов при таком варианте развития событий появилось бы больше шансов успеть создать устойчивый фронт по Эне и Сомме. Кроме того, Дюнкеркский плацдарм, на котором находилось такое большое количество прекрасно вооружённых и снабжаемых войск, постоянно представлял бы для германцев угрозу. Отсюда они могли получить хороший, весомый удар в любой момент.

И то, что все вышеперечисленные возможности были союзниками упущены – целиком и полностью вина британского правительства и командования, которые вместо того, чтобы стараться воевать как можно лучше в Бельгии и Северо-Западной Франции, уже по истечении первой недели немецкого наступления думали только о том, как унести из района боёв ноги, сохранив при этом хорошую мину при плохой игре.

Боле того, берём на себя смелость утверждать, что вся си-

---

⁷⁰ Запись из дневника Гальдера от 2 июня 1940 года: *«Противник начинает проявлять беспокойство. Он отдаёт себе отчёт в том, что мы теперь располагаем большим количеством высвободившихся сил (выделено нами – И.Д., В.С.)»* [23; 439 – 440]. А ведь эти силы могли быть скованы у Дюнкерка, если бы англичане имели намерение его по-настоящему оборонять (как и хотели французы), а не удирать через него.

туация с отрывом бельгийской армии от войск союзников и последующим «загоном» англо-французской группировки на плацдарм под Дюнкерком сложилась во многом благодаря линии поведения командования британских экспедиционных сил, представлявшей, по сути, саботаж военных мероприятий, которые пытались проводить французы. Надеемся, что нам выше удалось это показать, и данный вывод не будет казаться читателям голословным.

Так что мы на месте британских и прочих западных историков поостереглись бы распевать дифирамбы операции «Динамо», ограничившись констатацией её и впрямь хорошего технического исполнения.

И ещё одного вопроса, касающегося успешной эвакуации британских войск из Дюнкерка, хотелось бы коснуться. Но вначале позволим себе процитировать К. Типпельскирха:

«В дни Дюнкерка англичане убедительно доказали, на что они способны, если им угрожает смертельная опасность. Подготовка к эвакуации войск началась заблаговременно. 20 мая стали предусмотрительно собирать необходимые суда. 26 мая был вечером дан приказ на проведение операции «Динамо» – эвакуацию экспедиционного корпуса.

[...]

В ночь с 3 на 4 июня последние английские арьергардные части покинули европейский материк, чтобы вновь вступить на него через четыре года почти в этот же день. Среди спасённых 338 226 солдат находилось 90 тысяч фран-

цuzов. Всё оснащение девяти английских дивизий пришлось бросить. Но самое главное заключалось в том, что обученные кадровые войска были сохранены.

К этому казавшемуся невероятным результату привели не только неудовлетворительные действия немецкой авиации и запрещение немецкого командования использовать танковые дивизии (выделено нами – И.Д., В.С.). Англичане тоже внести свой вклад (выделено нами – И.Д., В.С.). Все подготовительные мероприятия были проведены заблаговременно. Английские войска сохраняли исключительную дисциплину. Команды спасательных судов всех классов и типов бесстрашно продолжали эвакуацию войск даже во время самых интенсивных налётов авиации. Поражающее действие немецких бомб значительно снижалось из-за рыхлого морского песка. Английская авиация прилагала все усилия, чтобы непрерывными активными действиями, которые нередко прерывались только для заправки горючим, сковать силы немецкой авиации и воспрепятствовать её разрушительной работе. Наконец, англичанам помогло и само море. Его поверхность всё время оставалась зеркально-гладкой, и это дало возможность использовать самые мелкие и непригодные к плаванию в открытом море суда.

Англичане по праву гордились тем, что они совершили» [83; 116 – 118].

Очень лестный для англичан отрывок из «Истории Вто-

рой мировой войны». К. Типпельскирх отдаёт им должное, отмечая и мужество британских военных (солдат и офицеров сухопутных войск, лётчиков, моряков) и простых британцев, пришедших на помощь своей армии, и великолепную организацию процесса эвакуации. Однако заслуги самих англичан он ставит всё-таки на второе место по значимости (второй из выделенных нами участков текста). Кроме того, им и сама природа помогала (песчаное дно района эвакуации, уменьшавшее поражающее действие немецких авиабомб, и прекрасная погода в течение всего периода эвакуации). А вот на первом месте в обеспечении успеха операции «Динамо» оказываются действия самих немцев (первый из выделенных нами фрагментов текста) – неудовлетворительные действия люфтваффе и **запрещение использовать для взятия Дюнкерка танковые дивизии.**

Что имеет в виду Типпельскирх?

Дело в том, что гитлеровский «стоп-приказ» для танковых дивизий от 24 мая был повторён 29 мая.

В ночь с 26 на 27 мая моторизованные корпуса танковых групп Клейста и Гота возобновили своё наступление, в течение 27 и 28 мая значительно продвинувшись по направлению к Дюнкерку. Так, корпус Гудериана до 28 мая вышел к Ворму и Бурбуру, а 29-го его части овладели Гравлином [25; 162]. Но тут пришёл новый приказ об остановке движения танковых дивизий и смене их пехотными соединениями. XIX моторизованный корпус Гудериана, в частности, сменялся

XIV армейским корпусом. Армейские корпуса продолжали наступление, но оно имело вид постепенного, довольно медленного затягивания «мешка», в котором находились союзники вокруг Дюнкерка. И это при том, что англичане ежедневно выводили с позиций целые соединения для посадки на корабли.

Вот подневные записи из дневника Гальдера о положении под Дюнкерком, начиная с 29 мая, когда был отдан «стоп-приказ № 2»:

«29 мая 1940 года (среда).

“Мешок”, в котором находится противник, продолжает сужаться. Очень интересно, какие силы ещё находятся в этом пространстве (45 километров в длину и 30 километров в ширину)? Противник сопротивляется. хотя в наших руках уже находятся Лилль, Рубе, Туркуан. Он ожесточённо отражает наши атаки на флангах» [23; 434].

«30 мая 1940 года.

В окружённом нашими войсками “мешке” начинается процесс разложения. английские части обороняются стойко и ожесточённо, тогда как часть сил устремилась к побережью и пытается на судах и кораблях всех видов бежать через пролив. Разгром!» [23; 435].

«31 мая 1940 года.

Утренние донесения свидетельствуют о том, что обстановка в основном не изменилась. Кольцо вокруг Дюнкерка сжалось ещё больше. Но англичане, которые в тяжё-

лейших условиях продолжают эвакуацию, оказывают здесь ожесточённое сопротивление. **Поэтому приходится осуществлять планомерное наступление** (выделено нами – И.Д., В.С.)

[...]

Донесения, поступившие в течение дня, подтвердили обстановку, изложенную в утренних сводках. Наши удары, которые из-за отсутствия единого руководства (командующий 18-й армией ещё не взял в свои руки руководство операцией) носили разрозненный характер и встречали сильное сопротивление противника, укрепившегося по берегам каналов, лишь в отдельных случаях имели успех. Перехваченное донесение противника по радио говорит о том, что сегодня ночью эвакуация будет продолжаться. Помешать этому трудно. Так как полное окружение осуществить не удалось из-за вмешательства сверху, это даёт себя знать» [23; 436 – 437].

«1 июня 1940 года.

В боевых действиях – ничего существенно нового. Небольшая полоса местности на побережье, находящаяся в руках противника, всё время сужается. **Однако наше наступление развёртывается медленно** (выделено нами – И.Д., В.С.). Противник сражается мужественно, но на отдельных участках наблюдаются явления разложения. Очевидно, попытки эвакуации войск будут продолжаться» [23; 438].

«2 июня 1940 года.

Общая обстановка без изменений» [23; 439].

«3 июня 1940 года.

...Обстановка существенно не изменилась» [23; 442].

таким образом, ни о каком решительном прорыве обороны противника, который мог бы иметь место, действуя на фронте перед Дюнкерком танковые дивизии, не было и речи.

Излишне говорить, что ожидало бы войска союзников, находившиеся в районе Дюнкерка, прорви танковые группы Гота и Клейста 29 или 30 мая их оборону. К тому моменту не было эвакуировано и трети войск, находящихся на Дюнкеркском плацдарме. Следовательно, свыше 2/3 англо-французской группировки было бы уничтожено и пленено. Что примечательно, сами англичане первоначально рассчитывали примерно на такой исход операции «Динамо». По их подсчётам, для эвакуации у них было два дня, и за это время спасти они могли около 45 тысяч человек [83; 116].

Просим заметить, что приказ о начале операции «Динамо» был получен Гортом 26 мая. К этому времени англичане и французы, благодаря первому «подарку» фюрера (приказ от 24 мая), сумели создать оборону вокруг Дюнкерка. И в это же день был отдан приказ о возобновлении наступления танковых дивизий групп Клейста и Гота. Таким образом, англичане, начиная эвакуацию, строили свои весьма скромные расчеты, исходя именно из ситуации конца боевого дня 26 мая, т.е. немцы возобновили танковый удар, а у союзников под Дюнкерком уже есть оборона. Кстати, и сов-

падение дат приказов о начале операции «Динамо» и возобновлении наступления немецких танковых групп вряд ли случайно (приходится предполагать высокое качество работы английской разведки). Получается, что англичане и не рассчитывали удержать Дюнкерк дольше 29 мая. И вот в такой-то ситуации германское командование отдаёт «стоп-приказ № 2», преподнося англичанам, тем самым, ещё один «подарок», которым они очень умело воспользовались.

В литературе господствует мнение, что этот-то приказ об остановке танковых дивизий под Дюнкерком уж точно был вызван исключительно военной необходимостью. Мол, танковые дивизии отводились для начала нового этапа кампании против Франции. Мол, держать их под Дюнкерком смысла уже не имело, ибо союзники укрепили здесь оборону и всю проводили эвакуацию. Да и вообще, *«намечавшееся новое сражение во Франции как бы отодвинуло задачу ликвидации дюнкеркской группировки союзников на второй план»* [37; 104], [47; 273 – 274], [83; 114]. При этом утверждающие так авторы ссылаются, в частности, и на дневник Гальдера, в котором от 30 мая 1940 года имеется запись следующего содержания:

«Утреннее совещание у главкома. Он раздражён, так как просчёты, которые мы допустили по вине ОКВ (обходное движение в направлении на Лаон и остановка подвижных соединений у Сент-Омера), теперь начинают сказываться. Мы потеряли время, поэтому кольцо вокруг французов и ан-

гличан было замкнуто медленнее, чем это было возможно. Главное состоит в том, что вследствие остановки механизированных соединений кольцо не замкнулось на побережье, и теперь нам приходится лишь созерцать, как многие тысячи солдат противника у нас под носом бегут в Англию, так как из-за плохой погоды авиация не может действовать» [23; 435], [37; 103].

Ну, а поскольку дальше у Гальдера за 30 и 31 мая имеется значительное количество записей о перегруппировке войск для наступления вглубь Франции, в том числе и танковых дивизий [23; 435 – 437], то, казалось бы, получается великолепное подтверждение вышеозначенной схемы: с первым «стоп-приказом» явно вышла ошибка, захватить Дюнкерк и отрезать союзников от моря не успели (хотя, очевидно, хотели), теперь же они там хорошо окопались и спокойно эвакуируются; танковые дивизии нужны для наступления на Сомме и Эне, и топтаться им под Дюнкерком, неся значительные потери из-за крепкой обороны противника, явно незачем; поэтому их выводим и перегруппировываем к югу.

Всё, вроде бы, логично.

Однако тут надо учесть вот какое обстоятельство. Раздражён из-за провала полного окружения англо-французов под Дюнкерком и их эвакуацией вовсе не Гитлер, а Браухич (главком Сухопутных войск вермахта). А он, как мы помним, изначально, совместно с Гальдером, был противником «стоп-приказа» от 24 мая. Крах потерпели расчёты ОКХ, а

вовсе не расчёты Гитлера. Гитлер-то как раз в эти дни абсолютно спокоен. Во всяком случае, ситуация, складывающаяся под Дюнкерком, никакого раздражения у него не вызывает. Всё идёт, как надо. Например, Гальдер описывает доклад фюреру о положении на этом участке фронта 31 мая. Заходит речь о низкой эффективности огня германской артиллерии:

«По противнику трудно вести артиллерийский огонь, так как в песчаных дюнах наши снаряды не рекошетировывают и не оказывают осколочного действия. (Фюрер предлагает использовать дистанционные трубки снарядов зенитной артиллерии.)» [23; 437].

И всё. Никаких гитлеровских истерик и эмоциональных выплесков, столь свойственных ему в моменты недовольства. Создаётся впечатление, что фюрера, в отличие от Гальдера и Браухича, вполне устраивает, что англичане выскальзывают у немцев из-под носа.

В общем, ссылки на Гальдера в данном случае не подтверждают, а наоборот – опровергают тех авторов, которые обосновывают «стоп-приказ № 2» чисто военной необходимостью.

Вполне можно допустить, что германское командование не очень чётко представляло темпы эвакуации англо-французов из Дюнкерка, преувеличивая их. А поэтому могло в отчаянии махнуть рукой на их дюнкеркскую группировку: мол, всё равно уже почти упустили. Хотя даже и такое предполо-

жение весьма сомнительно, учитывая интенсивность «работы» германской авиации над плацдармом вообще и районом погрузки, в частности (какие-то более или менее объективные представления и о количестве войск на плацдарме, и о темпах их эвакуации неизбежно должны были рождаться).

Но вот что германское командование не могло объективно оценить прочность наспех созданной вокруг Дюнкерка обороны, что оно не могло понять, что эта, не укрепляемая, а с каждым днём, наоборот, ослабляемая из-за «повальной» эвакуации англичан, оборона сравнительно легко и быстро может быть взломана ударами подвижных соединений двух танковых групп – такое допущение не выдерживает абсолютно никакой критики.

То, что союзническая оборона Дюнкеркского плацдарма была изначально слабой, прекрасно понимали англичане, дававшие ей двое суток жизни в случае немецкого танкового удара (см. выше). Неужто этого не понимали немецкие генералы? Понимали прекрасно. Вот какую оценку сразу обоих «стоп-приказов» (и от 24, и от 29 мая) читаем у К. Типпельскирха:

«Немцы должны были только наблюдать, как англичане и французы создавали оборону и производили погрузку на суда. 26 мая танковым дивизиям было разрешено вновь начать активные боевые действия, однако вслед за тем пришёл приказ сменить все танковые дивизии прибывшими моторизованными дивизиями и отвести их для выпол-

нения других задач. Самый благоприятный момент прошёл, и возможность окружить английский экспедиционный корпус была упущена. Конечно, англичане оборонялись бы с исключительным упорством, и немецкие соединения понесли бы значительные потери, однако не такие большие, чтобы существенно затруднить продолжение войны против Франции (выделено нами – И.Д., В.С.)» [83; 114–115].

Итак, и упущенная благоприятная возможность отрезать англичан от моря (следствие «стоп-приказа» № 1), и их оборона вокруг Дюнкерка, могущая повести к определённым потерям в танковых дивизиях (также следствие «стоп-приказа» № 1), вовсе не означали, что эти самые дивизии не следовало использовать под Дюнкерком. Положительный эффект от их применения превысил бы отрицательный эффект от понесённых ими потерь. Вывод из этих слов Типпельскирха напрашивается сам собой: «стоп-приказ № 2» также был с военной точки зрения ошибочен. Пролом довольно слабой обороны союзников вокруг дюнкеркского плацдарма не повёл бы ни к значительным потерям времени, ни к существенным потерям в личном составе и материальной части танковых соединений.

Ещё более конкретен в своих выводах о «стоп-приказе» от 29 мая 1940 года самый непосредственный участник событий под Дюнкерком – генерал Гудериан:

«До 28 мая мы вышли к Ворму и Бурбуру. 29 мая 1-я тан-

ковая дивизия овладела Гравлином. Однако захват Дюнкерка произошёл без нашего участия, XIX армейский (моторизованный – И.Д., В.С) корпус был сменён 29 мая XIV армейским корпусом.

Эта операция была бы проведена значительно быстрее, если бы верховное командование не останавливало несколько раз войска XIX армейского корпуса и не препятствовало его успешному продвижению (т.е. не только 24, но и 29 мая; выделено нами – И.Д., В.С.). *Очень трудно сказать, какой оборот приняла бы война, если тогда под Дюнкерком удалось взять в плен экспедиционные войска Англии»* [25; 162].

Как видим, Гудериан ничуть не сомневается, что не только первая остановка его корпуса (24 мая), но и вторая (29 мая) – помешали взять Дюнкерк значительно быстрее, чем произошло в реальности, и пленить если не всю, то большую часть английской экспедиционной армии.

Правда, Гудериан напрочь отменяет предположение о каких-то политических мотивах обеих остановок, считая их просто ошибками Гитлера: «Уинстон Черчилль в своих воспоминаниях о Второй мировой войне... высказал предположение, что Гитлер, остановив наступление танковых частей на Дюнкерк, хотел дать Англии возможность заключить мир или хотел улучшить перспективы для Германии на заключение выгодного мира с Англией. Ни в то время, ни позднее я не встречался с фактами, которые могли бы под-

твердить это мнение» [25; 163].

«Очень трудно сказать, какой оборот приняла бы война, если бы тогда под Дюнкерком удалось взять в плен экспедиционные войска Англии. Во всяком случае, дальновидная дипломатия могла бы извлечь большую пользу из такого военного успеха. К сожалению, эта возможность из-за нервозности Гитлера была утрачена» [25; 162].

«...Правильным является предположение, что Гитлер и, прежде всего, Геринг считали, что превосходства немецкой авиации вполне достаточно для воспреещения эвакуации английских войск морем. Гитлер заблуждался, и это заблуждение имело опасные последствия, ибо только пленение английской экспедиционной армии могло бы укрепить намерение Великобритании заключить мир с Гитлером или повысить шансы на успех возможной операции по высадке десанта в Англии» [25; 163].

Со своей стороны, можем сказать следующее. Действительно, так же как и в случае с отдачей «стоп-приказа № 1» [40; 2], документов, подтверждающих мотивировку отдачи «стоп-приказа № 2», не существует (или, по крайней мере, о них ничего до сих пор не известно)⁷¹. Но вот фактов,

---

⁷¹ Примечательно, что вторично моторизованные корпуса Гудериана и Рейнгартта были остановлены и стали сменяться армейскими корпусами 29 мая, а директива Генерального штаба Сухопутных войск о выводе их во второй эшелон с целью последующей передислокации на юг для нового наступления последовала только 31 мая [37; 104]. Так что ни она, ни все последующие распоряжения и приказы по этому поводу не могут служить документальным обоснованием мо-

свидетельствующих о превалировании политических причин и в его отдаче, так же как в отдаче приказа от 24 мая, предостаточно. О них, собственно, говорилось выше. Поэтому, в отличие от Гудериана, мы склонны согласиться с Черчиллем: Гитлер намеренно хотел дать ускользнуть из Дюнкерка английскому экспедиционному корпусу. Подобным образом он надеялся склонить Англию к соглашению. А уж кто пойдёт на это соглашение – Черчилль или противостоящие ему силы, отстранив Черчилля от власти, – это был второй вопрос, вопрос, так сказать, техники.

* * *

Пока под Дюнкерком разворачивались описанные в предыдущем разделе драматические события, южнее, на Сомме и Эне, где французы судорожно пытались создать новый фронт, также шли боевые действия.

Как мы помним, тот вариант плана «Гельб», который был принят к исполнению в феврале 1940 года, всё-таки несколько отличался от набросков Манштейна – он не предусматривал одновременного с развитием наступления на запад и северо-запад (к Ла-Маншу и по направлению к Фландрии) удара в южном и юго-западном направлении (вглубь Франции). Последний заменялся фланговым прикрытием действующих севернее армий. Именно это прикрытие Гитлер к концу вто-

рой декады мая и распорядился создавать на Сомме и Эне. Манштейн в своих воспоминаниях подаёт это как некое из ряда вон выходящее вмешательство Гитлера в руководство операциями Сухопутных сил [52; 128]. на самом деле, приказ пехотным соединениям 12-й, а затем и 4-й армий группы армий «А» занимать оборону фронтом на юго-запад означал лишь дословное следование принятому варианту плана «Гельб», не более того.

Именно благодаря этому приказу XXXVIII армейский корпус, которым командовал Манштейн, к 27 мая сменил в нижнем течении Соммы, на участке Абвиль – Амьен, XIV моторизованный корпус и 2-ю моторизованную дивизию, которые генерал Клейст, двигаясь к Ла-Маншу, оставил в этом районе для прикрытия своего тыла [26; 94 – 95], [52; 131].

Вот как Манштейн описывает ситуацию на данном участке фронта в конце мая 1940 года:

«К этому времени в нижнем течении Соммы не было устойчивых фронтов. 14-й тк вместе со 2-й мотодивизией (которую должна была сменить подходящая 57-я пд) удерживал плацдарм в районе города Абвиль на левом, южном, берегу Соммы. 9-я пд имела такую же задачу у города Амьен. Между этими обоими городами на всём протяжении Соммы были только патрули.

Но и противник не был в состоянии выделить достаточно сил для создания нового фронта за нижним течением Соммы. Перед нашим плацдармом у Амьена стояла, по-види-

мому, одна французская колониальная дивизия и английские части, у Абвиля – одна английская дивизия.

Приказ гласил – удерживать плацдармы. 9-я тд и 2-я мотодивизия, которая должна была быть сменена у Абвиля, пока оставались в качестве подвижного резерва севернее Соммы. Но затем они, что совершенно правильно, были сосредоточены для участия в решающих боях у побережья Ла-Манша.

Генерал фон Витерсгейм, командующий 14-м тк, сказал мне, передавая приказ, что он не ожидает каких-либо крупных операций противника. Через час после его отъезда прибыло донесение о сильных атаках противника на обоих плацдармах. На обоих участках появились также крупные танковые силы противника. К вечеру обе атаки были отбиты. У Амьена было подбито несколько тяжёлых французских танков, у Абвиля – 30 английских лёгких и средних танков. Здесь только один солдат Брингфорт из расчёта противотанкового орудия подбил 9 вражеских танков. Он был первым рядовым солдатом, награждённым, по моему предложению, Рыцарским крестом.

По моему мнению, вражеские атаки либо имели целью своими действиями на этом участке облегчить положение северного фланга, находившегося под угрозой окружения, либо это были попытки создать новый фронт на нижнем течении Соммы.

[...]

В последующие дни противник продолжал свои атаки на оба плацдарма. У Амьена иногда создавалось серьёзное положение. Однако, посетив войска, я убедился, что здесь всё было в порядке. [...].

Напротив, у Абвиля 29 мая возник серьёзный кризис. 2-ю мотодивизию сменила здесь 57-я пд, проделавшая напряжённые марши и не имевшая ещё боевого опыта. Атака, предпринятая вскоре противником, поддержанная английскими танковыми частями, привела в результате на отдельных участках к прорывам и причинила нам большие потери, в том числе, как позже выяснилось, и пленными. Я сам выехал в Абвиль и вынужден был вернуть батальон, который оставил свои позиции на основании ложно понятого приказа и уже следовал через город. В конце концов, дивизии удалось восстановить положение.

...Генерал фон Клюге (командующий 4-й армией, которой был подчинён XXXVIII армейский корпус – И.Д., В.С.) в создавшейся тяжёлой обстановке представил на наше решение... вопрос об оставлении плацдармов...» [52; 131 – 133].

Манштейн описал ту ситуацию, которая сложилась по Сомме и Эне в 20-х числах мая 1940 года. Немцы, исходя из дальнейшего плана развития кампании (о нём несколько ниже), создавали по рубежу этих рек временный оборонительный фронт, имевший целью прикрыть фланги и тылы германских сил, действующих в Северо-Западной Франции и Бельгии, и обеспечить перегруппировку сил для последую-

щего наступления вглубь Франции. В свою очередь, французы занимались тем же – создавали оборонительный фронт по Эне и Сомме. Только этот фронт, в отличие от германского, имел стратегическое значение. Его задача – преградить противнику путь вглубь французской территории. Ни о каком наступлении стратегического характера французы в тот момент уже не помышляли.

25 мая генерал Вейган на заседании военного комитета правительства изложил свой новый план действий, основанный на идее сплошного непреодолимого оборонительного фронта, идее, являвшейся наследием Первой мировой войны. По мысли Вейгана, жёсткая оборона по Сомме и Эне должна была прикрыть центральные районы страны и её столицу. Главнокомандующий отдал приказы, предусматривающие создание оборонительных сооружений на всём протяжении указанного фронта от линии Мажино до Ла-Манша. Однако новый план Вейгана совершенно не рассматривал ситуацию возможного прорыва противником данной оборонительной линии, что превращало его, фактически, из стратегической в скороспелую и сиюминутную наработку [36; 225], [37; 106].

Атаки французов, которые пришлось отражать XXXVIII армейскому корпусу у Амьена и Абвиля, уже не преследовали цели оказания помощи бельгийской группировке союзников, как предположил в своих мемуарах Манштейн. У французов попросту не было сил для этого. От какого-то взаимо-

действия с 1-й группой французских армий Вейган, по сути, отказался сразу же после провала плана встречного контрудара из районов Арраса и Перонна.

Те ожесточённые бои с французами в конце мая 1940 года, о которых повествует автор «Утерянных побед», были следствием желания французов сбить немцев с их плацдармов на южном берегу Соммы для обеспечения создания более надёжного, без немецких вклинений, фронта по рубежу этой реки.

Кстати, намеренно или случайно, но Манштейн ошибается, отдавая пальму первенства в боях под Абвилем английским танковым частям. Корпус Манштейна получил там ощутимый удар вовсе не от англичан, а от 4-й бронетанковой дивизии полковника де Голля, который, между прочим, в ходе этих боёв стал бригадным генералом (28 мая) [58; 117].

4-я бронетанковая дивизия, отойдя 22 мая от Лаона в западном направлении, прошла за 5 суток 180 километров. 27 мая она сосредоточилась в районе Абвиля, где и получила приказ ликвидировать немецкий плацдарм на южном берегу Соммы [58; 116]. К этому моменту дивизия имела в своём составе 140 танков, 6 пехотных батальонов и 6 дивизионов артиллерии (всего около 20 тысяч человек) [58; 116].

В 18.00 27 мая дивизия начала своё наступление. К ночи был взят первый рубеж обороны противника. Немцы поспешно отступили, бросив большое количество техники, вооружения и снаряжения [58; 116].

Де Голль возобновил наступление на рассвете 28 мая, продолжая теснить противника. Из-за Соммы немцев подерживала мощным огнём артиллерия. Кроме того, дивизия де Голля подвергалась постоянным массированным налётам немецкой авиации, сама не имея абсолютно никакого авиационного прикрытия. Французы несли большие потери – было потеряно около 40 танков и сотни людей. И тем не менее, немцев удалось отбросить ещё на 5 километров. Теперь 4-я бронетанковая дивизия находилось всего в 7 километрах от Абвиля [58; 117].

29 мая действительно стало днём наиболее ожесточённых боёв за Абвильский плацдарм. К концу дня в руках немцев оставалась только четверть первоначального плацдарма. Дивизии де Голля за 27 – 29 мая удалось продвинуться на 14 километров. Но сама она понесла очень серьёзные потери – в строю оставалось всего 34 танка. Части корпуса Манштейна удержали остающуюся территорию плацдарма, в том числе и гребень высоты Мон-Кобер, господствующей над районом Абвиля (склонами высоты французы овладели и даже отразили две попытки немцев их вернуть) [58; 117].

Как отмечает биограф Манштейна фельдмаршал лорд Карвер, касаясь событий под Амьеном и Абвилем в мае 1940 года, тогда Манштейну впервые в ходе Французской кампании выпала *«возможность доказать, что у него-то самого горит в душе тот самый священный огонь...»*⁷² [39; 307].

---

⁷² Английский автор обыгрывает характеристику, которую Манштейн даёт в

Речь идёт о неоднократных предложениях Манштейна наступать, вместо того, чтобы обороняться. Сам по этому поводу он пишет следующее:

«...Для нас возникал тот же вопрос, который я уже раньше ставил в связи с приказом Гитлера о 12-й армии. Надо ли было – как значилось в приказе – и на нижней Сомме вести оборонительные бои или следовало пытаться удержать инициативу в своих руках?»

Оборонительная тактика, которая, по-видимому, была предписана 14-му тк, дала бы противнику – в этом не было сомнения – возможность создать на нижней Сомме новый сильный фронт обороны. Кроме того, проблематичным было в этом случае и удержание плацдармов в районах Абвиля и Амьена, так как противник подтянул бы сюда силы. Обе мотодивизии, оставленные в качестве резерва севернее Соммы, очень мало подходили для действий на плацдарме. Их можно было не вводить сюда для укрепления обороны плацдармов. Для контратаки их можно было бы использовать только в том случае, если противник съехал наши плацдармы, разбил находящиеся там дивизии, а затем перешёл Сомму.

Я не раз докладывал командующему 4-й армией, которой мы были подчинены, что мы теперь должны двумя мо-

---

своих мемуарах генералу Гальдеру: «Он был неутомимым работником. Слова Мольтке “гений – это прилежание”, очевидно, служили ему девизом. Священный огонь, который должен воодушевлять настоящего полководца, однако, вряд ли пылал в нём (выделено нами – И.Д., В.С.)» [52; 77].

подивизиями (или после их смены – двумя пехотными дивизиями) внезапно форсировать Сомму между обоими плацдармами с тем, чтобы охватить с флангов части противника, наступающие на плацдарм, и разбить их. Мне казалось, что лучшие вести корпусом манёвранный бой южнее, то есть перед рубежом Соммы, до тех пор, пока не будет закончено сражение в Северной Бельгии, и можно будет продвинуть наш северный фланг через нижнюю Сомму. Наша цель должна была состоять в том, чтобы держать этот участок и не дать противнику создать сплошной фронт по Сомме. В этом случае нельзя было отрицать, что при таком ведении операций корпус – поскольку он останется один южнее Соммы – может оказаться в трудном положении. Но надо было идти на этот риск, чтобы избежать в интересах дальнейшего ведения операций трудных боёв против укрепившегося на Сомме противника.

К сожалению, командующий 4-й армией не принял эти наши неоднократно делавшиеся ему предложения. Он нам не дал для этой операции дивизий из второго эшелона, которые предназначались для форсирования реки (объяснялась ли его позиция собственным решением или решением ОКХ – мне неизвестно), и мы были вынуждены вести оборонительный бой на плацдармах.

[...]

Было ясно, что Главное командование намерено избегать всякого риска, пока не будет закончена битва в Северной

Бельгии, и не сможет быть проведено “планомерное” развёртывание сил против создавшегося сейчас неприятельского фронта.

Было также ясно, что противник использует это время, чтобы подтянуть резервы и создать новый фронт от конечного пункта линии Мажино в районе Кариньян до устья Соммы. Между Узой и Маасом Гитлер сам упустил инициативу и тем самым облегчил противнику создание фронта по реке Эн. Наше командование отказалось теперь также от попытки обеспечить себе инициативу южнее Соммы» [52; 132 – 133].

Англичанин Карвер по поводу отклонённых предложений Манштейна о самостоятельном наступлении XXXVIII армейского корпуса через Сомму лаконично замечает, что *«ему не позволили это сделать, пока вся 4-я армия фон Клюге не начала 5 июня форсирования Соммы»*, не давая при этом оценку инициативе Манштейна [39; 307].

Зато отечественный исследователь В.О. Дайнес, кажется, видит в наступательных порывах будущего фельдмаршала глубокий смысл, заявляя:

«Но все предложения командира 38-го армейского корпуса в расчёт не принимались. В результате союзники получили возможность создать сплошной фронт вдоль Соммы между плацдармами» [26; 95].

В общем, и слова самого Манштейна, и мнения специалистов относительно его наступательных инициатив требуют

некоторых комментариев и пояснений.

Прежде всего, со всей уверенностью можно утверждать, что предложения Манштейна об ударах его корпуса с Амьенского и Абвильского плацдармов – не что иное, как трансформация его варианта плана «Гельб». Конечно, в гораздо более скромных масштабах. На эту связь недвусмысленно указал сам Манштейн, о чём читатель может судить по процитированным выше строкам из его мемуаров. Автор плана «Гельб», отлучённый от его глобального выполнения, стремился хоть частично поучаствовать в его воплощении в жизнь, пусть в корпусных масштабах, причём, в «первозданном» виде, т.е. с нанесением удара на юг и юго-запад, который бы был одновременным с наступлением в западном и северо-западном направлениях.

Однако возникает вполне закономерный вопрос: насколько данная инициатива Манштейна была с военной точки зрения обоснованна? Не была ли она попросту выражением его амбиций, стремлением продемонстрировать наличие у себя того самого *«священного огня»* полководца, о котором так патетически пишет он в *«Утерянных победах»* (на что, собственно, и указывает Карвер)?

Казалось бы, Манштейн даёт вполне логичное обоснование своих стремлений наступать силами одного XXXVIII армейского корпуса – не дать противнику возможности создать сплошной фронт по Сомме. И российский военный историк В.О. Дайнес вполне согласен с такими доводами.

Но надо учитывать, что сплошного фронта по Сомме у французов и так не было. Немцы имели плацдармы у Абвиля, Амьена (которые и обороняли войска корпуса Манштейна), а также ещё один плацдарм выше по течению – у Перонна. Таким образом, Манштейн предлагал лишь укрупнение Амьенского и Абвильского плацдармов путём их объединения.

Мероприятие тоже, на первый взгляд, вполне обоснованное с военной точки зрения. Однако при условии наличия сил для его осуществления. XXXVIII армейский корпус данными силами явно не располагал (даже если бы ему выделили в помощь две моторизованные или две пехотные дивизии из армейского резерва, на чём настаивал Манштейн). Во всяком случае, сам бывший командир корпуса в воспоминаниях прямо заявляет, что риск от подобных действий был очень велик. Корпус мог понести большие потери, мог оказаться на грани окружения, мог, стараясь «захватить» большее, потерять то, что уже имел, т.е. плацдармы у Амьена и Абвиля.

В самом деле, вспомним, сколько проблем французские удары 27 – 29 мая создали для корпуса Манштейна на обоих плацдармах. Абвильский плацдарм был вообще удержан посредством огромного напряжения сил, такого, что даже Клюге подумывал об оставлении данного плацдарма. В случае проведения подсекающего удара со стороны Абвиля и Амьена успех, принимая во внимание соотношение сил, вообще был сомнителен. Но допустим, наступление XXXVIII

армейского корпуса оказалось успешным. Сразу оговоримся, что принципиально возможное окружение французских войск, располагавшихся между Амьеном и Абвилем, создало бы для немцев больше проблем, чем принесло пользы. Чтобы удержать в окружении противника, пришлось бы создавать внутреннее и внешнее кольцо окружения, отражать атаки как из «котла», так и извне его. Вряд ли на это хватило бы сил одного XXXVIII армейского корпуса и приданных ему двух дивизий. Пришлось бы перебрасывать на данный участок фронта дополнительные силы. Помимо этого и вопрос удержания плацдарма с повестки дня не снимался. Его по-прежнему надо было бы удерживать.

Если бы французы просто отступили, понеся значительные потери, то и в этом случае ситуация для Манштейна оказалась не радужной. Объединённый Амьенско-Абвильский плацдарм был значительно крупнее каждого из этих плацдармов в отдельности, а держать его пришлось бы теми же силами XXXVIII армейского корпуса плюс две приданные дивизии. Причём, если бы это были две моторизованные дивизии, то, как признавал сам Манштейн, они очень слабо годились для обороны плацдарма [52; 132]. Следовательно, командиру XXXVIII армейского корпуса пришлось бы «размазать» наличные силы по значительно большей, чем раньше, территории. Что могло получиться из подобной ситуации? Манштейн скромно именует это «*трудным положением*» для своего корпуса [52; 132]. А если более конкретно, то

чуть выше мы сказали, чем могло окончиться такое *«трудное положение»*.

Так стоила ли овчинка выделки? На наш взгляд, нет. На взгляд германского командования (от армейского до ОКХ и ОКВ), очевидно, тоже. Кстати, в истории Великой Отечественной войны есть очень показательный пример, к чему могут привести подобного рода самостоятельные операции на каком-либо отдельном участке фронта с кажущимся положительным эффектом. В мае 1942 года 9-я армия Южного фронта, занимавшая восточную часть южного фаса Барвенковского выступа, без первоначальной санкции как фронтового командования, так и командования Юго-Западного направления (правда, впоследствии и тому, и другому командованию стало известно об этой операции, но немедленно они её не приостановили) проводила частную наступательную операцию своих войск на населённый пункт Маяки для улучшения конфигурации фронта на данном участке. Были израсходованы немалые силы. Кроме того, в связи с данной частной операцией происходили значительные перегруппировки войск армии, снимавшихся при этом с оборонительных позиций на южном фесе Барвенковского выступа. В результате, 9-я армия оказалась не в состоянии сдержать начавшийся 17 мая удар армейской группы генерала Клейста. Итогом указанных событий явился Харьковский «котёл».

Однако из мая 1942 года вернёмся в май 1940.

Манштейн правильно отмечает, что именно Главное ко-

мандование избегало всякого риска на Сомме, пока не покончено с противником во Фландрии [52; 133]. Правда, несколькими абзацами выше он почему-то не знает, кто запрещал проводить ему наступление силами одного своего корпуса – Клюге (командующий 4-й армией) или ОКХ [52; 133]. При этом у Манштейна странным образом выпадает звено между армейским и Главным командованием Сухопутных сил, т.е. групповое командование, другими словами, – Рундштедт (видимо, сыграли роль дружеские отношения двух военачальников).

Мы уже отмечали, что воспретить частную наступательную операцию XXXVIII армейского корпуса были склонны, пожалуй, на всех уровнях германского командования. Прежде всего, из соображений её военной нецелесообразности.

Вряд ли её одобрил бы Рундштедт, принимая во внимание, что он и против остановки гораздо более верной и нужной операции танковой группы Клейста в направлении на Дюнкерк не возражал (если не сам и инициировал эту остановку).

Безусловно, частное наступление корпуса Манштейна воспретили бы Гитлер и его «рупор» ОКВ. Фюрер требовал неукоснительного соблюдения принятого к исполнению варианта плана «Гельб». И дело было не в пустом следовании «букве плана». Как известно из дневниковых записей Гальдера (18 и 25 мая), Гитлер очень опасался мощного уда-

ра из Центральной Франции. Поэтому пехотные соединения 12-й и отчасти 4-й армии стали создавать временный оборонительный фронт по Эне и Сомме⁷³. Они должны были прикрыть от возможного удара противника сначала операцию германских войск во Фландрии, а затем – сосредоточение войск для очередного этапа наступления – удара вглубь Франции.

ОКХ, которое первоначально вообще противилось принятию манштейновского варианта плана «Гельб», а затем, по всей вероятности, приложило руку к его «купированию» – отказу от одновременного с наступлением на северо-запад наступления на юго-запад, окрылённое успехами, конечно, «расхрабрилось» и готово было «рвануть» по указанному Манштейном направлению вглубь Франции, отказавшись от обороны для обеспечения с фланга и тыла действий немецких войск в Северо-Западной Франции и Бельгии. Поэтому-то Гальдер так и недоумевает в своём дневнике, чего так

---

⁷³ Дневник Гальдера. Запись от 18 мая 1940 года: *Фюрер, непонятно почему, озабочен южным флангом. Он беснуется и кричит, что можно погубить всю операцию и поставить себя перед угрозой поражения. Он и слушать не хочет о продолжении операции в западном направлении, не говоря уже о юго-западном, и всё ещё одержим идеей наступления на северо-запад* [23; 404]. Дневник Гальдера. Запись от 25 мая 1940 года: *«Дальнейшее развитие наступления силами группировки, расположенной вдоль Сены, западнее Парижа, пока не санкционировано. Фюрер пространно говорил об угрозе со стороны Парижа, откуда в любое время можно ожидать удара группировки численностью 400 – 500 тысяч человек (если противник вообще сумеет их собрать). Наступление западнее Парижа будет продолжено только тогда, когда наступление на главном направлении по обе стороны от Реймса окажется успешным»* [23; 427].

боится Гитлер, какого большого удара он ждёт из глубины французской территории [23; 404, 427]. Однако при этом вряд ли Браухич и Гальдер стали бы размениваться на сомнительные предприятия на одном из участков фронта – мол, раз уж не повели на юго-запад и юг общего наступления, то и «дёргаться» по мелочам нечего (да ещё при этом сильно рискуя).

И уж, конечно, никто из военачальников (ни Клюге, ни Рундштедт, ни Гальдер, ни Браухич) не посмел бы нарушить принятый план продолжения кампании, мероприятия по которому в конце мая уже всюду проводились. Не посмел, даже если бы предложения Манштейна были более верны и менее рискованны.

Так что, Манштейн абсолютно прав: Главное командование Сухопутных сил не собиралось рисковать на Сомме в нарушение принятого плана развития кампании. Не было намерено идти на подобный риск также и командование группы армий «А» (Рундштедт), и командование 4-й армии (Клюге). К наступательным порывам командира XXXVIII армейского корпуса отрицательно отнеслись на всех уровнях германского командования. И мы, со своей стороны, не думаем, что все германские военачальники ошибались, и только один Манштейн был прав.

Несмотря на то, что Манштейну к концу мая практически не удалось поучаствовать в активных боевых действиях в ходе Французской кампании, тем не менее, 1 июня ему было

присвоено очередное воинское звание – генерал пехоты [26; 95].

Однако каков был план продолжения кампании во Франции? Как рассчитывали в дальнейшем развивать операции германское Верховное командование (ОКВ) и Главное командование Сухопутных сил вермахта (ОКХ)?

План получил кодовое название «Рот» («Красный»).

Его замысел и основные этапы были определены в директиве ОКВ № 13 от 245 мая 1940 года, а 31 мая 1940 года Генеральный штаб сухопутных сил направил директиву, содержащую положения плана, в войска. В ней указывалось, что замысел Верховного командования заключается в том, чтобы в операции, *«следующей как можно скорее за боями в Артуа и во Фландрии, уничтожить оставшиеся силы союзников во Франции»*, стремительным наступлением сломать фронт противника по рекам Сомма и Эна и быстрым прорывом в глубину лишить его возможности организованного отступления и создания нового оборонительного рубежа [37; 104].

Предусматривалась организация наступления в три этапа.

На первом этапе правый фланг группировки немецких армий осуществлял прорыв рубежа обороны противника на участке между Ла-Маншем и Уазой, нанося удар, направленный к нижнему течению Сены.

На втором этапе предполагались нанесение удара между Парижем и Аргоннами в юго-восточном направлении с

целью разгрома французской армии в треугольнике Париж, Мец, Бельфор и выход в тыл линии Мажино.

Только после успешного осуществления этих двух ударов начинался **третий (и последний) этап операции**: штурм линии Мажино и форсирование Рейна [37; 104], [83; 119 – 120].

Согласно этому плану, с максимальной быстротой была осуществлена перегруппировка немецких войск во Франции [47; 274 – 275], [83; 120].

Первый этап операции должна была проводить группа армий «Б» под командованием генерал-полковника фон Бокка в составе 4, 6-й и 9-й армий (48 дивизий, из них 6 танковых и 4 моторизованных, а также 2 моторизованные бригады). За тремя плацдармами на Сомме расположились подвижные соединения: у Абвиля – XV моторизованный корпус Гота (входил в 4-ю армию), у Амьена – XIV моторизованный корпус Витерсгейма, у Перонна – XVI моторизованный корпус Гёпнера. XVI и XIV моторизованные корпуса были объединены в танковую группу под командованием генерал-полковника Клейста, которая организационно входила в 6-ю армию.

В задачу группы армий «Б» входило: с рубежа реки Сомма наступать в южном направлении, захватить Гавр и Руан на Сенею левым флангом занять южный берег канала Уаза – Эна и выйти на линию южнее Суассона, Компьена, обеспечивая нанесение главного удара. При этом моторизованный

корпус Гота должен был наступать к устью Сены, а танковая группа Клейста – продвигаться восточнее Парижа и захватить в этом районе переправы на Марне [36; 224], [37; 105], [50; 243], [52; 134], [83; 120].

Группе армий «А» под командованием генерал-полковника фон Рундштедта и на этой фазе Французской кампании предстояло сыграть ведущую роль, осуществляя второй этап наступления по плану «Рот» (хотя первоначально планом её ведущая роль не предусматривалась). В её состав входили три армии: 2, 12-я и 16-я (всего 45 дивизий, из которых 4 были танковыми, а 2 – моторизованными). Она занимала фронт по реке Эна и далее на восток до границы с Люксембургом. Для усиления войск Рундштедта была создана новая танковая группа под командованием генерала Гудериана. Решение о её создании было принято 28 мая 1940 года. Танковая группа включала два моторизованных корпуса – XXXIX мк генерала Шмидта (1-я и 2-я танковые и 29-я моторизованная дивизии) и XLI мк генерала Рейнгардта (6-я и 8-я танковые и 20-я моторизованная дивизии), а также несколько частей, подчинённых непосредственно командованию группы. Сама танковая группа входила в состав 12-й армии генерал-полковника Листа и сосредоточилась позади неё (севернее города Ретель). Таким образом, все подвижные соединения группы армий «А» были объединены в танковой группе Гудериана и организационно подчинены командованию одной армии – 12-й.

Осуществляя наступление второго этапа плана «Рот», войска Рундштедта наносили удары по обе стороны Реймса в общем направлении на Бар-ле-Дюк, Сен-Дизье. При этом танковая группа Гудериана продвигалась на плато Лангр, заходя в тыл линии Мажино [23; 432], [25; 164], [37; 105], [47; 275], [83; 120].

Кстати, как по общему количеству дивизий, так и по количеству подвижных соединений в составе групп армий «А» и «Б» хорошо видно, что изначально «Красный план», скорее, придавал большее значение действиям войск фон Бока, либо уж оба этапа операции рассматривались как равноценные. По этому поводу английский историк Лиддел Гарт замечает: *«сражение по мере его развития приняло в результате ударов Бока, отвлекавших на себя внимание противника, такой характер, что на долю Рундштедта выпала главная роль. Перемещение основных усилий в ходе сражения на участок Рундштедта явилось ещё одним доказательством способности немцев быстро менять направление главного удара, что стало возможным благодаря наличию танков»* [47; 275].

Начало наступления группы армий «Б» предполагалось на четыре дня раньше начала наступления группы армий «А». Если первая наносила удар 5 июня, то вторая – только 9 июня [25; 165], [47; 275]. Данная разновременность была обусловлена только скоростью развёртывания и сосредоточения войск, которые на правом фланге (на Сомме) про-

исходили быстрее, чем в центре (на реках Эна и Сер), что объясняется большими расстояниями, которые приходилось преодолевать для сосредоточения в указанных районах многим соединениям, вошедшим на данном этапе кампании в состав группы армий Рундштедта (в частности, и моторизованным корпусам танковой группы Гудериана) [25; 165]. Какой-то другой смысловой нагрузки разновременность начала наступления правого крыла и центра германских войск не несла.

Группа армий «Ц» (20 пехотных и 4 крепостные дивизии) под командованием генерал-полковника Лееба занимала позиции по линии Зигфрида и Рейну в готовности к прорыву линии Мажино. Она должна была начать действовать на третьем этапе операции «Рот».

В районе Дюнкерка, обеспечивая оборону побережья, дислоцировалась 18-я армия. В ходе наступления планировался ввод этой армии в сражение для наращивания силы удара.

В резерве Главного командования Сухопутных войск находилось 19 пехотных дивизий.

Всего для операции «Рот» было развёрнуто 140 дивизий, из них 10 танковых, 6 моторизованных, а также 2 моторизованные бригады (что считается 1 эквивалентной (расчётной) дивизией) [37; 105].

Военно-воздушным силам, которые почти полностью сохранили свою боевую мощь и насчитывали свыше 1000 ис-

требителей и свыше 1300 бомбардировщиков, ставилась задача обеспечить господство в воздухе, оказать непосредственную поддержку сухопутным войскам и сорвать попытки противника создать способные к сопротивлению группировки сил [37; 105].

* * *

XXXVIII армейский корпус, оставаясь в подчинении 4-й армии, к началу наступления по плану «Рот» занимал лишь часть тех позиций, которые ему пришлось удерживать в конце мая. Сосредоточенные в районах Абвиля и Амьена, а также между ними соединения значительно сузили зону ответственности корпуса Манштейна. Вот как он сам обрисовывает диспозицию подчинённых ему войск:

«На участке по обе стороны Абвиля действовал 2-й армейский корпус (командир – генерал граф Брокдорф). Между ним и 38-м корпусом корпусом был выдвинут у Эльи 15-й тк генерала Гота. Плацдарм у Амьена со стоявшей там 9-й дивизией занял 14-й тк (командир – генерал фон Витерсгейм), который одновременно перешёл в подчинение действующей слева армии (6-й – И.Д., В.С.). Таким образом, для 38-го корпуса осталась полоса наступления около 20 километров по обе стороны от Пикиньи. В этой полосе в первом эшелоне первую атаку должна была предпринять 46-я Судетская пехотная дивизия (командир – генерал-майор фон Гаа-

зе) справа, 27-я Швабская дивизия (командир – генерал-лейтенант Бергман) – слева. 6-я Вестфальская дивизия (командир – генерал-майор Бигелебен) оставалась во втором эшелоне, с тем, чтобы войти в прорыв после форсирования реки дивизиями первого эшелона.

Местность на нашем северном берегу была слегка холмистой; она медленно понижалась к Сомме, не давала укрытия войскам в связи с отсутствием лесов, а прибрежная местность южнее реки круто поднималась вверх и позволяла противнику хорошо обзирать район наших исходных позиций. Сама долина Соммы, шириной в несколько сот метров, не позволяла просматривать обе передовые позиции благодаря зарослям кустарника на берегу реки. На южном берегу, в долине, расположились деревни Брельи, Эльи, Пикиньи и Дрель, которые, видимо, особенно прочно удерживались противником. Как и большинство французских деревень с их массивными домами и стенами, они были отличными опорными пунктами для обороняющегося. На возвышенности, которая находилась на южном берегу и уходила в глубину оборонительной полосы противника, деревни и большие леса также создавали противнику выгодные условия для закрепления и укрывали его артиллерию.

В полосе корпуса стояли две французские дивизии, одна дивизия колониальных войск и 13-я Эльзасская пехотная дивизия. По данным разведки, необходимо было считаться с тем, что противник располагал не меньшим количеством

артиллерии, а может быть, даже и превосходил нас. В связи с таким характером местности и соотношением сил я полагал, что успеха в наступлении можно достичь быстрее всего путём использования момента внезапности. Поэтому штаб корпуса приказал собственной артиллерии не открывать огня вплоть до начала атаки. Мы отказались также от огневой подготовки атаки. Только после начала атаки предусмотрено было открытие сильного огня по высокому южному берегу и по расположенным в долине деревням, чтобы исключить всякое сопротивление оттуда при форсировании реки» [52; 134 – 135].

* * *

Что могли противопоставить немцам французы?

Мнение исследователей, военных специалистов, мемуаристов по этому вопросу можно свести к словам: «Превосходство немецких войск было... подавляющим» [83; 119].

В самом деле, в Бельгии и Северо-Западной Франции французы лишились 30 собственных дивизий. Кроме того, через Дюнкерк эвакуировалось 9 английских дивизий [47; 275], [83; 118].

После этого в распоряжении Вейгана оставалось всего 61 дивизия. Переброска сил из Северной Африки, с Альпийского фронта и спешное формирование новых соединений увеличили эти силы до 66 – 69 дивизий. Кроме того, во

Франции на тот момент оставалось 2 английских соединения – 51-я шотландская дивизия, переброшенная с линии Мажино, и 1-я бронетанковая дивизия, прибывшая из Англии (очевидно, с её танками мог столкнуться Манштейн в боях под Амьеном и Абвилем в конце мая)⁷⁴. В общем, к началу июня французское Главное командование располагало 71 дивизией, т.е. по количеству соединений уступало немцам практически вдвое [7; 61], [36; 225], [37; 105], [47; 275], [83; 71, 118], [84; 93 – 94].

Кроме того, надо учитывать, что большинство французских соединений уже побывало в боях и было ослаблено – имело большой некомплект личного состава и вооружения. Так, в четырёх бронетанковых дивизиях было по 50 – 80 танков в каждой [37; 105].

17 французских дивизий оставались на линии Мажино, входя в состав 3, 5-й и 8-й армий, составлявших 2-ю группу армий под командованием генерала Претела.

Перекрытие практически 400-километрового фронта от устья Соммы до линии Мажино осуществляли две группы армий: 3-я под командованием генерала Бессонна и 4-я под командованием генерала Хюнтцигера.

3-я группа французских армий (10, 7-я и 6-я армии) занимала позиции от устья Соммы до Невшаталя. Именно в составе войск Бессонна действовали две английские дивизии под общим командованием генерала Брука.

---

⁷⁴ Лиддел Гарт называет эти две дивизии «застрявшими во Франции» [47; 275].

От Невшаталя до линии Мажино располагались позиции 4-й группы армий (4-я и 2-я армии).

Всего эти обе группы французских армий включали 49 дивизий. Но, как отмечает К. Типпельскирх, только 27 из них были предназначены для непосредственного ведения боевых действий, а 22 выделили для создания резервов армий и Главного командования [83; 118]. Таким образом, на передовой на каждую дивизию приходилась полоса обороны протяжённостью около 15 километров (от 12 до 14 [83; 118]). Это превышение примерно вдвое по сравнению с существовавшими тогда нормативами.

Оборонительные позиции по Сомме и Эне, занимаемые соединения 3-й и 4-й групп армий, спешно укреплялись. Предполагалось создание глубокоэшелонированной обороны, которая позволила бы остановить атаки танков или уж, во всяком случае, дала бы возможность отсекаать от танков пехоту. Французы рассчитывали, что если только будут удержаны позиции в тылу, расположенные преимущественно в районах населённых пунктов и лесов, то удастся отрезать прорвавшиеся танковые соединения и парализовать их ударную силу. Однако времени для создания прочных оборонительных рубежей у французов было мало. В целом, эти рубежи оказались оборудованы довольно слабо.

В своём труде К. Типпельскирх указывает, что к началу июня французская армия располагала лишь 400 истребителями, качественно уступавшими немецким, и 70 бомбарди-

ровщиками [83; 119]. Это не совсем верно. Даже после окончания боевых действий во Франции находилось 1 025 боевых французских самолётов [37; 106]. Но по непонятным причинам командование французских ВВС не приняло мер к использованию в боях всего самолётного парка. Как указывал командующий Северо-Восточным фронтом генерал Жорж, в интересах фронта могли действовать не более 420 истребителей [37; 106]. Так что, в отношении сил реально воюющей французской авиации Типпельскирх практически не ошибся.

Предложивший план стратегической обороны по Сомме и Эне генерал Вейган сам не верил в возможность его осуществления. Уже 25 мая, доложив свой план обороны на заседании военного комитета, он сделал заявление правительству, что сопротивление, которое ещё в состоянии оказывать французская армия, может служить только одной цели: спасти честь армии и добиться почётных условий капитуляции. 29 мая он направил правительству письмо, в котором указывал, что дальнейший ход военных действий может в любой момент поставить армию перед необходимостью сложить оружие [83; 119]. Генерал де Голль вспоминает, что в беседе с ним 1 июня Вейган без обиняков объявил положение французов безнадежным и дал понять, что видит один исход борьбы – капитуляция французской армии [58; 118].

Остаётся только удивляться, что после подобных заявлений Вейган оставался на должности главнокомандующего

французской армией, что его не сместили, заменив более молодым, энергичным и желающим сражаться военачальником. Этот факт яснее ясного указывает, что французская политическая не имела воли к борьбе и по-настоящему не желала отстаивать независимость страны.

Армия, возглавляемая жаждущим капитуляции военачальником, и страна, возглавляемая безвольными или капитулянтски настроенными лидерами, встретили начавшийся 5 июня новый удар вермахта. Даже не зная фактов последовавшей схватки, легко догадаться об исходе борьбы.

* * *

На рассвете 5 июня немецкая авиация нанесла первые мощные удары по обороне французских войск на Сомме. Вслед за этим в общее наступление перешли войска группы армий «Б». Танковый корпус Гота (XV мк), действуя с плацдарма в районе Абвиля, наносил удар в направлении на Руан. Танковая группа Клейста, наступавшая с плацдармов у Амьена и Перонна в полосе 6-й армии, имела задачу, прорвав оборону противника, двигаться на Бове и Санлис.

Однако в первый день наступления успех сопутствовал только войскам 4-й армии. Танковым дивизиям Гота удалось глубоко вклиниться в боевые порядки 10-й французской армии и создать угрозу прорыва в центре её расположения. Их дневное продвижение составило около 10 километров [37;

107], [47; 275 – 276], [83; 120].

Отличился в первый день боёв и XXXVIII армейский корпус, которым командовал Манштейн. На рассвете пехота корпуса по всему фронту его расположения беспрепятственно форсировала Сомму. Сыграл роль фактор внезапности, на который и рассчитывал Манштейн, отказавшись от арт-подготовки наступления. Опомнившиеся французы открыли огонь, когда немцы уже повели наступление на южном берегу реки. Впрочем, сопротивление, которое оказали две французские дивизии, было весьма упорным, что особо отметил Манштейн в своих воспоминаниях [52; 135]. В течение дня частям корпуса удалось овладеть высоким южным берегом реки, а также господствующими над речной долиной высотами [52; 136].

Наступление 6-й немецкой армии 5 июня натолкнулось на ожесточённое сопротивление войск 7-й французской армии и успехом не увенчалось. Германцам здесь не удалось даже форсировать Сомму. Манштейн относит эту неудачу на счёт больших минных полей на участках наступления моторизованных корпусов танковой группы Клейста [52; 137]. Типпельскирх отдаёт должное не только мужеству и стойкости французских войск, но и весьма грамотным действиям французского командования. Он пишет: *«Танковые корпуса, наступавшие с плацдармов в районах Амьена Амьена и Перонна, встретили упорное сопротивление. Теперь, когда впервые за всё время войны французское командование полу-*

чило возможность вести оборонительные действия на заранее подготовленных позициях, оно временно проявило своё былое мастерство. Войска твёрдо выполняли все приказы командования, и немецким танкам не удалось здесь включиться в расположение французов. Существенную помощь последним оказал налёт французской авиации на танковый корпус, сосредоточенный на Пероннском плацдарме, однако ввиду недостаточного количества сил повторить налёт не удалось» [83; 121].

Но развитие успеха танкового корпуса Гота на следующий день, т.е. 6 июня, а также общее продвижение вперёд всей 4-й армии ставили упорно обороняющуюся на Сомме 7-ю французскую армию под угрозу флангового удара. В самом деле, 6 июня дивизиям Гота удалось прорвать фронт противника, продвинуться на глубину до 32 километров и тем самым фактически рассечь 10-ю французскую армию пополам. Попытка нейтрализации немецкого прорыва путём нанесения контрудара силами английской 1-й бронетанковой дивизии потерпела провал – немцы отбили контрудар. Восточное крыло 10-й армии начало отступление к Сене, а западное отеснялось германскими войсками к морскому побережью [37; 107], [47; 276].

В таких условиях французское командование вынуждено было пойти на оставление оборонительных рубежей по Сомме и отступление с целью сохранения локтевой связи между своими армиями. Оно решило вести сдерживающие бои

между реками Сомма и Эна с целью замедлить немецкое наступление, а затем остановить его на тыловом оборонительном рубеже. Для этого представлялось удобным нижнее течение Сены и позиция, прикрывавшая Париж, которая началась у Сены севернее Парижа и шла широкой дугой сначала вдоль Уазы, а затем поворачивала назад, на юго-восток, к реке Марна [83; 121].

XXXVIII армейский корпус 6 июня начал преследование отходящего перед его фронтом противника. Вот как сам Манштейн описывает это преследование и свои действия по его организации (позволим себе довольно пространную цитату, так как она даёт весьма показательные примеры действий Манштейна как военачальника):

«Наступление 5 июня кроме овладения высоким берегом реки дало также такой выигрыш пространства южнее Соммы, что ночью были переброшены через реку первые батареи. Но оставалось ещё неясным, разбит ли противник или же он будет пытаться организовать упорную оборону в глубине своей позиции. В такой ситуации донесения, могущие прояснить этот важный вопрос, обыкновенно отсутствуют. ...Неосторожное продвижение вперёд может принести тяжёлое поражение. С другой стороны, потеря нескольких часов может дать противнику возможность организовать новую оборону, которую затем придётся прорывать с тяжёлыми потерями.

Военачальнику, который в такой обстановке будет

ждать, пока надёжные донесения не прояснят ему положение, вряд ли улыбнётся военное счастье. Он упустит выгодный момент. По этой причине ранним утром 6 июня я уже был на выдвинутом на южный берег Соммы командном пункте 46-й дивизии. Конечно, после напряжения вчерашнего дня войска ещё не совсем пришли в себя. Я указал на необходимость незамедлительно начать преследование, так как дивизия, по-видимому, не имела непосредственного соприкосновения с противником. Затем я поехал вперёд, приказав двинуться подразделениям полка 46-й дивизии, которые не имели приказа, хотя перед ними слышался шум боя, и прибыл в правофланговый полк корпуса. Полк, собственно, был готов к наступлению, но хотел выждать результатов артиллерийского обстрела впереди лежащей деревни Куази, прилегающих высот и опушек леса. Разведывательных сведений о противнике не было. Так как я предполагал, что ни деревня, ни высоты, ни опушки леса не заняты противником, я приказал командиру немедленно выступить широким фронтом, но в расчленённых боевых порядках. Если противник действительно находится перед фронтом, он обнаружит себя и будет подавлен артиллерией. При наступлении в указанном мною порядке не надо было опасаться больших потерь. Так как командир, очевидно, сомневался в правильности моего мнения, я сам поехал вперёд на своей легковой машине. Мы достигли въезда в деревню Куази и наткнулись на баррикаду, которую никто, однако, не

защитал. Из деревни доносились одиночные выстрелы, очевидно, оставших солдат. После короткой разведки мы въехали в деревню, которую противник оставил, так же как и прилегающие высоты, и опушку леса. С этими сведениями я вернулся в полк, который к этому времени уже выступил, и рекомендовал ему в будущем самому производить разведку. [...]

Вечером я побывал в двух полках 27-й дивизии, которые наступали на деревню Сейсмон. Несколько неожиданно я остановился на переднем крае у одного командира роты. После того как он информировал меня об обстановке, он счёл уместным в свою очередь воспользоваться присутствием высокого начальника. Я должен был, лежа на животе, разложить мою большую карту и подробно информировать его об общей обстановке, насколько я её сам знал. Только после того, как я утолил его жажду знаний, я смог поехать обратно...» [52; 137 – 138].

Вне сомнения личное мужество Манштейна. Однако сейчас речь о другом. Прежде всего, Манштейн носится по переднему краю и, вопреки декларируемому им самим принципу значительной самостоятельности действий подчинённых (который, кстати, всеми без исключения авторами декларируется и как общий командный принцип немецких военных), подгоняет вперёд всех – от командиров дивизий до командиров рот. Но главное даже не в этом, а в том, что он их гонит вперёд, не имея абсолютно никаких разведыва-

тельных данных о противнике, а основываясь только на своих предположениях. Авантюристическая жилка Манштейна здесь проявилась «во всей красе». Как говорится, дальше некуда. А эпизод с поездкой в деревню, где машина командира корпуса напрямик выехала к баррикаде, – это просто венец! Баррикаду никто не защищал. А если бы защищал?.. А если бы французы решили защищать деревню и прилегающие высоты? Чем могла обернуться атака полка без всякой разведки? Манштейну, и впрямь, улыбнулась Фортуна. За его выходки его просто некому было наказать (имеем в виду не начальство, а противника). И ведь что любопытно: Манштейн всё-таки производит разведку для полка. Производит сам (так сказать, личный пример)⁷⁵. А почему? Потому, что «упёрся» и не соглашался с ним командир полка. Но если бы последний оказался более трепещущим перед начальством, то полк пошёл бы в атаку без всякой разведки и артподготовки. Но что стоило Манштейну сразу отдать приказ о проведении разведки силами войск, как, в общем-то, и положено? Склонность к действиям «на грани» останется у Манштейна всегда. Но не всегда она будет сходить ему с рук – найдётся противник, который будет его наказывать за подобные дей-

---

⁷⁵ В мемуарах по этому поводу Манштейн отмечает: «Естественно, командир корпуса существует не для того, чтобы изображать из себя разведывательный дозор. В данной обстановке, однако, был необходим яркий личный пример, тем более что войска ещё не знали меня, и я был уверен, что предварительным условием действительного преследования является инициатива начальников» [52; 138].

ствия.

Воспользовавшись отступлением 7-й и 6-й французских армий, начали продвижение вперёд 6-я и 9-я немецкие армии. В последующие два дня (7 и 8 июня) все три германские армии усиливали свой натиск.

Моторизованный корпус Гота (XV мк) смог 7-го числа совершить рывок на 50 километров. Уже в ночь на 8 июня его танковые дивизии стали выходить к Сене по обе стороны от Руана. Слабая и бессистемная оборона французов на подступах к городу была быстро сломлена, и немцы овладели в этом районе переправами через Сену [47; 276], [83; 122].

Теснимый войсками 4-й немецкой армии к побережью левый фланг 10-й французской армии был расколот. Часть английских войск (в основном это были силы 1-й бронетанковой дивизии) отошла к Гавру. Там англичанам удалось погрузиться на корабли и эвакуироваться. Четыре дивизии французов и главные силы 51-й шотландской дивизии оказались окружены у побережья в районе Сен-Валери. Из окружения им вырваться не удалось, и они капитулировали 12 июня [47; 276], [83; 122].

6-я немецкая армия генерала Рейхенау, тесня 7-ю французскую армию, продвигалась на Компьен. 8 июня правифланговая группировка танковой группы Клейста и всей 6-й армии – XIV моторизованный корпус, прорвала французский фронт в районе Амьена и устремилась на юг, к низовьям Уазы. Наступление левого крыла армии Рейхенау носи-

ло характер медленного оттеснения французских войск, которые оказывали упорное сопротивление [37; 107], [47; 276], [83; 122].

9-я немецкая армия форсировала реку Эна у Суассона и вынудила отступить левый фланг 6-й французской армии [37; 107].

Характер боевых действий своего корпуса 7 и 8 июля Манштейн определил как преследование противника [52; 139]. Тем не менее, судя по всему, лёгким это преследование не было и сопровождалось довольно ожесточёнными боями. 7 июня Манштейн ввёл на правом фланге в бой 6-ю пехотную дивизию, составляющую второй эшелон корпуса. Но вечером этого же дня он принял решение отвести с переднего края 27-ю пехотную дивизию, которой, как отмечает он в своих воспоминаниях, *«пришлось вести самые тяжёлые бои»* на протяжении трёх дней [52; 138 – 139]. Очевидно, потери в 27-й пд были довольно ощутимыми. Дальнейшие задачи корпуса Манштейн сформулировал следующим образом:

«Можно было предполагать, что противник стремится спасти оставшиеся силы, отведя их за Сену. За нижним течением этой реки он будет, вероятно, пытаться снова организовать сопротивление, используя ещё оставшиеся резервы. Корпус должен был, следовательно, сделать всё, чтобы быстрыми действиями форсировать Сену, прежде чем враг найдёт время и возможность организовать оборону реки.

Хотя корпус к вечеру 8 июня был ещё в 70 километрах от Сены, командование корпуса отдало приказ дивизиям первого эшелона не только достичь 9 июня Сены своими моторизованными передовыми отрядами, но и форсировать её. Основная часть пехоты и артиллерии на конной тяге должна была быстрым маршем следовать за моторизованными передовыми отрядами, с тем, чтобы на следующий день также достичь Сены. 6-я дивизия должна была форсировать Сену у Анделя, 46-я дивизия – у Вернона» [52; 139].

9 июня на 150-километровом фронте от Суассона до Арденн начала наступление группа армий «А».

После ожесточённых боёв войскам 12-й армии в первый же день наступления удалось, форсировав Эну западнее Ретель (в районе населённого пункта Шато-Порсьен), создать на южном берегу три небольших плацдарма, куда были переброшены в течение вечера и ночи две танковые дивизии (1-я и 2-я) XXXIX моторизованного корпуса [25; 167 – 169], [37; 108], [47; 276], [83; 122].

В 6.30 утра 10 июня танковые дивизии Гудериана нанесли удар с плацдармов. *«Наступающие войска быстрым темпом прошли через Авансон и Таньон и двинулись к Нефлизу на р. Ретурн, – вспоминает Гудериан. – На открытой местности танки почти не встречали сопротивления, так как новая французская тактика основное значение придавала обороне населённых пунктов и лесных массивов, отказываясь от обороны открытой местности. В деревнях наша пе-*

хота, встречая упорное сопротивление противника, должна была вести бои за отдельные дома и брать баррикады. В то же время танки, которых беспокоил лишь малоэффективный огонь французской тяжёлой артиллерии, расположенной в тылу, за продолжавшим ещё держаться фронтом у Ретеля, прорвались к реке Ретуэн и форсировали эту заболоченную реку у Нефлиза» [25; 169].

Однако несколько позже у Жюнивиля танки Гудериана были атакованы французскими танковыми частями. Бой южнее этого населённого пункта длился два часа. Французы отступили. Немцы заняли Жюнивиль. Но их попытка двигаться дальше в конце дня вновь натолкнулась на танковую контратаку французов. Поля боя в итоге оказалось вновь за войсками Гудериана, но как лаконично констатирует последний: *«...Мы были вынуждены нести потери»* [25; 170]. Т.е., очевидно, французам в ходе указанных двух контрударов удалось нанести танковым дивизиям германцев довольно ощутимый урон [25; 170], [83; 122].

Тем не менее, 11 июня танковая группа Гудериана продолжала своё наступление. В этот день её XXXIX моторизованный корпус вёл ожесточённые бои с танками из состава 7-й французской дивизии на реке Сюипп, а XLI моторизованный корпус вынужден был отражать атаки 3-й механизированной и 3-й бронетанковой дивизий французов на свой левый фланг. Контратаки французских войск, конечно, несколько задержали продвижение немцев, но в целом изме-

нить ситуацию не смогли – танковая группа Гудериана шла вперёд. За двое суток наступления она продвинулась на 32 километра [25; 170 – 171], [47; 277], [83; 122].

В течение 10 – 11 июня успех сопутствовал и наступающим правее (западнее) 12-й армии 2-й и 9-й армиям – прорвав фронт французов на Эне, они довольно быстро продвигались на юг. Подобный успех в полосе наступления группы армий «А» и 9-й армии группы армий «Б» привёл к тому, что немецкое командование решило подтянуть танковую генерала Клейста из района Компьена и Нуйона, где её наступление развивалось тяжело и медленно, и бросить её в наступление западнее Реймса в южном направлении. Цель подобного перенацеливания удара танковой группы Клейста заключалась в том, чтобы практически все подвижные немецкие соединения (кроме действующего успешно на значительном удалении XV моторизованного корпуса Гота) приняли участие в продвижении к Марне по обе стороны от Реймса и смогли завершить оперативный прорыв французской обороны [47; 276], [83; 122].

Уже 11 июня передовые отряды быстро переброшенной танковой группы Клейста достигли Марны в районе Шато-Тьери. Ими был занят и расположенный восточнее Реймс [83; 122].

В эти же дни немецкое командование, наращивая усилия, ввело между 4-й и 6-й армиями 18-ю армию [83; 123].

4-й армии удалось захватить два плацдарма юго-восточ-

нее Руана [83; 123]. Первый, как мы помним, ещё 8 июня начали создавать войска корпуса Гота, раньше остальных германских войск вырвавшиеся к Сене. А вот второй был создан пехотным соединением – XXXVIII армейским корпусом под командованием Манштейна. Для последнего это был действительно звёздный час – ему, который до сего момента играл во Французской кампании лишь роли «второго плана», удалось, наконец-то, отличиться. Поэтому в мемуарах он не жалеет ярких красок для описания этих событий:

«В данном случае в пользу быстрых действий (по захвату плацдарма – И.Д., В.С.) говорили также оперативные соображения. Французы, видно, были ещё полны решимости защищать Париж. Большие силы противника занимали позиции вокруг Парижа, проходившие севернее города от Уазы до Марны. Если бы удалось быстро форсировать Сену ниже Парижа, судьба этих позиций была бы предрешена, так как войскам, занимавшим эти позиции, ничего не оставалось, как только быстро эвакуироваться из Парижа, если они не хотели подвергнуть себя опасности быть отрезанными. Обстановка, следовательно, диктовала командованию корпуса предъявить войскам высокие требования. Она требовала от командиров всех степеней смелой инициативы и быстрого принятия решений. Необходимо было использовать такую благоприятную ситуацию.

9 июня с раннего утра и до позднего вечера я всё время разъезжал, чтобы обеспечить выполнение задачи обеими

дивизиями первого эшелона. С радостью я мог установить, что наши пехотинцы, несмотря на предшествовавшее напряжение, бодро прилагали все силы, чтобы достичь цели – Сены.

Несмотря на это, не всё, конечно, шло гладко. В 6-й дивизии, правда, всё шло хорошо. Рано утром я встретился с обоими командирами дивизий, а затем посетил 46-ю дивизию. Когда я затем в полдень прибыл на место переправы 6-й дивизии у Анделя, я установил, что передовые отряды уже достигли Сены. Находившийся там штаб дивизии принял меры для предполагаемого вечером форсирования реки. К сожалению, мост был взорван противником ещё до того, как передовой отряд достиг места переправы. [...]

В 46-й дивизии создались, однако, некоторые трудности. Прежде всего, дивизия начала наступление на 3 часа позже назначенного срока. Когда я после посещения 6-й дивизии вновь прибыл в 46-ю дивизию, она потеряла всякую связь со своим передовым отрядом, который, во всяком случае, не достиг ещё Сены, как это сумел добиться передовой отряд 6-й дивизии. ...Мне ничего не оставалось, как дать понять командиру 46-й дивизии, что я хочу с ним встретиться вечером на его переправе у Вернона. Я сказал ему, что он должен прибыть туда, по крайней мере, со своим потерянным передовым отрядом.

Возвращаясь снова в Андель, я увидел, что переправа через Сену в трёх местах идёт полным ходом, при слабом со-

противлении противника. Пехота и артиллерия на конной тяге сделали всё, чтобы своевременно в этот день достичь Сены.

Когда я около 7 часов вечера прибыл в Вернон, то действительно застал там командира 46-й дивизии со своим передовым отрядом. К сожалению, и здесь противник успел разрушить мост. Так как с южного берега Вернон обстреливался сильным миномётным огнём, я приказал передовому отряду переправиться ночью под прикрытием темноты.

[...]

Когда я вновь после короткой ночи 10 июня прибыл в Вернон, первые части 46-й дивизии уже переправились через реку. Так 38-й ак первым вышел на южный берег Сены. Войска могли по праву гордиться проведённым ими преследованием. Я был счастлив, что, благодаря быстрым действиям корпуса, мы избежали, может быть, тяжёлых боёв за переправу через Сену.

Но положение корпуса всё ещё было не из лёгких. Он один стоял на южном берегу Сены. Действовавший справа от него 15-й корпус достиг Сены у Руана только 10 июня, то есть днём позже, и был повернут на Гавр. Следовавший за ним 2-й ак был ещё далеко от Сены» [52; 140 – 141].

Конечно, корпус Манштейна не был ни первым, ни единственным, вышедшим к Сене и переправившимся через неё (см. выше). В отношении действий корпуса Гота Манштейн допускает то ли невольную, то ли вполне «вольную» ошибку.

XXXVIII ак был вторым. Но из пехотных соединений, действительно, он оказался на Сене первым. С учётом того, что он всего на сутки отстал от моторизованного соединения Гота (а не опередил его на сутки, как утверждает автор «Утерьянных побед»), его действия, и в самом деле, были выше всяческих похвал. Манштейн же показал в реальных боевых условиях, что он кое-чего да стоит не только как штабной, но и как строевой командир, осуществляющий командование крупным войсковым соединением.

Однако надо заметить, что и в отношении того значения, которая имела переправа его корпуса на южный берег Сены, Манштейн допускает чересчур преувеличенные оценки. Бесспорно, что создание немецких плацдармов на южном берегу Сены в её нижнем течении имело огромное оперативное значение. Оно означало, что нового оборонительного рубежа по этой реке от морского побережья до Парижа французы создать уже не смогут. Это было чрезвычайно выгодно немецким войскам и очень осложняло положение французов, у которых теперь для защиты своей столицы с запада не было возможности создать оборонительные рубежи по водным артериям (по крайней мере, до излучины реки Эр в пространстве между Дрё и Шартром). Но автоматического предрешения судьбы французских позиций к северу от Парижа между Уазой и Марной, как утверждает Манштейн, выход немцев на южный берег Сены ниже Парижа вовсе не означал. Тем более он не ставил войска французов на этом

участке перед неизбежностью оставления столицы под угрозой неизбежного отсечения от остальных сил французской армии. Французы, повторяем, могли предпринять попытку создания фронта к западу от Парижа, в который позиции по Уазе, расположенные севернее столицы, вошли бы как составная часть.

Но подобная попытка имела смысл только в том случае, если бы немецкие войска не прорвали фронт французов на Эне. Именно этот прорыв, а вовсе не создание двух плацдармов в нижнем течении Сены, делал оставление позиций севернее Парижа по Уазе неизбежным – останься французские войска на указанных позициях, они рисковали получить удар по своим тылам и быть полностью разгромленными в скоротечных боях или окружёнными. Причём, оба варианта развития событий совершенно не предполагали участия войск 4-й немецкой армии. С этим вполне могли справиться силы 6-й, 9-й и 2-й немецких армий, включая войска танковой группы Клейста.

Форсирование же Сены 4-й армией ниже Парижа в таких условиях становилось очень весомым дополнительным аргументом в немецкую пользу – оно открывало немцам путь на юг в западных районах Франции и ставило под огромный вопрос возможность удержания Парижа, ибо силы для «штопанья» сразу двух «дыр» в своём фронте, причём, весьма удалённых друг от друга (одна восточнее Парижа, другая – западнее), французское командование уже не могло изыскать.

Именно под таким углом и смотрит на форсирование Сены войсками 4-й армии Типпельскирх, оценивая его в комплексе с прорывом немцев на Эне. Он пишет:

«Теперь сложилась обстановка, которой давно опасался генерал Вейган. Какая была польза от того, что прикрывавшая Париж позиция ещё находилась в руках французов, если дальше к западу была форсирована Сена, а на востоке было уже невозможно задержать мощный танковый клин, стремительно продвигавшийся по обе стороны Реймса?» [83; 123].

Что ж? Вполне справедливая оценка немецкого генерала и историописателя. Манштейн же в своих мемуарах не совсем обоснованно акцентирует внимание только на достижениях своих войск, явно переоценивая их, приписывая только им то значение, которое они приобретали вкуче с наступлением немецких войск северо-восточнее Парижа.

10 июня в войну против Англии и Франции вступила Италия. Сразу скажем, что никаких серьёзных боевых действий на франко-итальянском фронте не велось. Это, в общем-то, было не нужно Муссолини. Его министр иностранных дел граф Чиано, всегда довольно критически и даже иронично относившийся к своему шефу, прямиком заявил (конечно, не публично), что Муссолини просто *«хочет стать мародёром»* [36; 225]. Но дуче и не скрывал этого сам. В одном из разговоров с начальником Генерального штаба итальянской армии маршалом П. Бадольо он сказал: *«...Мне надо лишь*

несколько тысяч убитых, чтобы сесть как участнику войны за стол мирной конференции» [37; 108]. Муссолини поспешил вступить в войну, видя, что Франция близка к разгрому. Он хотел отхватить свою долю «французского пирога».

Впрочем, Италия сосредоточила против Франции на альпийском фронте довольно значительную группировку – группу армий «Овест» («Запад»). Она включала две армии – 1-ю и 4-ю, и насчитывала в своём составе 22 дивизии, 325 тысяч человек, 6 тысяч орудий и миномётов. Кроме того, предполагалось введение в сражение 7-й итальянской армии и ряда танковых дивизий [37; 108].

Французская Альпийская армия под командованием генерала Р. Ольри была численно почти вдвое меньше итальянской группировки – насчитывала около 175 тысяч человек. По количеству же дивизий она уступала итальянцам почти вчетверо – в её составе было 6 дивизий. Однако французы занимали выгодные и хорошо оборудованные в инженерном отношении позиции [37; 108].

В итоге, итальянское командование развернуло на альпийском фронте активные наступательные действия только 20 июня, т.е. за два дня до капитуляции Франции, да и то особых успехов они не принесли. До этого всё свелось к артиллерийским дуэлям и стычкам патрулей. О таком ходе франко-итальянской войны французский адмирал Бело написал: *«Можно было ожидать продолжительного и ожесточённого боя»*.

сточённого сражения за наши коммуникации, но, в конце концов, происходила какая-то “странная война”» [37; 109].

Тем не менее, нельзя не отметить, что свою роль действия фашистской Италии сыграли – французское командование не смогло снять ни одного солдата с альпийского фронта в тот момент, когда положение на фронте с Германией становилось всё более и более катастрофическим.

10 июня французское правительство покинуло Париж и переехало в Тур [36; 225], [58; 122 – 123].

11 июня в Бриаре состоялось заседание верховного совета союзников, на которое с английской стороны прибыли Черчилль, Идеен, Исмей и Дилл. С французской на нём присутствовали Рейно, Петэн, Вейган, Жорж и де Голль, назначенный 5 июня заместителем военного министра [37; 109], [58; 118], [84; 95].

На совете выступил Вейган, нарисовав безысходную картину. Он заявил, что не может влиять на ход боевых действий, ибо не имеет резервов, и, если оборона рухнет (а 10 – 11-го числа именно это и происходило – французская оборона рушилась), он не видит возможности продолжать организованную борьбу и помешать захвату всей французской территории.

Попытки Черчилля вдохновить своих союзников, напоминая им о событиях 1914 года (когда надвигающуюся катастрофу удалось предотвратить благодаря энергичным действиям правительства и командования и остановить врага

у ворот Парижа), обещая им значительную английскую помощь в следующем полугодии (которая позволила бы удержать хотя бы стратегический плацдарм в Бретани), предлагая распустить французскую армию и организовать широкую партизанскую войну (что позволит выиграть несколько месяцев), были напрасными. Французское правительство склонялось к капитуляции. Англичане это прекрасно поняли. В целом, трёхчасовое совещание оказалось абсолютно бесполезным и прошло в угнетающей атмосфере взаимных претензий [37; 109], [58; 124], [83; 123 – 124], [84; 95].

В последующие дни немцы стремительно развивали свой успех, а французский фронт, по сути, уже агонизировал. К 12 июня из 71 дивизии, с которыми французы встретили немецкое наступление 5 июня, 20 – 25 были полностью разбиты. Остальные понесли большие потери. Авиация располагала всего 170 – 180 самолётами [83; 123]. Французское командование не располагало абсолютно никакими резервами и, стремительно теряя нити управления войсками на фронте, уже практически не контролировало ситуацию.

Всё это Вейган заявил на заседании правительства в Канже (близ Тура) 12 июня и констатировал, что «*битва за Францию проиграна*» [83; 124]. Он довёл до сведения правительства, что трём группам армий были даны направления, по которым они, по возможности не распыляя силы, должны были отводить свои войска на линию Кан, Тур, средняя Луара, Дижон. При этом 2-й группе армий приказывалось

произвести все приготовления для того, чтобы принять своевременное участие в отходе, то есть оставить линию Мажино и Рейнский фронт [83; 124]. Пытаться защищать столицу Вейган не собирался, объявив Париж открытым городом [36; 225], [37; 109], [83; 124].

По сути, в этот день и на следующий Вейган и Петэн требовали от правительства капитулировать. *«Если не будет сделан немедленно запрос о перемирии, – заявил Вейган, – беспорядки охватят армию, население и беженцев. В этом случае перемирие будет бесцельным, свершится самое худшее»* [37; 109].

13 июня главнокомандующий пошёл на прямую дезинформацию правительства, заявив, что в Париже уже начались беспорядки, и власть в городе захватили коммунисты. Правительству пришлось связываться с префектом Парижа, чтобы проверить сведения Вейгана. Последние не подтвердились [36; 225], [37; 109].

Типпельскирх именуется действия вермахта во Франции с 12 июня до момента капитуляции французской армии преследованием. Трудно оспорить это определение.

12 – 13 июня к западу от Парижа соединения 4-й и 18-й немецких армий продолжали переправу через Сену. К востоку от французской столицы войска 6-й и 9-й армий вышли на Марну и форсировали её. Силы 9-й армии достигли Монмирайя. Танковые дивизии Клейста успешно продвигались к верхнему течению Сены в районе Ромийи (северо-за-

паднее Тура). Гудериан со своими танковыми дивизиями находился примерно на той же широте в 60 километрах юго-восточнее Шалона-на-Марне, близ Витри-ле-Франсуа. Его левый фланг, продвигавшийся вдоль западной оконечности Аргоннских гор, подвергался контратакам 3-й механизированной и 3-й бронетанковой дивизий французов, которые, впрочем, успешно отражал [25; 172 – 174], [37; 109], [47; 277], [83; 124].

Утром 14 июня немецкие войска беспрепятственно вступили в Париж [25; 174], [37; 109], [83; 124].

С отступлением французских войск от Парижа без боя и их отходом из крепостного района Эпиналь, Мец, Верден Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) и Главное командование Сухопутных сил (ОКХ) уточнили задачи немецких войск по развитию операции «Рот». Они намеревались помешать созданию нового французского фронта обороны и завершить разгром основных сил французской армии.

Группа армий «Б» должна была отбросить противника, отступающего по обе стороны Парижа, через Луару на юг и не дать ему на ней закрепиться. Часть сил группы получила задачу продвигаться на полуостров Котантен до Шербура и в Бретань до Бреста. В центре танковая группа Клейста наступала на Лион. Оттуда подвижные соединения должны были продвинуться вниз по Роне и, выйдя в район между рекой Изер и Женевским озером, повернуть на восток, чтобы об-

легчить наступление через Альпы итальянцам (которые, как мы помним, в общем-то, не особо стремились наступать). Танковая группа Гудериана, пехотные соединения 12-й армии, а также 16-я армия предпринимали обходной манёвр в восточном направлении с целью обойти с тыла и уничтожить французские армии на линии Мажино и по Рейну [37; 110], [83; 124 – 125].

Под натиском немецких войск французы отступали, не успевая закрепиться на каком-либо рубеже. Французское командование (от Верховного до армейского уровня) всё более теряло нити управления войсками, и хаос отступления нарастал.

Танковая группа Клейста к концу боевого дня 16 июня достигла Сены северо-западнее Труа и, продолжив наступление в направлении Лиона, овладела 17 июня Дижоном [37; 110], [83; 125].

Танковая группа Гудериана развивала глубокий обход линии Мажино, отрезая французские войска в Эльзасе и Лотарингии. 15 июня войска Гудериана взяли старую французскую крепость Лангр, на следующий день овладели Киттером, Гре, Безансоном и Аванном, а 17 июня вышли к швейцарской границе в районе Понтарлье [25; 175 – 177], [37; 110], [47; 277], [83; 125].

В эти же дни начали наступление 1-я и 7-я немецкие армии группы армий «Ц». 1-я армия вклинилась в линию Мажино между Сент-Авольдом и Саарбрюккенем, а 7-я форси-

ривала Рейн в его верхнем течении и начала продвигаться в направлении на Кольмар [83; 125].

17 июня достигли Луары восточнее Орлеана и начали переправу через неё войска 6-й немецкой армии. Ещё восточнее к этой реке выходили соединения 9-й армии. На запад от Орлеана, на участок между ним и Ле-Маном, к Луаре стремительно продвигалась 18-армия, держа направление на Тур [83; 125].

Далее шла зона ответственности 4-й армии. Её правофланговый XV моторизованный корпус Гота, направив часть войск к Шербургу, основными силами продвигался на нижнюю Луару с целью образования там ряда плацдармов, а правофланговый XXXVIII армейский корпус Манштейна имел задачу овладения Ле-Маном на одном из рукавов Луары [52; 144].

После форсирования в течение 10 и 11 июня Сены в районах Вернона и Анделя Манштейн предлагал командующему 4-й армией генералу Клюге стремительное наступление на юг. Для этой цели он сосредоточил на захваченном плацдарме все три свои пехотные дивизии – 6, 46-ю и 27-ю, которую вновь выдвинул в первый эшелон. Для первоначального развития достигнутого успеха Манштейн хотел бросить вперёд переданную ему 1-ю кавалерийскую дивизию [52; 142].

Однако Клюге предпочёл синицу в руке журавлю в небе – он вновь придержал энергичного командира XXXVIII армейского корпуса. Более того, он даже вывел из подчинения

Манштейна 1-ю кавалерийскую дивизию, передав её в I армейский корпус (видимо, для того, чтобы у Манштейна не возникало лишних «искушений») [52; 142].

Как показали события, развернувшиеся уже вечером 11 июня, Клюге осторожничал не напрасно. 46-я пехотная дивизия на своём участке плацдарма подверглась атакам крупных танковых сил французов (в донесениях говорилось о 110 танках). 12 июня эти атаки продолжились. 46-я дивизия несла большие потери и просила срочной помощи. Манштейн решил помочь активными действиями всех сил корпуса – он собрался наступать (вопреки приказу Клюге) [52; 143]. Дальнейшие события в его описании выглядят следующим образом:

«Я решил на свой страх и риск начать наступление всеми тремя дивизиями. Но едва только я отдал приказ, как появился командующий. Хотя он и одобрил моё намерение⁷⁶, но полагал всё же, что ввиду отсутствия новых оперативных указаний от ОКХ лучше подождать. Он был озабочен, конечно, главным образом тем, что мой корпус будет действовать впереди один. Он отдал поэтому строгий приказ не продолжать наступление за линию Эвре – Паси – приказ, который ещё раз был подтверждён для верности в вечернем приказе по армии» [52; 143].

---

⁷⁶ Просим читателей обратить внимание на этот факт. Далеко не всегда единственным образом действий при атаках противника является глухая оборона. Иногда наступательный порыв вражеских войск правильнее сбить контрударом, навязав противнику свою волю, а не сидеть в обороне, играя по его правилам.

Итак, зная энергичный характер командира XXXVIII армейского корпуса и его склонность к рискованным действиям, командующий 4-й армией вынужден был старательно сдерживать их проявления.

Впрочем, вряд ли бы Манштейну удалось 12-го числа развернуть более широкое наступление с достижением более удалённых рубежей, чем разрешил Клюге. дело в том, что если наступление 27-й и 6-й дивизий корпуса проходило весьма успешно, то 46-я дивизия наступать совсем не смогла – в течение всего дня она продолжала отражать танковые атаки французов [52; 143].

Однако 13 июня, с переправой на южный берег Сены II армейского корпуса (соседа XXXVIII ак справа), французы вынуждены были прекратить свои удары и отступили. Как отмечает Манштейн, *«в следующие дни бой опять принял характер преследования»* [52; 143].

15 июня XXXVIII армейский корпус, как и вся 4-я армия, получил приказ развивать удар в направлении города Ле-Ман, расположенного на одном из рукавов Луары.

16 июня части корпуса Манштейна, двигаясь в заданном направлении, на рубеже Ферте – Видам – Сенонш – Шатенёв натолкнулись на организованное и довольно ожесточённое сопротивление частей 1, 2 и 3-й механизированных дивизий французов, двух колониальных бригад (спаги) и одной марокканской дивизии. К вечеру это сопротивление было сломлено, а корпусу армейским командованием была уточ-

нена задача – после овладения Ле-Маном корпус должен был развивать наступление в направлении на нижнюю Луару, к городу Анжеру (Анже) [26; 96], [52; 144].

В условиях тотального наступления немцев и фактического обрушения французского фронта правительство Франции 17 июня приняло решение просить у Германии и Италии заключения перемирия (через посредство Испании в первом случае и Ватикана – во втором) [36; 225 – 226], [37; 111], [47; 277], [83; 126].

Этому предшествовали довольно бурные события в правительственных кругах 13 – 16 июня. Надо заметить, что с момента, когда правительство в ночь с 10 на 11 июня покинуло Париж, хаос в государственном управлении нарастал столь же стремительно, как хаос в командовании армией. Тур стал официальным местопребыванием правительства, там находился премьер Рейно. Но фактически министры, министерства и другие государственные учреждения оказались разбросанными по всей территории Турени. Они занимали различные замки, которых множество в долине Луары, плутали по просёлочным дорогам и не имели средств связи, пользуясь подвернувшимися случайными телефонами (включая уличные телефоны-автоматы).

Дезорганизация управления накладывалась на всё более усиливавшееся влияние капитулянтской группы в правительстве, которую возглавлял Петэн. Видя всё это, даже де Голль стал утрачивать последние надежды на удержание хоть

какой-либо части французской территории. С 12 июня он усиленно занимается разработкой плана эвакуации армии в Северную Африку.

Насилу собравшееся в Туре правительство уже 13-го числа принимает решение об эвакуации в Бордо. В этот же день в Тур прибыл Черчилль. Единственным вопросом, который обсуждался на заседании союзников, был вопрос о выходе Франции из войны. Петэн перетянул на свою сторону почти всех членов кабинета, за исключением решительного де Голля, который собирался продолжать сопротивление в любом случае, и нерешительного Рейно, который, как завзятый политик, прекрасно понимая, что фактически сдал капитулянтам все позиции, не давал своего согласия на капитуляцию, видимо, не желая разделять с правительством ответственность за неё. Французские министры требовали от Черчилля согласия на освобождение Франции от обязательства не заключать с Германией сепаратного мира. Черчилль, в итоге, дал такое согласие с одним-единственным, но категорическим условием: французский военный флот не будет передан немцам, а поэтому надлежало начать немедленную отправку его кораблей и судов в британские порты. Французские министры согласились с данным условием, но сделали это чисто формально, не предприняв никаких реальных шагов к его выполнению.

14 июня члены правительства начинают уезжать в Бордо, где правительство с большим трудом собралось 15 июня.

16 июня Черчилль предпринимает последнюю попытку удержать Францию от капитуляции, предложив объединить два государства в «нерасторжимый франко-британский союз» с единой конституцией, общим гражданством, общим правительством и общим парламентом. Подобное слияние государств, безусловно, давало Англии возможность использовать ресурсы французской колониальной империи для борьбы с Германией. И, что больше всего и волновало Черчилля, быстро решило бы проблему французского военно-морского флота – под практически английским командованием он бы защищал Британию, а не попал в руки немцев, которые его против Британии успешно использовали бы. А французский военно-морской флот на тот момент действительно был силой, которая могла изменить не в пользу Англии соотношение сил на море. К середине июня он потерял 34 корабля основного состава (из них 1 крейсер, 11 эсминцев и 7 подводных лодок). В строю оставалось 7 линкоров, 1 авианосец, 1 авиатранспорт, 48 эсминцев, 11 миноносцев, 71 подводная лодка и множество других кораблей и судов (боевые катера, тральщики, транспорты, госпитальные суда).

Однако клика Петэна уже не нуждалась в союзе с Англией. Она стремилась к капитуляции перед нацистским Рейхом. Предложение Черчилля было отклонено. Вечером Рейно подал в отставку с поста премьер-министра. Из правительства вышел и де Голль.

Кабинет возглавил Петэн, и 17 июня правительство ста-

ло воплощать в жизнь свои капитулянтские устремления [7; 62], [37; 110 – 111], [58; 122 – 126], [83; 126], [84; 96].

Обратившись за посредничеством в заключении перемирия к Испании и Ватикану, Петэн днём 17 июня выступил по радио с воззванием к населению страны и армии, призывая их прекратить борьбу [37; 111].

Это воззвание дезориентировало и деморализовало армию, которая на тот момент продолжала сопротивление. Немцы, немедленно издав листовки с текстом воззвания Петэна, начали разбрасывать их над позициями французских войск. Немецкие танки шли с белыми флагами и брали в плен растерявшихся и прекративших сопротивление французских солдат [37; 112].

На самом деле Гитлер, получив просьбу французского правительства о заключении перемирия, отдал 18 июня приказ о продолжении наступления и энергичного преследования противника, захвате важнейших районов Франции [7; 62], [37; 113], [52; 144]. Причины такой реакции вполне очевидны. С одной стороны, немцы стремились захватить как можно больше, используя благоприятную ситуацию с прекращением сопротивления дезориентированных французских войск. Чем больше будет захвачено, тем больше будет «убедительных аргументов» в скорых переговорах с проигравшими французами. Немедленный положительный ответ правительству Петэна вёл к приостановке ставшего весьма лёгким наступления. Следовательно, «убедительных ар-

гументов» для французов было бы меньше.

С другой стороны, Германии не нравились чрезмерные аппетиты итальянского союзника. Муссолини намеревался заполучить французскую территорию до Роны с такими крупными городами как Лион, Валанс и Авиньон, а также Корсику, ряд французских колониальных владения (Тунис, Французское Сомали, военно-морские базы в Алжире и Марокко). Претендовал дуче на значительную часть французского флота, базировавшегося в Средиземном море, на получение части тяжёлого вооружения французов, авиации и средств транспорта [37; 112].

Но разрешать такие приобретения итальянцам, фактически не ударившим в войне пальцем о палец, Гитлер не собирался. И главное тут было не в их явно недостаточном «трудовом» участии, а в том, что значительное усиление Италии в Средиземноморском регионе Германии было не нужно – она и здест сама рассчитывала играть ведущую роль.

Следовательно, для ограничения претензий дуче немецкая армия должна была как можно больше захватить сама, чтобы затем фюрер мог спокойно и обоснованно заявить Муссолини примерно следующее: «Позвольте, сеньор, но вас там не было. Там не ступала нога итальянского солдата, зато ступали множество ног германских солдат».

Выполняя приказ Гитлера о продолжении наступления, немецкие войска продвигались всё дальше вглубь французской территории.

Видя складывающуюся ситуацию, начальник штаба французской главной квартиры генерал Думенк попытался хоть в какой-то степени сохранить боеспособность армии. 18 июня на свой страх и риск он дал в войска телеграмму: *«Перемирие не подписано. Противник использует белый флаг, чтобы прорваться на обороняемых участках... Следует повсюду продолжать со всей энергией защищать территорию родины»* [37; 111].

И французская армия продолжала сопротивляться. Но раздробленная на части, практически не имеющая единого фронта сделать многого она уже не могла.

Войска 4-й немецкой армии овладели районами на западе Франции, в том числе территориями по Атлантическому побережью страны (до Ла-Рошели включительно) – Нормандией, Бретанью, Долиной Луары, Пуату. 18 июня ими был взят Шербур (Нормандия). 19 июня окружённая на границе Нормандии и Бретани, в районе города Ренн, сложила оружие 10-я французская армия. 20 июня немцы захватили французскую военно-морскую базу Брест (Бретань) и Нант (в устье Луары), 22-го – Сен-Назер, 23-го – Ла-Рошель [23; 483], [37; 113].

Форсировав Луару на участке между Орлеаном и Неве-ром, на юг развивали удар 6, 9-я и 2-я немецкие армии.

Продолжала успешное наступление группа армий «Ц». 1-я армия, воспользовавшись отходом французских войск от линии Мажино, сумела преодолеть полосу укреплений меж-

ду Сент-Авальдом и Саарбрюккеном, а 7-я армия заняла 18 июня Кольмар [37; 113].

Танковая группа Гудериана 17 июня была передана в подчинение группе армий «Ц». В этот день она получила приказ командующего этой группой армий генерал-полковника фон Лееба о развороте своих дивизий в северо-восточном направлении и их движении на Бельфор и Эпиналь с целью установления связи с 7-й армией [23; 477], [25; 178], [37; 113]. Как вспоминает Гудериан, подобный приказ был отдан им заранее, по своей инициативе:

«Я испытывал чувство удовлетворения, когда вечером нашёл в своём штабе распоряжение группы армий Лееба, согласно которому моя танковая группа переподчинялась этой группе и направлялась на Бельфор, Эпиналь. Мы могли доложить, что указанный манёвр уже осуществляется.

Шесть лет спустя, находясь в Нюрнбергской тюрьме, я оказался в одной камере с фельдмаршалом Риттером фон Леебом. Однажды в этом мрачном месте у нас зашёл разговор о 1940 году. Фельдмаршал Риттер фон Лееб никак не мог понять, каким образом я так неожиданно быстро приступил к выполнению его приказа – наступать на Бельфор, Эпиналь. И мне пришлось дать ему объяснения. Совпадение оперативных взглядов командующих танковой группой и группой армий привело к принятию одного и того же решения» [25; 178 – 179].

18 июня 1-я танковая дивизия XXXIX моторизованного

корпуса танковой группы Гудериана овладела большей частью Бельфора (лишь восточные форты крепости сопротивлялись до 19-го числа). В это же день 6-я танковая дивизия XLI моторизованного корпуса группы Гудериана захватила Эпиналь. Продолжив движение в северо-восточном направлении, танковые соединения 19 июня у Ле-Шапель (северо-восточнее Бельфора) установили связь с частями 7-й армии [25; 179 – 181].

С северо-запада и севера в направлении Нанси и Люневилля наносили удар силы 16-й и 1-й немецких армий (первая также была переподчинена группе армий «Ц») [23; 477].

Таким образом, войска 2-й группы французских армий, отходившие от линии Мажино, оказались в окружении. В последующие дни немцы стягивали вокруг них кольцо. 22 июня командующий 2-й группой французских армий генерал Кондэ отдал приказ подчинённым войскам сложить оружие. К немцам в треугольнике Нанси, Бельфор, Донон в плен попало свыше 500 тысяч французских военнослужащих. Кроме того, германские войска овладели большим количеством вооружения и техники. После 22 июня сопротивление немцам здесь оказывали лишь отдельные отряды в Вогезах и гарнизоны некоторых укреплений на линии Мажино. Около 28 тысяч солдат и офицеров (16 тысяч из которых были поляками из состава сражавшейся во французской армии польской дивизии) сумели выскользнуть из окружения и перейти в районе Сент-Юрсанн швейцарскую границу. В

Швейцарии они были интернированы [25; 181 – 182], [37; 113], [83; 129].

Корпус Манштейна, входивший в состав 4-й армии, в течение 18 – 22 июня выполнял приказ о продвижении к нижнему течению Луары. При этом войска корпуса продвигались, либо не встречая сопротивления противника, либо сталкиваясь с весьма слабым противодействием с его стороны.

Уже 18 июня передовой отряд корпуса под командованием полковника Линдемана достиг района западнее Ле-Мана и овладел самим городом [52;144].

«Утром 19 июня, чтобы попасть в передовой отряд Линдемана, я проехал 50 километров, не увидев ни одного немецкого солдата, – вспоминает Манштейн. – Я прибыл в Ле-Ман... По дороге мне встречались отряды французских солдат, которые двигались на восток без оружия, и целый артиллерийский дивизион со всеми орудиями и машинами, сдавшийся Линдеману» [52; 144 – 145].

«Армия противника явно начала распадаться», – делает справедливый вывод автор «Утеранных побед» [52; 145].

И тем не менее, отдельные боевые действия частям XXXVIII армейского корпуса приходилось вести – сравнительно небольшие французские отряды, видимо, действуя на свой страх и риск, пытались оборонять переправы через Луару у Анжера (Анже) и Шаллона. Сломив сопротивление этих войск, соединения корпуса к 22 июня переправились на юж-

ный берег Луары. Передовые отряды соединений продвинулись ещё дальше (до верховьев леки Ле, впадающей в Бискайский залив севернее Ла-Рошели) [52; 146].

В мемуарах Манштейн так подытожил результаты боевых действий, которые вело его соединение:

«В своём приказе по корпусу я поблагодарил подчинённые мне дивизии, которые “не защищал ни один танк и не везла ни одна машина”, за их самопожертвование, героизм и успехи. Они смогли благодаря успешному наступлению организовать преследование на глубину 500 километров, которое по праву носит название “марш-бросок” к Луаре» [52; 147].

* * *

20 июня германское командование предложило французской делегации по перемирию прибыть для встречи с немецкими представителями на мост через Луару у Тура.

Как читатель уже мог убедиться, ни 20-го числа, ни в последующие дни, в течение которых шли переговоры, немцы не останавливали боевых действий и продвижения своих войск.

Начинающиеся переговоры были переговорами только между победившей в войне Германией и потерпевшей поражение Францией. Муссолини Гитлер до этих переговоров не допустил. Как отмечает в «Истории Второй мировой войны» К. Типпельскирх, фюреру «казалось нецелесообразным, ес-

ли не неудобным, вести переговоры с Францией совместно с итальянцами, которые только в последний момент вступили в войну» [83; 127].

Разумеется, «неудобство» Гитлер испытывал не перед французами, и не их достоинство он оберегал, не допуская итальянцев до переговоров (французов он унизил весьма умело, о чём немного ниже). Он просто указал своему не в меру хитрому союзнику его место – расчёт дуче, слегка постреляв, усесться на равных с немцами за стол переговоров, на равных с немцами диктовать французам свою волю и «оттяпать» у последних соразмерно с немцами, потерпел крах⁷⁷.

20 июня французская делегация прибыла в Тур. В неё входили командующий 4-й группой французских армий генерал Хюнтцигер (глава делегации), бывший посол Франции в Польше Ноэль, начальник генерального штаба ВВС генерал Бержере, начальник генерального штаба ВМС контр-адмирал Ле Люк, бывший военный атташе в Риме генерал Паризо [36; 226], [37; 114].

На следующий день французов доставили на станцию Ретонд в Компьенском лесу. Именно здесь 11 ноября 1918 го-

---

⁷⁷ «Аппетиты» Муссолини были ограничены Гитлером на встрече в Мюнхене 18 июня 1940 года. Здесь дуче узнал, что ему нечего рассчитывать на получение части французского военного флота, и что никто не собирается передавать ему французскую территорию до Роны, а также Корсику и Тунис. Тогда же Гитлер указал Муссолини на невозможность его участия в переговорах, которые будет вести Германия с Францией по вопросу капитуляции последней [36; 226], [83; 127], [84; 97 – 98].

да в салон-вагоне маршал Фош продиктовал немецкой делегации условия перемирия, завершившего Первую мировую войну. Этот сало-вагон по приказу Гитлера был изъят из музея, доставлен в лес под Компьен и поставлен именно на то место, где он стоял в ноябре 1918 года.

Понятно, что всё это было сделано с целью как можно больше унижить французов. И хотя это унижение было, как говорится, шито белыми нитками, Гитлер захотел прямо указать на него в преамбуле к условиям перемирия, вручённым французской делегации. Преамбула была зачитана генерал-полковником Кейтелем, главой ОКВ, председательствующим на переговорах, в присутствии всех высших политических и военных руководителей Третьего рейха, прибывших на церемонию в Компьен. Словом, унижение французов самим местом действия «возвели в квадрат», когда им объяснили во всеуслышание, что именно для этого унижения место действия и было выбрано. Преамбула гласила:

«Если для принятия этих условий был назначен Компьенский лес, то это было сделано для того, чтобы этим актом восстановить справедливость и навсегда изгладить из памяти воспоминание, которое в истории Франции не было славной страницей, а немецким народом воспринималось как глубочайший позор всех времён. Франция была побеждена и разгромлена после героического сопротивления в ходе целого ряда кровопролитных боёв. Поэтому Германия не намеревается придать условиям перемирия или переговорам о нём

оскорбительный для такого храброго противника характер. Целью германских требований является, во-первых, воспрепятствовать возобновлению военных действий, во-вторых, обеспечить Германии безопасность в связи с навязанным ей продолжением войны против Англии и, в-третьих, создать предпосылки для построения нового мира, основным содержанием которого будет исправление несправедливости, совершённой при помощи силы по отношению к Германской империи» [83; 127].

В общем, перед нами, говоря современным языком, весьма «политкорректный» плевок в лицо французам.

Однако и это ещё не всё. Точкой явилось то, что сразу после зачтения данной преамбулы Гитлер и все остальные политические и военные руководители Рейха, за исключением Кейтеля, возглавлявшего немецкую делегацию, покинули Компьен, тем самым продемонстрировав побеждённым французам своё крайнее к ним пренебрежение, – в самом деле, явились только для того, чтобы поглядеть на процедуру унижения, а чисто технические вопросы подписания перемирия с поверженным противником их уже не интересовали.

В дневнике Гальдера за 21 июня содержится описание ошеломляюще подавляющего впечатления, которое вся эта процедура произвела на французскую делегацию:

«20.00 – Главком (т.е. Брахич – И.Д., В.С.) возвратился из Компьена под сильным впечатлением. Французы, из

которых самый симпатичный, пожалуй, военный руководитель, не подозревали, что им придётся вести переговоры в том самом месте, где проходили переговоры в 1918 году. Этот факт так подействовал на них, что они долго не могли прийти в себя» [23; 486].

Сохранилось и любопытное французское свидетельство о впечатлении, которое произвело на французскую делегацию место проведения переговоров о капитуляции. 21 июня глава делегации генерал Хюнтцигер отправил Вейгану в Бордо сообщение с изложением обстоятельств начала переговоров. Оно начиналось словами: *«Я в вагоне»*. Прочитав это сообщение, Вейган вздохнул и прошептал: *«Мой бедный друг!..»* [84; 98].

Да, Хюнтцигер и его коллеги по делегации были первыми из французов, которым пришлось испить чашу национального унижения.

Вслед за прочтением преамбулы последовало оглашений самих условий перемирия. Кейтель объявил, что они не подлежат обсуждению и не могут быть изменены. После чего предложил французским представителям немедленно подписать их. Французам окончательно стало ясно, что речь идёт о безоговорочной капитуляции, а не о некоем более или менее почётном мире, на что рассчитывали Петэн и его капитулянтское правительство.

И всё-таки Хюнтцигер попытался несколько смягчить выдвинутые немцами условия. Однако почти все его предло-

жения по этому поводу были твёрдо отклонены Кейтелем. И лишь одно предложение Хюнтцигера встретило понимание у главы немецкой делегации. «*Опыт показывает, – заявил французский генерал, – что после ужасного кризиса, который переживает сейчас Франция, существует опасность скольжения страны в сторону коммунизма. Французское правительство намеревается во всех случаях воспрепятствовать этому*» [37; 114]. Для подобного воспрепятствования нужны были некоторые вооружённые силы. Германское правительство, рассмотрев данный вопрос, решило его в пользу французов.

Скорректированные в этом пункте условия перемирия в 18 часов 50 минут (по немецкому летнему времени) 22 июня были подписаны Хюнтцигером от имени французского правительства. С германской стороны их подписал Кейтель [24; 3], [36; 226], [37; 114], [84; 98 – 99].

В соответствии с условиями перемирия, французское правительство прекращало военные действия против Германии на французской территории, а также в колониях, протекторатах, на подмандатных территориях и на морях (п. 1). Французские вооружённые силы подлежали демобилизации и разоружению (п. 4). Правительство Петэна получило право иметь армию «*для поддержания внутреннего порядка*», численность которой должна была определяться позднее решением Германии и Италии (п. 4). Французские военнопленные оставались в Германии до подписания мирного догово-

ра (п. 20).

Германия оккупировала большую часть территории Франции (около 2/3). Оккупация распространялась на северные, наиболее развитые и богатые районы страны, а также на Атлантическое побережье Франции (п. 2). В оккупированной зоне вся власть передавалась германским оккупационным властям (п. 3).

На оккупированной территории французское правительство обязывалось передать германским властям все военные объекты, вооружение, технику, военные запасы всех видов в сохранности и исправном состоянии (п. 7). То же самое касалось объектов, оборудования и запасов гражданского назначения (п. 13).

На неоккупированной территории вооружение и военное имущество сосредоточивались на складах и передавались под контроль германских властей. Последние оставляли за собой право потребовать передачи вооружения и боеприпасов для нужд вермахта (пп. 5 и 6). Производство военной техники и вооружения на неоккупированной территории немедленно прекращалось (п. 6).

Французский военно-морской флот должен был быть сосредоточен во французских портах и разоружён под немецким и итальянским контролем. Предусматривалось оставление какой-то его части правительству Петэна *«для удовлетворения интересов Франции как колониальной державы»* (п. 8).

Французское правительство обязывалось нести расходы по содержанию немецких оккупационных войск (п. 18).

Германия оставляла за собой право в любой момент денонсировать соглашение о перемирии, если французское правительство не выполнит взятые на себя обязательства (п. 24).

Соглашение вступало в силу только после заключения перемирия между Францией и Италией и действовало до заключения мирного договора (пп. 23 и 24) [24; 1 – 4], [36; 226], [37; 114 – 115], [84; 98 – 99].

23 июня французская делегация вылетела на немецком самолёте в Рим.

Надо заметить, что дуче под нажимом Гитлера снял свои первоначальные требования к Франции. Этому содействовал и фактический провал итальянского наступления в Альпах, начавшегося 20 июня. Поскольку аргументов для спора с германским правительством у Муссолини не было, то 22 июня он отправил Гитлеру письмо: *«Фюрер! Чтобы облегчить принятие французами условий перемирия, я... ограничил себя до минимума: демилитаризованная зона в 50 километров... В остальном я использовал германские условия перемирия»* [84; 98].

Впрочем, на сей раз фюрер оценил «скромность» и «непритязательность» своего союзника и дал ему несколько больше, чем он просил в своём письме.

23 июня на вилле Инчеза близ Рима начались перегово-

ры французской и итальянской делегаций (в последнюю входили маршал Бадольо, генералы Роатта и Приколо, адмирал Каваньяри и министр иностранных дел Чиано) [37; 115].

24 июня 1940 года франко-итальянское перемирие было подписано. Италия оккупировала французскую территорию площадью 832 квадратных километра (т.е. пятючок примерно 40 на 20 километров) с населением в 28,5 тысяч человек. Франция должна была разоружить пограничные укрепления по итало-французской границе на глубину 50 километров. Демилитаризованная зона в Африке на границе французских и итальянских владений (Французского Туниса и Итальянской Ливии) предусматривалась 250 километров глубиной. Демилитаризовались французские порты Тулон, Бизерта, Аяччо. Оран, а также ряд территорий на побережье Французского Сомали [36; 226], [37; 115].

25 июня военные действия во Франции были официально прекращены.

После заключения перемирия Франция оказалась разделённой на две зоны: оккупированную (Северная и Центральная Франция) и неоккупированную (Южная Франция), в которой у власти находилось правительство маршала Петэна.

Петэновская Франция, избравшая своей столицей городок Виши на юге страны, стала подконтрольным Германии марионеточным профашистским государством. Её независимость была чисто формальной.

Однако далеко не все французы смирились с такой уча-

стью. Внутри страны развернулось движение Сопротивления, в котором значительную роль играли коммунисты.

Вне страны действовала организация «Свободная Франция», во главе которой стоял эмигрировавший в Англию Шарль де Голль. 18 июня он обратился по лондонскому радио к французам, находившимся в Англии, с призывом установить с ним контакт и продолжать борьбу с гитлеровской Германией. 28 июня правительство Черчилля признало де Голля главой «свободных французов», а 7 августа оно разрешило ему начать формирование на территории Англии добровольческих французских вооружённых сил [36; 227 – 228], [37; 117].

* * *

Занявшая около полутора месяцев наступательная операция вермахта в Голландии, Бельгии и Франции, в результате которой эти три государства были разгромлены, а лишившаяся союзников Британия оказалась «загнанной» на свой остров, стоила вермахту 27 074 убитыми, 18 384 пропавшими без вести и 111 043 ранеными [37; 115], [83; 131]. Таким образом, безвозвратные потери немцев составили 45 458 человек (убитые плюс пропавшие без вести). Если сравнивать с Польской кампанией вермахта, в которой безвозвратные потери германской армии, по разным данным составили, от 14 до 20 тысяч человек, то приходится констатировать, что нем-

цы безвозвратно потеряли в ходе операций «Гельб» и «Рот» в 2,3 – 3,2 раза больше, чем в ходе операции «Вайс».

Но и потери противников Германии оказались более значительными. Французская армия только убитыми потеряла свыше 84 тысяч человек (по другим данным – около 90 тысяч). 1 547 тысяч французских военнослужащих попали в германский плен [37; 115], [84; 97].

Британский экспедиционный корпус за время боёв в Бельгии и Франции потерял свыше 68 тысяч человек убитыми и пропавшими без вести [37; 102].

Безвозвратные потери бельгийской армии в мае 1940 года составили 6 тысяч человек [6; 2].

Таким образом, даже по минимальному счёту и без учёта потерь голландской армии, данными о которых мы не располагаем, но которые в мае 1940 года, учитывая краткий срок сопротивления голландцев, вряд ли превышали потери бельгийцев, безвозвратные потери союзных армий составили около 158 тысяч человек. Соотношение безвозвратных потерь 1:3,5 в германскую пользу. Ведя учёт по максимальной из известных цифр потерь вермахта в Польскую кампанию, получаем примерно такой же результат – 1:3,3 в германскую пользу (напомним, около 66 300 убитых и пропавших без вести польских военнослужащих и около 20 000 военнослужащих вермахта). И даже если использовать минимальные цифры безвозвратных потерь немцев в Польше в 1939 году (около 14 тысяч человек), то полученное соотношение

потерь (1:4,7 в германскую пользу) не свидетельствует о том, что союзники в мае – июне 1940 года воевали лучше поляков в сентябре – начале октября 1939 года.

В самом деле, французская и английская армии были одними из сильнейших не только в Европе, но и мире (по численности, вооружению, уровню технического оснащения), а польская армия являлась одной из второразрядных европейских армий (как, собственно, и сама Польша являлась одной из второразрядных европейских держав, несмотря на амбиции польской правящей элиты и её претензии на великодержавность). Англия и Франция противостояли Германии совместно (да ещё и при помощи Голландии и Бельгии), а Польша дралась с Рейхом в одиночку.

И несмотря на все эти обстоятельства, поляки продержались в 1939 году немногим менее англо-французов – месяц и шесть дней (с 1 сентября по 6 октября; от начала вторжения до капитуляции войск оперативной группы «Полесье»).

Союзники в 1940 году сражались месяц и двенадцать дней (с 10 мая по 22 июня; от начала немецкого наступления до подписания второго Компьенского перемирия).

Кампания в мае – июне 1940 года была проведена англо-французской коалицией абсолютно бездарно. Выучка, проявленная войсками коалиции на поле боя, ничуть не превосходила выучку польских войск, зато явно уступала боевым навыкам солдат вермахта. Что же касается стойкости и самоотверженности, то здесь англичанам и французам оказалось

далеко до поляков.

Английское командование и французское командование, свыше 20 лет почивавшие на лаврах победителей в Первой мировой, как оказалось, не восприняли ничего нового из достижений военной науки в межвоенный период. К решающему столкновению с армией Третьего рейха они подошли с устаревшими теоретическими представлениями и практическими навыками осуществления руководства большими войсковыми массами. Теория танковой войны (другими словами – теория блицкрига, теория создания и активного использования крупных механизированных соединений и объединений, теория глубокого прорыва или глубокой операции) не разрабатывалась, не «обкатывалась» на практике ни французскими, ни английскими генералами (де Голль у французов (тогда ещё не ставший генералом) – пожалуй, единственное исключение), а следовательно, и не могла быть ими применена с началом войны. В армиях Франции и Англии практически не существовало крупных бронетанковых формирований, танки, в основном, были сведены в отдельные батальоны и использовались только для поддержки пехоты. Английские и французские войска не обучались ведению боевых действий в условиях современной танковой войны.

Первые неудачи на фронте повели к кризису во французских правительственных кругах, что, в свою очередь, усилило позиции капитулянтов и настроенных на соглашение с

нацистской Германией политических групп. Осложнились и межсоюзнические отношения. Можно смело сказать, что с момента прорыва группы армий «А» через Арденны и начала её стремительного движения к побережью Ла-Манша английское правительство и английское командование больше думали об эвакуации своих войск из Бельгии и Франции, чем о преодолении неудач и отражении наступления германской армии.

Всё это взаимобразно влияло на боевые возможности войск англо-французской коалиции и снижало их способность к эффективному противодействию наступлению немцев.

В подобных условиях быстрая победа вермахта была вполне естественна.

* * *

После заключения перемирия с Францией и прекращения боевых действий корпус Манштейна сначала был переведён в район Сансера на средней Луаре. Здесь штаб корпуса должен был осуществлять руководство переформированием нескольких пехотных дивизий в танковые и моторизованные [52; 148].

19 июля 1940 года за участие во Французской кампании Манштейн был награждён Рыцарским крестом Железного креста [26; 96], [49; 256], [50; 354].

В этот же день Манштейн получил приказ о передислокации XXXVIII армейского корпуса к побережью пролива Ла-Манш (в местечко Туке недалеко от Булони) для участия в подготовке вторжения в Англию [52; 150]. Здесь части корпуса ежедневно проходили обучение в прибрежной местности, покрытой дюнами и во многом похожей на участки, где должна была произойти высадка немецких войск на британское побережье. После прибытия в распоряжение корпуса средств переправы – переделанных лодок с Эльбы и Рейна, небольших рыболовецких судов и катеров, – стали также проводиться совместные с кораблями военно-морского флота учения по посадке и высадке морских десантов [52; 151 – 152].

Но, как известно, вторжение немцев на Британские острова не состоялось.

В конце февраля 1941 года Манштейн сдал командование XXXVIII армейским корпусом у побережья Ла-Манша и получил в подчинение вновь формируемый в Германии LVI моторизованный корпус. *«Тем самым исполнилось желание, – пишет он в мемуарах, – которое я имел ещё до начала Западной кампании, командовать “подвижным” корпусом»* [52; 172].

Во главе этого соединения Манштейн и вступит в войну с СССР.

«...Гитлер всегда был настроен против Советского Союза, хотя он в 1939 году и заключил договор со Сталиным, –

отмечает Манштейн. – Он не доверял этой стране и одновременно недооценивал её. Он опасался традиционных экспансионистских устремлений русского государства, которому он, правда, Московским пактом сам снова открыл ворота на запад.

Можно предполагать, что Гитлер сознавал, что когда-нибудь оба этих режима, ставшие непосредственными соседями, столкнутся. Далее, политик Гитлер был одержим идеей “жизненного пространства”, которое он считал себя обязанным обеспечить немецкому народу. Это жизненное пространство он мог искать только на востоке.

Если обе приведённые мною мысли и допускали отсрочку столкновения с Советским Союзом до более позднего времени, то они должны были с новой силой овладеть умом такого человека, как Гитлер, после того как он, победив Францию, практически стал хозяином на континенте, тем более что угрожающие скопления советских войск на восточной границе Германии возбуждали сомнения относительно будущей позиции Кремля.

[...]

После того как Гитлер отказался от решающего сражения с Англией летом 1940 года и упустил единственный для него шанс, он больше уже не мог играть на “выжидание”. Под давлением необходимости он решил теперь попытаться путём превентивной войны ликвидировать такого противника, как Советский Союз, поскольку на западе больше не

было такого противника, который был бы ему опасен на континенте.

[...]

Первый намёк на надвигающиеся события я получил... тогда, когда был вызван весной 1941 года для получения новой задачи» [52; 169 – 171].

Так начиналась новая трагическая страница в истории России и Германии, да и в мировой истории.

Начинался новый этап биографии Манштейна. В ходе войны с Советской Россией его карьера достигнет своего пика, он одержит самые крупные свои победы, заслужив неофициальное звание лучшего стратега Третьего рейха и вполне официальное звание фельдмаршала. Эта же война поставит в карьере Манштейна, как и в истории нацистской Германии, жирную точку. Советские военачальники, одним из которых был Николай Фёдорович Ватутин, превзойдут лучшего стратега германской армии и нанесут ему ряд серьёзнейших поражений, сведших на нет все его успехи и превративших его предыдущие победы в утерянные.

ОЦЕНКА В ПРЕДВОЕННЫХ ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ СОВЕТСКОГО КОМАНДОВАНИЯ СИЛ ГЕРМАНИИ И ЕЁ СОЮЗНИКОВ НА ЗАПАДЕ*, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НАПАДЕНИЯ НА СССР, И ЕЕ СРАВНЕНИЕ С ИХ РЕАЛЬНОЙ ГРУППИРОВКОЙ НА 22.06.1941Г.

Таблица № 1

"Соображения..." от 19 августа 1940 года	"Соображения..." от 18 сентября 1940 года	"Уточнённый план..." от 11 марта 1941 года	"Соображения..." от 15 мая 1941 года	Реальное состояние на 22 июня 1941 года*****
236 (173)**	239-242 (173)**	268(200)**	240(180)**	190(153)**
10 550 (10 000)**	10 550 (10 000)**	10 810 (10 000)**	***	4 714 (4 408)**
13 900 (12 000)**	15 100 (13 000)**	11 600 (10 000)**	***	4 739 (3 909)**
***	***	20 050 (15 500)** (****)	***	43 203 (37 069)**

[3; 187 – 191], [14; 2], [28; 282 – 288], [38; 166 – 171], [48; 702 – 705, 724 – 725], [53; 97], [70; 221], [71; 464 – 472], [79; 1 – 2].

* Союзниками Германии на Западе, которые будут принимать непосредственное участие в боевых действиях против СССР, оперативные разработки советского командования считали Финляндию, Румынию и Венгрию.

** В скобках указано количество германских дивизий и техники, за скобками – общие силы Германии и её союзников.

*** Планы не содержат указанной информации.

**** Авторы не располагают указанной информацией

***** План содержит данные только по орудиям, без миномётов

***** В литературе существует некоторое расхождение по данным, приводимым в этом столбце таблицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абатуров В.В. 1941. На Западном направлении. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 446 с.
2. Байков А. Военно-промышленное сотрудничество СССР и Германии – кто ковал советский меч? // Неправда Виктора Суворова – 2. – М.: Эксмо, Яуза, 2008. – С. 220 – 304.
3. Барятинский М. «К походу и бою не готовы» // Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. – М.: Эксмо, Яуза, 2007.– С. 181-226.
4. Барятинский М. Малой кровью, могучим ударом // Первый удар Сталина. 1941. – М.: Эксмо Яуза, 2010. – С. 50-85.
5. Барятинский М.Б. Т-34 в бою. Вся правда о легендарном танке. – М.: Яуза, Эксмо, 2011. – 352 с.

6. Бельгийская армия в мае 1940 года // <http://safe-rgs.ru/1948-znaki-razlichiya-belgiyskoj-korolevskoj-armii-v-gody-voyny.html>. – 2 с.

7. Блейер В., Дрехслер К., Фёрстер Г., Хасс Г. Германия во Второй мировой войне (1939 – 1945). – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1971. – 432 с.

8. Брагин М.Г. Ватутин. Путь генерала. 1901-1944 // http://militera.lib.ru/bio/bragin_mg/index.html. – 248 с.

9. Бугаёв А.В. День «N». Неправда Виктора Суворова. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 382 с.

10. Вальтер фон Браухич // http://www.peoples.ru/military/fascism/cc/walther_von_brauchitsch/. – 2 с.

11. Василевский А.М. Дело всей жизни. Воспоминания. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – Т. 1. – 320 с.

12. Ватутин Николай Фёдорович // https://ru.wikipedia.org/wiki/Ватутин,_Николай_Фёдорович. – 12 с.

13. Ватутин Николай Фёдорович // <https://battlekursk.narod.ru/page6.htm>. – 4 с.

14. Веремеев Ю. План стратегического развёртывания Красной Армии (март 1941 г.) // <http://army.armor.kiev.ua/hist/startplan-3-41.shtml>. – 6 с.

15. Вернер фон Фрич // http://www.peoples.ru/military/general/Werner_von_fritsch/. – 5 с.

16. Версальский мирный договор // http://www.hrono.ru/dokum/1919_dok/19190628versal.php. – 7 с.

17. Веселов В. Доказательство от противного // Неправда Виктора Суворова – 2. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – С. 345-399.
18. Вишлѐв О.В. Накануне 22 июня 1941 года // <http://www.litru.ru/?book=44651&description=1>. – 109с.
19. Вишлѐв О.В. Сталин и Гитлер. Кто кого обманул. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2010. – 272 с.
20. Военные округа // <http://myfront.in.ua/krasnaya-armiya/voennye-okruga.html>. – 29 с.
21. Волков Ф.Д. За кулисами Второй мировой войны. – М.: Мысль, 1985. – 304 с.
22. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 – 1941гг. // <http://www.kouzdra.ru/page/texts/hitl-stal/index.html>. – 156 с.
23. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939 – 1942 гг. Т. 1. // <http://militera.lib.ru/db/halder/index.html>. – 560 с.
24. Германо-французский договор о перемирии от 22 июня 1940 года // <http://dfs-76.livejournal.com/85540.html>. – 4 с.
25. Гудериан Г. Воспоминания солдата // <http://militera.lib.ru/memo/german/guderian/index.html>. – 656 с.
26. Дайнес В.О. Конев против Манштейна. «Утерянные победы» Вермахта. – М.: Яуза, Эксмо, 2010. – 432 с.
27. Додонов И.Ю. Горький май 42-го. Разгром Крымского фронта. Харьковский «котёл». – Усть-Каменогорск: Ме-

диа-Альянс, 2012. – 464 с.

28. Додонов И.Ю., Смирнов В.В. «Чёрная мифология». К вопросу о фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. – 641 с.

29. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: Издательство агентства печати Новости, 1979. – Т. 1. – 383 с.

30. Жуков Д., Ковтун И. Гроссмейстер против Стратега // <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4810/>. – 13 с.

31. Заинчковская А.Ю. Генерал Молния. К 110-й годовщине со дня рождения Н.Ф. Ватутина // <http://mirznanii.com/.../general-molniya-k-110-oy-godovshine-so-dnya-rozhdeniya-nf-vatutina/> – 23 с.

32. Исаев А.В. Мифы и правда о маршале Жукове. – М.: Яуза, Эксмо, 2010. – 475 с.

33. Исаев А.В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. – М.: Яуза, Эксмо, 2012. – 480 с.

34. Исаев А.В. Примитивная сложность катастрофы // Великая Отечественная катастрофа II. 1941 год. Причины трагедии. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – С. 316 – 355.

35. Исаев А.В. Случайности и закономерности // Первый удар Сталина. 1941. – М.: Яуза, Эксмо, 2010. – С. 5 – 37.

36. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945. Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1960. – 534 с.

37. История Второй мировой войны. 1939 – 1945. Т. 3.

Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1974. – 504 с.

38. Калашников К.А., Феськов В.И., Чмыхало А.Ю., Голиков В.И. Красная Армия в июне 1941 года (статистический сборник). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 204с.

39. Карвер М. Фельдмаршал Эрих фон Манштейн // Военная элита Рейха. – Смоленск: Русич, 1999. – С. 295 – 328.

40. Келлерхоф С. Почему Гитлер остановил наступление в районе Дюнкерка // <http://inosmi.ru/world/20130417/208162624.html>. – 4 с.

41. Климовский Е. «Гнуснейшие из гнусных». Подлинная история армии Андерса. – М.: Вече, 2011. – 384 с.

42. Командиры Второй мировой войны. – Минск: Литература, 1998. – 544с.

43. Крайнюков К.В. Генерал армии Николай Ватутин // http://royallib.com/book/kрайnyukov_k/general_armil_nikolay_vatutin.html. – 22 с.

44. Крайнюков К.В. Оружие особого рода //http://militera.lib.ru/memo/russian/kрайnyukov_kv/index.html. – 591 с.

45. Лебедев Н.В. Эхо Сталинграда: забытые битвы. – М.: Алгоритм, 2013. – 288 с.

46. Лебедев Ю.Е. Как воевала Польша //http://samlib.ru/1/lebedew_j_e/kakwoewalapolxshadoc.shtml. – 46 с.

47. Лиддел Гарт Б.Г. Стратегия непрямых действий // http://militera.lib.ru/science/liddel_hart/index.html. – 412 с.
48. Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь. 1941 год. Запрограммированное поражение. – М.: Яуза, Эксмо, 2010. – 736 с.
49. Лубченков Ю.Н. Все полководцы мира. XX век. – М.: Вече, 2001. – 416 с.
50. Лубченков Ю. Н. Сто великих полководцев Второй мировой. – М.: Вече, 2005. – 478 с.
51. Людвиг Бек // http://www.peoples.ru/military/commander/ludvig_beck. – 2 с.
52. Манштейн Э. Утерянные победы. – М.: Вече, 2015. – 672 с.
53. Мельтюхов М.И. Германия в советском военном планировании в 1940 – 1941 гг. // Первый удар Сталина. 1941. – М.: Эксмо, Яуза, 2010. – С. 86 – 158.
54. Мельтюхов М.И. Главная лож Виктора Суворова // Неправда Виктора Суворова – 2. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – С. 5 – 85.
55. Мельтюхов М.И. Роковая ошибка // Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – С. 321– 382.
56. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние. 1918 – 1939гг. – М.: Вече, 2001. – 462с.
57. Мещеряков В. Тайна гибели Ватутина. Дороги, кото-

рые мы выбираем // <http://Stalinism.narod.ru/voina/vatutin-1.htm>. – 36 с.

58. Молчанов Н.Н. Неизвестный де Голль. – М.: Эксмо, 2011. – 448 с.

59. Мухин Ю.И. Кто на самом деле развязал Вторую мировую войну? – М.: Яуза-Пресс, 2010, – 287 с.

60. Мухин Ю.И. Уроки Великой Отечественной. – М.: Яуза-Пресс, 2010. – 446 с.

61. Оборона Модлина 1939 // <http://istoriya-kg.ru/index.php?option=content&view=article&Itemid=oborona-modlina-1939sen-pb>. – 2 с.

62. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939-1941 гг. (Документы и материалы). – М.: Московский рабочий, 1991. – 284 с.

63. О’Нилл Р. Фрич, Бек и фюрер // Военная элита Рейха. – Смоленск: Русич, 1999. – С. 29 – 59.

64. Освободительный поход Красной Армии в Восточную Польшу // <http://www.oprossu.com/170911.htm> – 8 с.

65. Освободительный поход Красной Армии в Западную Белоруссию. Белорусский фронт // <http://www.voentv.mil.by/video/voennaya-istoriya-epizody/1823.html>. – 2 с.

66. Освободительный поход Красной Армии в Польшу // http://tankfront.ru/polska/in-action/pohod_polshu_1939.html. – 6 с.

67. План нападения Германии на Польшу (план «Вайс») // <http://doc20vek.ru/node/349>. – 4 с.

68. Польская кампания вермахта // <http://www.oprossu.com/polskaya-kampaniya.htm>. – 13 с.
69. Пыхалов И. Великая оболганная война // <http://www.rus-crisis.ru>. – 681 с.
70. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. – М.: Олма-Пресс, 2001 – 608 с.
71. Савин В.О. Разгадка 1941. Причины катастрофы. – М.: Яуза, Эксмо, 2010. – 480 с.
72. Самсонов А. «Белый план» – первый опыт блицкрига // <http://tainy.net/4778-belyu-plan-pervyy-opyt-blickruga.html>. – 15 с.
73. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939 – 1941гг. // <http://tulu.ru/b16445/>. – 153 с.
74. Сентябрьская кампания 1939 года // <http://www.polskifilm.ru/sentyabrskaya-kampaniya-1939-goda.html>. – 40 с.
75. Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре-декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // <http://militera.lib.ru/research/1/art/card41081.html>. – 36 с.
76. Солонин М., Дайнес В. Великая Отечественная: хотели ли русские войны? – М.: Алгоритм, 2014. – 224 с.
77. Солонин М. 22 июня, или когда началась Великая Отечественная война. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 510 с.
78. Солонин М. Простая причина Великой Катастрофы // Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. –

М.: Яуза, Эксмо, 2007. – С. 99 – 162.

79. Соображения об основах стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940 и 1941 годы от 18 сентября 1940 года // <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010820>. – 14 с.

80. Справка о развёртывании Вооружённых Сил СССР на случай войны на Западе от 13 июня 1941 года // http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/spravka1.html. – 4 с.

81. СССР – Германия. 1939 – 1941. Секретные документы. – М.: Эксмо, 2011. – 384 с.

82. Суржик Д.В. Генерал Ватутин. Сражения и победы // <http://www.100.histrf.ru/commanders/vatutin-nikolay-fedorovich/>. – 3 с.

83. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. 1939 – 1945 // <http://militera.lib.ru/h/tippelskirch/index.html>. – 778 с.

84. Уткин А.И. Вторая мировая война. – М.: Алгоритм, 2002. – 862 с.

85. Фомин А. Неизвестная война: красные звёзды над Западной Беларусью // http://www.bratishka.ru/archive/2012/05/2012_5_10.php. – 5 с.

86. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны // <http://militera.lib.ru/memo/russian/shtemenko/index.html>. – 560 с.